

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Дагестанский научный центр Институт истории, археологии и этнографии

С.Ш.Гаджиева

ДАГЕСТАНСКИЕ АЗЕРБАЙДЖАНЦЫ

ХІХ-начало ХХв.

Историко-этнографическое исследование

Москва
Издательская фирма «Восточная литература» РАН
1999

Автор благодарит спонсоров—
главу администрации г. Дербента **Н.Ю.Алчиева**и главу администрации Дербентского района **К.С.Курбанова**,
оказавших финансовую помощь в издании книги

Ответственный редактор А.И.Першиц

Редактор издательства **Н.В.Баринова**

Гаджиева С.Ш.

Г13 Дагестанские азербайджанцы. XIX — начало XX в.: Историкоэтнографическое исследование. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. — 359 с.: ил., карта. ISBN 5-02-017792-X

Книга представляет собой историко-этнографическое исследование истории, культуры и быта дагестанских азербайджанцев в XIX – начале XX в. Написана на основе литературного, архивного и полевого материала.

ББК 63.3(2Рос)+63.5(2)

ISBN 5-02-017792-X

© С.Ш.Гаджиева, 1999

Историко-этнографическое изучение народов Дагестана остается одной из важнейших задач отечественного кавказоведения. Актуальные вопросы истории, культуры и быта его народов применительно к прошлому и настоящему уже освещены в ряде специальных работ. Исследования в этой области особенно активизировались в 60-80-х годах. В настоящее время поставлена задача монографического исследования культуры и быта всех народов республики, как сравнительно больших, так и малочисленных. В этом аспекте изучаются и дагестанские азербайджанцы, которые до настоящего времени не были объектом специального исследования. Исключение составляет лишь этническая группа «дагестанские терекеменцы», о которых уже написана монография (С.Ш.Галжиева. Дагестанские терекеменцы. XIX — начало XX в. Историко-этнографическое исследование. М., 1990), а также город Дербент, древности которого стали объектом усиленного внимания за последние годы. Кстати, в этнографическом плане этот древнейший город Дагестана также остался неизученным.

Данная работа представляет собой первую попытку в какойто степени восполнить этот существенный пробел. Работа посвящена исследованию истории, культуры и быта дагестанских азербайджанцев в XIX — начале XX в.

Основными источниками для написания работы послужили полевые этнографические материалы, непосредственно собранные автором в процессе экспедиционных работ (в 1978—1990 гг.) в районах расселения этой группы азербайджанцев (в Дербенте, Дербентском и Табасаранском районах), а также в соседнем с Дагестаном Хачмасском районе Республики Азербайджан. Наряду с полевыми материалами использовались многочисленные архивные источники, особенно при написании главы «Социально-политическая структура», а также данные литературы и устно-поэтическое творчество народа.

Следует отметить, что неполнота источников затруднила задачу освещения ряда сторон культуры и быта народа. В частности, многие элементы традиционной народной культуры и быта не получили отображения в архивных материалах и, более того, исчезли из повседневной жизни или настолько трансформировались, что не поддаются интерпретации. В результате не все вопросы истории, культуры и быта разработаны автором с

исчерпывающей полнотой. В дальнейшем исследовании нуждается и ряд других сторон этой многогранной темы.

При сборе архивного и полевого этнографического материала большую помощь автору оказали старшие лаборанты отдела этнографии З.Г.Муркелинская и М.К.Мусаева, а при сборе иллюстративного материала — художники Г.А.Крулев, М.А.Хизроев и М.Н.Моллагусейнов, фотографы С.Подрезов и К.А.Чутуев. Карта расселения азербайджанцев составлена М.М.Клениной и М.-Р.А.Ибрагимовым. Считаем своим долгом отметить, что по техническим причинам мы не имели возможности точно передать фонетические особенности местного говора азербайджанского языка при написании отдельных терминов. Они даются нами в русской транскрипции, использующей орфографические приемы тюркских языков Северного Кавказа, в частности кумыкского.

Пользуясь случаем, автор выражает глубокую признательность руководителям города Дербента, Дербентского и Табасаранского районов, сельских советов, учительским коллективам школ, многочисленным информаторам, которые оказывали посильную помощь в поиске и сборе полевых материалов (список информаторов дается в Приложении). Особую благодарность автор выражает видному деятелю народного образования Г.О.Бабаеву за активное содействие в издании этой книги.

ВВЕДЕНИЕ

По численности азербайджанцы — один из крупных народов Кавказа. По переписи 1989 г., их насчитывалось 5 477 330. Из них 75 4641 человека проживали в Дагестане, в основном в сельской местности. Они издавна населяют город Дербент, а также примыкающие к нему равнинные (приморские и предгорные) земли, т.е. Дербентский и частично Табасаранский районы. Живут азербайджанцы и в других городах и поселках республики: в Махачкале — 5472 человека, в Буйнакске — 520 человек, в Кизляре — 1222, в поселке Дагестанские Огни — 5552 человека и др. 2. Наибольшее число азербайджанцев проживает в Дербентском районе (28 481 человек) и в Дербенте (21 600)³. Интересно отметить, что, по данным переписи 1926 г., в Дагестане под этническим наименованием «тюрки-татары» числилось 28 342 человека, причем тюрками из них именовались 2662 и татарами — 2680 человек4. Тогда же в Дербентском районе (куда в тот период входили еще селения Марага и Дарваг, присоединенные позднее к Табасаранскому району) проживало всего 25 140 человек, из них тюрков (т.е. азербайджанцев) — 14 286 человек, «персов» — 263 человека, татов-мусульман — 151. горских евреев — 714 человек, русских 1063 человека. лезгин — 554 человека, табасаранцев — 485, армян — 86 человек. Остальное население составляли в основном кумыки (6359 человек), даргинцы (338 человек), отошедшие позднее к новообразованному Каякентскому району, и под графой «прочие» числились 522 человека⁵. Дагестанские азербайджанцы на севере граничат с кумыками (Каякентский район), на северозападе — с даргинцами (Кайтагский район), на западе — с табасаранцами (Табасаранский район) и на юге — с собственно азербайджанцами, лезгинами (Магарамкентский и Сулейман-Стальский районы). С востока их территория омывается водами Каспийского моря.

В советский период, особенно в 60—70-х годах, произошло значительное перемещение, порою насильственное, части жителей высокогорных районов на равнину, в том числе на территорию расселения дагестанских азербайджанцев. Так, в Дербентском районе были в основном поселены жители отдельных горных, малоземельных даргинских, лезгинских, агульских, рутульских, табасаранских селений. Переселенцам предоставлялся кредит на строительство домов с надворными постройками в размере 15 тыс.руб. на одну семью с отнесением 35% ссуды за

счет госуларственного бюлжета и погашением остальной части ссуды в течение 10 лет, начиная с третьего года после даты ее выпачи6. Переселенцы образовали здесь как отдельные поселки. так и новые кварталы в давно существовавших аудах. Кроме того, имели место, как нам представляется, и случаи малооправпанных переселений. Практиковалось это даже в пределах самого Лербентского района. Так, жители селений Гимейди и Камах (Кемах) в тех же, 60-х годах были переселены с предгорья на равнину, в отделения совхозов Гелжух, им.Ильича и в Дагестанские Огни⁷. В Лербентском районе была переселена на равнину часть жителей селения Пжалган: она образовала отпельный населенный пункт. На эту территорию переселили и представителей других народов из сейсмоопасных районов Южного Лагестана, в основном в черту города Лербента и в поселок Патестанские Огни. Только за пять лет, с 1964 по 1968 г., было переселено из Курахского и Табасаранского районов в Дербентский район (Мамедкала, Лагестанские Огни, Гелжух, Белиджи) 490 крестьянских хозяйств. Переселения имели место и в последующий период.

На территории проживания дагестанских азербайджанцев, преимущественно в Дербентском районе, расположен ряд кутанов (зимних пастбищ) горных колхозов и совхозов разных районов республики, на которых постоянно или временно проживают с семьями члены отдельных производственных бригад этих хозяйств. К некоторым кутанам проведены оросительные каналы, что позволяет отдельным хозяйствам заниматься не только животноводством, но и земледелием. Таким образом, этническая карта района претерпела существенные изменения. Район расселения азербайджанцев стал еще более полиэтническим, не говоря уже о Дербенте, который издавна является самым крупным экономическим и культурным центром для всех народов, населяющих Южный Дагестан.

Азербайджанцы Южного Дагестана проживают на территории пересечения важнейших путей, издавна связывающих Северный Кавказ, Поволжье, Центральную Россию с Закавказьем и Ближним Востоком. По приморской части района проходит железнодорожная магистраль Москва — Баку — Тбилиси (здесь располагаются пять железнодорожных станций: Берикей, Мамед-кала, Дагестанские Огни, Дербент, Белиджи), а также автомобильная магистраль Ростов — Баку. Такое географическое положение района благоприятно влияет на развитие экономики и культуры населения, на его связи с другими районами и областями.

По рельефу местности исследуемый район входит в равнинную и частично предгорную зоны Дагестана. Восточная часть района, расположенная на побережье Каспийского моря, представляет собой часть Приморской низменности. С востока на запад идет полоса предгорий и гор, покрытых лесами и

кустарниками. По территории района с запада на восток протекают четыре небольших реки — Рубас, Гюльгеричай, Уллучай, Дарвагчай, берущие начало в горах. Часть этих рек (Рубас, Уллучай, Гюльгеричай) несут свои воды в Каспийское море. Они широко используются для орошения полей и снабжения питьевой водой населения, а также для приведения в действие водяных мельниц. На территории района расселения азербайджанцев в советское время построен ряд каналов, водами которых орошаются земли колхозов, совхозов, сады и огороды жителей города и селений. В числе наиболее крупных следует назвать канал Самур — Дербент.

Почвы изучаемого района светло-каштановые, тяжелосуглинистые, глинистые, реже — супесчаные. Узкой полосой вдоль берега Каспия тянется зона с полупустынной растительностью, солончаками с их многолетними растениями, полукустарниками, полынью, ивами и др. Эта зона издавна используется в качестве зимних пастбиш.

Леса этого района по видовому составу довольно разнообразны: дуб, граб кавказский, ильм пробковый, ясень, клен, дикая груша, яблоня, тополь, ива, вяз, карагач. Ореховыми рощами особенно богата предгорная часть территории селений Дарваг и Зиль. Разнообразны также кустарники: боярышник, мушмула, терн, айва, шиповник, ежевика, алыча, калина, лесной орех, дикий виноград и др. На севере территории расположена часть большого лесного массива, известного под названием Уллумеше («Большой лес»).

Большие площади отведены под посевы зерновых, виноградники, сады, огороднобахчевые культуры. Из садовых культур значительное место занимают яблоки, груши, слива, айва, тутовник. В районе Дербента, где климат наиболее теплый, с жарким летом, произрастают инжир, миндаль, гранат, хурма и другие субтропические культуры.

Животный мир исследуемого района очень разнообразен. Здесь обитают дикие кабаны, волки, шакалы, барсуки, лисицы, зайцы, ежи, ласки и др. Из птиц можно увидеть орла, филина, сову, сороку, жаворонка, скворца, синицу, особенно часто — полевого воробья, голубя. С весны до осени под кровлями домов гнездятся ласточки. Вблизи водоемов встречаются перелетные птицы — утки, гуси, журавли, а в лесных зарослях и в кустарниках — фазаны, куропатки и другие птицы, которые издавна являются объектом охоты.

Климат в целом сухой, местами субтропический. Снег выпадает редко и держится непродолжительное время. Число безморозных дней в году в Дербентском районе колеблется от 201 до 280 (в среднем 252). Среднегодовая температура воздуха 12° тепла. Бывает, что морозы достигают, особенно в предгорной части, 10—20°. Самым холодным периодом являются обычно январь — первая половина февраля, самым жарким — июль — первая половина августа. Осадков выпадает далеко недостаточно (в среднем 365-400 мм в год). Причем основная часть их приходится на весну и осень⁸. Обилие солнца, мягкий климат при хорошем орошении обеспечивают произрастание различных сельскохозяйственных культур в открытом грунте.

Большое промысловое значение с давних времен имеет ловля рыбы.

Из полезных ископаемых в этом районе известны нефть (Берикейский нефтяной промысел), поваренная соль. Большое значение имеет природный газ. С 1928 г. на природном газе работает стекольный завод "Дагестанские Огни". Соль добывалась из самосадочных соляных озер и источников, находящихся вблизи железнодорожных станций Мамедкала, Белиджи, Араблинская и др. Минеральные источники расположены около Берикея, Дагестанских Огней, Араблинской, Дузлака, Хошмензиля и других поселков. Из строительных материалов район богат известняком, песком, строевым лесом (дуб и др.).

В промышленном отношении район можно охарактеризировать как многоотраслевой. В Дербенте действуют такие крупные предприятия, как завод шлифовальных станков, ковровое объединение, заводы "Электросигнал" и "Радиоэлемент", коньячный комбинат, консервный комбинат, фабрика "Динамо", швейная фабрика им. Ш.Алиева, гормолзавод, горпищекомбинат, мясокомбинат, хлебозавод, локомотивное депо и др. Стекольный завод "Дагестанские Огни" – один из крупнейших в Российской Федерации. Имеются крупные строительные организации, а также строительный комбинат.

Дербент является важнейшим транспортным узлом и играет большую роль в экономическом и культурном развитии Южного Дагестана. Со столицей республики городом Махачкала он связан железнодорожной линией (расстояние — 130 км) и автомобильной магистралью.

Десятки тысяч людей ежегодно посещают Дербент — один из древнейших городов Кавказа. Уникальный памятник архитектуры — местный музей. Жемчужина Дербента — цитадель Нарин-кала и крепостные стены до сих пор поражают своим величием.

В сельской местности функционируют ковровые артели и предприятия, пищевая и швейная промышленность и др. Таким образом, дагестанские азербайджанцы живут в благодатном районе, где имсются большие, в полной мере еще не использованные возможности для развития многоотраслевого сельского хозяйства, промышленности и культуры.

0

- ³ Дербентский отдел статистики.
- ⁴ Районированный Дагестан (административно-хозяйственное деление по новому районированию 1929 г.). Ч.І. Махачкала, 1930, с.XVI.
  - ⁵ Там же, ч.11, с.34.
  - 6 ЦГА Дагестана. Ф.1-411, оп.1, д.2, л.7.
  - 7 Там же, оп.10, д.52, л.34.
- ⁸ Подробнее см.: Паспорт Дербентского района ЦГА Дагестана. Ф.р-411, оп.10, д.6; см. также: Добрынин Б.Ф. География Дагестанской АССР. Даггосиздат, 1926; Гюль К.Х., Власова С.В., Кизин И.М., Тертеров А.А. Физическая география Дагестанской АССР. Махачкала, 1959; Викторов А.Ф., Гиммельрейх В.А., Львов П.А., Микулич И.Н., Эльдаров М.М. Дагестанская АССР. Махачкала, 1958; Коростелев А.А. Климат Дагестана. М.—Л., 1931.

¹ Национальный состав населения городов, поселков, районов и сельских населенных пунктов Дагестанской АССР по данным Всесоюзных переписей населения 1970, 1979 и 1989 годов (статистический сборник). Махачкала, 1990, октябрь, с.3, 59, 60.

² Там же. с. 1, 2, 12 и др.

Глава І

ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Специальное изучение истории и этнографии собственно азербайджанцев Дагестана, как известно, никем не предпринималось. Однако это не означает вообще отсутствия источников. Ценные сведения об их социально-экономической, политической истории, материальной культуре, общественной и духовной жизни встречаются в целом ряде работ, посвященных как всему Дагестану, так и отдельным регионам. В этом отношении исключение составляет город Дербент, об истории которого имеется несколько специальных исследований.

Первые письменные сведения об истории и этнографии дагестанских азербайджанцев, и прежде всего Дербента, мы встречаем у восточных (преимущественно, арабских) средневековых авторов: ал-Балазури¹, ал-Якуби², ал-Куфи³, Ибн Хаукала⁴, ал-Истахри⁵, ал-Масуди⁶, Абу Хамида ал-Гарнати⁷, Ибн ал-Асира⁸, Контарини⁹ и др.

Одно из первых сравнительных подробных описаний Дербента принадлежит Вильгельму Рубруку, голландцу, монаху, посланному в 1253 г. французским королем к монгольскому хану Мунке¹⁰ и посетившему по пути этот древний город. Отдельные сведения преимущественно экономического характера о городе приводит и венецианский посол и путешественник Амброзис Контарини (XV в.). По его данным, в то время из Дербента в Астрахань вывозили морским путем рис, шелковые ткани, басонные изделия для обмена там у русских и татарских купцов на меха и другие товары. Согласно свидетельству Контарини, плавание от Дербента до Астрахани летом продолжалось много дней, а зимой прекращалось, дербентские же моряки не имели компасов и плавали "по звездам и всегда в виду земли"¹¹.

Оставил нам свои наблюдения о Дербенте и Антоний Дженкинсон — английский путешественник и купец, который дважды побывал в городе и описал его. Он отмечал, что город построен из белого камня, стены его "очень высоки и толсты". Путешественник, как и многие другие авторы, приписывает строительство Дербента и его знаменитых стен Александру Македонскому якобы с целью, «чтобы из этой страны... не могли легко бежать, а враги не могли легко вторгнуться» 12.

Для своего времени ценные, хотя и отрывочные сведения о населении равнинного Дагестана, в том числе об азербайджанцах, содержатся в записках первых русских путешественников: знаменитого тверского купца Афанасия Никитина (XV в.)¹³ и московского купца Федота Афанасьевича Котова (XVII в.)¹⁴. Рассказывая о гибели близ Дербента одного из своих судов, А.Никитин, в частности, упоминает о своем посещении этого древнего города¹⁵. Несколько подробнее сведения, приводимые Ф.А.Котовым, который во время путешествия через Дагестан в восточные страны оставил небольшое описание Дербента (он называет Дербент «укрепленным белокаменным городом»¹⁶).

Значительный интерес для нашей темы представляет труд знаменитого турецкого путешественника Эвлия Челеби (XVII в.), дважды побывавшего на Кавказе, в том числе и в Дагестане¹⁷. Во втором томе «Сияхат-наме» («Книга путешествия») он описывает Дербент и его окрестности, а также встречу и «задушевные беседы» с ханом города — Таки-ханом. Характеризуя Дербентское ханство, путешественник отмечает, что Демир-капу, т.е. Дербент, как он «разглядел, построен в древности, а (тяготеющий к нему) край поистине обширен»¹⁸. Интерес представляет и сообщение автора о городе «Шехрибане-Сарай», расположенном вблизи «Демир-капу, к востоку от него на расстоянии одного перехода». Может быть, и здесь Эвлия Челеби имел в виду Торпак-кала, расположенный не к востоку, а к югу.

К XVII в. относятся сведения, сообщаемые немецким путешественником Адамом Олеарием¹⁹ и голландским путешественником Яном Стрейсом²⁰. Оба автора касаются некоторых сторон жизни населения Дербента, культовых учреждений и др. Я.Стрейс приводит также сведения о рабстве в Дербенте. Но по сравнению с данными А.Олеария высказывания Я.Стрейса более отрывочны, а в ряде случаев неточны.

Интерес к истории и этнографии Дагестана значительно возрастает с начала XVIII в., со времени похода Петра I в Дагестан. В ряде случаев правительство начинает субсидировать научные экспедиции на Кавказ. В результате появляются труды А.И.Лопухина²¹, Ф.И.Соймонова²², И.-Г.Гербера²³, И.Лерха²⁴, Дж.Белла²⁵, Ф.Ф.Симоновича²⁶, А.Г.Сереброва²⁷, А.А.Кремского²⁸, Н.Ф.Ртищева²⁹, которые оставили заметный след в изучении исторических событий, хозяйственной деятельности, социальных отношений Дагестана, в том числе азербайджанцев Южного Лагестана.

И.Лерх, подробно характеризуя злодеяния Надир-шаха в Дербенте, сообщает, что прекрасный город был тогда весьма опустошен и повсюду были слепые, нищие, которым по приказу шаха выкололи или вырезали глаза за их желание присоединиться к горцам, борющимся против его жестокой власти. Он также приводит сведения о воздвигнутых Надир-

шахом роскошных дворцах, по его выражению — «огромных чертогах», где сам автор был лично в 1747 г. И.Лерх, кроме того, описывает крепость Торпак-кала, расположенную южнее Дербента, и отмечает, что она была известна жителям Дербента под названием Шехери, а ее правитель именовался «Гюньгом падишах». Большой интерес представляют и сведения автора о религиозном обряде шиитов «шахсей-вахсей»³⁰.

В числе работ этого периода следует назвать и воспоминания В.И.Бакуниной, которая вместе с мужем побывала в Дагестане и в своем «Персидском походе в 1796 году» затрагивает некоторые вопросы из жизни Дербента и его правителей³¹.

Более полные и ценные сведения по истории народов Дагестана, в том числе и дагестанских азербайджанцев, проживающих на его территории, содержатся в трехтомном труде П.Г.Буткова³². Работа его написана на основе обширных архивных материалов, главным образом военно-исторических, а также источников дипломатического характера. Автор описывает политические и военные события, анализирует русско-Петра I в Дагестан, дагестанские отношения — поход присоединение равнинного Дагестана к России, пребывание Надир-шаха в Лагестане и др. Интересные сведения содержатся и о самом Лербенте, о терекеменцах, в частности о периоде переселения части этой группы населения на северокумыкские земли. Отмечается, например, что в 1752 г. от уцмия Кайтагского Эмир-Гамзы бежали терекеменцы и евреи, которых приняли эндиреевские владетели. Как отмечает автор, уцмий жаловался по этому поводу российскому правительству, все же эндиреевцы «по некоторым претензиям на уцмия имели основание тех людей при себе удерживать и к отдаче принуждаемы не были»³³. Как сообщает автор, уцмий требовал от кизлярского коменданта принудить кумыкских князей (в случае отказа вернуть его бывших подданных) «к удовлетворению требования, чтобы заплачено ему было 30 т. рублей»³⁴. Заслуживают быть отмечены и сведения П.Г.Буткова о борьбе дагестанцев против полчиш Надир-шаха. «Набеги дагестанцев весьма беспокоили его войска. Почему Надир в июне 1742 г., — пишет он, — обвел лагерь свой земляным траншаментом с севера в Табасаран, в кадиевом владении, недалеко от местечка Хамейди... недалеко от усмийской крепости Хан-Магомед-кале. Здесь Надир намерен был основать город. Окоп оный и теперь существует и называется Иран-хараб, т.е. гибель или разорение Персии»³⁵.

В 1747 г. во время своего путешествия в научных целях по прикаспийским землям Дербент посетил и известный ботаник, академик Российской академии С.Г.Гмелин. Он оставил ряд ценных сведений о Дербенте, его архитектурных памятниках, описание цитадели города, ханского дворца, несколько подробнее — о занятиях населения, о денежном обращении и т.п. 36.

Начало XIX в. и завершение присоединения края к России характеризуется значительным увеличением числа историкоэтнографических исследований, посвященных народам Дагестана. Первое, как еще называл этот труд выдающийся кавказовед М.О.Косвен³⁷, разностороннее сочинение о Кавказе, в частности о Дагестане, связано с именем С.М.Броневского³⁸, который участвовал в Персидском походе 1796 г. и после этого некоторое время служил на Кавказе. С.М.Броневский больше, чем другие авторы его времени, обратил внимание на характеристику общественного строя народов Кавказа. Он отмечает существование на Кавказе трех форм управления: монархической, аристократической и демократической. Первые две формы, по мнению С.М.Броневского, являлись феодальными, а третья — народной. Первую форму управления он находит у азербайджанцев Кайтагского и Табасаранского владений 39. Автор характеризует места расположения таких азербайджанских селений, как Берикей, Великент, Дарваг, Гимейди, города Дербента, хозяйственную деятельность их жителей, приводит некоторые сведения об их феодальных владетелях⁴⁰ и др.

В 1825 г. Дербент и его окрестности посетил Э.И.Эйхвальд, естествоиспытатель, профессор Казанского университета. Он также оставил краткое описание города, особенностей домостроения, обратил специальное внимание на привлекательность местонахождения селений Сабнава, Кемах, Митаги, на ряд крепостей с башнями, остатки которых хорошо сохранились еще в его время и которые, по словам автора, стояли «на неодинаковом расстоянии друг от друга и имели различную величину от 17 до 120 шагов в длину и незначительную ширину»⁴¹. Автор, кроме того, приводит кое-какие сведения о нападении Казимуллы на Дербент.

Среди трудов, содержащих наиболее ценный фактический материал об азербайджанцах региона, можно назвать исследование Платона Зубова «Картина Кавказского края...», в 3-й части которого автор приводит ряд сведений как о городе Дербенте, так и о азербайджанских и табасаранских селениях Северного Табасарана (Гимейди, Ерси, Дюбек, Хучни), об известном укреплении Иран-хараб, построенном Надир-шахом на пограничной территории Кайтага, Табасарана и Дербента⁴².

К этому же времени относится и работа П.Заблоцкого, врача, участника экспедиций по исследованию берегов Каспийского моря⁴³. Автор находился в Дербенте всего два дня, но успел сделать много наблюдений. В его работе содержатся сведения о численности населения, о количестве домов, мечетей, церквей, о мареноводстве, о его торговом значении. «Дербент, — пишет П.Заблоцкий, — говоря вообще, один из лучших городов, которые только удалось нам видеть на восточном берегу Кавказа»⁴⁴.

Не меньший интерес представляет и коллективный труд «Обозрение российских владений за Кавказом в статистическом,

этнографическом, топографическом и финансовом отношениях» (ч.1—4. СПб., 1836). В 4-й части этого труда, составленной В.Легкобытовым, содержится информация экономического и этнографического характера, в частности о состоянии мареноводства, торговли, денежного обращения, о сословиях, налоговой политике региона, а также о религиозных учреждениях.

Историографию истории Дагестана, особенно азербайджанцев Южного Дагестана, значительно обогатила известная историческая хроника «Дербенд-наме» 45, изданная выдающимся ученым, востоковедом, профессором Петербургского университета М.А.Казембеком в 1851 г. Во «Введении» к изданию текста М.А.Казембек говорит о живом интересе дербентских жителей к истории своего города, о том, как они бережно хранили рукопись, как устраивали публичные ее чтения. «Когда я был мальчиком лет четырнадцати, — пишет М.А.Казембек, — это я хорошо помню, публичное чтение «Дербенд-наме» с объяснениями и примечаниями занимало в течение нескольких дней внимание узкого кружка любопытных и полуцивилизованных юношей Дербента» 46.

Надо отметить, что широкая популяризация этого источника начинается с изданием его М.А.Казембеком, «которому принадлежит первое источниковедческое описание рукописи и постановка вопроса о времени его составления» 47, он относит его к XVII в. Более того, М.А.Казембек подверг специальному исследованию также вопрос о «причинах множества версий «Дербенднаме»...» 48, что также представляет как историографический, так и вообще научный интерес.

В связи с вопросом изучения «Дербенд-наме» следует сказать, что первый квалифицированный перевод рукописи данного труда на немецкий (1814 г.), а затем на французский (1829 г.) языки был сделан известным востоковедом Ю.Клапротом. «Тарихи Дербенд-наме» был переведен также и на русский язык (хотя с некоторыми неточностями) и опубликован в 1898 г. (см.: Тарихи Дербенд-наме. Под ред. М.Алиханова-Аварского. Тифлис, 1898).

В 1972 г. в Центральном государственном архиве Армении проф.В.Г.Гаджиевым была выявлена рукопись сочинения по истории Дербента также под названием «Дербенд-наме». Она представляет собой русский перевод персидского текста 49. Автором данного сочинения является уроженец Дербента Мирза Хайдара Визиров. Как и «Дербенд-наме» М.А.Казембека, «Дербенд-наме» Мирзы Хайдара Визирова знакомит читателей с важными сведениями по древней и средневековой истории Дербента и его округи. Следовательно, значение этих источников трудно переоценить.

Заметный след в изучении истории и этнографии Южного Дагестана оставил выдающийся тюрколог И.Н.Березин. Его труд «Путешествие по Дагестану и Закавказью» (Казань, 1849) проливает свет на целый ряд вопросов социального строя, управления, материальной и духовной культуры населения изучаемой территории, особенно Дербента, быта горожан, культовых мест, в частности известного кладбища Кырхлар, мавзолея жены Фатали-хана — Туту-бике, похороненной в 1787 или 1788 г.

В числе авторов, внесших большой вклад в изучение истории Дагестана, в частности азербайджанцев Южного Дагестана, следует назвать и Аббас-Кули-Ага Бакиханова, выдающегося азербайджанского историка первой половины XIX в. Его труды «Происхождение племен, населяющих нынешние Кавказские провинции» (Кавказ, 1848, № 1) и «Гюлистан-Ирам» посвящены истории Ширвана и Дагестана с древнейших времен до XVIII в. включительно и содержат общирный материал по самым различным вопросам истории, общественно-политической жизни народов Дагестана и их этнических групп. Особенно ценны для изучаемой темы его сведения о терекеменцах, об их расселении на современной территории. Труд А.К.Бакиханова и сегодня является единственным в своем роде источником по истории и культуре Восточного Кавказа.

В числе авторов, внесших весомый вклад в историографию изучаемой темы, следует назвать и Г.Алкадари, известного дагестанского историка второй половины XIX — начала XX в. Труд Алкадари «Асари-Дагестан» (Махачкала, 1929) включает исторические сведения о Дагестане с древнейших времен до XIX в. В нем автор собрал и проанализировал в хронологической последовательности известные ему исторические сведения о Дагестане в местных, арабских, турецких, персидских, азербайджанских, русских источниках, а также собственные наблюдения. Чувствуется также, что известное влияние на автора оказал труд А.К.Бакиханова «Гюлистан-Ирам». В своей работе Г.Алкадари приводит немало сведений и по владениям Кайтага, Табасарана и Дербента, по внутренней и внешней политике их правителей в XVIII в.

С 1830 по 1834 г. в Дербенте жил и творил писатель-декабрист А.А.Бестужев-Марлинский. Богатый этнографический материал содержат здесь написанные его очерки и рассказы «Шах Гусейн — праздник мусульман шагидов в Дербенте», «Кавказская стена», «Красное покрывало», «Прощание с Каспием», «Письма из Дагестана» и особенно повести «Аммалат-бек» и «Мулла-Нур» 1, которые знакомят читателя с разными сторонами жизни и быта народов Дагестана, в частности дербентских азербайджанцев. А.А.Бестужев-Марлинский большое значение придавал изучению местных языков, в частности азербайджанского. В своем произведении «Красное покрывало» он отмечал, что с азербайджанским языком, «как с французским в Европе, можно из конца в конец пройти всю Азию» 52.

В 40—60-х годах XIX в. в газете «Кавказ», в журнале «Военный сборник» и других изданиях появляется ряд статей, затрагивающих самые различные вопросы социальной и политической истории, материальной и духовной культуры азербайджанцев региона, особенно городских жителей.

Среди них особо можно выделить работы Н.А.Гагемейстра «Хозяйственный очерк Кавказского края» (Кавказ. 1847, № 7. 8. 10). А.Соколова "Очерк западного берега Каспийского моря от Петровского укрепления до реки Самура между горами и морем, со включением морской торговли, города Пербента» (Кавказ. 1848, № 11-13); К.М. «Письмо из Дербента в Малороссию» (Кавказ. 1854, № 50); «О шафранной промышленности» (статья не подписана. Кавказ. 1848, № 15), Искендербега Ганжинского «Жизнь Фет-Али-хана Кубинского» (Кавказ. 1847, № 48), П.Пржецлавского «Воспоминание о блокаде города Дербента в 1831 г.» — Извлечения из воспоминаний бывшего коменданта крепости А.Я.Васильева (Военный сборник. 1864. № 2). Среди работ, появившихся в этот период, пожадуй, особое место занимает обстоятельный труд бывшего начальника Кайтаго-Табасаранского округа П.Петухова «Очерк Кайтаго-Табасаранского округа» (Кавказ. 1867, № 78, 12—13, 15—16). При написании своего «Очерка» автор широко пользовался нахолившимися в его распоряжении данными статистики, собранными окружным управлением, и собственными разносторонними наблюдениями. Очерк содержит ценный материал о сословных отношениях в округе, происхождении терекеменцев, данные о материальной культуре и др.

Существенный вклад в изучение истории и этнографии народов Дагестана внесли труды А.В.Комарова, служившего начальником штаба Дагестанской области, а с 1868—1876 гг. — дербентским градоначальником Южного Дагестана. Из его трудов для нашей темы особенно важны следующие работы:

«Список населенных мест Дагестанской области», где автор приводит важные сведения об азербайджанских селениях региона, об их основании, численности, этнической и социальной принадлежности ^{53} и т.д.

«О народонаселении Дагестанской области» 54, где автор также приводит сведения о границах расселения азербайджанцев в Южном Дагестане, говорит о времени появления здесь терекеменцев; ссылаясь на труды А.-К.Бакиханова, отмечает принудительный характер переселения отдельных групп жителей, проводившегося иранскими шахами начиная с XVI в., перечисляет этнические названия, которые, по его мнению, отражают это переселение. А.В.Комаров отмечает, что дербентцы имеют свой рособый говор азербайджанского языка, приводит цифровые данные о тюркоязычном населении в Дербенте и «29 тюркских селениях», где, по его сведениям, в тот период насчитывалось 1825 вуш. Появление татов-мусульман в Южном Дагестане

автор связывает с периодом возникновения дербентских укреплений, считает, что для защиты этих укреплений от хазар разновременно были выведены группы татов из Персии и поселены «как в городе, так и за стеною». Потомками этих переселенцев А.В.Комаров считает жителей 7 селений, которые в то время составляли 491 двор, или 2535 душ. По его мнению, по религиозной принадлежности большинство жителей Дербента были шиитами.

Адаты и судопроизводство по ним (ССКГ. Вып.1. Тифлис, 1868). В этой работе А.В.Комаров дал подробную характеристику судопроизводству по адатам и шариату до и после присоединения Дагестана к России. В связи с судопроизводством исследователь охарактеризовал и другие стороны общественного быта народов Дагестана, сделав, в частности, попытку определить, что же из себя представлял в то время дагестанский тухум. Однако, как отмечал еще М.О.Косвен, приводя большой фактический материал, автор не всегда связывал его с определенными народностями⁵⁵.

Несомненным вкладом в изучение истории и этнографии народов Дагестана является труд Н.Ф.Дубровина «История войны и владычества русских на Кавказе». В первой книге первого тома автор значительное место отводит разделу «Лагестанские горцы», касается истории, общественно-политического устройства до и после присоединения края к России, занятий его народов и т.д. К сожалению, сведения о дагестанских азербайджанцах очень отрывочны, и данные нередко приводятся без относительно к определенным народам. Все же отдельные его сведения представляют определенный интерес и для изучаемой нами темы. Важны, в частности, приводимые автором сведения о раятах, о податях и повинностях раят Кайтага и Табасарана. В Предисловии к своему труду Н.Ф.Дубровин справедливо обрашал внимание на необходимость изучения «народного быта». отмечал, что «отсутствие таких сведений между административными деятелями вело ко многим ошибкам, имевшим неблагоприятные и серьезные последствия»⁵⁶. Некоторые сведения по изучаемой территории населения (азербайджанцев) мы извлекли и из второй книги первого тома, повествующего о народах Закавказья, т.е. из раздела, посвященного собственно азербайджанцам, которых автор называет татарами. В целом же труд Н.Ф.Дубровина представляет сводное исследование по всем народам Кавказа, написанное с широким использованием существовавших к этому времени источников и литературы 57.

Крупный вклад в исследование истории и этнографии Кавказа, в том числе Дагестана, принадлежит выдающемуся русскому ученому М.М.Ковалевскому⁵⁸. Его исследования «Закон и обычай на Кавказе» и «Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом» (СПб., 1905) имеют непосредственноотношение и к Дагестану. М.М.Ковалевский лично посетил Дагестан, побывал в ряде аулов, был знаком с местными этнографами — А.Омаровым, Б.К.Далгатом, изучил собранные к этому времени адаты горцев (изданные и рукописные). М.М.Ковалевскому принадлежит первое глубокое и разностороннее изучение дагестанского тухума, хотя автор несколько преувеличивал его роль, представляя тухум своего времени не в качестве пережиточного явления, а как форму, сохранившую полностью характер родовой организации. Между тем и сам М.М.Ковалевский в целом ряде случаев указывал на господство феодальных отношений в Дагестане. Так, автор, в частности. констатирует, что «сельские общины под названием то джамаатов, то магалов состояли в непосредственной зависимости от центральной власти»⁵⁹, имели своих ханов и султанов. Исключение в этом отношении, разумеется, не составляли и азербайджанцы Южного Дагестана, у которых господствовали сравнительно развитые феодальные отношения. К сожалению. в солидном числе своих исследований М.М.Ковалевский мало приводит сведений, касающихся специально азербайджанцев Дагестана.

Ряд ценных сведений по сословно-поземельным отношениям в Дагестане, в том числе и у азербайджанцев, приводится в работе П.В.Гидулянова «Сословно-поземельный вопрос и раятская зависимость в Дагестане» 60. Касаясь введения в Дагестане «Положения о сельских обывателях» (1868 г.), автор справедливо отмечает, что оно нисколько не улучшило жизнь зависимых крестьян. «Здесь судьба сыграла злую шутку, — пишет П.В.Гидулянов об изучаемой нами части населения, — благодаря которой беки оказались обладателями одних прав без всяких обязанностей, а на долю крестьянина-раята выпали одни обязанности без всяких прав» 61.

Большие заслуги в изучении истории азербайджанцев города Дербента принадлежат Е.И.Козубскому. Его труд «История города Дербента» (Темир-Хан-Шура, 1906), насыщенный богатым, разносторонним фактическим материалом по истории и культуре города и городского населения, не потерял значения и для сегодняшнего дня. Е.И.Козубского как исследователя отличают большая скрупулезность, широта охвата затрагиваемых вопросов, серьезная интерпретация ряда важных проблем из жизни азербайджанцев города, хотя он, как и многие авторы начала ХХ в., не лишен излишнего восхваления представителей местной, особенно кавказской, администрации и царского режима. Важные для нас сведения по экономике, культуре, политическому устройству региона содержатся также в составленной им «Памятной книжке Дагестанской области» (Вып. 1—2, 1895, 1901), а также двух выпусках «Дагестанского сборника» (1902, 1904).

Из работ начала нашего века, содержащих материал по интересующим нас вопросам, следует назвать исторический очерк

делопроизводителя канцелярии наместника на Кавказе В.Линдена, написанный главным образом по архивным материалам и содержащий ряд интересных сведений. По его мнению, «вопрос о поземельном устройстве коренного населения Кавказа являлся предметом постоянных забот правительства со времени присоединения этой части края к империи» 62. Автор, однако, не вспоминает о том, что лишь в 1913 г. в Дагестане было ликвидировано крепостничество, а поземельное положение раят региона до самой революции не было определено.

Значительный интерес как источник представляют для нас «Адаты Дагестанской области», и особенно адаты Кайтага и Табасарана⁶³. В них мы находим ценный материал, касающийся брака, развода, порядка наследования, положения женщин, судопроизводства по уголовным и гражданским делам и т.д.

Для нас большой интерес представляют работы Н.А.Караулова, который знакомит читателей со сведениями арабских авторов (писателей, географов) средневековья о Кавказе, в том числе о Дагестане⁶⁴, переведя их на русский язык.

Таков далеко не полный обзор источников и литературы по истории и этнографии дагестанских азербайджанцев. Как видно, это в основном небольшие статьи или (чаще всего) отрывочные сведения, приводимые в общих трудах по Дагестану или Кав-казу в целом.

В советский период также не было предпринято специальное исследование по дагестанским азербайджанцам. Тем не менее появилось немало исследований, в которых в той или иной мере анализируются отдельные проблемы истории и этнографии этой части азербайджанского населения. Эти работы можно условно разделить на две группы: на исследования, специально посвященные Дербенту и его населению, и исследования общего характера, по всему Дагестану, где приводятся также сведения по азербайджанцам. В числе специальных прежде всего следует навать работы П.И.Спасского⁶⁵, Е.А.Пахомова⁶⁶, М.И.Артамонова⁶⁷, С.О.Хан-Магомедова⁶⁸, В.Ф.Минорского⁶⁹, В.В.Бартольда⁷⁰, С.Ш.Гаджиевой⁷¹, С.А.Лугуева⁷², А.И.Исламмагомедова⁷³, Н.А.Магомедова⁷⁴, А.А.Кудрявцева⁷⁵ и др.

Среди этих исследований особое место, несомненно, принадлежит работам известного востоковеда В.Ф.Минорского и дагестанского археолога А.А.Кудрявцева, в которых авторы на основе многочисленных письменных первоисточников, порою малодоступных (В.Ф.Минорский), и данных археологии (А.А.Кудрявцев) освещают малоизученные или вовсе не изученные проблемы социально-экономической, политической истории и культурной жизни древнего и средневекового Дербента.

В числе работ, посвященных Дербенту, следует отметить статью С.Б.Ашурбейли «К вопросу о социальной структуре городов Ширвана и Дербента в XI — XII вв.», опубликованную в

сборнике «Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа» (Махачкала, 1988). Автор рассматривает в ней структуру власти и управления, а также вопросы судопроизводства.

В числе сводных работ по Дагестану, в которых содержатся данные и по азербайджанцам, прежде всего следует назвать коллективный труд «История Дагестана» (Т.І—IV. М., 1967—1969). В нем содержатся ценные сведения, касающиеся истории азербайджанцев исследуемого района, особенно в отношении социальной структуры, культуры и просвещения.

Большое значение для освещения разных аспектов настоящей темы имеют труды А.Тамая⁷⁶, С.В.Юшкова⁷⁷, А.Н.Генко⁷⁸, В.П.Лысцова⁷⁹, Р.М.Магомедова⁸⁰, И.Р.Нахшунова⁸¹, Х.Х.Рамазанова⁸², Х.-М.О.Хашаева⁸³, В.Г.Гаджиева⁸⁴, Г.Г.Османова⁸⁵, Л.И.Лаврова⁸⁶, А.Р.Шихсаидова⁸⁷, Г.Ш.Каймаразова⁸⁸, А.С.Омарова⁸⁹, М.Р.Гасанова⁹⁰, М.-С.Умаханова⁹¹, Н.Г.Волковой⁹² и др.

В нашей работе мы нередко обращались и к трудам, посвяшенным истории всего азербайджанского народа, или общим трудам по тюркологии, имеющим в той или иной мере отношение к истории дагестанских азербайджанцев. Это прежде всего «История Азербайджана» (Баку, 1958); «Народы Азербайджанской ССР». — Народы Кавказа (из серии «Народы мира». Т.ІІ. М., 1962); исследования В.В.Левиатова, И.П.Петрушевского, Л.М.Мелик-сет-Бека, А.Н.Кононова, А.С.Сумбат-заде, С.Г.Агаджанова, И.Г.Алиева, В.А.Гордлевского, М.И.Артамонова, Н.А.Баскакова. З.М.Буниятова. С.Ашурбейли. К.Г.Алиева. Г. Абдуллаева, Г. А. Гулиева, Ш. А. Гулиева, Т. А. Бунятова, Р. А. Гусейнова, А.Н.Мустафаева, Г.Д.Джавалова, Ю.Б.Юсифова, Ю.Р.Джафарова, Г.А.Гейбуллаева 93 и многих других.

В работе мы широко использовали и материалы местных и центральных архивов: ЦГА Республики Дагестан, ЦГИА Грузии, ЦГИА России, Санкт-Петербурга, ЦГВИА России, Рукописного фонда Института ИЯЛ Дагестанского научного центра Российской академии наук. Большое значение для раскрытия нашей темы имели изданные в разное время архивные материалы, в частности «Акты, собранные Археографической комиссией» (АКАК. Т.І-ХІІ. Тифлис, 1866—1904), сборники «История, география и этнография Дагестана. XVIII—XIX вв. Архивные материалы». Под ред. Косвена М.О. и Хашаева Х.-М. (М., 1958), «Русско-дагестанские отношения. XVII — первая четверть XVIII в. Документы и материалы" (Махачкала, 1958); «Памятники обычного права Дагестана XVII — XIX вв. Архивные материалы". (М., 1965); «Феодальные отношения в Дагестане. XIX — начало XX в. Архивные материалы" (М., 1969); «Из истории права народов Дагестана. Материалы и документы» (Махачкала, 1968): «Русско-дагестанские отношения в XVIII начале XIX в.» (М., 1988). Использованы также данные официальных отчетов, в частности «Обзоров Дагестанской области»,

«Сборников сведений о кавказских горцах». «Сборников материалов для описания местностей и племен Кавказа» и др.

Были и слабые стороны у наших источников, следовательно. не все разделы работы мы могли осветить с одинаковой полнотой.

Самым недостающим звеном в историографии дагестанских азербайджанцев надо признать их плохую изученность в антропологическом отношении. Лишь такие исследователи, как Г.Ф. Дебец, Н.Н. Миклашевская, В.П. Алексеев, А.Г. Гаджиев, Р.М.Касимова, Г.Л.Хить 94 и др., в своих крупных сводных работах привлекают некоторые сведения, указывающие на место азербайджанцев Дагестана в антропологической классификации народов Кавказа. Не лучше обстоит дело и с изучением диалектов азербайджанцев (жителей Дербента, магала Терекеме и др.); эти и другие проблемы еще ждут своих исследователей.

Баладзори. Китаб футух ал-булдан (Книга завоеваний стран). Пер. с араб. П.К.Жузе. — Материалы по истории Азербайджана. Вып. III. Баку, 1927.

² Якуби. Тарих (История). Пер. с араб. П.К.Жузе. — Материалы по истории Азербайджана. Вып. IV. Баку, 1927.

³ Абу Мухаммад Ахмад ибн Асам ал-Куфи. Книга завоеваний. Извлечения по истории Азербайджана VII-IX вв. Пер. с араб. З.М.Буниятова. Баку, 1981.

⁴ Цит.по: Караулов Н.А. Сведения арабских географов IX—X веков по Р.Х. о Кавказе, Армении, Азербайджане. — СМОМПК. Вып. 38, 1908.

Цит.по: Караулов Н.А. Сведения... — СМОМПК. Вып. 29. Тифлис, 1901.

Цит.по: Караулов Н.А. Сведения... — СМОМПК. Вып.38. 1908.
 Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1153 гг.). Публикация О.Г.Большакова, А.Л.Монгайта. М., 1971.

⁸ Ибн ал-Асир. Тарих ал-Камиль фи-т-тарих (Полный свод истории). Пер. с араб. П.К.Жузе. Баку, 1940.

⁹ Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957; Барбаро и Контарини о России. Пер. Е.Ч.Скржинской. Л., 1971.

¹⁰ Путеществия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука, с.187.

¹¹ Барбаро и Контарини о России, с.216-217.

¹² Путешественники об Азербайджане. Сост.З.И.Ямпольский. Баку, 1961, c.108.

^{13 [}Никитин Афанасий]. Хожение за три моря Афанасия Никитина. 1466—1472 гг. М.—Л., 1948. 14 [Котов Ф.] Хожение купца Федота Котова в Персию. М., 1958.

^{15 [}Никитин Афанасий]. Хожение за три моря..., с.10, 11, 36, 54—55, 119, 143, 146, 198.

^{16 (}Komos Ф.) Хожение..., с.71.

¹⁷ Эвлия Челеби. Книга путешествия. Вып.2. М., 1979.

¹⁸ Там же, с.121.

¹⁹ Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906.

²⁰ *Стрейс Я.Я.* Три путешествия. М., 1935.

²¹ Лопухин А.И. Журнал путешествия через Дагестан. 1718 г. (ИГЭД).

²² Соймонов Ф.И. Описание Каспийского моря и чиненых на оном Российских завоеваний. — Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах. СПб., 1763, январь.

- 23 Гербер И.-Г. Известия о находящихся на западной стороне Каспийского моря между Астраханью и рекою Курою народах и землях и о их состоянии в 1728 году. Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. СПб., 1760, июль—сентябрь; см. также: Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. ИГЭД; Гаджиев В.Г. Сочинение И.Гербера «Описание стран и народов, между Астраханью и рекою Курою находящихся". М., 1979.
- 24 [Лерх И.] Из путешествия Иоганна Лерха, продолжавшегося от 1733 по 1735 год из Московии до Астрахани, а оттуда по странам, лежащим на западном берегу Каспийского моря. Новые ежемесячные сочинения. СПб., 1790, ч.ХLIII, январь; [Лерх И.] Продолжение известия о втором путешествии доктора и коллежского советника Лерха в Персию от 1746 до 1747 года. Новые ежемесячные сочинения. СПб., 1790, ч.ХLIX, июль; [Лерх И.] Известия о втором путешествии доктора и коллежского советника Лерха в Персию от 1746 до 1747 года. Новые ежемесячные сочинения. СПб., ч.LXII, август.

25 Белевы путешествия через Россию в разные асиятские земли, а именно в Испаган, в Пекин, в Дербент и Константинополь. Ч.І. СПб., 1776.

26 Симонович Ф.Ф. Описание Южного Дагестана. 1796 г. — ИГЭД; он же. Описание Табасаран. 1796 г. — ИГЭД.

27 Серебров А.Г. Историко-этнографическое описание Дагестана 1796 г. — ИГЭД.

28 Кремский А.А. Выдержки из описания Дагестана. 1796 г. — ИГЭД.

29 Ришев Н.Ф. Сведения о Дагестане. 1813 г. — ИГЭД.

30 Продолжение известия... — Новые ежемесячные сочинения. Ч.Х.LIX, июль, с.46, 79.

31 Бакунина В.И. Персидский поход в 1796 г. — Русская старина. 1887, т.53, № 2.

32 Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. Ч.1—III. СПб., 1869; он же. Выдержки из Проекта отчета о Персидской экспедиции в виде писем. 1796 г. — ИГЭД; он же. Сведения о Кубинском и Дербентских владениях. 1796 г. — ИГЭД.

33 *Бутков П.Г.* Материалы..., ч.І, с.255.

34 Там же, ч.II, с.14.

35 Там же. ч.І. с.213.

36 Гмелин С.Г. Путешествие по России для исследования всех трех царств в природе. Ч.І—IV. СПб., 1771—1785.

37 Косвен М.О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке. — Кавказский этнографический сборник. Вып.І. М., 1955, с.197; Кавказский этнографический сборник. Вып.ІІ. М., 1958, с.199.

38 *Броневский С.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч.І—II. М., 1823.

³⁹ Там же, ч.І, с.38.

40 Там же. ч.И. с.313, 329, 346.

41 Eichwald E. Reise auf dem Caspischen Meere und in den Kaukasus, unternommen in dem Jahren 1825—1826. Т.І. Stuttgart, 1834—1837, с.739; он же. путешествие профессора Эйхвальда по Каспийскому морю и по Каспийскому краю. — Библиотека для чтения. 1838, № 2.

42 Зубов П. Картина Кавказского края, принадлежащего России и сопредельных оному земель в историческом, статистическом, этнографическом отношениях. Ч.І—IV. СПб., ч.3. 1834—1835, с.258—268.

43 Заблоцкий П. Путевые записки из Астрахани, через Кизляр в Баку в 1835 и 1836 годах. — Журнал Министерства внутренних дел. СПб., 1838, ч.29, № 9.

44 Там же. с.39.

45 Derbend-Nameh. Translated from a Select Turkish Version and Published by M.A.Kazem-Beg. SPb., 1851.

46 Derbend-Nameh..., с.437; цит. по: Саидов М.С., Шихсаидов А.Р. Дербенднаме (К вопросу об изучении). — Восточные источники по истории Дагестана. Махачкала, 1980, с.7

47 Саидов М.С., Шихсаидов А.Р. Дербенд-наме, с.7.

48 Там же, с.9.

49 См.: Годжиев В.Г. Дербенд-наме Мирзы Хайдар Визирова. — Вопросы истории Дагестана. Т.И. Махачкала, 1975.

50 Бакиханов Аббас-Кули-Ага. «Кудси». Гюлистан-Ирам. Баку, 1926 (Труды общества обследования и изучения Азербайджана, вып. 4).

51 См.: Бестужев-Марлинский А.А. Полное собрание сочинений. Т.І—IV. СПб., 1847; Бестужев-Марлинский А.А. Сочинения в двух томах. М., 1981; О А.А.Бестужеве-Марлинском см. также: Косвен М.О. Этнография и история Кав-каза. М., 1961, с.156—168.

52 Марлинский А. Красное покрывало. — Полное собрание сочинений. Т.І.Ч.2. М., с.114, примеч.; см. также: Бестужев-Марлинский А.А. Повести и рассказы. М., 1976, с.272, примеч.

53 См.: Сборник статистических сведений о Кавказе. Вып.І.Тифлис, 1869.

54 См.: Записки Кавказского отдела Русского географического общества. Кн.8. Тифлис, 1873.

55 См.: Косвен М.О. Материалы по истории и этнографии Кавказа в русской науке. — Кавказский этнографический сборник. Вып.2. М., 1958, с.225.

56 Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т.I.—IV. Кн.I.—II. СПб., 1871—1887 (Т.I. Кн.I. СПб., 1871, с.10).

57 Там же, т.І, кн.ІІ, с. 329—385.

⁵⁸ О М.М.Ковалевском см.: *Косвен М.О.* Этнография и история Кавказа. М., 1961; *Калоев Б.А.* М.М.Ковалевский. — СЭ. 1966, № 6.

59 Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. Т.П. М., 1890, с.162.

60 См.: Этнографическое обозрение. 1901, № 1--3.

61 Tam же, № 3, c.82.

62 Линден В.И. Высшие классы коренного населения Кавказского края и правительственные мероприятия по определению их сословных прав. Тифлис, 1917, с.76.

63 Адаты Кайтаго-Табасаранского округа. — ССКГ. Вып. VIII. Разд. 3, 1875, с.1—22; полный текст см.: Адаты Дагестанской области и Закавказского округа. Тифлис, 1899, с.543—603.

64 Караулов Н.А. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азер-байджане. — СМОМПК. Вып.31—32. 1902—1903; он же. Сведения арабских географов... — СМОМПК. Вып.38. 1908.

65 Спасский П.И. Дербентские укрепления. — Известия Азкомстариса. Вып. 4, Тет. 2. Баку, 1929; он же. Краткие исторические сведения о Дербентских укреплениях (1927). — РФ ИИЯЛ. Ф.5, оп. 1, д. 79.

66 Пахомов Е.А. Крупнейшие памятники сасанидского строительства в Закавказье. — Проблемы истории материальной культуры. 1934, № 9—10.

67 Артамонов М.И. Древний Дербент. — СА. 1946, № 8.

68 Хан-Магомедов С.О. Дербент. М., 1958; он же. Дербент. Горная стена. Аулы Табасарана. М., 1979.

69 Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента X—XI веков. М., 1963.

70 Бартольд В.В. Дербент. — Сочинения. Т.III. М., 1965.

71 Гаджиева С.Ш. Очерки истории и этнографии дагестанских терекеменцев. — Ученые записки Дагестанского государственного педагогического института. Т.П. Махачкала, 1958; Гаджиева С.Ш., Гольштейн А.Ф. Жилище даге-

станских терекеменцев в XIX — начале XX в. — Дагестанский этнографический сборник. Вып.І. Махачкала, 1974; Гаджиева С.Ш. Дагестанские терекеменцы. XIX — начало XX в. М., 1990.

72 Лугуев С.А. Одежда дербентских азербайджанцев (1975). — РФ ИИЯЛ. Ф.3, оп.3, д.350.

73 Исламмагомедов А.И. Дореволюционное поселение дагестанских азербайджанцев. — Быт сельского населения Дагестана XIX — начала XX в. Махачкала. 1891.

74 Магомедов Н.А. Торговые связи Дербента с Россией в конце XVII — начале XVIII в. — Из истории взаимоотношений Дагестана с Россией и народами Кавказа. Махачкала, 1982; он же. Податная система Дербентского владения XVIII в. — Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа. Махачкала, 1988.

75 Кудрявцев А.А. Древний Дербент. М., 1982; он же. Великий город на Каспии (Дербент в эпоху феодализма). Махачкала, 1980; он же. Дербенту — 5000 лет. М., 1989; и др.

76 Тамай А. Материалы к вопросу о феодализме в Дагестане. — Революционный Восток. 1935, № 5.

77 Юшков С.В. К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане. — Ученые записки Свердловского пединститута. Т.І. 1938.

78 Генко А.Г. Арабский язык и кавказоведение. М.—Л., 1941 (ТИВАН, вып. 36).

79 Лысцов В.П. Персидский поход Петра І. М., 1951.

80 Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Пагестана в XVIII— начале XIX в. Махачкала. 1957.

81 Нахшунов И.Р. Экономические последствия присоединения Дагестана к России. Махачкала, 1956.

82 Рамазанов X.X. Крестьянская реформа в Дагестане. — Ученые записки ИИЯЛ. Т.П, 1957; Рамазанов X.X., Шихсаидов А.Р. Очерки истории Южного Пагестана. Махачкала. 1964.

83 Хашаев Х.М. Общественный строй Лагестана в XIX в. М., 1961.

84 Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965; он же. Сочинение И.-Г.Гербера «Описание стран и народов, между Астраханью и рекой Курой находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. М., 1979.

 ^{85} Османов Г.Г. Социально-экономическое развитие дагестанского доколхозного аула. М., 1965.

86 Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч.І. Надписи X—XVII вв. М., 1966.

87 Шихсаидов А.Р. Ислам в средневековом Дагестане (VII—XV вв.). Махачкала. 1969: Саидов М.С., Шихсаидов А.Р. Пербенл-наме.

88 Каймаразов Г.Ш. Очерки истории культуры народов Дагестана. М., 1971.

89 Омаров А.С. Изменения в праве и суде после присоединения Дагестана к Росссии. — Ученые записки ИИЯЛ. Т.ХХ. Махачкала, 1970 (Серия общественных наук).

90 Гасанов М.Р. Из истории Табасарана XVIII— нач. XIX в. Махачкала, 1978; он же. Некоторые вопросы раннесредневековой истории Табасарана. — Вопросы истории Дагестана (досоветский период). Вып.III. Махачкала, 1977, с.180-190; он же. Некоторые вопросы социально-экономического развития Табасарана в XVIII— начале XIX в. — Вопросы истории Дагестана (досоветский период). Вып.II. Махачкала, 1976, с.140—156.

91 Умаханов М.С. Классовая борьба в дореволюционном Дагестане. — Классовая борьба в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1983.

92 Волкова Н.Г. Арабы на Кавказе. — СЭ. 1983, № 2.

93 Левиатов В.В. Очерки по истории Азербайджана в XVIII веке. Баку, 1948; Петрушевский И.П. Государства Азербайджана в XV веке. — Сборник статей по истории Азербайджана. Вып.І. Баку, 1949; Мелик-сет-Бек Л.М. К истории появления гуннов в Восточном Закавказье. — Доклады АН Азербайджанской ССР. Т.XII, N 6, 1957; Кононов А.Н. Родословная туркмен. Сочинение Аблуль-Гази-хана Хивинского, М.-Л., 1958; Сумбат-заде А.С. Сельское хозяйство Азербайджана в XIX в. Баку, 1958; он же. Промышленность Азербайджана в XIX в. Баку. 1964; Алиев И.Г. О первых племенных союзах на территории Азербайджана. Баку, 1959; Агаджанов С.Г. Из истории огузско-туркменских племен раннего средневековья. — Известия Туркменской ССР. Вып.2. 1959: он же. Материалы о происхождении Туркмен. — Известия АН Туркменской ССР. Вып. 2. Аш., 1963 (Серия общественных наук); Гордлевский В.А. Государство Сельджукидов Малой Азии. — Сочинения. М.Т.І, 1960; Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962; Баскаков Н.А. Тюркские языки. М., 1960; он же. Карапапахи или Терекеме. Изучение их языка. — КСИНА. Вып.65, 1964; он же. Очерки истории функционального развития тюркских языков и их классификация. Аш., 1988; Бунцятов З.М. О длительности пребывания хазар в Албании в VII – VIII вв. – Известия АН Азербайджанской ССР. 1961 (Серия общественных наук); он же. Азербайджан в VII-IX вв. Баку, 1964; он же. Государство Атабоков Азербайджана. Баку, 1978; Алиев К.Г. К вопросу о племенах Кавказской Албании. М., 1964: Гулцев Г.А. О пахотных орудиях и системах земледелия в Азербайджане. — Азербайджанский этнографический сборник. Вып. 2. Баку, Некоторые вопросы рисоводства в Азербай-1966: Гулцев Ш.А. джане. — Азербайджанский этнографический сборник. Вып.2. Баку, 1966; Ашурбейли С. Госупарство Ширваншахов в XI-XVI вв. Баку, 1983; она же. Очерки истории средневекового Баку (VIII — начало XIX в.). Баку, 1964; Абдуллаев Г. Азербайджан в XVIII в. и его взаимоотношения с Россией. Баку, 1965; Гусейнов Р.А. Тюркские этнические группы XI-XII вв. в Закавказье. — Тюркологический сборник, 1972. М., 1973; он же. Огузы, кыпчаки и Азербайджан XI—XII вв. — Проблемы современной тюркологии. Материалы II Всесоюзной тюркологической конференции. А.-А., 1980: Бунятов Т.А. Голоса минувших веков. Баку, 1975 (на азерб.яз.); Юсифов Ю.Б. К этногенезу азербайджанцев. — Фольклор, литература и история Востока. Таш., 1984; Джафаров Ю.Р. Гунны и Азербайджан. Баку, 1985; и др.

94 См.: Дебец Г.Ф. Антропологические исследования в Дагестане. — Антропологический сборник. Труды Института этнографии. Новая серия. Вып.І, 1956; Миклашевская Н.Н. Антропологический состав населения Дагестана в алано-казарское время. — Вопросы антропологии. М., 1960, вып.5; Алексеев В.П. Некоторые вопросы происхождения народов Дагестана в свете антропологии Северного Кавказа. — Ученые записки ИИЯЛ. Т.ХІІІ, 1964 (Серия историческая); он же. Происхождение народов Кавказа. М., 1974; Гаджиев А.Г. Происхождение народов Дагестана (по данным антропологии). Махачкала, 1965; Касимова Р.М. Антропологические исследования современного населения Азербайджанской ССР. Баку, 1975; Хить Г.Л. Перматоглифика народов СССР. М., 1983

Глава II

К ЭТНИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ДАГЕСТАНСКИХ АЗЕРБАЙДЖАНЦЕВ

Исторические, естественно-географические условия Кавказа в целом породили и характерные особенности его этнического состава, отличающегося исключительной пестротой. Известно, например, что Кавказ, особенно его восточная прибрежная часть, издавна служил связующим звеном между Европой и Азией. Достаточно сказать, что через приморскую полосу Дагестана (Дербентский проход) как в античное время, так и в течение всего средневековья передвигались на юг и на север многие племена и народы.

Южный Дагестан исстари также являлся многонациональным регионом. Здесь жили и живут лезгины, азербайджанцы, табасаранцы, агулы, рутулы, цахуры, таты, горские евреи, частично даргинцы (кайтаги), кумыки и др. Все эти народы объединяют территориальная близость, общность исторических судеб, тесные и длительные экономические и этнокультурные контакты. Вместе с тем каждый из этих этносов отличается от других своими специфическими особенностями исторического, этнокультурного, социально-экономического и политического развития. Исключение в этом отношении не составляют и азербайджанцы.

Дагестанские азербайджанцы расселились в восточной части Южного Дагестана. На юге частично они граничат с собственно азербайджанцами, занимая тем самым общую с ними этническую территорию.

История этнического формирования дагестанских азербайджанцев тесно связана с историей всего азербайджанского народа, являясь его неотъемлемой частью. Вместе с тем дагестанские азербайджанцы в силу ряда объективных факторов, специфики условий своего развития в иноэтнической среде имеют и отличительные черты в культуре и быту, представляя одну из локальных или этнических групп данного этноса.

Известно, что в древности Азербайджан населяли разные этнические группы, известные главным образом под названием «албаны». Древними обитателями данной территории являлись и ираноязычные племена. Важным этапом этногенеза азербайджанцев был сложный процесс неоднократного, растянувшегося на несколько столетий (IV—XII вв.) проникновения сюда много-

численных тюркоязычных племен, известных под собирательными этнонимами «гунны», «хазары», «огузы», «кыпчаки» и др. 1. Взаимопроникновение этих этнических пластов, надо полагать, и лежало в основе формирования азербайджанского народа. Согласно некоторым азербайджанским ученым, смена коренных языков населения тюркским разговорным языком относится к XI—XIII в. 2. Академик З.М.Буниятов же считает, что процесс тюркизации Азербайджана завершается в XI—XII вв. По его мнению, на территории Азербайджана в IV—VII вв. имелись значительные тюркские этнические массивы (гунны, хазары и др.), которые вместе с последующими поселенцами - «огузами с юга и кыпчаками с севера» ускорили процесс тюркизации населения на данной территории и образования «тюркоязычной азербайджанской народности». Автор при этом склонен считать ранних тюрков «аборигенами азербайджанской земли» 3.

Несколько иные хронологические рамки этой проблемы предлагает известный тюрколог Н.А.Баскаков: «Окончательное формирование азербайджанской народности, а затем нации, связанной своими корнями с огузским родо-племенным объединением... относится к XIII—XIV вв., после прихода огузских племен на территорию Закавказья и Ирана, когда огузские племена, овладев значительной территорией и смешавшись с местными аборигенами — иранским и албанским населением. приобрели под их воздействием особые этнические черты, характеризующие современный этнический тип азербайджанцев. сохранив вместе с тем свой тюркский язык, обладающий наиболее яркими по сравнению с другими тюркскими языками огузскими чертами»⁴. Автор признает наиболее ранними, основными аборигенами данной территории иранские племена и албанцев, население древней Албании, «оставившей культурное наследие на территории Азербайджана и древнюю письменность, созданную примерно в одно и то же время и одним и тем же автором, с древней письменностью армян и грузин»⁵.

К XIII—XIV вв. относит преобладание тюркского языка в Азербайджане и И.П.Петрушевский. Основываясь на более ранних источниках, он пишет: «Уже в XIII—XIV вв. на азербайджанском языке говорило громадное большинство населения Южного Азербайджана», и он преобладает в это время «не только к югу от р.Куры, но и к северу от нее, в Ширване». Далее И.П.Петрушевский отмечает, что «монгольские и туркменские кочевые племена, поселившиеся в стране до XV в., давно ассимилировались с азербайджанским населением. Почти та же судьба позднее постигла кочевые племена кара-коюнлу и ак-коюнлу, поселившиеся в Азербайджане в XV в.» 6. «Есть все основания утверждать, — полагает он далее, — что к концу XV в. (если еще не раньше) эти племена по языку и бытовым особенностям ничем не отличались от азербайджанцев, хотя по традиции продолжали называть тебя туркменами» 7.

Говоря о роли огузского и кыпчакского компонентов в сложении азербайджанского языка, азербайджанские ученые подчеркивают, что «огузский язык начинает играть здесь важную роль с середины XI в., кыпчакский приобретает значение с XII в.»8. Указывая на причины, благоприятно повлиявшие на принятие местным населением тюркского языка, исследователи отмечают, что «победу тюркского языка в Азербайджане можно объяснить длительными связями населения страны с тюркоязычным миром, политическим управлением или влиянием тюркской военно-кочевой знати в XI-XII вв., массовым переселением и оседанием здесь тюркских племен»⁹. Трудно, как нам кажется, возразить против этого объяснения. Однако, по нашему мнению, можно было бы на первый план выдвинуть такие факторы, как массовое переселение и оседание тюркоязычных племен, и прежде всего огузов. За последние годы было выдвинуто предположение о том, что «складывание новой этнической общности азербайджанского народа по времени можно датировать VII— IX BB.»¹⁰.

Таким образом, в вопросе о происхождении азербайджанского народа имеется ряд различных мнений как относительно этнических компонентов, так и хронологических рамок этого процесса. Тем не менее все авторы единодушны в том, что азербайджанцы как народ сформировались в результате взаимодействия и взаимопроникновения различных этносов на протяжении ряда веков при сохранении местного ядра в качестве древнейшей и важнейшей основы.

Азербайджан исстари стали населять не только тюркоязычные племена (гунны, савиры, хазары, огузы и кыпчаки), арабы, но и ираноязычные этнические группы (таты, и др.).

Одной из характерных особенностей политики завоевателей в захваченных районах были переселения. Так, еще в III в. сасанидский Иран, подчинив себе древнюю Атропатену (Азербайджан), переселил сюда ираноязычное население — татов¹¹. Точно так же поступали арабские халифы, а затем и султаны, завоевания которых сопровождались массовыми переселениями¹².

Формирование азербайджанского народа, таким образом, — многовековой и сложный процесс. В нем отразились разносторонние связи местного населения (албан, удин, талышей и др.) с целым рядом пришлых племен, принимавших в той или иной степени участие в сложении народа, и главным образом огузов. Последние, в свою очередь, вобрали в себя другие ранние этнические элементы тюркского и нетюркского происхождения.

Иными словами, вопрос об этническом формировании дагестанских азербайджанцев следует рассматривать не изолированно от вопроса об этногенезе азербайджанского народа в целом, а в неразрывном контексте с ним, как часть общей проблемы. Согласно источникам, в этом общем вопросе в какой-то

мере можно заметить особую роль отдельных племен, которые участвовали в сложении дагестанских азербайджанцев.

Так, исследование средневековых источников позволяет нам определить вклад, который внесли в этногенетический процесс азербайджанцев Дагестана иранские племена, хазары, арабы, тюрки, в том числе кыпчаки и сельджуки. Считается, что иранское проникновение в Южный Дагестан, в частности в Дербент и его окрестности, происходило еще при Ахеменидах (XI в. до н.э.) 13. Однако иранская экспансия в этом районе усиливается при знаменитом сасанидском царе Хосрове I Ануширване (531-579), с именем которого связывают основание Дербента и ряда других укрепленных населенных пунктов 14. В «Дербенд-наме» говорится, что Ануширван обратился к своему отцу Кобаду с просьбой разрешить ему возвести в этом пограничном районе Дербента против хазар «ряд укрепленных пунктов и заселить их семействами, выведенными из Ирана», на что якобы и получил разрешение. Разумеется, наиболее значительным из этих укреплений был Дербент со всеми грандиозными оборонительными укреплениями, где Сасаниды решили прочно обосноваться и укрепить его как свою северную границу от набегов кочевых племен, и прежде всего от хазар ^{15} .

Судя по «Дербенд-наме», «помимо Дербенда он (Ануширван. — С.Г.) возобновил всего сто шестьдесят городов, которые, котя, правда, существовали и ранее, но были в сильном упадке и необитаемы. Ануширван снова населил их переселенцами из Персии, так как цель его заключалась в ограждении Дербенда как средстве избавить Иран и Азербайджан от опустошительных наездов неверного хазарского племени» 16. Это свидетельствует о том, что данная территория была населена, причем довольно густо, еще задолго до проникновения сюда иранцев.

По сведениям, приводимым в том же «Дербенд-наме», тогда же по повелению Кобад Шаха в Дербенте были водворены 3 тыс. семейств, переселенные из Ирана, из племени самого государя, и сверх того туда же были отправлены «3 тысячи всадников для постоянного несения караульной службы» 17.

Таким образом, Дербент и район вокруг него, как важнейший стратегический узел, были заселены при шахе Кобаде и при его сыне Ануширване ираноязычными переселенцами, «потомки которых известны ныне под названием татов» 18. «Представляется вероятным, — писал В.Ф.Минорский, — что нынешние поселения ираноязычных татов у предгорий Кавказского хребта связаны с древними военными колониями» 19.

Указывая на роль иранского этнического элемента в Дербенте и в его округе в период строительства крупнейших на Кавказе оборонительных сооружений и, очевидно, пользуясь более ранними источниками об этнической ситуации в этом районе в отдаленную от нас пору, А.В.Комаров писал: «Персидские государи сасанидской династии... разновременно вывели из

Персии много людей и поселили их как в городе, так и за стеной для защиты от хазар. Потомками этих переселенцев могут быть признаны жители семи селений, известных под общим именем тат, сохранивших доселе татское наречие персидского языка. Из этих селений 6, а именно Джалган, Митаги, Кемах, Зидиан, Бильгади и Гимейди, находятся у самой стены, на южной ее стороне, а сел.Рукал в 3-х верстах от нее, тоже к югу»²⁰. Разумеется, иранский элемент занимал в них довольно значительное место, но тем не менее высказывание А.В.Комарова требует более конкретной аргументации, тем более, что сам автор в другой работе пишет: «Зиль, Дарваг, Гимейди, по преданию, основаны аравитянами»²¹.

Дальнейшая этническая ситуация в Дербенте и в его окрестностях, как известно, была связана главным образом с проникновением хазар, арабов, а позднее тюрков-сельджуков, кыпчаков и других в Южный Дагестан. Все они в той или иной степени оставили заметный след в этнических процессах в этом районе в течение всего средневековья и даже позже.

Например, хазары еще в VII в. не раз вторгались на территорию древней Албании через Чогский (Дербентский) проход и подвергали страну грабежу и насилию²². Ссылаясь на ранние источники, З.М.Буниятов отмечает, что «ко времени вторжения арабов северная часть Азербайджана — Аран и Сюнник... принадлежали хазарам»²³.

По данным арабского историка начала X в. Ахмада ал-Куфи (умер в 926 г.), когда Маслама вторгся со своими войсками в Дербент, в нем «находилось свыше 80 тыс.хазар»²⁴, которые, как признают многие ученые, являлись тюркоязычными племенами. Еще В.Ф.Минорский писал: «Позже главные вторжения с севера велись хазарами, народом, который, вероятно, относился к определенной группе тюркских племен или, во всяком случае, включал в себя значительное число других тюркских родов»²⁵. Вероятно, многочисленный контингент хазарского населения не мог исчезнуть бесследно и, несомненно, сыграл определенную роль в формировании этнического облика населения раннесредневекового Дербента и его окрестностей. Думается, что проникновение и оседание в Дербенте и южнее его тюркоязычных племенных групп хазарского объединения, продвигавшихся под натиском арабов, продолжалось и позже.

С середины VII в. начинается усиленная экспансия арабов в Дагестан²⁶. Ал-Балазури отмечает, в частности, что Маслама Ибн Абдулмалик переселил в город Дербент «двадцать четыре тысячи (солдат) из Сирии, обязавшись выдать им усиленное жалованье»²⁷. Почти те же сведения приводит спустя около трех веков Абу-Хамид ал-Гарнати, лично посетивший древний Дербент во время своего путешествия по Восточной Европе²⁸.

Историческая хроника «Дербенд-наме», восторженно отзываясь о политике арабов (особенно Масламы) в Дербенте, в частности по распространению ислама, также сообщает о квартальных мечетях в Дербенте, созданных полководцем «по именам преобладающих в каждой части племен, которые получили названия: Хазарской, Палестинской, Дамаской, Хамаской, Кайзарской, Джазир (Джезире?) и Мосульской»²⁹.

В этом сообщении интересны два обстоятельства: 1) хазары жили при арабах в Дербенте как равноправные граждане города, без притеснений, занимая определенную территорию; 2) для них была открыта специальная мечеть, что свидетельствует о принятии ими уже в то время ислама.

Арабы в рассматриваемое время обосновывались не только в Дербенте, но и в близлежащих населенных пунктах, при этом огнем и мечом опустошая аулы местных жителей. А.Н.Генко, пользуясь ранними источниками, пишет, что разрушенное ал-Джеррахом хазарское селение Дарваг позже было восстановлено и укреплено при халифе Мансуре Язидом ибн Асадом, наместником Армении, «поселившим в Дарваге арабов, выходцев из Памаска»³⁰. Одновременно арабы основали и новые населенные пункты. В этом отношении определенный интерес представляет сообщение ал-Якуби (IX в.) о том, что халиф Абу-Джафар «велел выпустить семь тысяч из тюрем и собрать в разных областях много воинов, которых он отправил (против хазар), присоединив к ним рабочих и строителей. И построил он город Кемах, и ал-Мухаммадию, и Баб-Вак и другие города, которые обратил в опорные пункты для мусульман и куда поселил воинов»³¹.

Выше были приведены сведения А.В.Комарова относительно принадлежности селений Камах и Гимейди (по ал-Якуби, предположительно ал-Мухаммадия) к поселениям персидского периода. Согласно данным ал-Якуби, они были построены арабами. Разумеется, при современном состоянии источников трудно определенно указать, кто были первые жители этих населенных пунктов. Очевидно, наиболее адекватной будет гипотеза о том, что заселение арабов шло двумя путями: 1) арабы обосновывались в старых населенных пунктах, вытесняя местных жителей с исконных мест и заменяя названия поселений новыми, арабскими; 2) одновременно на стратегически важных участках строили новые пункты. Что же касается селений Баб-Вак и ал-Мухаммадия, то А.Н.Генко³² сопоставляет их с современными селениями Дарваг и Гимейди³³.

Название Баб-Вак (вместо Дарваг), по всей вероятности, свидетельствует о том, что данное поселение, как и город Дербент (по-арабски Баб ал-Абваб), существовало еще до арабов, ибо, как отмечается в «Дербенд-наме», арабы совершили опустошительный поход и на Дарваг. Бой продолжался три дня и решился в пользу арабов³⁴. Как справедливо отметил А.Н.Генко, арабы могли изменить название Дарвага на свой лад — заменить персидское слово «дар»—«ворота» арабским «баб» и назвать

Дарваг — Баб-Ваг³⁵. Аналогичным образом название «Дербенд» было заменено арабским термином Баб ал-Абваб.

Завоевание арабов сопровождалось жестокими боями между местным населением и пришельцами. Между Гимейди и Дарвагом есть участок, который дарвагцы называют Рах-Зуль или Зулега и который они переводят с персидского как «Дорога резни», или «Дорога сражения». Согласно преданию, сохранившемуся у жителей Гимейди, на этом участке происходило большое сражение между хазарами и арабами-мусульманами.

Согласно источникам, эти древние поселения Южного Дагестана в период арабо-хазарских войн переходили то в руки арабов, то в руки хазар. В селении Дарваг и его окрестностях сохранились остатки старых башен, которые жители связывают с Дербентской горной оборонительной стеной — Даг-Бары. Как свидетельствует устная традиция, от дарвагской башни шла сигнализация до следующей башни или крепости общей оборонительной системы, и в случае какой-нибудь опасности или важного события днем выставлялся флаг определенного цвета, ночью — факел.

Как правильно заметил еще А.Н.Генко, местность, где расположены арабские и табасаранские селения Дюбек, Ерси, Дарваг, Зиль и др., по сей день называется Бендлик (бенд — «запор», лик — аффикс), а жители именуются как живущие под Бендом³⁶.

Анализируя арабский пласт в этнической истории народов изучаемой территории, отметим, что под названием «Араблар» до сих пор сохранилось поселение, хотя жители его уже давно ассимилировались в местной среде.

В дальнейшем, как мы уже отмечали, большую роль в этническом формировании населения рассматриваемого района сыграли тюрки: кыпчаки и особенно сельджуки. Как известно, в середине XI в. образовалось сельджукское государство, которое охватило огромные территории. Среди земель, захваченных сельджуками, были также Азербайджан и часть Юго-Восточного Дагестана с городом Дербентом³⁷. Сельджукское завоевание сопровождалось массовыми переселениями, что не могло не отразиться на этнической ситуации в Дербенте и примыкающих к нему землях. Заслуживает внимания точка зрения В.В.Бартольда, который отмечал, что благодаря образованию сельджукской империи огузы приобрели «для мусульманского мира такое значение, какого не имел в средние века ни один из других турецких народов» ³⁸.

Указанные обстоятельства, несомненно, усилили тюркский элемент в этнически разнородном регионе. Арабский писатель XII в. Абу Хамид ал-Гарнати (умер в 1170 г.) в своем сочинении, посвященном путешествию в Восточную и Центральную Европу, сообщает о тюрках, живущих в числе других в районе Дербента. Так, в 1131 г. автор видел, как в Дербенте у местного

эмира в меджлисе слушали комментарии к арабскому сочинению по мусульманскому праву люди, говорящие на разных языках, это были: «Лакзанский, табаланский, филанский, закаланский, хайдакский, гумикский, сарирский, аланский, асский, зарихкаранский, тюркский, арабский и персидский» 39. Абу Хамид ал-Гарнати, описывая поход эмира Дербента Абдул-Малика против зирихгеранцев, отмечает, что он собрал «множество тюрков и других» 40.

Отмечая роль тюрков в сложении азербайджанского народа, ученые выделяют «три волны, принесшие в Азербайджан носителей различных тюркских языков: гуннская, хазарская и сельджукская (огузская)» — и соответственно этот процесс делят на три этапа: «гуннский, хазарский и сельджукский», причем последний этап, «приходившийся на XI—XII вв., стал определяющим в языковой истории Азербайджана»⁴¹.

Однако, касаясь Дербента и его округи, следует иметь в виду немаловажную роль, которую сыграл и другой тюркский этнос — кыпчаки. По свидетельству Ибн ал-Асира (XIII в.), «после того как татары заняли земли кипчаков, последние рассеялись: одна часть ушла в страну русов, другая рассеялась по своим горам, большинство же их, собравшись, направилось к Дербенду — Ширвана» и завладело крепостью правителя Рашида 12. Грузинская летопись «Картлис-Цховреба» также доносит до нас некоторые сведения «о дербентских 13 кыпчаках, подчиненных в начале XII в. дербентскому правителю». Согласно этому источнику, например, по приглашению царя Давида Строителя (1089-1125) в Грузию прибыло 40 тыс. кыпчаков-воинов, «которых царь одел, вооружил и каждому из них дал по лошади» 14.

Разумеется, трудно сказать, когда именно тюркский (огузский) язык окончательно вытеснил местные, иранский, арабский и другие языки. Процесс вытеснения более ранних языков, несомненно, являлся длительным, хотя и здесь мог быть завершен после массового переселения и оседания огузов в XI—XIII вв. Тем не менее некоторые населенные пункты до недавнего времени сохраняли сведения о былой этнической принадлежности их жителей.

«Еще до настоящего времени, — писал в 1873 г. А.В.Комаров, — в Дербенте различаются между собою следующие тюркские племена: 1) караманлы, переселенные шахом Исмаилом в 1509 г. из Табриза, 2) курчи, пришедшие при шахе Тахмаспе в 1540 г., 3) боят (или баят. — С.Г.) при шахе Аббасе в конце XVI в., 4) микри, пришедшие при шахе Надире в 1741 г. Из остальных племен различаются между собою: Терекеме, выходцы из Туркмении, Падар, Караганлы, Дели-Чобан, Араблар и Марага» 45. Приведенное выше А.В.Комаровым деление в настоящее время не сохранилось. Так, А.В.Комаров среди племен называет и терекеме, которое, в свою очередь, включает в себя

Персии много людей и поселили их как в городе, так и за стеной для защиты от хазар. Потомками этих переселенцев могут быть признаны жители семи селений, известных под общим именем тат, сохранивших доселе татское наречие персидского языка. Из этих селений 6, а именно Джалган, Митаги, Кемах, Зидиан, Бильгади и Гимейди, находятся у самой стены, на южной ее стороне, а сел.Рукал в 3-х верстах от нее, тоже к югу»²⁰. Разумеется, иранский элемент занимал в них довольно значительное место, но тем не менее высказывание А.В.Комарова требует более конкретной аргументации, тем более, что сам автор в другой работе пишет: «Зиль, Дарваг, Гимейди, по преданию, основаны аравитянами»²¹.

Дальнейшая этническая ситуация в Дербенте и в его окрестностях, как известно, была связана главным образом с проникновением хазар, арабов, а позднее тюрков-сельджуков, кыпчаков и других в Южный Дагестан. Все они в той или иной степени оставили заметный след в этнических процессах в этом районе в течение всего средневековья и даже позже.

Например, хазары еще в VII в. не раз вторгались на территорию древней Албании через Чогский (Дербентский) проход и подвергали страну грабежу и насилию²². Ссылаясь на ранние источники, З.М.Буниятов отмечает, что «ко времени вторжения арабов северная часть Азербайджана — Аран и Сюнник... принадлежали хазарам»²³.

По данным арабского историка начала X в. Ахмада ал-Куфи (умер в 926 г.), когда Маслама вторгся со своими войсками в Дербент, в нем «находилось свыше 80 тыс.хазар»²⁴, которые, как признают многие ученые, являлись тюркоязычными племенами. Еще В.Ф.Минорский писал: «Позже главные вторжения с севера велись хазарами, народом, который, вероятно, относился к определенной группе тюркских племен или, во всяком случае, включал в себя значительное число других тюркских родов»²⁵. Вероятно, многочисленный контингент хазарского населения не мог исчезнуть бесследно и, несомненно, сыграл определенную роль в формировании этнического облика населения раннесредневекового Дербента и его окрестностей. Думается, что проникновение и оседание в Дербенте и южнее его тюркоязычных племенных групп хазарского объединения, продвигавшихся под натиском арабов, продолжалось и позже.

С середины VII в. начинается усиленная экспансия арабов в Дагестан²⁶. Ал-Балазури отмечает, в частности, что Маслама Ибн Абдулмалик переселил в город Дербент «двадцать четыре тысячи (солдат) из Сирии, обязавшись выдать им усиленное жалованье»²⁷. Почти те же сведения приводит спустя около трех веков Абу-Хамид ал-Гарнати, лично посетивший древний Дербент во время своего путешествия по Восточной Европе²⁸.

Историческая хроника «Дербенд-наме», восторженно отзываясь о политике арабов (особенно Масламы) в Дербенте, в частности по распространению ислама, также сообщает о квартальных мечетях в Дербенте, созданных полководцем «по именам преобладающих в каждой части племен, которые получили названия: Хазарской, Палестинской, Дамаской, Хамаской, Кайзарской, Джазир (Джезире?) и Мосульской» 29.

В этом сообщении интересны два обстоятельства: 1) хазары жили при арабах в Дербенте как равноправные граждане города, без притеснений, занимая определенную территорию; 2) для них была открыта специальная мечеть, что свидетельствует о принятии ими уже в то время ислама.

Арабы в рассматриваемое время обосновывались не только в Дербенте, но и в близлежащих населенных пунктах, при этом огнем и мечом опустошая аулы местных жителей. А.Н.Генко, пользуясь ранними источниками, пишет, что разрушенное ал-Джеррахом хазарское селение Дарваг позже было восстановлено и укреплено при халифе Мансуре Язилом ибн Асалом, наместником Армении, «поселившим в Дарваге арабов, выходцев из Дамаска»³⁰. Одновременно арабы основали и новые населенные пункты. В этом отношении определенный интерес представляет сообщение ал-Якуби (IX в.) о том, что халиф Абу-Джафар «велел выпустить семь тысяч из тюрем и собрать в разных областях много воинов, которых он отправил (против хазар), присоединив к ним рабочих и строителей. И построил он город Кемах, и ал-Мухаммадию, и Баб-Вак и другие города, которые обратил в опорные пункты для мусульман и куда поселил воинов»³¹.

Выше были приведены сведения А.В.Комарова относительно принадлежности селений Камах и Гимейди (по ал-Якуби, предположительно ал-Мухаммадия) к поселениям персидского периода. Согласно данным ал-Якуби, они были построены арабами. Разумеется, при современном состоянии источников трудно определенно указать, кто были первые жители этих населенных пунктов. Очевидно, наиболее адекватной будет гипотеза о том, что заселение арабов шло двумя путями: 1) арабы обосновывались в старых населенных пунктах, вытесняя местных жителей с исконных мест и заменяя названия поселений новыми, арабскими; 2) одновременно на стратегически важных участках строили новые пункты. Что же касается селений Баб-Вак и ал-Мухаммадия, то А.Н.Генко³² сопоставляет их с современными селениями Дарваг и Гимейди³³.

Название Баб-Вак (вместо Дарваг), по всей вероятности, свидетельствует о том, что данное поселение, как и город Дербент (по-арабски Баб ал-Абваб), существовало еще до арабов, ибо, как отмечается в «Дербенд-наме», арабы совершили опустошительный поход и на Дарваг. Бой продолжался три дня и решился в пользу арабов³⁴. Как справедливо отметил А.Н.Генко, арабы могли изменить название Дарвага на свой лад — заменить персидское слово «дар»—«ворота» арабским «баб» и назвать

Дарваг — Баб-Ваг³⁵. Аналогичным образом название «Дербенд» было заменено арабским термином Баб ал-Абваб.

Завоевание арабов сопровождалось жестокими боями между местным населением и пришельцами. Между Гимейди и Дарвагом есть участок, который дарвагцы называют Рах-Зуль или Зулега и который они переводят с персидского как «Дорога резни», или «Дорога сражения». Согласно преданию, сохранившемуся у жителей Гимейди, на этом участке происходило большое сражение между хазарами и арабами-мусульманами.

Согласно источникам, эти древние поселения Южного Дагестана в период арабо-хазарских войн переходили то в руки арабов, то в руки хазар. В селении Дарваг и его окрестностях сохранились остатки старых башен, которые жители связывают с Дербентской горной оборонительной стеной — Даг-Бары. Как свидетельствует устная традиция, от дарвагской башни шла сигнализация до следующей башни или крепости общей оборонительной системы, и в случае какой-нибудь опасности или важного события днем выставлялся флаг определенного цвета, ночью — факел.

Как правильно заметил еще А.Н.Генко, местность, где расположены арабские и табасаранские селения Дюбек, Ерси, Дарваг, Зиль и др., по сей день называется Бендлик (бенд — «запор», лик — аффикс), а жители именуются как живущие под Бенлом³⁶.

Анализируя арабский пласт в этнической истории народов изучаемой территории, отметим, что под названием «Араблар» до сих пор сохранилось поселение, хотя жители его уже давно ассимилировались в местной среде.

В дальнейшем, как мы уже отмечали, большую роль в этническом формировании населения рассматриваемого района сыграли тюрки: кыпчаки и особенно сельджуки. Как известно, в середине XI в. образовалось сельджукское государство, которое охватило огромные территории. Среди земель, захваченных сельджуками, были также Азербайджан и часть Юго-Восточного Дагестана с городом Дербентом³⁷. Сельджукское завоевание сопровождалось массовыми переселениями, что не могло не отразиться на этнической ситуации в Дербенте и примыкающих к нему землях. Заслуживает внимания точка зрения В.В.Бартольда, который отмечал, что благодаря образованию сельджукской империи огузы приобрели «для мусульманского мира такое значение, какого не имел в средние века ни один из других турецких народов» 38.

Указанные обстоятельства, несомненно, усилили тюркский элемент в этнически разнородном регионе. Арабский писатель XII в. Абу Хамид ал-Гарнати (умер в 1170 г.) в своем сочинении, посвященном путешествию в Восточную и Центральную Европу, сообщает о тюрках, живущих в числе других в районе Дербента. Так, в 1131 г. автор видел, как в Дербенте у местного

эмира в меджлисе слушали комментарии к арабскому сочинению по мусульманскому праву люди, говорящие на разных языках, это были: «Лакзанский, табаланский, филанский, закаланский, хайдакский, гумикский, сарирский, аланский, асский, зарихкаранский, тюркский, арабский и персидский» 39. Абу Хамид ал-Гарнати, описывая поход эмира Дербента Абдул-Малика против зирихгеранцев, отмечает, что он собрал «множество тюрков и других» 40.

Отмечая роль тюрков в сложении азербайджанского народа, ученые выделяют «три волны, принесшие в Азербайджан носителей различных тюркских языков: гуннская, хазарская и сельджукская (огузская)» — и соответственно этот процесс делят на три этапа: «гуннский, хазарский и сельджукский», причем последний этап, «приходившийся на XI—XII вв., стал определяющим в языковой истории Азербайджана»⁴¹.

Однако, касаясь Дербента и его округи, следует иметь в виду немаловажную роль, которую сыграл и другой тюркский этнос — кыпчаки. По свидетельству Ибн ал-Асира (XIII в.), «после того как татары заняли земли кипчаков, последние рассеялись: одна часть ушла в страну русов, другая рассеялась по своим горам, большинство же их, собравшись, направилось к Дербенду — Ширвана» и завладело крепостью правителя Рашида 42. Грузинская летопись «Картлис-Цховреба» также доносит до нас некоторые сведения «о дербентских 43 кыпчаках, подчиненных в начале XII в. дербентскому правителю». Согласно этому источнику, например, по приглашению царя Давида Строителя (1089-1125) в Грузию прибыло 40 тыс. кыпчаков-воинов, «которых царь одел, вооружил и каждому из них дал по лошали» 44.

Разумеется, трудно сказать, когда именно тюркский (огузский) язык окончательно вытеснил местные, иранский, арабский и другие языки. Процесс вытеснения более ранних языков, несомненно, являлся длительным, хотя и здесь мог быть завершен после массового переселения и оседания огузов в XI—XIII вв. Тем не менее некоторые населенные пункты до недавнего времени сохраняли сведения о былой этнической принадлежности их жителей.

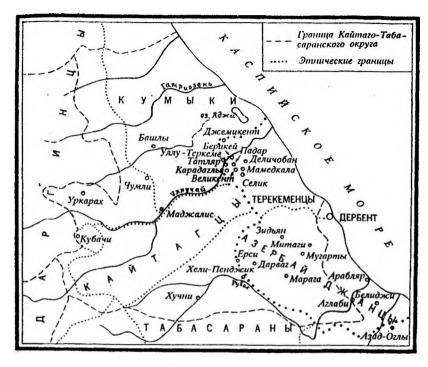
«Еще до настоящего времени, — писал в 1873 г. А.В.Комаров, — в Дербенте различаются между собою следующие тюркские племена: 1) караманлы, переселенные шахом Исмаилом в 1509 г. из Табриза, 2) курчи, пришедшие при шахе Тахмаспе в 1540 г., 3) боят (или баят. — С.Г.) при шахе Аббасе в конце XVI в., 4) микри, пришедшие при шахе Надире в 1741 г. Из остальных племен различаются между собою: Терекеме, выходцы из Туркмении, Падар, Караганлы, Дели-Чобан, Араблар и Марага» 45. Приведенное выше А.В.Комаровым деление в настоящее время не сохранилось. Так, А.В.Комаров среди племен называет и терекеме, которое, в свою очередь, включает в себя

и другие этнические названия, как правило, татлар, возможно, кайы, дели-чобан и др. На характеристике терекеме мы останавливаться специально не будем, поскольку ему посвящено специальное исследование 46. Нам думается, что автор здесь отмечает не только собственно дербентцев, но и названия ряда самостоятельных поселений (Падар, Марага, Араблар и др.), не относящихся непосредственно к городу Дербенту. Что касается сведений А.В.Комарова об этническом подразделении баят, то они находят подтверждение и в более ранних, близких к истине родословных представителей этого племени. Так, в прошении от 1837 г. дербентского жителя Фергат-бека Алпанбекова на имя коменданта города Дербента Васильева говорится, что в 1601 г. («прошло тому 236 лет») по указу шаха Аббаса I в Дербент прибыл «с принадлежащим ему обществом Газиян Баят Бузга оглы» с 1000 человек конницы для охраны города и «служил при дербентском начальнике Чрях Султане» 47. Правда, автор прошения отмечает, что позже часть баят была приведена в Кубинскую провинцию в селение Шабран⁴⁸. Территория близ Дербента, «населенная этим народцем» (20 домов), называлась тогда «Баятская земля» или «Баятская деревня». Жители этой земли, судя по тому же документу, потом были переселены частично в Дербент, частично в селение Араблар⁴⁹. А.-К.Бакиханов же считает, что «племя баят» в Пербент переселил из Ирана шах Исмаил⁵⁰.

По данным Е.И.Козубского, еще в конце XIX — начале XX в. Дербент делился на девять кварталов, среди которых были кварталы, прямо указывающие на этническую принадлежность их жителей, — Микри, Баят (или Баят уджары), Сурсур, Курчи⁵¹. Термин «баят» до сих пор сохранился и в названии Южных ворот Дербента (Баят-капы), 8-го магала, на юго-западе границы⁵². За этими воротами вне черты города еще в 1869 г., по данным А.В.Комарова, жили отдельным аулом баяты⁵³. Число их составляло всего лишь десять домов, а по данным 1886 г., и того меньше — три хозяйства с общим числом жителей 18 человек⁵⁴.

Согласно сохранившемуся среди азербайджанцев Дербента преданию, баяты были огнепоклонниками, имели свой храм огня (уджагъ или уджары), остатки которого якобы можно было видеть еще на рубеже XIX — начала XX в. Баяты, как известно, — одно из собственно огузских племен, сыгравших важную роль в этногенезе многих тюркоязычных народов. По данным историка XIII в. Рашид ад-Дина, в числе 24 основных огузских племен баяты после кайы занимали второе место⁵⁵.

Этнический термин «микри» сохранился также в названии одного из квартальных (2-го магала) родников Дербента. По всей вероятности, в этом магале когда-то жили представители племени микри. По сведениям, приводимым Е.И.Козубским, можно показать, что «общество микри в числе 150 семейств

Расселение азербайджанцев в XIX — начале XX в

призвано было охранять двор, гарем и сокровища Надира в Дер-бенте» 56. Е.И.Козубский называл и «племя муганлы» как составлявшее часть гарнизона крепости Кабир, принадлежащей тогда Дербенту 57, а также сурсур, этническую группу, переселенную при том же Надире из Турции. Е.И.Козубский считает, что все эти племенные группы были переселены из Ирана, хотя и принадлежали к тюркам. «Переселеные в Дербент шахами, — писал он, — в разные эпохи тюрки вынесли из Персии не только религию, но и многое из ее нравов, обычаев и т.п.» 58.

Сохранилось в топонимике и название селения Араблар, или Арабилер-Сорсыр, где, несомненно, в прошлом жили арабы, в 1813 г. в нем насчитывалось 60 хозяйств⁵⁹. Однако со временем они сильно смешались с азербайджанцами. И в настоящее время жители не имеют никакого представления о своем арабском происхождении, считая себя азербайджанцами.

Что же касается селения Марага, то, по всей вероятности, оно сохранило название былого крупнейшего средневекового южноазербайджанского города, значение которого отмечали многие авторы. Так, по сведениям Закарийи ал-Казвини и Якута, это был «самый известный и самый великий город в

Азербайджане. В нем много памятников, построек, медресе и ханак. Город был средоточием литераторов, поэтов, знатоков хадисов и факихов» 60.

В послемонгольский период уцмий Кайтага, ханы Дербента и Кубы всеми мерами старались заселять опустощенные нашествиями монголов подвластные им земли в приморском Дагестане и «для этого приглашали желающих, а иногла силою переводили семьи и целые селения из Ширвана» 61. Особенно часто переселения производились иранскими шахами, реже турецкими султанами. Разумеется, не все, кого переселяли в ту пору в эти места из Ирана и других южных стран, представляли собой только ираноязычное население. По всей вероятности, это было разноплеменное, разнородное население, среди него не последнее место занимал тюркский этнос, большие наплывы которого способствовали ассимиляции более ранних поселенцев и коренных жителей. Одновременно увеличивался и приток «чистых» огузов, что способствовало интенсификации процесса языковой тюркизации населения этого района, окончательной победе здесь огузского языка. Далеко не однородными, на наш взгляд, были по своему этническому составу племенные группы, участвовавшие в формировании дагестанских терекеменцев, хотя они и были известны под общим названием «терекеме». В их этническом формировании доминирующую роль играли огузские племена, однако, по данным языка, нетрудно обнаружить былое влияние и кыпчакских этнических элементов. Более того, азербайджанцы Южного Дагестана поддерживали этнокультурные связи с окружающим населением — кумыками, табасаранцами, лезгинами, даргинцами и др., с которыми жили и живут в течение веков бок о бок. Это наглядно видно хотя бы при анализе легенд о происхождении отдельных тухумов: дурабаджлар, даглулар (селение Арак), лезгилюлар (селение Ерси), уста оружлар (селение Дарваг) и др., которым устная традиция приписывает неместное происхождение. Можно, пожалуй, утверждать, что почти каждая десятая семья в терекеменском селении Джимикент так или иначе (главным образом через браки) была связана с жителями соседнего кумыкского селения Башлы.

Итак, древнее население данной территории в значительной степени было ассимилировано тюркскими племенами, особенно огузами, миграционные волны которых усиливаются с XI—XIII вв. Этот процесс был характерен не только для собственно Азербайджана, но и, как нам представляется, для азербайджанцев Южного Дагестана, сохранивших еще в XVIII—начале XX в. в какой-то мере некоторые ранние этнические особенности, т.е. дотюркскую основу. Значит, утверждение азербайджанских ученых о том, что «смена коренных языков населения Азербайджана тюркским разговорным языком относится к XI—XIII вв.» 62, может быть в своих общих чертах

применено и по отношению к азербайджанцам Южного Дагестана.

Относительно Дербента XV—XVI вв. В.В.Бартольд сообщает: «Дербенд описывается уже не как арабский, а как тюркский город... О том, как и когда арабское население было вытеснено тюркскими пришельцами, мы не имеем никаких сведений. Этот процесс, очевидно, связан с постепенной тюркизацией Азсрбайджана и остальных северо-западных провинций Персии со времени сельджукской династии» 63.

При этом, как склонен считать В.В.Бартольд, в Дербенте в XII в. «преобладали все еще арабы, а не тюрки», что не только монгольское название Дербентского прохода (Кахалга), но и тюркское (Темир-капы — «Железные ворота») появилось лишь в монгольское время⁶⁴.

В настоящее время в ряде селений азербайджанцев (Бильгади, Митаги, Зидьян, Кемах, Гимейди) в качестве языка общения в семье и внутри аула все еще сохраняется татский язык. Более того, в селении Джалган (оно стоит на горе Джалган-тав, юго-западнее Дербента) все жители между собой говорят только на татском языке, а дети вообще не знают азербайджанского языка. Обучение в школе здесь ведется на русском языке. К сожалению, татский язык не преподается ни в Джалгане, где его знают все, ни в других татских селениях, где он уже теряет свою роль родного языка. Указывая на место татского языка в названных выше шести селениях еще во второй половине XIX в. и на процесс вытеснения его азербайджанским языком, А.В.Комаров писал: «В последние годы татский язык в этих селениях начал заменяться тюркско-азербайджанским; теперь им говорят только старики и женщины» 65. Вытеснение татского языка тюркским (азербайджанским) особенно усилилось в начале XX в. с ростом межнационального общения, а позлнее - с преподаванием в школе всех предметов на азербайджанском и русском языках.

Согласно трудам отечественных ученых, в антропологическом отношении дагестанские азербайджанцы в целом составляют единый тип со всеми азербайджанцами Кавказского региона. Несколько отличаются своими локальными антропологическими особенностями только терекеменцы. Как показали исследования, проведенные Г.Ф.Дебецем, Н.Н.Миклашевской и А.Г.Гаджиевым, последние одновременно обнаруживают черты сходства как с азербайджанцами (главным образом), так и частично с южными кумыками (особенно с жителями селения Каякент). В целом терекеменцы считаются представителями (хотя нетипичными) каспийского антропологического типа.

Таким образом, этническое формирование азербайджанцев Дагестана, как и всего Кавказа, — это длительный процесс развития местного населения с его многосторонними связями и с иранскими, арабскими племенами, и с кыпчаками, и особенно

с огузами. Вопросы формирования антропологического состава дагестанских азербайджанцев мало изучены, Роль древней основы в этом процессе и более поздних напластований все еще ждет своего специального исследования⁶⁶.

1 Подробнее см.: Пигулевская Н.В. Месопотамия на рубеже V—VI вв. М.—Л., 1940; она же. Сирийские источники по истории народов СССР. — ТИВАН. Вып.ХІІ. М.—Л., 1941; Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании IV в. до н.э. — VII в. н.э. М.—Л., 1959; Баскаков Н.А. Тюркские языки. М., 1969; он же. Карапапахи или Терекеме. Изучение их языка. — КСИНА. Вып.65, 1964; он же. Очерки истории функционального развития тюркских языков и их классификация. Аш., 1988; Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962; Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда Х—ХІ веков. М., 1963; Федоров Я.А., Федоров Г.С. Ранние тюрки на Северном Кавказе. М., 1978; Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа IV—Х вв. Л., 1979; Сумбат-заде А.С. Азербайджанцы — этногенез и формирование народа. Баку, 1990; Магомедов М.Г. Образование Хазарского каганата. М., 1983; Джафаров Ю.Р. Гунны и Азербайджан. Баку, 1985; Гейбуллаев Г.А. Топонимия Азербайджана. Баку, 1968; Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. Баку, 1991; и пр

² Подробнее см.: История Азербайджана. Т.І. Баку, 1958, с.77—97, 169—172: Петрушевский И.П. Государства Азербайджана в XV в. — Сборник статей по истории Азербайджана. Вып.І. Баку, 1949, с.185; Ямпольский З.И. Материалы о происхождении азербайджанского народа. — Известия АН Азербайлжанской ССР. 1956. № 1. с.93—100: Меликсет-Бек Л.М. К истории появления гуннов в Восточном Закавказье. — Поклады АН Азербайджанской ССР. Т.ХІІ. № 6. Баку, 1957, с.709—712: Алиев И.Г. О первых племенных союзах на территории Азербайджана. Баку, 1959; Народы Азербайджанской ССР. — Народы Кавказа. Т.И. М., 1962, с.43-46 («Народы мира»); Алиев К.Г. К вопросу о племенах Кавказской Албании. М., 1964; Бунцятов З.М. О длительности пребывания хазап в Албании в VII-VIII вв. - Известия АН Азербайджанской ССР. Баку. 1961 (Серия общественных наук. № 4): он же. Азербайджан в VII—IX вв. Баку. 1964. с.170—177; Гусейнов Р.А. Тюркские этнические группы XI—XII вв. в Закавказье. - Тюркологический сборник. 1972. М., 1973, с.375-381; он же. Огузы, кыпчаки и Азербайджан XI—XII вв. — Проблемы современной тюркологии. Материалы II Всесоюзной тюркологической конференции. А.-А., 1980, с.348—352; Ашурбейли С. Государство Ширваншахов в XI—XVI вв. Баку, 1983, с.23—24; Юсифов Ю.Б. К этногенезу азербайджанцев. — Фольклор, литература и история Востока. Таш., 1984, с.331—338; Джафаров Ю.Р. Гунны и Азербайджан; и др.

³ Буниятов З.М. Азербайджан в VII—IX вв., с.179—180.

⁴ Баскаков Н.А. Очерки истории функционального развития тюркских языков и их классификация. Аш., 1988, с.63.

5 Tan ....

6 Петрущевский И.П. Государства Азербайджана в XV веке, с.185.

7 Там же, с.185.

 ^{8} Гусейнов Р.А. Тюркские этнические группы XI—XII вв. в Закавказье, с.377.

^у Там же

10 Алияров С.С. Об этногенезе азербайджанского народа (к постановке проблемы). — К проблеме этногенеза азербайджанского народа. Баку, 1984, с.20. 11 См.: Народы Азербайджанской ССР, с.44; Таты. — Народы Кавказа. Т.ІІ. М., 1962, с.181; *Гордлевский В.А.* Силуэты Турции, Юруки. — Избранные сочинения. Т.ІІІ. М., 1962, с.108.

12 История Азербайджана. Т.І, с.107—109; *Гордлевский В.А.* Государство Сельджукидов в Малой Азии. — Избранные сочинения. Т.І. М., 1960, с.73; *Буниятов З.М.* Азербайджан в VII—IX вв., с.170—179.

13 Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X—XI веков, с.30; Исто-

рия Дагестана. Т.І. М.,1967, с.121-122.

14 Дербенд-наме. Под ред. М.Алиханова-Аварского. Тифлис, 1898, с.30; ал-Балазури сообщает, что еще отец Ануширвана Кобад здесь построил преграду (т.е. вал. — С.Г.) из нежженой глины (кирпича) и вдоль глиняной стены построил 360 городов, пришедших в разрушение после постройки Дербента. См.: Баладзори. Китаб Футух ал-булдан (Книга завоеваний стран). Пер. с араб. П.К.Жузе. Материалы по истории Азербайджана. Вып.ІІІ. Баку, 1927, с.5; эти же сведения приводятся в «Дербенд-наме» (с.32).

15 Ал-Балазури (IX в.) и другие авторы приводят предание о том, как персидский шах Ануширван обманул хазарского хакана, когда он залумал отгородить свои земли от его земель, построив дербентские оборонительные укрепления. Суть предания вкратце заключается в следующем: чтобы расположить к себе хакана. Ануширван просит в жены его дочь, высказывая желание быть его зятем. В то же время он посылает хакану в жены девушку-рабыню, выдав ее за родную дочь. Встречаются оба правителя в Баршалии, которую принято отождествлять с современным селением Башлы и его округой. Во время пира они как бы полоужились. Однако Ануширван решил через доверенных ему людей поджечь лагерь хакана. Когда это случилось, шах заверил, что поджог исходит не от него. Спустя несколько дней Ануширван велел повторить поджог, а по прошествии некоторого времени ночью полжег часть и своего дагеов, где были лишь лачуги, сделанные из травы и прутьев. На следующий день утром Ануширван стал жаловаться хакану, что его люди чуть не уничтожили весь его лагель. Хакан поклялся, что не знает, как это случилось. Тогда Ануширван сказал: «Брат мой, наши войска не хотят, чтобы между нами был мир. Они хотят продолжать набеги. Было бы хорошо, если бы ты согласился, чтобы я воздвиг стену, которая разпеляла бы наши государства. Я поставлю ворота, через которые никто не пройдет без нашего позволения». Хакан согласился и был обманут. Попробнее см.: Баладзори. Китаб Футух ал-булдан, с.6—7. Имеется и пругая версия, приводимая Е.И.Козубским. Ссылаясь на ал-Масуди, писателя Х в., он сообщает, что иран-шах был женат на дочери хакана, по имени Факим, от которой якобы «имел сына Гормузда, наследовавшего ему» (см.: Козубский Е.И. История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906, с.21).

16 Дербенд-наме, с.96—97.

17 Там же, с.27.

18 История Дагестана. Т.I, с.115.

19 Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X—XI веков, с.30; см. также: История Дагестана. Т.I, с.121—122.

20 Комаров А. Народонаселение Дагестанской области. — Записки Кавказского отдела имп. Русского географического общества. Кн. 8. Тифлис, 1873, с.23; см. также: Козубский Е.И. История города Дербента, с.20.

21 Список населенных мест Дагестанской области. Сост. А.В.Комаров. — Сборник статистических сведений о Кавказе. Т.І. Тифлис. 1869. с. 97.

22 См.: Моисей Каганкатваци. История агван. Пер. К.Патканова. СПб., 1860. с.150.

23 Бунцятов З.М. Азербайджан в VII—IX вв., с.76—77.

24 Абу Мухаммад Ахмад Ибн а'сам ал-Куфи. Книга завоеваний. Извлечения по истории Азербайджана VII—IX вв. Пер. с араб. З.М.Буниятова. Баку, 1981,

- с.14; О войнах хазар с арабами в Дагестане см.: Алкадари Гасан-Эфенди. Асари Дагестан. Махачкала, 1929, с.17—25; Артамонов М.И. История хазар; Магомедов М.Г. Образование Хазарского каганата.
  - 25 Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда Х-ХІ веков, с.37.
- 26 См.: Генко А.Н. Арабский язык и кавказоведение. М.—Л., 1941, с.84—87 (ТИВАН, вып.36); Шихсаидов А.Р. Ислам в средневековом Дагестане (VII—XV вв.). Махачкала, 1969; Волкова Н.Г. Арабы на Кавказе. СЭ. 1983, № 2. с.41—47.
  - 27 Баладзори. Китаб Футух ал-булдан, с.17.
- 28 Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1153 гг.). Публикация О.Г.Большакова, А.Л.Монгайта. М., 1971, с.49; см. также: Бакиханов Аббас-Кули-Ага «Кудси». Гюлистан-Ирам. Баку, 1926 (Труды общества обследования и изучения Азербайджана. Вып.4), с.42.
  - ²⁹ Дербенд-наме, с.78.
  - 30 Генко А.Н. Арабский язяык и кавказоведение, с.87.
- 31 Якуби. Тарих (История). Пер. П.К.Жузе. Материалы по истории Азербайджана VII—IX вв. Баку, 1926, с.9.
  - 32 Генко А.Н. Арабский язык и кавказоведение, с.87.
  - 33 Там же, с.85, 87.
  - 34 Дербенд-наме, с.106—107.
  - 35 Генко А.Н. Арабский язык и кавказоведение, с.85.
  - 36 Там же, с.86.
- 37 История Азербайджана. Т.І, с.139—140; История Дагестана. Т.І, с.200—202; Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X—XI веков, с.66—79; Шихсаидов А.Р. Ислам в средневековом Дагестане, с.148.
  - 38 Бартольд В.В. Сочинения. Т.И. Ч.І. М., 1963, с.574.
  - 39 Путешествия Абу Хамида ал-Гарнати..., с. 26.
  - 40 Там же, с.50.
- 41 Гусейнов Р.А. Огузский топонимический пласт. Материалы докладов II научной конференции, посвященной изучению топонимики Азербайджанской ССР. Баку, 1981, с.22.
- 42 Ибн ал-Асир. Тарих ал-Камиль (Полный свод истории). Пер. с араб. П.К.Жузе. Баку, 1940, с.145—147.
- 43 О Дербентском княжестве XII в. см.: Пахомов Е.А. О Дербентском княжестве XII—XIII вв. Известия АзГНИИ. Т.І. Вып. 2. Баку, 1930.
- 44 Цит. по: Известия грузинских летописей и источников о Северном Кавказе и России... СМОМПК. Вып.22, 1897, с.35—36; о кыпчаках Северного Кавказа и Дербента также см.: Анчабадзе З.В. Кипчаки Северного Кавказа по данным грузинских летописей XI—XIV вв. О происхождении балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1960, с.113—125.
- 45 Комаров А.В. Народонаселение Дагестанской области, с.23; об этих этнических названиях см.: Краткие сведения о тухумах и степени развития в настоящее время кровомщения между мусульманами. Памятники обычного права Дагестана XVII—XIX вв. М., 1965, с.52.
- 46 Гаджиева С.Ш. Цагестанские терекеменцы. XIX начало XX в. М., 1990.
  - 47 ЦГА Дагестана. Ф.18, оп.1, д.213, д.3—4.
  - ⁴⁸ Там же.
  - ⁴⁹ Там же.
  - 50 Бакиханов Аббас-Кули-Ага. «Кудси». Гюлистан-Ирам, с.77.
  - 51 Козубский Е.И. История города Лербента, с.306.

- 52 Там же, с.305; ворота известны и под названием «Туркмен-капы».
- 53 Комаров А. Список населенных мест Дагестанской области. Сборник статистических сведений о Кавказе. Т.І. Тифлис. 1869, с.83.
- 54 Свод статистических данных о населении Закавказского края, извлеченных из посемейных списков 1886 г. Дагестанская область. Тифлис. 1893.
- 55 Рашид ад-Дин. Джами-ат-Таварих (Извлечения). Пер. И.Н.Лиманова. Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т.І. Ч.І. М.—Л., 1952, с.83—90.
  - 56 Козубский Е.И. История города Дербента, с.90.
  - 57 Там же.
  - ⁵⁸ Там же, с.305.
  - 59 Ришцев Ф.Н. Сведения о Дагестане. 1813 г. ИГЭД. М., 1958, с.250.
- 60 Цит. по: Буниятов З.М. Государство атабеков Азербайджана (1136—1225 гг.). Баку, 1978, с.202.
  - 61 Комаров А.В. Список населенных мест Дагестанской области, с.23.
  - 62 Народы Азербайджанской ССР. Народы Кавказа. Т.І, с.45.
  - 63 Бартольд В.В. Сочинения. Т.Ш. М., 1965, с.247.
  - 64 _{Там} же.
  - 65 Комаров А.В. Список населенных мест Дагестанской области, с.23.
- 66 Проблема происхождения собственно азербайджанцев по данным антропологии и изучена более обстоятельно; см.: Алексеев В.П. Происхождение народов Кавказа. М., 1974; Касимова Р.М. Антропологические исследования населения Азербайджанской ССР. Баку, 1975; Хипь Г.Л. Дерматоглифика народов СССР. М., 1983, с.88—89, 99, 108—109, 112—115; и др.

Электронная библиотека Института истории, археологии и этнографии Дагестанского ФИЦ РАН

instituteofhistory.ru

Глава III

хозяйственная деятельность

Земледелие

Зерновые культуры. Основная масса населения азербайджанцев Южного Дагестана занималась сельским хозяйством, которое носило многоотраслевой характер. Основное место в земледелии экинчилик занимали зерновые культуры. Сеяли преимущественно пшеницу (бугда), такие сорта, как сарибугда, аг-бугда, гюльгери, сари-гильчик и др., а также ячмень (арпа), полбу (периндж), чечевицу (мержимек). В некоторых селениях равнинной части культивировали кукурузу (гъажибугда), рис (чалтык), а в предгорных — горох (нухут). Подчеркивая большую роль растениеводства, и прежде всего зерноводства, в хозяйственной деятельности азербайджанцев региона еще в конце XVIII в., Ф.Ф.Симонович писал: «Дербентское владение изобилует хлебопашеством, состоящим в пшенице, ячмене, сарачинском пшене и прочем, равно и плодами древесными и огородными, как-то: виноградом, гранатами, миндалями, смоквами, сливами, яблоками, грушами, дынями, арбузами, орехами, шелковицею и шафраном»¹.

За многовековую свою историю дагестанские азербайджанцы накопили большой хозяйственный опыт, создали сложную систему земледелия, селекцию семян, севооборотов, орошения и т.п. Сельские угодья общества обычно делили на пашни экилен ерлер, сенокосные угодья мерджлер, лесные угодья мешелер и пастбища чеменлер. При использовании земли под пашню азербайджанцы учитывали опыт прошлых лет, специфику местных условий, качество почвы, возможности орошения и т.д. Здесь широко применялись двухпольная, трехпольная и многопольная системы полеводства. Двухпольная система была шире распространена в предгорной части территории (Дарваг, Рукель и др.). Во всех сельских обществах практиковалась вспашка под пар гугар. "Гугары олмаяны гугали олмас" ("Кто не поднимает пар. у того не будет слоеного пирога"), — говорили азербайджанцы, подчеркивая большое значение вспашки такого рода. Отметим также, что в многоземельных обществах участки, отводимые под пахоту, могли иногда отдыхать в одних случаях пять-десять

лет, в других — год, в-третьих — один сезон (с весны до осени или наоборот).

В отличие от равнинной части (магал Терекеме и др.), где принадлежавшая феодалам земля была в общем пользовании крестьян, в предгорной части (селения Гимейди, Кемах, Митаги, Рукель, Мугарты, Зидиян, Бильгади, Зиль, Марага и др.) земля издавна находилась в индивидуальном пользовании крестьян и не подвергалась периодическим переделам.

Жители предгорий земли имели меньше, чем жители равнин, к тому же их поля в основном не орошались. Этим, пожалуй, можно объяснить широкое использование здесь в качестве удобрения навоза. По данным переписи 1886 г., в среднем на крестьянское хозяйство приходилось пахотной земли и покоса вместе: в Гимейди — 3 десятины, в Кемахе — 4,4, в Рукеле — 2,6, в Мугарты — 4,8, в Дарваге — 5,08, в Ерси — 4,1 десятины². Многие из наделов, или мюльков, представляли собой участки, очищенные из-под кустарников, и назывались сенгер. Если учесть, что, по переписи, в общий фонд земель общества входили и личные участки феодалов (пашни и покосы), то наделы крестьян фактически оказывались еще более мелкими. Земля, находившаяся в общинном пользовании, также была распределена неравномерно. Так, согласно той же переписи (см. табл.1), хозяйства имели следующие размеры.

Таблица 1 Распределение пахотной земли между членами сельских обществ*

Хозяйства, име- ющие пахотные земли (в сабу**)	Гимсйди	Ерси	Рукель	Мугарты	Дарваг	Кемах
До 5	12	3	21	1	11	
От 5 до 10	10	5	39	4	4	4
От 10 до 20	22	28	50	9	42	13
От 20 до 30	24	29	39	18	25	8
От 30 до 40	12	25	17	16	22	15
От 40 до 50	12	16	21	10	20	14
От 50 до 100	15	17	9	33	22	_
Свыше 100 Количество	14	2	2	14	7	_
хозяйств	152	142	252	171	158	63

^{*} Составлено по: ЦГА Дагестана. Ф.21, оп.5, д.11, л.1—52, 238—296, 360—421, 605, 636—716.

Как видно из табл.1, наименее обеспеченными землей были крестьянские хозяйства, составляющие первую—пятую группы, т.е. большинство хозяйств³.

^{••} Сабу = 19-20 кг.

Народные приемы селекции. Основной зерновой культурой азербайджанцев, как отмечалось выше, была пшеница. Большое значение они придавали совершенствованию ее сортов.

Приемы селекции заключались в следующем: перед тем как обмолачивать зерно, снопы рассыпали на току и отбирали лучшие колосья вече сюмбюллер, с мелкими, но полными зернами, причем верхние концы колосьев с мелкими зернышками срезали ножницами. Богатые крестьяне для отбора таких колосьев даже нанимали опытных людей. Эти колосья обмолачивали отдельно. Ими засевали определенный участок, урожай с которого поступал в семенной фонд. Затем семенами из этого фонда засевали участок хорошей земли, на котором ранее ячмень не сеяли. Урожай с этого участка отдельно молотили и хранили до осеннего сева. Такой прием во избежание измельчения семян повторялся через каждые четыре-пять лет. Таким же образом отбирали семена полбы и ячменя.

При заготовке семенного фонда кукурузы предварительно отбирались лучшие початки, из которых вылущивали зерна. Зерно, предназначенное на семена тум, хранилось в прохладном и сухом месте.

Осенью сеяли пшеницу, полбу и ячмень, весной — кукурузу, а также огородно-бахчевые культуры: арбузы, дыни, тыкву, огурцы, лук, перец и т.д. Весной же сеяли и чалтык. Чалтыководством занимались лишь состоятельные крестьяне и только на равнинной местности (в основном в магале Терекеме и в окрестностях Дербента) на поливных землях. Способы, применяемые жителями при возделывании этой культуры, были наиболее трудоемкими и сложными и в основном повторяли общие приемы в этом деле всех азербайджанцев⁴.

Плуги. Для пахоты азербайджанцы исследуемого района применяли плуги двух видов: тяжелый деревянный плуг котан, в который впрягали три-четыре пары буйволов, и хыш — легкий плуг, известный в литературе как соха и рассчитанный на пару волов, быков или буйволов. Как всюду на Кавказе, в том числе и у собственно азербайджанцев⁵, тяжелый плуг состоял из трех частей: рабочей (собственно плуг) котан, колесной чархлар и яремной боюндуруглар.

Поскольку дышло состояло из нескольких составных частей, это придавало ему максимальную подвижность. Равным образом подвижность плуга обеспечивали от двух до четырех ярм в зависимости от сложности, величины и назначения плуга. Отдельные части дышла соединялись между собой посредством подвижных (изогнутых или ровных) брусков с колышками. Ярмо для каждой пары буйволов вставлялось в специальные ячейки. Иногда на ярмо передней пары буйволов вешали деревянный брусок тохмаг для равновесия. Соответственно числу волов имелись и ярма. Самую лучшую пару буйволов старались запрягать в последнее ярмо, ближе к собственно плугу. Из всех

частей и деталей плуга металлическими были лишь лемех, имеющий форму неправильного треугольника, и резец, по форме напоминающий нож. Все остальные части плуга изготовлялись из дерева. Таким плугом крестьянин мог «распахать в день осенью 3 сабы земли, весной — 5 саб земли»⁶.

Описанный выше котан у этой группы азербайджанцев был основным видом пахотного орудия. Однако в предгорной полосе на возвышенных местах, т.е. на участках с рыхлым грунтом, а также в отдельных случаях на равнине (при культивации на землях, оставленных под пар для осеннего сева, обработке небольших саловых участков, маренных плантаций и т.д.) крестьяне пользовались и более легким, типа украинского рада, плугом хыш. Он, как и его разновидности, представленные в предгорном и нагорном Дагестане, состоял из следующих элементов: полоз — пята, грядиль, отвал, рукоять, вставляемая в пяту, железный лемех и ярмо. Нередко пята и стояк изготовлялись из одного куска дерева. В то время как в большой деревянный плуг впрягали три-четыре пары волов, для вспашки хышем достаточно было одной пары волов. После проведения Петровско-Дербентской ветви Ростово-Владикавказской железной дороги в конце XIX в. (ее строительство завершилось в октябре 1894 г.) в Дагестане стали появляться более легкие и удобные железные плуги.

«С проведением Петровско-Дербентской ветви железной дороги, — отмечалось в "Обзоре Дагестанской области за 1902 г.", — в селениях прилегающих к ней округов постепенно вводятся в употребление усовершенствованные железные плуги... Результаты вспашки этими плугами получались отличные, между тем как для работы ими требовалось только две пары буйволов, для прежних же плугов — четыре пары. Благодаря этому в конце года явилось значительное число последователей по замене старых плугов новыми» 7. Однако в рассматриваемое время дорогие покупные плуги были недоступны подавляющему большинству хозяйств.

Супряга. Выше отмечалось, что в тяжелый деревянный плуг запрягали три-четыре пары буйволов. Крестьяне же, которые не имели столько буйволов, обычно (два-три хозяйства) объединялись в супрягу ортаг. Иногда недостаток рабочего скота у одного из супряжников мог компенсироваться дополнительным работником. Определенные преимущества имел и хозяин плуга. В целом супряжники старались работать в ладу и согласии. Недаром азербайджанская пословица гласила: «Ортаг ортаг иле тенг герек, тенг олмаса генг герек» («Супряжники должны быть равными, а если неравными, то великодушными»).

В супрягу объединялись в одном случае для совместного ведения различных полевых работ: пахоты, сева, жатвы и молотьбы, в другом — только для пахоты. Обычно все супряжники имели достаточный опыт и по очереди выполняли разные виды работ. Бывало, однако, что один из супряжников, наиболее опытный, считался главным пахарем. Погонщиками волов чаще бывали молодые люди.

Пахота производилась с раннего утра и до вечерних сумерек, с трех-четырехчасовым перерывом на обед. Волов на это время распрягали и отводили на пастбище. Одной из сложных обязанностей крестьян был и гёзет (ночное). Каждую ночь один-два человека отгоняли рабочий скот в поле и пасли его с вечера до утра, чаще посменно. При определении времени крестьяне ориентировались по звездам, особенно по движению Большой Медведицы (Еддилер). Рано утром они пригоняли волов обратно.

Особенно напряженно проходила осенняя пахота. После появления созвездия Улкер (Плеяды), когда земля начинала замерзать, сеять не рекомендовалось: «Улкер батды, ер гатды» («Улкер скрылась, и земля затвердела»), — говорили земледельцы.

Наиболее ответственным моментом осенних полевых работ был сев. Не случайно выход в поле с плугом называли тума чыха (букв. «выходят на семена»). Тот, кто начинал работу первым, должен был угощать и хозяев соседних участков. Бросать первые семена на готовое вспаханное поле, т.е. совершать обряд сева, должен был опытный, всеми признанный удачливым хозяин голлары берекетли (букв. «руки благодатные»). После сева сразу же производилось боронование мала эйлемек. Борона мала представляла собой дубовый брусок толщиной 10—15 см, шириной 15-20 см и длиной 2-2,5 м, в который были вбиты 9—11 кольев-зубьев дышлар. К бруску прикреплялись две или три поперечно расположенные планки, и арканом привязывали прутья, представляющие собой своеобразную метлу шахлар. С помощью бороны мала рыхлили и выравнивали землю и заделывали семена в почву. Для обеспечения необходимой тяжести на борону клали сверху камни, а нередко сажали детей. В борону впрягали буйволов. В пореформенный период зажиточные крестьяне нередко приобретали зубчатые, квадратные и треугольные бороны заводского производства в Дербенте.

Засеяв и проборонив поля, крестьяне старались поливать их до тех пор, пока на воду не появлялся большой спрос со стороны тех, кто начинал полевые работы позже. В целом осенний сев и полив завершались не позднее начала ноября, до наступления заморозков. Но соблюдать рациональные сроки полевых работ удавалось далеко не всем. Пахота была очень сложным процессом, и маломощные крестьянские хозяйства, у которых не хватало тягловой силы или скот был плохой, оставались в поле до заморозков.

Кроме пшеницы осенью из зерновых сеяли полбу *перундж* (Дарваг, Зиль, Марага, Ерси и другие предгорные селения), ячмень *арпа*, а в более ранний период, по рассказам стариков, и просо дари. Ячмень и просо были менее прихотливыми по срав-

нению с пшеницей и тем более с рисом. Дагестанские азербайджанцы предпочитали сеять засухоустойчивый сорт ячменя кара арпа, который в удачливые годы давал сам-12 и даже сам-15 урожая. Из яровых, как отмечалось, культивировали кукурузу и рис. Весной иногда сеяли ячмень. Весной жители многих сельских обществ, особенно равнин, сажали как для собственного потребления, так и на продажу и огородно-бахчевые культуры: огурцы, арбузы, дыни, фасоль, тыкву, красный перец, чеснок, лук и т.д. Огородно-бахчевые культуры требовали неоднократного полива, прополки, а некоторые из них и окучивания. На равнине хорошая почва, обильное солнце, вода, и, разумеется, постоянный уход давали хороший урожай. Особенно славились дербентские и терекеменские арбузы, дыни и тыквы, излишки которых реализовывались на дербентском рынке.

Полив. Развитие земледелия на значительной части территории азербайджанцев было неразрывно связано с искусственным орошением. Основными источниками орошения общирных земель были реки Уллучай (другое название — Бувам), Дарвагчай и Гюльгеричай. Некоторым дополнительным источником орошения исстари служили и грунтовые воды кара су, которые выходили на поверхность в виде родников. На базе всех этих природных запасов воды они искусно возводили широкую сеть оросительных каналов. На реках земледельцы создавали разветвленную сеть каналов гобу, ганав, арх. Строительство, а затем постоянная очистка ложа каналов, ликвидация прорывов и т.п. отнимали много сил и времени. Почти ежегодно, обычно ранней весной, с арбами для доставки лесоматериалов, камня крестьяне выходили на общественные работы. Они срубали в лесу крупные и мелкие деревья и возводили плотину. На реках создавались своеобразные запруды, а иногда каменно-бетонные водосливные плотинки и другие водорегулирующие и водораспределительные устройства типа щитов. Они были известны под названием бенд или архбаши. Вода сначала поступала в большие каналы кою, или ганав, затем в менее крупные арх и, наконец, в мелкие, с помощью которых она распределялась между крестьянскими хозяйствами.

В целом в начале XX в. в районе расселения азербайджанцев, т.е. по Уллучаю, Дарвагчаю, Рубас и Гюльгеричаю, была сооружена система каналов (больших и малых), а именно: Аглабинский, Южно-Дербентский, Даг-Огнинский, Зидьянский, Геджухский, Северо-Дербентский, Великент-Кафаринский, Мамедкалинский, Карадаглинский, Татлярский, Берикейский, Саликский и др. При перераспределении воды из больших каналов в малые арыки также использовали специальные приспособления — деревянные плахи с соответствующим числом прорезей в них. В жаркие, засушливые периоды, когда воды одновременно для всех не хватало, устанавливали строгую очередность путем жеребьевки чоп.

Обычно вода распределялась по аулам по определенной системе, сперва — по башам. Водным башем называли точную меру воды, которая отводилась на каждые восемь хозяйств в течение нескольких суток в зависимости от уровня воды в реке и канале. Получив водный баш, пайщики, в свою очередь, распределяли воду каждому хозяйству по традиционно установленным нормам. Поскольку вода, как и пахотная земля, распределялась главным образом исходя из количества волов в хозяйстве, то основными потребителями ее выступали преимущественно зажиточные крестьяне или землевладельцы. Крестьяне свои поля в основном поливали осенью и весной и только некоторые культуры — летом. Осенний полив считался для злаков самым полезным. «Пайыз су юз су» («Осенняя вода — стократная вода»), — утверждали крестьяне и старались провести осенний полив как можно лучше.

Тем не менее осенним поливом дело не ограничивалось. Поливали и весной, когда после таяния снегов в горах реки становились многоводными. Лучшим временем весеннего полива считался период цветения груши — «Армуд чечек ачан заман». Это время называется еще «Иран су» («Иранская вода»). Воду этого периода они считали почти столь же полезной, как и осенью. Большие надежды земледельцы возлагали и на дождь. Самым полезным для посевов считался первый весенний дождь лейсан (с конца марта по 5—10 мая). В летних же дождях большого толку опытные крестьяне, опираясь на свои эмпирические знания и многолетние наблюдения, не видели.

Таким образом, орошение имело огромное значение для хозяйства азербайджанцев, и прежде всего жителей равнин.

Особенно много труда требовал полив чалтыка⁸, который должен был находиться в воде почти до самой уборки и притом с постоянным притоком воды. Рис требовал знания точной меры использования воды, постоянной ее смены, особых навыков полива, больщого труда по сооружению чеков с учетом рельефа и др. Однако основным условием успеха рисоводства была вода. Окончательный слив воды с чалтычного поля происходил за 10—15 дней до уборки урожая, чтобы земля подсохла и появилась возможность для жатвы.

Все посевы охранялись от потравы скотом. В этих целях общество выделяло на период с ранней весны до глубокой осени двух-трех платных конных объездчиков тургаглар, атлы горугчулар, джеримчилер. Если случалось, что чей-то скот нанес ущерб посевам, тургаки загоняли его в специальный загон чалы, рагъул и держали до тех пор, пока представители общества не определяли размер нанесенного ущерба хозяину посева. Штраф чэримэ за потраву бывал очень большим, поэтому хозяева старались не оставлять скот без присмотра.

Летом, с конца мая или с начала июня, начинали поспевать колосовые (на равнине пораньше, в предгорье чуть позже): сна-

чала ячмень (примерно на 10—20 дней раньше), потом пшеница, кукуруза и рис.

Еще до жатвы зерновых, примерно в начале мая, крестьяне выходили на сенокос.

В одних местах (чаще на равнине) участки мерджлер находились в общинном, а в других (в предгорьях) — в подворном пользовании и назывались по именам хозяев. В тех местах, где эти участки были общинными, они делились лишь перед уборкой.

Выход на жатву хлебов экин бичме в сельских обществах был единовременным и проходил в торжественной обстановке. Жали в основном серпом ораг, чим. Молотилки и сеялки имели, как правило, только богатые люди, занимающиеся товарным земледелием. Однако и у них усовершенствованные орудия труда стали появляться лишь в начале XX в. Массовая жатва обычно длилась 20—30 дней. Зажиточные крестьянские дворы обязательно прибегали к найму жнецов бичинчи из других районов Дагестана. В связи с большим спросом на рабочие руки в хлеборобные районы устремлялись жнецы-бедняки из городских обществ (верхние кайтагцы, табасаранцы, лезгины, агулы и др.), хлеба у которых поспевали позже.

Сжатый хлеб сперва собирали в снопы дэрэ, которые (обычно по 20 штук) складывали в копны хара, их старались во избежание дождя и палящего зноя долго на поле не держать. Молотьба зерновых (кроме кукурузы) производилась на специальных токах харман, которые устраивались неподалеку от села. Каждый более или менее состоятельный хозяин на равнине имел свой ток (закрепленный за ним участок), а в предгорые чаще пользовались коллективным током. На месте предполагаемого тока снопы складывали в скирды тая, отдельно по сортам и видам колосовых (ячмень, сари-бугда, аг-бугда). Скирду складывали обязательно колосьями внутрь в целях предохранения зерен от влаги. Молотили с помощью молотильных досок вэл, в которые запрягали чаще лошадей или буйволов. Молотильные доски были общедагестанского и даже общекавказского образца. Дагестанские азербайджанцы, как и их соседи, обычно использовали парные доски. Каждая доска изготовлялась из куска дерева (обычно дубового) с приподнятым передним краем; в нижнюю рабочую поверхность доски вбивались на определенном расстоянии друг от друга кремневые камушки (на одну доску примерно от 100 до 400 штук). Затем обе доски соединялись между собой особыми приспособлениями. Буйволов или лошадей, запряженных в молотильные доски, часами гоняли по разложенным по всему току снопам. Периодически колосья переворачивали вилами, чтобы отделить солому от зерна. Когда молотьбу производили с помощью лошадей, хозяин становился обычно в середине круга и гонял их длинным кнутом, когда же с помощью буйволов, он ходил обычно по кругу рядом с ними.

После молотьбы тут же на току зерно провеивали, отделив сначала солому, а затем, определив направление ветра, зерно подбрасывали вверх специальными деревянными лопатами. Здесь же, как уже отмечалось, лучшие зерна отбирались для семян, остальные использовались в пищу. Урожай крестьян измеряли с помощью сабу — деревянной мерки для сыпучих тел. В рассматриваемое время обычно урожай равнялся сам-пят или сам-шёст и только в особо благоприятные годы сам-десят¹⁰. Однако в неурожайные годы, которые здесь называли кургак (безводные), крестьяне еле собирали на семена.

Процесс обработки полбы и чалтыка (их обрушивания) был сложнее. Чалтык и полбу очищали в специальных ножных ступах динках. Для этого предварительно в удобном месте выкапывали ямку, в которую помещали выдолбленную из дерева ступу. К ней имелся каменный или деревянный продолговатый гладкий пест, прикрепленный к горизонтально расположенному шесту или доске, конец доски опирался на невысокую подставку — рычаг. Поднимая и опуская пест ногами с помощью этой доски, производили обрушивание или очистку чалтыка и полбы. Были известны и более усовершенствованные ножные динки с пестом, прикрепленным к вертикальному шесту. Такие динки обычно приводили в движение ногами с помощью привязанной к шесту веревки. Динки обычно помещали во дворе под навесом.

Во второй половине XIX в. появляются динки для обрушивания чалтыка, приводившиеся в движение в помощью водяной мельницы. Их сооружали у специально вырытых канав, и они были двух видов: вертикальные и горизонтальные. Первый такой динк для обрушивания чалтыка был построен терекеменцем Аюбовым Шахаибом. Такие динки знаменовали определенный сдвиг по сравнению с ножными и ручными. Но их было так мало, что они не могли изменить картины в целом. Наиболее распространенными были ножные динки, которых в каждом ауле насчитывалось пять—семь и которыми все сельчане пользовались бесплатно.

Чалтыководство, таким образом, являлось одним из наиболее трудоемких отраслей хозяйственной деятельности азербайджанцев равнин. И оно (в отличие от выращивания других зерновых) носило преимущественно товарный характер.

Запасы пшеницы и ячменя азербайджанцы равнин обычно засыпали в глубокие ямы кую. В усадьбах богатых многосемейных хозяйств сооружались шесть-семь кую и более. В предгорной же полосе такой способ хранения зерна обычно не практиковался из-за подпочвенных вод. Что касается мякины, то для ее хранения каждое хозяйство имело специальные хранилища алачыг, а солому складывали в скирды во дворе.

После уборки пшеницы и ячменя, примерно в сентябре, поспевала и кукуруза гьажи бугда. Появившись в Дагестане, в том числе у азербайджанцев, сравнительно поздно (XIX в.), она долго играла лишь подсобную роль в хозяйстве. Однако постепенно ее товарное значение возрастало. Кукуруза давала сравнительно большие доходы и не требовала постоянного ухода; ее лишь два-три раза поливали, два раза производили прополку. Снятые со стеблей початки доставляли домой под навес, где их отделяли от листьев. Те, у кого кукурузы было много, приглашали на помощь (эврез) молодежь, соседей. Сушили кукурузные початки на солнце, молотили вручную. Для этого початки собирали в большую кучу или наполняли ими мешки и били по ним длинными палками. Хранение кукурузы в ямах не практиковалось.

Мельницы дигирмен. Помол зерна азербайджанцы, как и все другие народы Дагестана и вообще Кавказа¹¹, производили на водяных мельницах такка дигирмен— с горизонтальным колесом. Строились такие мельницы у каналов, водоемов, в которых искусственно поднимали уровень воды. Вода на мельницу поступала через длинный деревянный желоб. Падающая вода приводила в движение горизонтально лежащее в нижней части мельницы колесо, от которого вверх шла ось, вращающая жернова. Позднее, в начале нашего века, здесь, как и во всем равнинном Дагестане, появляются усовершенствованные «русские» мельницы с вертикальным колесом орус дигирмен. Но такие мельницы были далеко не в каждом селе.

У всех азербайджанцев широко бытовали ручные мельницы эль дигирмен. На них производили крупчатый помол зерновых и помол стручкового перца. Ручная мельница состояла из двух горизонтально расположенных жерновов — верхнего и нижнего. В круглом отверстии в центре нижнего жернова укреплялась ось. На эту ось надевали верхний жернов, для чего он имел также центральное отверстие. Через это отверстие засыпали в мельницу зерно. Верхний жернов, в отличие от нижнего, был подвижным и имел ручку. Женщина левой рукой засыпала в жернов небольшими порциями зерно, а правой рукой приводила жернов в движение. Ручных мельниц в каждом ауле было несколько, их могли переносить из дома в дом.

Садоводство. Если для предгорных селений (Дарваг, Зиль, Ерси, Арак) было наиболее характерно садоводство, то жители равнин больше занимались выращиванием огородно-бахчевых культур, а в окрестностях Дербента — еще и разведением винограда. Многие жители предгорной полосы, имевшие хотя бы небольшие мюльковые сенокосные участки, как правило, выращивали на них плодовые деревья. Сенокосные участки с фруктовыми деревьями, в отличие от обычных покосов, назывались терек бахча. Повсеместно как во дворах, так и на прилегающих к домам улицах выращивали тутовые деревья.

Своеобразная специализация сельских обществ в выращивании тех или иных культур объяснялась специфическими природными условиями местности, большими возможностями

полива на равнине и меньшими — в предгорной части района и, наконец, характером землевладения и землепользования. Если на равнине общественная земля периодически подвергалась переделам, то в предгорной полосе она находилась в основном в подворном владении, позволяя хозяевам сажать такие многолетние культуры, как плодовые деревья.

В садах азербайджанцы выращивали яблоки, груши, алычу, сливу, терн, айву, грецкий орех и др. Разнообразными были сорта груш и яблок в селениях Зиль, Дарваг, Ерси и др. В селении Дарваг, например, насчитывалось более 30 сортов одних только яблок, которые отличались друг от друга по вкусовым качествам, по цвету, по форме, по срокам сохранности. Имелось множество сортов яблок: гейраг, аг-губа, гара-губа, ширин-губа, даш-бугъре, рюшюл, синаб, эзневюш, агайы, шафрангуба, агьмеди, магьаны и др. Ценились по своим вкусовым качествам такие сорта груш, как абас-беги, ахмед-кади, нар-армуд, говумармуд, топ-армуд, хур-хур, деврюш-армуд, даш-армуд, гара-армуд, джанар-армуд, крым-армуд, кюребег-армуд, тулуг-армуд, шекки-армуд, гамыш-армуд, кюрхан-армуд, табук-бут, гылынчармуд, шегьер-армуд, шекер-армуд и др. Большим разнообразием отличались и сливы: дамбул, гара-дамбул (чернослив), сери-дамбул (желтые сливы), эличе (алыча) и др.

Первое место среди садовых культур занимало все же тутовое дерево, листья которого использовались в качестве корма шелкопряда.

Дербент с прилегающими к нему с юга и севера селениями представлял собой микрорайон, отличающийся теплым, субтропическим климатом. Благодаря этому здесь произрастали кроме различных сортов груш, яблок, слив, тута еще и инжир, миндаль, каштаны, гранат, розы, шафран и другие южные культуры.

Местные жители были опытными для своего времени садоводами. Они проводили в садах определенную селекционную работу. Для получения новых сортов или восстановления старых (потерянных), для повышения урожайности фруктов дербентцы широко практиковали прививки калям, главным образом культурными черенками от родственных деревьев. В тех же целях они прививали к старым деревьям и новые побеги.

Фрукты жители употребляли в свежем виде и сушили впрок. Сушеные фрукты гаг использовались в качестве приправы в супах, бозбаше, плове (алыча, абрикосы, сливы и др.), шли на приготовление компота, употреблялись как лакомство. Из тута женщины варили душап — особого вида патоку.

Виноградарство. Виноградники в основном были сосредоточены в районе Дербента. Небезынтересно отметить, что после посещения Дербента Петром I во время так называемого персидского похода здесь было создано образцовое для своего времени дворцовое хозяйство. Оно первоначально состояло из

садов и огородов, отобранных у жителей «неблагонадежных» и высланных затем в Астрахань. Эти участки были названы в официальных документах «садами и огородами его императорского величества»¹². Для посадки новых сортов винограда был направлен мастер Туркул, венгр по происхождению 13. «По обеим сторонам города много находилось виноградных гор. писал И.Я.Лерх. — Вины там были подобные шампанскому и бургондскому и еще гораздо крепче, если же их сваришь и зажжешь, то горят подобно спирту. Здесь растут хорошие всякого рода плоды, также миндаль и шафран»¹⁴. «В садах их шафраны, фрукты и виноград простираются в обе стороны города, большей частью против южной половины, где и ханский сад изрядным расположением разведен» 15, — писал о Дербенте Ф.Ф.Симонович, побывавший здесь в конце XVIII в. В этом же районе имели в начале XX в. виноградные плантации и местные беки Касим-бек, Иса-бек и др.

Старейшие наши информаторы свидетельствуют, что в начале нашего века виноградники жителя Дербента Касим-бека составляли 13—15 га. Здесь он выращивал самые лучшие сорта винограда, а вина из его подвалов не знали конкуренции.

Однако до второй половины XIX в. дербентские азербайджанцы, в том числе и торговые люди, будучи мусульманами, виноделием занимались неохотно. Не случайно в 1813 г. Ф.Н.Ртищев писал о Дербенте: «Есть также хорошие виноградные сады, откупаемые армянами для виноделия» 16. Многие дербентцы виноград выращивали только для нужд семьи непосредственно во дворе перед домом, поднимая лозы высоко над двором, придавая им форму навеса чардах, который защищал усадьбу от жгучих лучей летнего солнца и создавал прохладу. Горожане возделывали чаще всего такие сорта винограда, как агадаи, оъруьшбаба («дамские пальчики»), гилаби, хатме (ароматный), шах уьзуьм, коз уьзуьм гара уьзуьм, кайтаги, хазни, дубут, муският и др. Виноград имел большое товарное значение, и потому здесь постоянно стремились к улучшению его сортов.

В сельской местности азербайджанцы виноградарством занимались реже (лишь отдельные хозяйства). Однако виноградники постепенно стали закладывать и здесь.

Первое крупное и образцовое для своего времени виноградарское хозяйство было создано в 80-х годах XIX века в местности Геджух графом И.И.Воронцовым-Дашковым, бывшим наместником Кавказа. В его имении к середине 90-х годов под виноградниками было занято 80 десятин. В 1895-1897 гг. на сборе и обработке винограда под сусло у него работали 1119 поденных работников, а на обрезке — 756¹⁷. Создавая виноградарское хозяйство, И.И.Воронцов-Дашков выписывал черенки лучших сортов винограда из Крыма, где находились самые крупные винодельческие хозяйства помещиков Воронцовых 18. Крупные

виноградники в этом районе имели, кроме того, В.С.Кривенко (10 десятин), братья Тумаевы (12 десятин), капитан Н.И.Волков (8 десятин), П.И.Лазарев (20 десятин)¹⁹.

Огородничество и бахчеводство. Жители равнинных селений выращивали огородно-бахчевые культуры, для произрастания которых имелись все необходимые природные условия. Как мы уже отмечали выше, широкой известностью пользовались дербентские и терекеменские дыни и арбузы. Плодородная земля, жаркое солнце, наличие для орошения воды, разработанная агротехника (своевременный полив, прополка и т.д.) обеспечивали крестьянину большие урожаи и таких огородно-бахчевых культур, как тыква, огурцы, перец, фасоль, лук, чеснок, баклажаны и пр. Арбузы и дыни имели для хозяйства и товарное значение. Излишки их продавали преимущественно на дербентском рынке. Стручковый перец ставут сушили и молотили при помощи ручных мельниц, добавляя в него семена кинзы кешниш. Однако большие бахчи имели далеко не все, а только состоятельные крестьяне, в хозяйстве которых хватало скота и рабочей силы, поскольку посадка, полив, прополка, а также круглосуточная охрана огородно-бахчевых культур требовали значительного числа работников. Крупные бахчи закладывались далеко от населенных пунктов, там, где были хорошая земля и вода. Такие культуры, как чеснок, лук, фасоль, баклажаны, капуста, кинза, кресс-салат, стручковый перец, всевозможные приправы и специи выращивались поблизости от дома или непосредственно на приусадебном участке.

Шафран. Прилегающие к Дербенту земли издавна были известны как район, где выращивали шафран. Еще Ибн Хаукал (X в.) отмечал, что в Дербенте эта культура «произрастает в изобилии»²⁰. Дербентцы выращивали шафран (зеферан) и в более позднее время, в XVIII — первой половине XIX в. «Все окрестности города, — писал С.Броневский о шафране Дербента, — покрыты сим растением» жители города «разводят его весьма достаточно так, что оным снабжают не только внутренние Ширвана и Дагсстана округи, но и знатное количество оного отпускают в соседние области»²¹. «В окрестностях Баку и Дербента жители возделывают шафран. Они большей частью имеют плантации в небольшом размере... Плантации бывают величиной до десятины; гряды на них делаются в 20 аршин длины и 1/2 аршина ширины; на каждую грядку высаживается луковиц 30 фунтов; рассадка делается в летнее время»²². — отмечала газета «Кавказ» еще в 1848 г. «В Дербенте растет сафран, который государь император Петр Великий рачительно одобрять повелел»²³. — отмечал Ф.И.Соймонов.

Шафран являлся ценной культурой и использовался как пряность и краситель, широко применялся при приготовлении плова. По указанию Петра на казенных землях пригорода, называвшихся «садами и огородами его императорского величе-

ства», стали широко возделывать шафран. В 1723 г. с этих «огородов было собрано 420 фунтов шафрана, который переправлялся в Петербург, к императорскому двору»²⁴. Часть сбора, кроме того, реализовалась в Иране, в частности в Гиляне, где на шафран был высокий спрос и выгодный сбыт»²⁵.

Участки, на которых выращивали шафран, были отняты казной. На созданных на их основе «дворцовых огородах трудились русские казаки под наблюдением шафранных мастеров, набранных из дербентских татар» 26. Помимо конфискованных участков казной закладывались «новозаведенные». Судя по данным ряда авторов, еще в конце XVIII в. и в начале XIX в. производство шафрана рассматривалось как один из «главных промыслов» жителей Дербента 27. Однако постепенно площади под шафраном в районе Дербента стали сокращаться, а затем совершенно приходят в упадок. Свертывание выращивания этой культуры, как и в Закавказье 28, объяснялось не только падением ее торгового значения в связи с ее широким производством в Индии, но и быстрым ростом более доходной отрасли хозяйства — мареноводства в окрестностях Дербента.

Указывая на причины сокращения производства шафрана в Дербенте, Стевен еще в 1811 г. писал: «В Дербенте хотя также разводится шафран, но доставка оттоль не так удобна, потому что плантации малы и из Астрахани редко приходят суда»²⁹.

Азербайджанцы исследуемого района, особенно жители Дербента, как отмечал С.Броневский, сеяли мак, «коим посыпают белый хлеб и пирожное»³⁰.

Мареноводство боягчылыг

Многие жители города Дербента, а также селений Кемах, Мугарты, Митаги, Гимейди, Бильгади, Зиль, Марага, Дарваг и все население магалы Терекеме в первой половине и в середине XIX в. занимались возделыванием марены бояг.

Марена использовалась в крестьянском хозяйстве как красильное растение. Из ее корней получали яркокрасные, бордовые, синие красители, которые использовались для окраски шелка, хлопчатобумажной ткани, шерстяной пряжи. Многие местные жители искусно владели приемами получения разных оттенков цвета в зависимости от потравы и методов окраски.

Культура марены здесь, как и во всем равнинном Дагестане и Азербайджане³¹, имела товарное значение и потому возделывалась на огромных площадях. А.И.Ахвердов, характеризуя предгорную и равнинную части уцмиевских владений, в которые входила и часть азербайджанских селений, писал в начале XIX в. о марене: «Так необыкновенно много растет, что никогда и не воскапывают, а когда осенью под пшеницу и весною под

проса и прочее пашут землю, выворачивают плугом»³². Таким образом, марена в рассматриваемое время составляла один из значимых источников дохода населения и была основной технической культурой.

Не менее интересное свидетельство оставили нам М.К.Ковалевский и И.Ф.Бларамберг. В частности, они отмечали в числе главных источников дохода жителей этой части Дагестана дикую марену, «которая здесь растет в чрезвычайном изобилии» 33.

Особенно большое развитие мареноводство получило в окрестностях Дербента³⁴ с начала 40-х годов, хотя прочное освоение данной культуры в этих местах, согласно источникам, относят к 1807 г.³⁵.

Бурное развитие в исследуемом районе мареноводства объяснялось растущими потребностями русской текстильной промышленности. Большую предприимчивость в этом отношении проявил И.Ф.Баранов — один из крупнейших фабрикантов Владимирской губернии. На его фабрике было установлено, что «содержание красительных пигментов в ней (т.е. в марене. — $C.\Gamma.$) гораздо обильнее и лучше, нежели в дорогом авиньонском³⁶ или голландском»³⁷, считавшихся в тот период лучшими из привозных заграничных красителей. И.Ф.Баранов щедро субсидировал местных мареноводов. Он заключал с ними длительные контракты, скупал урожай марены на корню. Этот фабрикант даже «входил в товарищества с ханами-землевладельцами, снабжая их капиталами»³⁸. Вслед за Барановым в Дагестан двинулись русские торговцы Зубовы, Лепешкины и др. Число последних увеличивалось так быстро, что даже торговцы, не имеющие собственных земель, брали участки под марену в аренду «за третью часть урожая» 39.

Судя по официальным данным, роль мареноводства в районе Дербента в тот период была настолько велика, что «почти вытеснила хлебопашество» 40. В Дербенте посевы марены образно называли даже посевом «золота» 41. «От речки Дарвага на север, недалеко от Дербента, и далее к югу от него, к Рубасу, плантации марены почти вытеснили все роды посевов: все лучшие места заняты ею. Везде в окрестностях города, где только хотя малейшая есть возможность посеять это прибыльное растение, там повсюду возвышаются гряды, или, говоря потамошнему, маренники. Все лощины по отлогостям гор, крутые их скаты, куда хотя одна струя воды в избытке может приходить, заняты под гряды этого красительного корня»⁴², писал А.Соколов в 1848 г. Мареноводство охватывало общирный район не только в окрестностях Дербента, но и в Табасаране, Нижнем Кайтаге и других приморских землях Дагестана. Сами дербентцы больше сеяли марену на землях, расположенных севернее города, — в Хазари. В 1859 г., например, севернее Пербента из горожан имели свои участки 981 хозяин, южнее —

685 хозяев. Было собрано соответственно 20 тыс. и 10 тыс. капанов марены ^{43} . Производство марены росло из года в год ^{44} .

«Разведение марены, — писал Е.И.Козубский о маренной лихорадке в районе Дербента середины XIX в., — обратилось в манию, поглотившую все капиталы края и вытеснившую собою большую часть других отраслей промышленности» 45. Дербентские хозяева по значимости своих маренных участков делились на ряд категорий; из них пять владельцев участков в 1856 г. получали по 600 капанов урожая марены 46.

Мареноводством в Дербенте занимались жители почти все состоятельные, наиболее предприимчивые из них имели огромные участки. Во время заготовки марены широко привлекался сезонный труд. Указывая на важную роль мареноводства в жизни дербентских жителей в первой половине XIX в., известный востоковел И.Н.Березин писал, что преимущественно их занятия «состоят в посеве красильного корня марены, на уборку которого нанимают горных лезгин, величая их за то "кюрекли" лопаточниками» 47. В «Записке о сословно-поземельном строе в Кайтаге» (1901 г.) отмечалось, что «бедные из всех магалов, за исключением Ирчамуль и Каракайтаг (т.е. предгорный Кайтаг. — $C.\Gamma.$), ходят на заработки во время выкопки марены, покоса и жатвы» 48. Начальник главного управления главнокомандующего гражданской частью в Кавказском крае отмечал. что «на добывание из земли марены и на приготовление ее в продажу мареноводы употребили в дело огромное число горцев» 49.

Сеяли марену весной, в апреле-мае, а нередко и осенью. Чтобы корень марены содержал в себе больше красильных веществ, его обычно оставляли в земле три-четыре года, а иногда даже не выкапывали пять лет⁵⁰. «Чем далее корень остается в земле, тем он более упитывается, толстеет, а с прибылью веса вероятнее ожидаемая от продажи его прибыль»⁵¹.

Корень марены часто перемалывался в порошок с помощью специальной мельницы и в таком виде отправлялся в кожаных мешках на рынок, причем, как отмечают очевидцы, на «бесчисленных арбах» до самой стоянки судов⁵². Первая маренная фабрика, судя по источникам, была построена в 1863 г.⁵³ в Дербенте. В 1865 г. на ней было произведено 4604 пуда крапа, а в 1868 г. — уже 19,5 тыс.пудов. Но фабрика просуществовала недолго, она была закрыта в середине 70-х годов в связи с падением мареноводства⁵⁴.

Известно, что в 70—80-х годах XIX в. с изобретением искусственного красителя — ализарина, обладавшего многими качествами естественного красителя, мареноводство у азербайджанцев, как и во всем равнинном Дагестане и в целом на Кавказе, приходит в упадок. Из года в год падали цены на марену, сокращались размеры ее производства. Так, если в 1870 г. дербентские купцы на Нижегородской ярмарке продавали марену по

11 руб. 66 коп. за пуд, то в 1871 г. им пришлось, «чтобы не возвращаться назад с непроданною мареною, сбыть ее фабрикантам по 4 руб. 80 коп. за пуд»⁵⁵. Убыток составлял громадную сумму. В результате как в окрестностях Дербента, так и на терекеменской и башлынской землях оставались нераскопанными огромные участки с нереализованным «миллионным капиталом»⁵⁶.

Тревожное положение, создавшееся в этой отрасли хозяйства, не могло не привлечь внимание даже официальных властей. В отчете от 19 мая 1874 г. дербентский градоначальник генерал-майор Комаров, например, отмечал: «Единственная капиталистическая отрасль сельского хозяйства — мареноводство, обеспечивавшая средства существования местного населения и предоставлявшая значительный заработок нескольким тысячам дагестанских лезгин, стекавшихся для ежегодных работ на маренных плантациях, представляет в настоящее время по причинам ввоза на русские рынки заграничной минеральной краски, ализарина, еще более прискорбное безвыходное положение населения. По отсутствию должного требования на марену цены на нее упали до крайне убыточных размеров, засеянные в громадных размерах плантации остаются без должной обработки...»⁵⁷. Кавказская администрация неоднократно обращалась в высшие органы, в том числе в Петербург, к министру финансов, с запиской «О поддержании кавказского мареноводства», в частности дербентских и кубинских мареноводов. Посыпались прошения и самих мареноводов, вложивших большие капиталы в эту отрасль хозяйства и привыкших получать огромные прибыли. Они даже просили предотвратить проникновение или обложить налогом «конкурирующих с мареною, привозимых из-за границы разных наименований красительных веществ»⁵⁸ и т.д.

В результате всех этих жалоб, в том числе жалоб дербентских мареноводов, пошлина на ализарин в 1875 г. «была... повышена с 4 руб.50 коп. до 15 руб. золотом»⁵⁹. Однако эта мера не могла предотвратить упадок мареноводства в Дербентском уезде.

Для поддержания местных мареноводов кавказское начальство отпустило 50 тыс. рублей из местных доходов края. Но и это не спасло положения — спрос на эту культуру продолжал падать.

Новый приток ализарина из-за границы, продаваемого по 16 руб. за пуд, постепенно вытеснил с рынка марену, которая «продавалась по 20 руб. за пуд» 60. Дело дошло до того, что московские и другие купцы, которые щедро субсидировали дагестанских мареноводов, пока был большой спрос на эту культуру, после появления на рынках искусственного красителя и падения цен на марену решительно отказались «взять на себя погашение долгов за марену» и требовали назад деньги, предъявляя «вексе-

ля ко взысканию» ^{61} . В связи с упадком спроса на марену даже специальные мельницы в Дербенте, используемые под переработку марены, были переоборудованы в мукомольные ^{62} .

Таким образом, наибольший расцвет мареноводства в Дагестане, в том числе и в Южном, падал на 50—60-е годы. К началу же 80-х годов мареноводство как особая торговопромышленная отрасль земледелия в Дагестане свое существование прекратило. Занятые ранее под мареной земли перепахивались под другие культуры, в основном зерновые и виноградники. В целом же падение мареноводства нанесло огромный ущерб экономике области⁶³, способствовало полному разорению мелких мареноводов.

Шелковолство

Важным занятием жителей прикаспийской равнины, в том числе азербайджанцев, было шелководство. В отличие от других отраслей хозяйственной деятельности, где основную роль играл труд мужчин, оно было исключительно занятием женщин предгорного и равнинного Дагестана. До широкого проникновения изделий российской текстильной промышленности значение шелководства в Дагестане было трудно переоценить. «Шелковые материи приготовлялись некогда в Дербенте хорошо и в довольно значительном количестве; даже в недавнее время для того было до 200 станов; но теперь считается их не более 40»⁶⁴, — читаем мы о дербентской провинции в «Обозрении российских владений за Кавказом». По сведениям известного дагестанского историка А.Р.Шихсаидова, некоторые селения Дагестана, в частности в районе Дербента, еще в XIV-XV вв. переходили на производство шелка 65. Однако в более поздний период, в частности во второй половине XIX в., производство шелковых тканей значительно сокращается, хотя разведение шелкопряда, коконов все более приобретает черты товарной отрасли хозяйства. Лостаточно отметить, что из Дербента в Россию было вывезено коконов в 1855 г. 802 1/2 пуда, в 1856 г. — 819 3/4 пуда, в 1857 г. — 855 пудов⁶⁶. Причина падения шелкоткачества, согласно источникам, объяснялась тем, что «много рук обращались к обрабатыванию марены, что шелковые изделия привозят в большом количестве из Старой Шемахи, с которой Дербент не может выдержать соперничество, ибо Ширван изобилует собственным шелком, и, наконец, что русские ситцы, нанки и прочие бумажные материи, по дешевизне и доброте, входят с каждым годом в большое употребление»⁶⁷.

Во многих селениях азербайджанцев выращивали шелкопряд в больших количествах⁶⁸. Кроме реализации на рынке шелксырец шел на нужды семьи. В каждом хозяйстве натуральные и крашеные нити использовались для изготовления повседневной

одежды, ажурных поясов и т.п. Из шелка, кроме того, делали тесьму, шнуры, плетенки, которые шли на отделку и украшение одежды, а также использовались при вышивании. На рынок в основном шел шелк-сырец (коконы) и готовые изделия из шелка — пояса, сутажи, нитки и др.

Хлопководство памбыгчылыг

О состоянии в XIX в. хлопководства в изучаемом районе мы имеем лишь отрывочные сведения. Только некоторые авторы в первой половине XIX в. свидетельствовали о возделывании этой культуры в приморском Дагестане, в частности в окрестностях Дербента. Так, М.К.Ковалевский и И.Ф.Бларамбсрг в 1831 г. отмечали, что одним из занятий жителей Дербента являлось «разведение хлопчатой бумаги» 69.

Хлопок издавна был важнейшей культурой, возделываемой во всем равнинном Дагестане. Дагестанский хлопок обратил на себя внимание Петра I во время его следования из Тарков в Пербент⁷⁰.

Хлопок в рассматриваемом районе, видимо, не имел товарного значения, а использовался главным образом на домашние нужды, в частности на изготовление одежды, паласов, постельных принадлежностей и др. Надо полагать, что размеры участков под эту культуру из года в год сокращались и к 70—80-м годам XIX в. хлопкосеяние в Дагестане почти прекратилось. Этим можно объяснить и отсутствие сведений об этой отрасли хозяйственной деятельности местных жителей.

Сокращение или полное прекращение посевов хлопка в этот период, вероятнее всего, объясняется тем, что это занятие, как и изготовление из хлопка тканей, становится экономически невыгодным. Как известно, приток русских и заграничных хлопчатобумажных тканей в то время рос из года в год. Более того, значительная часть удобных для обработки земель в приморской части Дагестана, в том числе в районе Дербента, стала использоваться под марену, требовавшую к тому же и большого числа рабочих рук⁷¹.

Скотоводство малдарчылыг

Скотоводство малдарчылыг также являлось важнейшей отраслью хозяйственной деятельности населения. В рассматриваемое время оно носило в основном мясо-молочное направление. Благоприятные условия, мягкий климат, наличие обширных летних и зимних пастбищ с богатой флорой, особенно по руслам каналов, а также обильные корма (солома, мякина) на зимний период способствовали развитию этой отрасли хозяйства.

Еще в первой половине XIX в. А.А.Неверовский отмечал, что в приморском Дагестане «богатые пастбищные места, особенно около берегов Каспийского моря, где бывает круглый год подножный корм, позволяют содержать значительные стада. По сей причине скотоводство составляет на плоскости один из главнейших предметов промышленности» 72. Эту характеристику можно целиком отнести и к территории расселения азербайджанцев. Однако не всякая крестьянская семья могла содержать скот в отдаленных местах, и далеко не каждая зима с ее морозами, ветрами, обильным снегом позволяла держать скот на подножном корму.

Ведущей отраслью скотоводческого хозяйства являлось разведение крупного рогатого скота. В составе стада крупного рогатого скота, как и во всем равнинном и предгорном Дагестане⁷³, значительную хозяйственную роль играли буйволы гомуш — незаменимая тягловая сила на равнине при сложном механическом составе почвы, при применении для вспашки полей тяжелого плуга. Буйволы (буйволицы) высоко ценились и как молочный скот, дающий «великолепное молоко, мясо, кожу и т.п.»⁷⁴. В предгорных же селениях основной тягловой силой были быки. Разводили азербайджанцы и лошадей, используемых как для верховой езды, так и в качестве тягловой силы, в частности во время молотьбы зерновых.

Отдельные козяйства держали также овец и коз, но овцеводство не получило здесь широкого развития. Судя по имеющимся сведениям, азербайджанцы изучаемого района разводили и верблюдов. О верблюдах в Дербентской области, применяемых в качестве транспортного средства, упоминает, например, А.Олеарий (XVII в.)⁷⁵. Однако верблюдоводство в более поздний период совершенно прекратилось.

О роли скотоводства и его отдельных видов в хозяйственной деятельности азербайджанцев исследуемого района свидетельствуют данные посемейных списков 1886 г. По этим данным, на 142 хозяйства селение Ерси имело 629 голов рогатого скота, 72 лошади и 296 овец. В селении Кемах на 63 хозяйства — 288 голов крупного рогатого скота, 21 лошадь и 225 овец и коз; в селении Мугарты на 171 хозяйство — 663 голов крупного рогатого скота, 38 лошадей и 711 овец и т.д.; в селении Рукель на 252 хозяйства — 646 голов крупного рогатого скота, 79 лошадей и 1832 овцы и козы: в селении Гимейди на 152 хозяйства — 604 голов крупного рогатого скота, 42 лошади и 1000 овец; в селении Дарваг на 158 хозяйств — 803 головы крупного рогатого скота, 34 лошади, 307 овец⁷⁶. Как видно из приведенных данных, большую роль в скотоводческом хозяйстве играл крупнорогатый скот, значительно меньшую — лошади, овцы и козы. Необходимо отметить, что значительная часть учтенного по обществам поголовья скота принадлежала местной знати.

Большой удельный вес крупного рогатого скота, в частности рабочего, объясняется прежде всего его значением для крестьянского хозяйства. Скотоводством значительно меньше занимались городские жители. Отмечая одну из причин такого положения применительно к первой половине XIX в., П.Заблоцкий писал: «Скотоводство в Дербенте незначительно, но могло бы быть обширнее, ссли бы не сопряжено было с опасностью отправления скота, во время летних жаров, в горы» 77.

Что же касается поголовья овец, то оно в основном находилось во владении зажиточных хозяйств, имеющих возможности для содержания отар на нагорных летних, а также кутанных зимних пастбищах. В предгорной полосе (селения Мугарты, Рукель и др.) были хозяйства, которые имели по 100—200, а некоторые даже до 1000 овец. Это хорошо прослеживается в тех же посемейных списках 1886 г.

Зимой, в период сильных морозов, снегопадов, скот находился, как правило, на стойловом содержании, а в хорошую погоду — на подножном корму. Зимой крупный рогатый скот кормили мякиной, сеном и ячменем. Внимание уделялось уходу за конем. Состоятельные люди зимой в течение 40 дней держали лошадь в конюшне. Этот обычай назывался чиллее сала (примерно: «ставят на самый холодный период зимы» — чилле). О значении ухода за конем свидетельствует пословица: «Ат гожалан дегил, ахуру гожалмаса» (примерно: «Лошадь не одряхлеет, если ее кормушка не скудеет»).

Жители многих предгорных селений (Мугарты, Рукель, Гимейди, Кемах и др.) на зиму перегоняли свой скот на зимние пастбища. Последние находились на расстоянии 2—5 км от населенных пунктов, где заготавливался и корм для скота после молотьбы зерновых тут же. Каждая семья, у которой было хоть несколько голов скота, имела свою землянку газма с двускатной крышей из камыша, засыпанной сверху глиной. Каждая землянка состояла из двух помещений: для скота и для людей. Было принято объединять для дневной пастьбы скот всех семей и нанимать для этого общего пастуха нахырчы. Весной скот возвращался в аул.

Сельское общество круглый год держало наемных пастухов, причем отдельно для крупного скота (коров, быков, буйволов и буйволиц), для лошадей и для телят. Отдельно формировалась и отара овец. Обычно с октября до весны нанимали одних пастухов, а летом — других. Во многих селениях яловый скот, кроме ездовых лошадей, все лето (четыре-пять месяцев) содержался на специальных лугах, вдали от населенных мест. Такими местами были территории Кафары, Исмаил-кутан и др.

Труд пастуха обычно оплачивался пшеницей или ячменем. Кроме того, пастуха ежедневно (по очереди) хозяева скота приглашали на ужин, а на день ему выдавали лишь чурек с сыром. Пастух нес перед обществом ответственность за порученное ему поголовье. Если пастух допускал потраву посева, общественная охрана посевов *тургак* немедленно перегоняла нарушивший границу скот в специально огороженное место чалы, а на пастуха накладывала штраф. Пастух отвечал и за пропажу скота.

Доили тельных коров и буйволиц два раза в день — рано утром и вечером по возвращении их домой. Доение, а также работа по переработке молочных продуктов, приготовление сметаны, заготовке кислого молока, творога, сбиванию масла и т.п. являлись обязанностью женщин.

Несколько сложнее была организация овцеводческого хозяйства коюнчулуг. Овцеводство носило отгонный характер. Зимой овец держали на кутанах ятаг. Последних на равнинных землях было много. В дозволенных казной или беками ложбинных местах овцам строили для зимовки специальные полукрытые загоны из камыша и хвороста. Местонахождение отары того или иного владельца называлось гэмрэ (гэмрэ такого-то). На лето крупные овцеводы перегоняли овец в горы, обычно в Агульский, Табасаранский и Курахский районы. Перегон осуществляли по точному маршруту, с остановками в определенных местах для отдыха овец. Путь с этими остановками длился около месяца. В местах длительных остановок, которые продолжались четыре—шесть дней и назывались баркут, чабаны сооружали временные шалаши.

Находясь на горных пастбищах, пастухи доили овец (обычно в бурдюк) и делали сыр. Затем этот сыр распределяли соответственно количеству молока, надоенного от овец того или иного хозяина.

В сентябре, нагрузив имущество и бурдюки на лошадей, чабаны двигались с отарами на зимние пастбища. Принято было отару в течение нескольких дней держать возле аула и тут же производить (в поле или во дворах хозяев) осеннюю стрижку.

Возвращение овец с горных пастбищ в целости и сохранности, с окрепшим приплодом отмечалось торжественно и сопровождалось обильным угощением и приглашением гостей. Это был период, когда семья, в большей мере, чем при весеннем перегоне, имела изобилие продуктов: был собран урожай с полей и получен приплод.

Птицеводство гушчулуг

Существенное значение в хозяйстве населения имело птицеводство, которым занимались женщины. Азербайджанцы разводили кур, гусей и уток. Зерновое хозяйство, наличие садов и огородов позволяли обеспечить птицу кормом, а птица, в свою очередь, давала семье мясо, яйца, пух.

Охота овчулуг

В низовьях Уллучая, в камышовых зарослях, многие жители равнины устанавливали сетевые ловушки для водоплавающей птицы. Приманкой при этом служило зерно. Некоторые предприимчивые хозяева для ловли уток устраивали искусственные водоемы нига, которые считали своей собственностью. Ловля птицы в больших масштабах носила уже хищнический характер и вела к истреблению дичи. Увлекательными объектами охоты в районе считались тур, лиса, волк, шакал, кабан, барсук, заяц и другие обитатели лесов, долин и камышовых зарослей. Охота ов на лесную дичь осуществлялась коллективно. Охотились с собакой, соколом, ястребом. Имелись специальные угодья, где охотилась феодальная верхушка.

Пчеловодство арычылаг

Во всех сельских обществах азербайджанцев было развито пчеловодство. Пчел держали в ульях, представляющих собой плетеные корзины цилиндрической формы, обмазанные снаружи глиной. «Горская сапетка, — читаем в кавказском календаре, — представляет собой плетеную корзину с куполообразным верхом... Снаружи улей обмазывается глиной, смешанной с навозом». Такой же формы и конструкции были ульи и в Дагестане, в том числе у азербайджанцев. Извлекали мед обычно весной и осенью. Определенное количество сот оставляли для питания пчел. При отделении меда от воска применяли и способ подогревания, и способ прессования сот. Больше ценился мед, отделенный вторым способом (от дегмеен бал). Мед и воск широко применялись не только в пище, но и в народной медицине.

Рыболовство балыгчылыг

Определенную роль в питании азербайджанцев, особенно жителей Дербента, играла рыба балыг. Ловили рыбу преимущественно в р.Уллучай, реже — в р.Дарвагчай, а также в Каспии, в специально устроенных запрудах, сетями. В пресной воде ловили кутума кютюм, сазана сазан, усача сары канат, а также и мелкую рыбу. Рыбу употребляли в пищу в свежем и вяленом виде. В XIX и начале XX в. были созданы дербентский и терекеменский сравнительно крупные рыбные промыслы, которые находились в ведении Управления государственными имуществами Бакинской губернии и Дагестанской области. Морские рыболовные участки дербентским городским управлением отдавались на откуп крупным русским промышленникам, которые нанимали горскую бедноту. На дербентских землях на протяже-

нии около 30 верст по берегу моря (между реками Рубас и Дарвагчай) в 1905 г., например, функционировало 14 рыболовных откупных промыслов. Улов сбывался «во внутренние губернии России по железной дороге» 78.

Добыча соли

Определенную роль в экономике населения имела добыча соли. В приморской части района было много богатых солью участков земли, где соль нередко выкристаллизовывалась непосредственно на поверхность. В ряде мест существовали открытые соляные озера дуз булаглар (дузлаг), где велись специальные разработки.

Когда в 1831 г. в описании Кайтага М.К.Ковалевский и И.Ф.Бларамберг писали, что «здесь находятся соленые озера и несколько колодцев серной воды», очевидно, имелись в виду именно эти источники.

Жители некоторых селений добывали соль не только для нужд своего хозяйства, но и для реализации ее на рынке. Особенно большим спросом пользовалась соль селения Рукель, признаваемая лучшей.

Часть соляных озер принадлежали бекам. Для добычи соли вокруг соляных озер летом (июнь-август) делали чеки лек, окружая края участков невысоким валом. К этим лекам через небольшие узкие канавки (арх) подводили воду из соляного озера и наполняли их до краев. В течение пяти-шести дней происходил процесс естественного испарения воды и отложения соли на дне. Затем отдельно снимали верхний чистый слой и отдельно — нижний слой соли. Последний содержал и немного глины, его промывали соленой водой из озера и сушили. Соль, добытая с помощью чеков, лек дуз, считалась лучшей и шла в пищу. Недостаточно промытая и плохо очищенная соль использовалась для животных. Ею кормили овец, когда отара поднималась на летние пастбища. Для питания овец, кроме того, добывали соль из неглубоких источников, когда они время от времени высыхали и образовывался соляной слой почвы. Эта соль считалась горькой ачи дуз. Такую соль жители сыпали и на глинобитные крышы как средство против травы. Соорудив однажды чеки и затратив на это труд, хозяйства смотрели на них как на свою собственность. Одни хозяева имели по 5-10 чеков, а некоторые предприимчивые члены больших семей, по сведениям наших информаторов, — даже по 100—200 чеков. Излишки соли жители продавали горцам, вывозили на еженедельный базар Маджалиса, Дербента, Акуши и др. С развитием капиталистических отношений и особенно после строительства Петровской ветви Ростово-Владикавказской железной дороги спрос на соль на данном участке все больше возрастал. Как казна, так и местные беки стали сдавать соляные разработки в аренду, несмотря на то что их обладатели считали их своей собственностью.

Нефтедобыча

Некоторые сельские общества на равнинах, особенно терекеменцы, занимались и добычей нефти гара невут. Еще в начале XVIII в. член посольства в Персию А.И.Лопухин отмечал, что в этих местах «бежит нефть» 79. Нефть, однако, не имела здесь промышленного значения и шла лишь на местные нужды. Нефтью пользовались для освещения помещений, наполняя ею глиняные или медные светильники. Нефтью время от времсни смазывали деревянные детали домов, хозяйственный инвентарь. Использовалась нефть в качестве лечебного средства, особенно при кожных заболеваниях. Широко применяли нефть и для лечения кожных болезней у рабочих буйволов.

Черную нефть местные жители брали в местах ее естественных выходов, главным образом на открытых участках, где она била фонтаном. Вокруг таких фонтанов рыли ямы, из которых неочищенную черную нефть ковшами переливали в глиняные кувшины и бурдюки. Перевозили ее на арбах, поместив емкости в плетеные корзины. Во время своего персидского похода, двигаясь на юг по дагестанскому побережью Каспийского моря, Петр I заметил два нефтяных колодца во владении уцмия Кайтагского и несколько позднее приказал своему генералу Матюшкину отправить отсюда в Петербург «тысячу пудов или сколько возможно белой нефти» 80.

В конце прошлого века официальная печать констатировала, что в Кайтаго-Табасаранском округе добыча нефти производится «из мест естественных выходов нефти», а «вся добыча ее в сыром виде идет на потребности местного населения и не вывозится за пределы области» 81. Вместе с тем та же официальная печать отмечала, что «нефтяное дело в области, несмотря на печальное положение с окончанием ныне разрабатываемой железной дороги, которая проводится по району нефтеносных земель Дагестана, быстро оживится»⁸². С развитием капиталистических отношений и строительством Петровской ветви Ростово-Владикавказской железной дороги нефтяная территория района, как и весь прибрежный Дагестан, привлекает к себе нефтепромышленников. Из года в год росло число заявок на добычу нефти. В 1893 г. было начато глубокое разведочное бурение нефти в районе Берикея. В 1894 г. здесь уже возникают промыслы русских предпринимателей Козляковского, Любимова, Балабанова⁸³.

Нефть в Дагестане стала привлекать внимание и иностранных капиталистов. Так, в 1899 г. на участках Тупсуз-кутан, Уллу-Исси-сув, Нап-кутан Кайтаго-Табасаранского округа действовало «Англо-русское нефтяное общество», производившее разведку, бурение и добычу нефти на площади 2278 десятин⁸⁴.

Наиболее значительной иностранной фирмой, эксплуатировавшей нефтяной район Берикея и Каякента в начале XX в., было «Товарищество братьев Нобель». В 1902 г. на Берикейских нефтяных промыслах этим товариществом было добыто 6 тыс. пудов нефти силами 61 рабочего, а промышленником О.Бенкендорфом — 1876 пудов с помощью 6 рабочих 85. Через два года, т.е. в 1904 г., «Товариществом братьев Нобель» было добыто нефти уже 1 879 558 пудов, число рабочих увеличилось до 7086. Постепенно здесь возникли и другие компании, часть которых стала успешно конкурировать с «Товариществом братьев Нобель».

В целом добыча нефти, соли, рыбы и других природных богатств велась примитивным способом. Рыба вылавливалась без разбору, масса мелкой рыбы просто выбрасывалась на берег. В своем рапорте губернатору Дагестанской области от 13 мая 1913 г. начальник Кайтаго-Табасаранского округа отмечал, что рыбопромышленники Ахундов и Федоров на арендованных ими рыболовных водах допускают злоупотребления, «исключительно истребляют сельдь», излишки «зарываются в землю», нарушают «санитарные правила на рыбном промысле» и т.д.⁸⁷.

Извозный промысел кире

Извозный промысел кире существовал у азербайджанцев издавна. Наибольшее развитие он получает в XVIII в. в связи с увеличением маренной торговли, когда отсюда, по свидетельству очевидцев. «бесчисленные арбы с мареной направлялись к гавани» 88. Значение извоза оставалось высоким и в более поздний период. В 1905 г., судя по официальному отчету, в Дербенте числилось 74 легковых и 182 ломовых извозчика. Кроме города они обслуживали рыбные промыслы, перевозя рыбу и рыболовные принадлежности89. Да и крестьяне в свободное от полевых работ время, обычно глубокой осенью и зимой, занимались перевозкой грузов. Для этого они объединялись в артели и ездили на своих арбах чаще всего в Дербент, откуда, нагрузив товар. везли его в Маджалис, Уркарах, Дешлагар, Петровск и даже в Темир-Хан-Шуру, Часть их груза составлял провиант, поставляемый в воинские части. После строительства Петровской ветки Ростово-Владикавказской железной дороги территория обслуживания ограничивалась главным образом внутренним Южным Лагестаном.

Домашние промыслы и ремесла

В районе расселения азербайджанцев ремесло не получило большого развития, поскольку хозяйство района определяло земледелие.

Исключением, безусловно, являлся Дербент. Здесь, по данным 1913 г., число ремесленников и кустарей доходило до 1005. В городе работали 16 шапочников, 18 портных, 18 сапожников и башмачников, 10 цирюльников, 10 столяров, 33 плотника, 76 каменщиков, 17 кровельщиков, 7 печников, 23 маляра, 10 оружейников, 12 кузнецов, 10 бондарей, 10 серебряников, 8 медников, 6 лудильщиков, 10 жестянщиков, 40 легковых извозчиков, 60 ломовых извозчиков и т.д. 90.

В сельской же местности мало было центров художественной обработки металла, обработки дерева, гончарства. Вместе с тем повсеместно значительную роль продолжали играть домашние промыслы и ремесла.

Одно из первых мест принадлежало здесь ковроделию. Достаточно отметить, что в таких селениях, как Рукель, Кемах, Митаги, Бильгади, Гимейди, Ерси, Дарваг, Мугарты, Марага, Зидьян, Хучни, Арак, Цанак, Хили-Пенджи, Ихрек и др., ковроделием занимались почти все женщины. Традиционные навыки ковроткачества прививались девочкам с малых лет. К 14—15 годам девочки овладевали всей сравнительно сложной технологией ковроделия.

Отмечая роль ковроткачества в жизни ряда предгорных селений, надо иметь в виду, что нехватка здесь земель заставляла людей заниматься ковроткачеством, таким образом способствуя его развитию.

Изделия ковроткачества отличались большим разнообразием. Изготовлялись ворсовые (хали, халыча, егьер халычасы) и безворсовые ковры и паласы (кьайтаг палас, кендир пархал и др.), а также сумки (торба), которые носили через плечо, переметные сумы (гьейбе, хурджин), мешки разных размеров и др.

Изготовлялись ковры на обычных для всего Дагестана вертикальных станках хана, подробное описание которых впервые дано известным кавказоведом Е.М.Шиллингом⁹¹. Ковры и ковровые изделия имели самые разнообразные рисунки. Основу их орнамента составляли как растительные, так и геометризированные и животные мотивы⁹². Встречались и сравнительно сложные тематические сюжеты.

По характеру рисунков ковры носили различные названия: тапанча или турал (пистолет, шашка) Гасан-гала (букв. «крепость Гасана», где зубчатые края рисунка напоминали башни крепости), уьзюм багьы (виноградный сад), габыр дашы (надмогильный камень), патнус (поднос), марага (название дано по одноименному азербайджанскому селению в Табасаране) и др. Иногда ковры назывались по именам самих мастериц, которые не ограничивались использованием традиционных узоров, вносили в рисунок элементы своей фантазии. Чаще всего центральное поле традиционного ковра заполнялось «одним-двумя крупными медальонами, каждый из которых, в свою очередь, служил фоном для более мелких фигур» 3. Это чаще всего можно наблюдать, например, на коврах марага. Каймой этих ковров служит неширокая полоса. Своеобразна их расцветка. Согласно исследователям, «в коврах Дербента, так же как в коврах других районов Южного Дагестана, преобладали красные и синие тона. Черный цвет использовался для обводок» 94.

При крашении пряжи для ковров чаще всего использовались марена (бояг), кора ореха (гоз габугу), пуба (палут агаджи), кожура лука (соган габугу). Для получения необходимого тона краски азербайджанка знала точные соотношения компонентов. «Есть еще много разных растений в Дагестане, — писала В.Тройницкая, — не менее 40 названий, употребляемых как красители в разных районах и обусловливающих отчасти гамму тонов, свойственных каждому району» 95. Мастерица, перед тем как опускать в краску пряжу, варила ее в квасцах, а затем для закрепления красителя отмачивала нити в моче домашних животных. В крупных центрах ковроткачества имелись специальные помещения, где производилось окращивание пряжи для ковров, тканей. В Дербенте еще в конце XIX в. сохранилась мастерская шарбаф-хана, где специально красили как пряжу, так и всевозможные готовые изделия из шерсти, шелка, конопли, хлопка. Там применялся исключительно мужской труд, и владельцем ее. по сохранившимся воспоминаниям, был азербайджанец по имени Гаджи-султан. К сожалению, многие способы приготовления состава, соотношения естественных красок со временем были утеряны безвозвратно в связи с широким использованием в ковроделии химических красителей.

Характеризуя ковроткачество в селениях изучаемого района, необходимо отметить, что оно лишь частично имело товарное значение. Сырьевая база ковроделия была невелика. Нередко шерсть мастерицы приобретали на стороне, главным образом у соседних даргинцев и табасаранцев. И тем не менее отдельные семьи производили ковры и для продажи на рынке, видя в этом занятии дополнительный источник средств к существованию.

Почти в каждом более или менее крупном азербайджанском селении были также и признанные мастера по обработке дерева, железа, по производству сельскохозяйственных орудий, инвентаря, транспортных средств. Они изготовляли арбы, плуги, лемехи, серпы, косы, топоры и многие другие орудия труда; они же делали подковы и подковывали лошадей, снабжали сельчан предметами хозяйственного назначения. В некоторых селениях кузнецами работали приезжие мастера-даргинцы, главным образом выходцы из селения Харбук. Известны случаи, когда

приезжий кузнец оседал в азербайджанском селении на постоянное жительство. В некоторых сельских обществах кузнецам отводились «особые участки... обрабатываемые обыкновенно теми из поселян, которым кузнец обязан производить починку... бесплатно» 96.

Наиболее широкое развитие в районе получили домашние промыслы, связанные с обработкой кожи, шелка и др. Техника их обработки мало чем отличалась от таковой у других народов Дагестана⁹⁷. Главное место среди домашних промыслов принадлежало обработке кожи, изготовлению из нее одежды и предметов хозяйственного назначения. Из овчин сыромятной обработки в каждой семье шили шубы, шапки, из кожи крупного скота и коз — разнообразную обувь. Кроме того, овчина обрабатывалась для изготовления бурдюков мотал дериси, или тулуг, в которые клали сыр пендир и особым образом приготовленный творог шор, или деген шор. Обработка кожи, в отличие от обработки шерсти и шелка, была обязанностью не столько женщин. сколько мужчин. Только шитье шуб из обработанной мужчинами овчины считалось делом женщин. Мужскую обувь и шапки шили мужчины. Наиболее сложной являлась обработка шкур крупного рогатого скота, которой, как и шитьем из этой кожи обуви, занимались мужчины.

Азербайджанки, как и все женщины Дагестана, пряли, ткали, вязали и шили одежду для своей семьи. Исключение, может быть, составляли некоторые изделия из шелковой пряжи (гашники, готовая крученая нить, вышивки и др.), продажа которых приносила определенный заработок мастерице. Из шерстяной пряжи вязали главным образом носки и чулки, в одних местах одноцветные, в других — пестрые. Много внимания женщины из знатных семей уделяли золотошвейным работам по бархату, сукну, шелку. В числе других предметов золотым шитьем или шитьем разноцветными нитками украшались и женские башмаки.

Транспортные средства

Основным транспортным средством азербайджанцев была двухколесная арба, в которую запрягали двух буйволов или быков, а в Дербенте еще пароконная легкая коляска — фаэтон, — которой пользовались главным образом состоятельные люди. Незаменимое значение транспортного средства имела лошадь ат. Верхом ездили обычно мужчины. Женщина-азербайджанка этим видом транспорта в качестве передвижемия, как правило, не пользовалась и не должна была пользоваться в силу особых условий ее быта. Только в предгорных азербайджанских селениях женщины иногда ездили верхом, да и то в экстренных случаях. Мягкие, набитые пухом кожаные седла с

войлочными подстилками, нарядные коврики, которыми покрывались седла, имела почти каждая мало-мальски состоятельная семья. Богатые семьи, кроме того, приобретали у кубачинцев уздечки, украшенные серебряным набором.

Отправляясь в дальние путешествия, к седлу привязывали переметные сумы *хурджин* с продуктами и бурку *япунжу* на случай непогоды, задержки в пути.

Огромную роль в хозяйственной жизни людей играла арба. Арбы изготовляли из крепких пород древесины — агача (карагача), палута (дуба) и др. Арба азербайджанцев была большой, просторной и делалась целиком из дерева. Она состояла из трех основных частей: кузовной арба, колесной чархлар и яремной боюндуруг. Только во второй половине XIX в. появляются и постепенно распространяются некоторые металлические детали для арбы, в частности железные ободья колес.

Кузов традиционной арбы состоял из дна и бортов. Дно *диби* имело форму равнобедренного треугольника, сделанного из трех-четырех продольно и одного поперечно (в конце остова) поставленных шестов *бамлар*.

Борта *чербентлер* напоминали лестницу, прикрепленную ко дну своими боковыми сторонами. Иногда они плотно крепились досками. В ряде случаев для расширения кузова арбы на чербентлер ставили еще дополнительное приспособление — продольные планки *арчербентлер*, вставляемые в стойки.

Колесная часть арбы включала деревянную ось ах и посаженные на нее два колеса чархлар. Ободья колес состояли из трех-четырех толстых, плотно пригнанных друг к другу деревянных брусков тогайлар, соединенных внутренними шипами, с 16—18 спицами гегейлер. Частью колеса являлись также ступицы, или болванка, топ с винтами гулаг. Высокими большими колесами отличались арбы азербайджанцев предгорий (селения Ерси, Кемах, Зиль, Дарваг и др.). Такая форма колеса, очевидно, была продиктована местными условиями. В селении Ерси, кроме того, считают, что большие колеса удобны там, где в дождливую погоду бывает много грязи. Время от времени ось и ступицу, чтобы они не скрипели, смазывали черной нефтью.

Собственно ярмо составляли две параллельно расположенные и тщательно обработанные планки из дерева твердой породы (верхняя планка боюндуруг, нижняя планка тамакса), а также пять вертикально вставленных в них палок с головками чомачалар. С помощью одной из них ярмо прикреплялось непосредственно к арбе, а остальные образовывали ячейки для надеваныя их на шеи волов. Арба имела и ряд дополнительных приспособлений, которые использовались при необходимости. Так, при дальних поездках женщин, детей, стариков к арбе крепился плетеный навес индираг, который накрывали паласом от солнца. При перевозках кукурузных початков, бахчевых культур, а также мякины на арбу ставили плетеные корзины себет или

большие плетеные сооружения во всю ее длину чалы. Сено возили либо на арбах, либо на санях и волокушах. Зимой азербайджанцы пользовались санями кирше. Волокуша применялась для транспортировки бревен, жердей и т.п. Однако сани и волокуши использовались в исключительных случаях, а арба — постоянно.

Торговля

На торговых отношениях населения, как и у других народов Дагестана, положительно сказывалась традиция рационального общественного разделения труда в крае, зональная специализация населения по производству сельскохозяйственной продукции, изделий домашних и кустарных промыслов. Очень важно, что Дербент был расположен на важных торговых путях, связывающих Россию с прикаспийскими странами и Индией. Роль торговли значительно возросла после присоединения Дагестана к России и особенно строительства железной дороги, пересекающей территорию азербайджанцев равнин и связавшей их с южными и северными соседями.

Азербайджанцы исследуемого района вели оживленную торговлю со своими соседями, торговали в Дербенте, ездили в крупные города Закавказья (Гянджа, Шемаха и др.) и Северного Кавказа. Поскольку район расселения азербайджанцев являлся одним из районов сравнительно развитого земледелия. главным предметом торговли его жителей было зерно (пшеница. ячмень, рис и др.), а в предгорной части и фрукты. Определенное место в торговом обмене занимали крупнорогатый скот, соль, шелк-сырец, марена, нефть, лес, дрова. Перечень товаров, которые азербайджанцы приобретали у горцев (даргинцев, табасаранцев, кубачинцев, казикумухцев, верхних лезгин, андийцев и др.), был шире. Он включал овечью шерсть, сыр, свежее и вяленое мясо, гончарную и деревянную утварь, холодное оружие, серпы, косы, бурки, готовые овчинные шубы для мужчин. папахи, выделанную кожу и др. На рынок в Дербент из Табасарана и верхнего Кайтага приезжали мастера по пошиву шуб и шапок с полными арбами сырья и заготовок. Они привозили и готовые шубы и шапки (из курпея, из овчины). Происходили примерка, выбор товара по вскусу. Горцы свои изделия меняли в основном на зерно. Огромную роль в развитии торговых отношений окрестных азербайджанских селений имел Дербент — древнейший город в Дагестане, вокруг которого, по существу, были расположены земли этих населенных пунктов. В рассматриваемое время он представлял собой центр оживленной торговли, крупный перевалочный и транзитный пункт.

По И.-Г.Герберу, в Дербенте «обретаются много купецких людей из персиянов, армянов, грузинцев и индийцов» 98.

 Π . Г. Бутков также констатировал, что в Дербенте находились «многие персидские, индийские, армянские и грузинские купцы и художники» ^{99} .

В 30-х годах XIX в. в Дербенте насчитывалось 420 лавок. принадлежащих 80 торговцам, три караван-сарая. Торговлей с другими городами занимались 25 человек 100. Жители окрестных селений пригоняли сюда скот, привозили зерно, марену, шелксырец, древесный уголь, соль и другие товары. Взамен они приобретали различные ткани (хлопчатобумажные, шелковые), металлические изделия. листовое железо, посуду (стеклянную, фаянсовую, фарфоровую), писчую бумагу, сахар, чай и другие бакалейные товары, позумент, мотки канители (золотые и серебряные нити для вышивания), мыло и др. Еще в начале второй четверти XIX в. в Дербенте «выделка шелковых материй. бумажной бязи, медной посуды, железных вещей и проч. занимает изрядное число рук»¹⁰¹. Здесь же реализовалось большое количество шелковых изделий, привозимых из Шемахи, Шеки, Ширвана. 25 человек вели торг с Астраханью и закавказскими городами, более 80 человек занимались «внутренними оборотами. Пятеро имели сношения с персидскими городами» 102. Самая же значительная торговля в этот период велась с Астраханью и состояла главным образом «в отправлении туда марены, кубинского и ширванского шелка, кубинских и табасаранских ковров и паласов, сарачинского пшена, грецких и миндальных орехов, кишмиша, кизила, мехов куньих, лисьих, волчьих и других» 103. «Из всех этих предметов отпуска. — отмечалось все же в "Обозрении Российских владений за Кавказом". — одна только марена и небольшая часть фруктов суть собственно дербентские произведения» 104. Самую большую роль в вывозной торговле за пределы Дагестана, таким образом, играла марена, под которой, как уже отмечалось, были заняты огромные земельные участки.

В Каспийской области, в том числе в Дербенте, урожай марены в 40-х годах XIX в. был настолько обилен, что «в торговле появилось количество ее, превышающее спрос». По официальным данным, в 1862 г., например, «было вывезено 21 300 пудов марены средней стоимостью по 7 рублей за пуд» 105.

Русские и местные купцы вывозили дагестанскую марену плавным образом на Нижегородскую ярмарку как сухим путем через Дербент, Кизляр, так и морем через Дербент—Астракань 106. Через Астрахань же марена транспортировалась в Нижний Новгород и Москву. Марену у сельских жителей чаще всего закупали торговцы-скупщики на месте. Во многих случаях за скупаемую марену они расплачивались редкими товарами, закупаемыми в городах, на выгодных для себя условиях. Иногда эти товары они давали в долг, иногда выступали в роли ростовщиков. Это были преимущественно торговцы из Дербента, реже — связанные с ними русские и другие купцы. Например,

по сведениям, доставляемым от карантинно-таможенных постов, в 1854 г. было вывезено товаров через Дербент и Низовую пристань, морем в Россию и Персию на 826 267 руб., кроме разных фруктов, рыбы, винограда, вина, кож и т.д. 107. Одним из основных предметов торговли дербентских жителей постепенно становились виноград и вино.

Роль Дербента особенно возрастает с установлением регулярного пароходного сообщения между Дербентом и Астраханью (1858 г.). «Главное место сбыта сего произведения, — писал П.Заблоцкий о марене. — Астрахань, оттуда оно доставляется в Казань, Нижний Новгород и Москву» 108. Астрахань уже в XVIII в. играла роль международного торгового центра, ведшего оживленную торговлю не только с промышленными городами Центральной России, Поволжья, Средней Азии, но и с восточными странами — Ираном, Индией и др. 109. Для этого, как отмечают источники, отдельные астраханские купцы держали «мореходные суда». Тем не менее Дербент, невзирая на свое удобное приморское положение, не мог в достаточной мере пользоваться всеми выгодами мореходства. «Да и пристань Дербентская, — отмечалось в том же "Обозрении российских владений за Кавказом" в 1836 г., — будучи со всех сторон открыта для ветров, которые свирепствуют там особенно осенью. есть одна из опаснейших на Каспийском море... Суда становятся в зимнее время на девяти, а в летнее время на семи саженях глубины, а расстояние в $1^{1}/_{2}$ и даже 2 верст от берега. По всем этим неудобствам цена за перевозки в Дербент товаров, например из Астрахани, обходится дороже, нежели в Баку и даже Ленкаран»¹¹⁰. Профессор Казанского университета, а затем и Петербургской медико-хирургической академии Э.И.Эйхвальд. побывавший в Дербенте в 1824 г., также отмечал: «Каждый день погибают здесь суда потому, что перед Дербентом нет никакого рейда и должно ставиться на якорь в открытом море, которое доступно непогодам со всех сторон»¹¹¹.

На дербентском рынке можно было встретить и самые дорогие ткани (камка, бархат, тафта, разные сукна), доставляемые сюда главным образом из Астрахани, и сравнительно дешевые ткани восточного и европейского производства (ситец, бязь, ластик, бумажный тастар для платков), а также латунь, железо, фаянсовую, фарфоровую, стеклянную и медную посуду, сахар, бумагу и т.д.

В рассматриваемое время товары русского производства, в том числе сравнительно дешевые хлопчатобумажные ткани, получают широкое распространение и постепенно вытесняют дорогие товары восточного производства. «Русские ситцы, нанки и другие бумажные товары, — говорится в "Обозрении российских владений за Кавказом", — сбываются в Дагестане в большом количестве по выгодным ценам; они решительно берут преимущество пред тканями персидскими, так что купцы находят мало

пользы в торговле последними... Употребление наших бумажных тканей невысокой цены распространяется с каждым годом более и более; а персидские доставляются не многими из бакинских шемахинских купцов»¹¹².

Таким образом, Дагестан, в том числе его прикаспийские районы, постепенно втягивался в сферу экономического развития России. Однако этот процесс происходил очень медленно. Промышленность развивалась крайне слабо. По данным статистических обзоров Дагестанской области, в Дербенте в предвоенном 1913 г. всего насчитывалось 13 небольших промышленных предприятий с 53 рабочими. Это были 5 виноводочных, 2 известковых, 2 минеральных вод, 4 бондарных предприятия. К этому можно прибавить еще окрестные промыслы по добыче соли, а также нефти (берикейский нефтяной промысел «Товарищества братьев Нобель», берикейский нефтяной промысел «О.А.Бенкендорф» и др.). В силу целого ряда факторов, в частности конкуренции более дешевых привозных шелковых, хлопчатобумажных тканей и других изделий московских и владимирских фабрик, с каждым годов сокращался выпуск продукции местных ткацких предприятий. и к 60—70-м годам XIX в. он почти полностью прекратился.

Система мер и весов

Основными единицами измерения емкости сыпучих тел считались саг, сабу, рубе и киле. Саг равнялся 2,5 кг, сабу обычно вмещал 7,5 сага, или 19—20 кг пшеницы, киле — 24—25 кг, рубе — 12 саг, или 30 кг пшеницы. Количество зерна измеряли, кроме того, мешками разного размера габ. Среди них были распространены: билах — на 1 сабу зерна, чувал — 3—7, харал — на 25—30 сабу и др. Наряду с ними были известны более мелкие единицы измерения: торба, или гъейбе, хурджины или другие переметные сумы. Их носили, перекинув через плечо. Хурджины были разных размеров, при перевозке груза их обычно закрепляли позади седла.

После присоединения Дагестана к России постепенно в обиход стала входить система русских мер и весов.

В 1824 г. А.П.Ермолов указал военной администрации в Дагестане на необходимость «жителей приучать к весу российскому и иметь верные весы» 113. Начиная с этого времени значение системы русских мер и весов стало возрастать. И тем не менее еще на рубеже XIX—XX вв. во внутренней торговле азербайджанцев, так же как и других народов Дагестана, большую роль продолжала играть местная система мер. Размеры земельных участков определяли количеством засеваемых на них семян: «5 сабунун ери» («участок на 5 сабу»), «10 сабунун ери» («участок на 10 сабу») и т.д. Измеряли землю и шагом абат.

Сенокосные участки соотносили с арбами получаемого с них сена.

Днями (его частями) определялось расстояние между аулами: бир гюнлюк ёл («однодневная дорога»), эки гюнлюк ёл («двухдневная дорога»). Иногда таким же образом определялась и пахотная земля: бир гюнлюк ер («участок, который можно вспахать в течение одного дня»), эки гюнлюк ер («участок для пахоты в течение двух дней») и т.д.

Сыр, мясо, мед, а также шерсть, шелк-сырец и др. определяли с помощью таких мер, как батман и гирвенка. Величина батмана у азербайджанцев была «чрезвычайно разнообразна... в Улусском магале он равнялся 33 фунтам, а в городе Дербенте 19 фунтам и 90 золотникам»¹¹⁴. В некоторых обществах он равнялся от 6 до 12 кг. Гирвенке повсеместно составлял 400 г. Специальной мерой небольшого веса, например шелка-сырца, служило и куриное яйцо юмурта. Для измерения масла, меда применялась мера денгене, гички денгене («малое денгене»), которое равнялось 40 г, а беюк денгене («большое денгене») — 1 кг.

На пуды чаще продавалась марена, на четверти — зерно. Количеством вмещаемого зерна определяли величину медных котлов: дёрт сагь дюгю биширен казан — котел, в котором можно было сварить 4 сага риса. Такой котел в общей сложности вмещал 100 л воды. Котлы были на 1 саг, 2 сага и т.д.

Ткани измерялись ханским аршином аршун, составлявшим 0.71-0.80 м, кары — 0.2 аршина, дирсек (локоть) — 0.5 м.

Более мелкими мерами длины являлись гарыш, равный расстоянию между раздвинутыми большим пальцем и мизинцем, сюем (пядь) — между большим и указательным пальцами, бармак — ширина одного пальца и т.д.

Имели хождение, особенно в первой половине XIX в., и денежные единицы других регионов и стран, в том числе, как отмечал относительно Азербайджана А.В.Фадеев, «персидские золотые туманы, русские серебряные рубли, местные абазы бакинской, ширванской, кубинской чеканки и даже голландские червонцы» 115, а также десятирублевые империалы.

В денежном обращении широко использовались серебряные монеты: манат (рубль), он шагьи (50 коп.), аббасы (20 коп.), уч шагьи (15 коп.), эки шагьи (10 коп.), бир шагьи (5 коп.), бисти, или ярым шагьи (0,5 коп.), и др. Несколько реже в обращении были золотые русские монеты: онлугь кызыл (10-рублевая монета), бешлик кызыл (5-рублевая монета). Применялись также динар — наиболее распространенная в прошлом монета стран мусульманского Востока, равная английскому фунту стерлингов, или 3 золотникам, а также мисгал (золотник — около 4,25 г), буртук (зернышко пшеницы или риса). После присоединения к России, особенно со второй половины XIX в., в Дагестане постепенно утверждается единая русская денежная система. То же самое происходит с системой мер и весов. Все

шире распространяются такие русские меры и веса, как четверть, фунт, сажень, десятина, верста и др. Однако окончательно вытеснить из обращения и обихода все меры, которые бытовали веками, они не смогли.

Положительное значение для развития торговли имела и ликвидация различных феодальных барьеров, в том числе и рахмаров — торговых пошлин.

Таким образом, в рассматриваемое время система мер и весов, а также счет денег претерпевали значительные изменения. Последние были детерминированы как внутренним социально-экономическим и культурным развитием, так и упрочением торговых связей с другими регионами и странами. Велика в этом процессе была, как отмечалось выше, роль Дербента. В целом развитие системы мер и весов шло в направлении от многообразия к единообразию, утверждению русских единиц измерений.

• • •

Итак, хозяйство азербайджанцев Дагестана было многоотраслевым, включавшим земледелие, скотоводство, промыслы, торговлю и т.д. На протяжении многовековой истории народ создал богатые для своего времени культурные традиции ведения сложного, комплексного хозяйства, выработал навыки селекции зерна, улучшения пород скота, характер его стойлово-выгонного содержания. Своими истоками эти традиции были неразрывно связаны как с земледельческо-скотоводческой культурой народов Азербайджана, так и с культурой соседних народов, с которыми бок о бок они жили и живут и в настоящее время.

Народный календарь

По распространенной этнографической классификации народный календарь и календарная обрядность относятся к области духовной культуры. Но они неразрывно связаны также и с хозяйственным бытом. Поэтому остановимся на них в этой главе.

Многовековые наблюдения людей за явлениями окружающей среды: за постоянным переходом природы от одного состояния к другому, за ее изменениями в течение суток, времен года, за характерными признаками весны, лета, осени и зимы, а также наблюдения за небесными телами позволили азербайджанцам накопить ценный опыт, которым они руководствовались в своей практической деятельности. Учитывая изменения погоды, наблюдения за направлением ветров, за дождем и морозами, крестьяне корректировали начало или конец полевых работ. Практические навыки ухода за животными они подчиняли цели сделать труд «максимально эффективным», производительным.

Народный календарь, в котором единицей счисления был солнечный год ил, подразделявшийся на 12 лунных месяцев ай, соответствовал основным циклам сельскохозяйственных работ и строго регламентировал последовательность и сроки их проведения. Народным календарем определялись и те дни недели, в течение которых запрещалось или считалось нежелательным выполнение тех или иных видов работ (полив, заготовка леса и др.). Возникнув в глубокой древности, сельскохозяйственный календарь постоянно развивался и совершенствовался, ибо развивалась и совершенствовался и совершенствовался, ибо развивалась и совершенствовалась сама хозяйственная жизнь, земледельческая культура народа. Наряду с ценными эмпирическими знаниями календарь содержал и целый ряд основанных на случайных наблюдениях, но принятых в качестве нормы компонентов.

Многие календарные обряды и поверья, уходящие корнями в хозяйственную практику крестьянина, в прошлом беспомощного перед стихийными силами природы, сохранились и в рассматриваемое время. Их трансформация шла медленно.

Дагестанские азербайджанцы, как и многие другие народы 116, в своей практической жизни пользовались лунно-солнечным календарем — системой летосчисления, основанной на сочетании солнечных лет с лунными месяцами.

По лунному календарю чередование календарных месяцев связывалось исключительно с изменениями фаз луны. С помощью же солнечного календаря определялись времена года. Не случайно начало хозяйственного года исчислялось по круговороту солнца, а не луны и потому всегда совпадало с одним и тем же днем. Приняв за основу лунно-солнечный календарь, азербайджанцы строили свой хозяйственный опыт, осуществляли наблюдения за явлениями природы и соответственно вносили в земледельческий календарь много коррективов.

Как было сказано выше, год делился на 12 лунных месяцев, содержащих 29 или 30 суток. К сожалению, местные народные названия месяцев и дней недели не сохранились. Их вытеснили названия арабского лунного календаря. Последний, надо полагать, проник в Дагестан вместе с распространением здесь ислама и письменности на арабском языке.

Месяц в зависимости от лунной фазы делился на следующие периоды: начало (айын баши), середина (айын ортасы) и конец (айын ахыры). Начало каждого месяца соответствует моменту новолуния. По календарю арабов год составляет не 365, как в других календарях, а 354 дня, т.е. короче на 11 дней. Поэтому месяцы приходятся на разные времена года. Например, рамазан мог быть зимой, а через лет 16—17— уже летом. По этим и другим причинам арабский лунный календарь для дагестанского крестьянина был неудобен. Им руководствовались преимущественно при выполнении религиозных обрядов, в официальной переписке, при оформлении записей актов гражданского состо-

яния (браков, разводов, рождения детей, смерти), важных событий (землетрясения, эпидемии, войны и др.).

В начале XX в. была сделана попытка издать лунно-солнечные календари на местных, дагестанских языках, но на основе мусульманского летосчисления. Так, в предреволюционный период в г.Темир-Хан-Шуре было издано несколько таких календарей на кумыкском, аварском, лакском, лезгинском и даргинском языках. В них учитывались особенности астрономического года и лунно-солнечного счисления, практика проведения различных полевых работ в те или иные времена года. Вместе с тем после присоединения к России в Дагестан постепенно проникает и европейская (юлианская) система летосчисления.

В своей практической деятельности азербайджанцы опирались прежде всего на многовековой сельскохозяйственный опыт, основанный на эмпирических наблюдениях в полеводстве и скотоводстве. Именно поэтому местный календарь имел большое значение.

Крестьяне заранее старались предугадать, каковы будут лето, осень и зима. Ориентируясь по луне, они делали следующие наблюдения: если молодая серповидная луна поворачивалась внутренней (вогнутой) стороной вверх, то ждали дождливого или нормального лета. В случае густого тумана над морем говорили о суровой зиме. Когда верхушку горы Джалган (юго-западнее Дербента) покрывал туман, ожидались дожди. Не случайно дербентские жители гору Джалган образно называли туфан-дагы («гора, вызывающая бурю»).

В предгорных селениях для определения времен года, как отмечал Н.Ф.Дубровин применительно к Дагестану, на окружающих их вершинах крестьяне ставили «каменные столбы»: «Смотря по тому, около какого столба солнце восходило или заходило, старики определяли начало каждого из четырех времен года»¹¹⁷.

Начало года у азербайджанцев, как и у многих других народов мусульманского Востока, совпадало с началом весны и отмечалось обычно 21—22 марта (Новруз, Навруз). В некоторых предгорных селениях (Ерси, Кемах и др.) было принято праздновать Навруз на пять-шесть дней раньше обычного.

Универсальное у всех народов деление года на два крупных периода — лето и зиму — было характерно и для азербайджанцев. Лето яз и зима гыш символизировали понятия «тепло» и «холод». Первый период рассматривался как период полевых работ, второй (в основном) — домашних промыслов. Эти два периода, в свою очередь, делились на четыре сезона: весну багьар или яз, лето яй, осень пайыз, зиму гыш. В их рамках различались и более мелкие отрезки времени, так или иначе связанные с определенным циклом сельскохозяйственных работ.

Весна. Начало весны, как говорилось, совпадало с 21—22 марта. Этот день определялся по солнцу. Восход солнца над

определенным местом, предметом, падение солнечных лучей на определенный участок, заход солнца за определенную линию фиксировались как эмпирические факты, свидетельствующие о наступлении «первого дня весны».

Первые четыре дня весны начиная с Навруза брали за основу прогноза погодных условий на весь год. По первому дню Навруза прогнозировали весну, по второму — лето, по третьему — осень, по четвертому — зиму.

В соответствии с народным календарем весну делили на несколько периодов. Ранняя весна также делилась на несколько периодов: 1) мулух охватывал последние 6 дней зимы и первые 6 дней весны (примерно с 16 по 28 марта) и 2) хил (хилин), составляющий следующие 12 дней весны (примерно с 28 марта по 10 апреля). Мулух и хил вместе назывались гара яз. В это время у крестьян было много забот. Они очищали поля от камней и сорняков, приводили в порядок сады, сажали новые саженцы, обрезали деревья, виноградные лозы, расставляли таркалы (штамбы).

Самым лучшим периодом для прививки деревьев считался хил, период активного движения соков. В это время начинали пахоту, а затем сев. Первая трава позволяла крестьянину перегонять скот на пастбища, хотя и приходилось подкармливать его сеном и мякиной, а слабый скот — еще и похлебкой из ячменной сечки. Отсутствие кормов в начале хила приводило к гибели скота. Слабый скот в конце марта пригоняли к участкам, покрытым лесом и кустарником. где он поедал почки и первые листья на деревьях. В конце хила женщины сажали кур-наседок выводить цыплят. Возвращались с юга птицы, в том числе ласточки. Считалось, что своим появлением они приносят радость, а если ласточка сядет в гнездо наседки, то хозяйка получит много цыплят и обязательно пестрых. Первых ласточек старались поймать, смазать им головы маслом и отпускали на волю. Женшины начинали заготавливать кизяк для топки хлебных печей во дворах.

Дни с 10 по 22 апреля назывались дарган¹¹⁸ или такарак. Они считались тяжелыми. В эти дни не рекомендовалось поливать посевы, делать обрезку и прививку деревьев, так как они могли засохнуть, заготавливать топливо. Даже порез на руке, по мнению азербайджанцев, трудно заживал в это время. Запрещалась в это время и порубка леса, поскольку шло движение соков. В этот период опять могли наступить холода и выпасть снег. Существует поверье о том, что якобы снег говорит: «Дарганда агмасам, харманда ягарам» («Если не выпаду в период даргана, то выпаду во время уборки хлебов»). В конце даргана жители предгорий (Гимейди, Кемах и др.) спускались на равнину (в местность Кафары) пахать.

Когда неожиданно выпадал снег, все крестьяне выходили очищать от него посевы, чтобы поднять всходы.

В дни даргана в садах проводились очистка, посадка и прививка деревьев, перекопка приствольных участков земли и др.

Следующий период, *иран*, длился с 22 апреля по 2—4 мая. Во время ирана шли дожди *лайсан*, которые ценились, по словам крестьян, «наравне с золотом». В отличие от обычного дождя, лайсан называли *аг ягыш* («белый дождь»); дожди в этот период не только смягчали почву, но якобы уничтожали все болезни земли, способствовали хорошему урожаю садовых культур, хлебов и т.д. Это — время полива посевов и садовых культур. «Если в иране идет дождь, земля не потрескается потом от жары», — утверждали опытные крестьяне. Иран — это время цветения садов, и обильного травостоя, и завершения ягнения овец, и, наконец, прополки озимых. Прививку в это время делают только тутовым деревьям (остальным садовым культурам — в дни даргана). В иране косили сено, сеяли кукурузу и чалтык, сажали бахчевые (арбузы, дыни, тыквы и т.д.).

Следующий отрезок весны, известный под названием дюбюр гюль, начинался 5—6 и завершался 18—20 мая. Это самый короший весенний период: луга покрыты травой, начинают колоситься озимые, завершается перелет птиц, зацветают сады. В это время выходили пахать под осенний пар гугар сюре для осеннего сева пшеницы. Под посевы ячменя гугар обычно не делали. В конце апреля и в начале мая стригли овец и перегоняли отары в горы. В мае заготавливали саманные кирпичи для строительства домов, заборов и т.д., а с начала июня начинали строить дома. Примерно 10—14 июня приступали к уборке некоторых зерновых.

С 20 мая по 2 июня продолжался шулянг (чулгьенг). В этот период начиналась уборка и молотьба зерновых. В некоторых предгорных селениях время после дюбюр гюля называется безымянными днями (гьисансиз гюнлер, точнее, днями не в счет). В селении Ерси эти дни достигали 12, в селении Марга — 40, в селении Бильгади — 20 и т.д.

Началом лета яй, яз (с 22 июня по 22 сентября) считался день летнего солнцестояния. Оно также делилось на три периода: яйын башы, яйын ортасы, яйын ахыры. Крестьяне считали, что в начале лета со стороны моря выходит созвездие Улкер (Плеяды). Это было жаркое время, разгар уборки и обмолота хлебов, сбора фруктов, винограда, бахчевых культур, заготовки для скота мякины, соломы, кукурузных стеблей и т.д. Самыми жаркими днями лета яй чилле считались дни созревания абрикосов и некоторых сортов слив.

Осень *пайыз* длилась примерно с 22 сентября по 20—22 декабря, т.е. до дня зимнего солнцестояния. На это время падали основная часть пахоты и сева, полива озимых (пшеницы, ячменя), заготовка и перевоз кормов, топлива, ремонт помещений для скота и др. В это же время сажали деревья в садах (после листопада), поливали все посевы. Осенний полив считался самым необходимым для растений. Говорили: *пайыз су — юз-су* («осенняя вода — стократная вода»).

Осенью заготавливали впрок фрукты, овощи, мололи муку на весь зимний сезон. О начале зимы узнавали по исчезновению созвездия Улкер — Улкер татды ер гатды («Улкер исчез, и земля затвердела»), по утренней росе, инею, оседавшим на траву в виде тонкого снежного покрова. Поздней осенью частично заготавливали лес для строительства дома.

Зима (гыш) длилась с 22 декабря по 22 марта и делилась на несколько периодов: чилле, ажиз, амбиз, захватывая несколько дней от мулуха.

Чилле 119 включает два подпериода: бёюк чилле («большое чилле»), продолжающееся 40 дней, и кичик чилле («малое чилле») — 20 дней. Самые большие морозы наступали обычно в дни малого чилле. В народе бытуют предания о том, что малое чилле, встретившись со своим старшим братом — большим чилле, однажды упрекнуло его в слабости: «Сен гелен вахтда мен гелсем, атын гарында баласын бузладардым, качинин исе буйнуздун чатлатырдым» («Если бы я появилось в твое время, я бы заставило замерзать детеныша в утробе матери, а у козла от моего мороза потрескались бы рога»). Бёюк чилле ответило с упреком: «Сен гелен вахтда мен гелсем, гомыши навура ятдырыдым» («Если бы я появилось в твое время, принесло бы тепло и давало бы буйволам вволю полежать в лужах»).

Во время чилле скот содержали при доме (лошадей и буйволов — в специальном помещении, а остальной — под навесом) и кормили заготовленным заранее кормом. Этот период требовал особого ухода за скотом. Лишь в теплые дни скот пускали на подножный корм. В чилле заготавливали лесоматериалы, ибо считалось, что прекращается движение соков в деревьях и лес «замирает», а в древесине не заводятся черви. В начале большого чилле были 4 дня осенних и 5 дней зимних, которые назывались токлу доймаян доккуз гюнлер («девять дней, когда в поле за день нельзя было накормить даже годовалых овец») 120. В этот же период жгли уголь, а у кого был хороший рабочий скот, вывозили в Дербент дрова и уголь на продажу горожанам. В чилле без особой нужды не совершали дальних поездок и работали дома. Основными работами наряду с уходом за скотом в это время были ремонт сельхозинвентаря, подготовка к весенним полевым работам. Считалось, что на 10-11-й день малого чилле почва начинает прогреваться — ере буг гире.

Ажиз наступал по истечении малого чилле и длился 12 дней, примерно с 20 февраля по 3—4 марта. Как свидетельствует само название (ажиз, т.е. «слабый», «немощный»), это было тяжелое время года. К концу зимы люди физически слабели, кончались годовые запасы продуктов, не хватало корма для скота.

Амбиз (эмбиз) заключал 12 последующих после малого чилле дней, это был конец зимы, период неустойчивой погоды: теплые дни могли сменяться морозами, дождь — снегом. По народным приметам, с завершением зимы появлялись синицы. Крестьяне об этом отрезке года говорили: «Амбиз — амбиз гар да ягар, амбиз — амбиз гюн де чыхар» («Бывает и так, что в амбизе и снег выпадает, и так, что солнце осветит») или: «Амбиз исти олса гамуш сува ятар, сувуг олва, амбиз-амбиз гар ягар, я да буз ягар» («Если в амбизе наступит тепло, буйвол даже ляжет в воду, если же будет холодно, то хлопьями выпадает снег и даже град»).

По мнению земледельцев селения Марага, в конце этого периода может испортиться погода так, что потребуется 40 корзин самана, 400—500 чуреков, заполняющих стенки 40 тандыров, 40 чурбанов («40 себет саман, 40 тандыр черек, 40 чётюк агач»). Такое при их жизни, отмечали они, бывало неоднократно. Случалось подобное и после амбиза, в период безымянных дней.

В период амбиза земледельцы предгорий вывозили на поля навоз *пейин*, подрезали сухие ветки в садах, на виноградниках, делали прививку черешни, чистили сады, начинали отдельные полевые работы.

Судя по данным наших информаторов, дни подпериодов годовых сезонов по разным календарям совпадали не всегда, некоторые расхождения, возможно, объяснялись различием естественно-географических условий микрорайонов, а также трудностями точной реконструкции и анализа традиционного календаря.

Как свидетельствует приведенный материал, каждый из отрезков времени у земледельцев ассоциировался с определенными сельскохозяйственными работами: пахотой, севом, прополкой, жатвой, прививкой деревьев, перегоном скота на зимний или летние пастбища, стрижкой овец. Чаще эти периоды назывались теми или иными видами сельскохозяйственных работ: экин заманы, или экин деври («время пахоты»), чалыми заманы («время сенокоса»), ораг заманы («время серпа»), гоюн озлаян заман («время окота»), гьавга («уборка ранних хлебов»), гоюн гырхан заман («время стрижки овец»), Турши дуган гюнлер («дни, когда появляется звезда Турши»), Туршины яллову («жаркие дни перед появлением Турши») и т.д.

Дни недели. Название дней недели свидетельствует об их смешанном арабо-персидском и азербайджанском происхождении: джума (пятница), шэмбэ (суббота — от слова «свеча»), базар (воскресенье), он же эрмени ишлемез гюн (день, когда не работает армянин), гьажилер Меккее геден гюн (понедельник), нас (вторник)¹²¹, чэршэмбэ, или хербе (среда), джума ахшамы (четверг).

Сутки — гече-гюн делятся на следующие отрезки времени: дан ачыла («рассветает»), дан, или ишыг ачыла («наступает

утро»), нагьар («время завтрака»), гюн орта («полдень» — момент высшего стояния солнца над горизонтом), экинди (около 16 час. дня, время, близкое к закату), эзен или акшам («вечернее время, или время ужина»), ятан заман («время ночного покоя», примерно 21—22 час.ночи), яры гече (24 час. ночи), гече ярыдан отан сонра (примерно 3 час.утра), коруз чагыран заман (время петушиного пения). Последний отрезок делился на время, когда петух кричит в первый раз, примерно (в зимнее время), часа в 2—3 ночи, на время, когда он кричит во второй раз — в 4—5 час., и в третий раз, когда начинался рассвет (ишиг ачылан заман). Петуха в народе называли «часами».

Отрезки суток определяли по солнцу, по длине тени деревьев, столбов, по луне, по расположению звезд.

Наблюдение за звездами было вызвано прежде всего потребностями хозяйственной жизни, помогало крестьянину ориентироваться во времени и в пространстве. Звезды азербайджанцы также называли своими «часами», своими ориентирами во временах года.

За рядом звезд и созвездий закрепились местные тюркские названия: Дан уьлдуьзи (букв. «Утренняя звезда» — планета Венера), Едди уьлдуьз, или Еддилер (Большая Медведица, букв. «Семь звезд» или «Семеро»), Демирказыг (Полярная звезда), Улкер или Улкерлер (Плеяды), Терезелер (Весы), Уьч уьлдуьз (Орион), Бойнусалар (бойнуса, букв. «ярмо для быков»).

По представлениям азербайджанцев, созвездие Бойнусалар появлялось во второй половине июня (одна из звезд этого созвездия располагалась выше двух других). Звезды этого созвездия считались ярче, чем звезды созвездия Улкер. Исчезали они с небосклона поздней осенью. Знали они еще одну звезду — Ишыг уьлдуьз, или Ярыг уьлдуьз (это, очевидно, Венера). Звезда Ишыг уьлдуьз служила ориентиром для тех, кто шел в ночное гёзет. Считалось, что эта звезда появляется после 2 часов ночи со стороны моря и исчезает перед рассветом на Западе, «под горой», с наступлением утра. Когда она переходила в западную часть неба, то воспринималась как совершенно другое светило, известное под названием Дан или Дан уьлдуьз, сверкающее на небе до самого утра. Осенью крестьяне начинали пахоту лишь после того, как Дан достигал определенного положения на горизонте. У азербайджанцев, как и у ряда других народов, существует предание о том, что однажды караван принял за Венеру другую, похожую на нее звезду и поэтому не вовремя пвинулся в путь. Была еще ночь, начался песчаный буран, и караван погиб. Поэтому похожая на Дан звезда получила название Караван гыран (букв. «разгромившая караван»).

Созвездие Едди уълдуъз, или Еддилер (Большая Медведица), как считают в народе, появляется со стороны моря: сначала видна одна звезда, потом — вторая, третья и т.д. Двигаются они на запад, к горам. В 12 час. ночи они останавливаются на

определенной высоте, повернув хвост (ручку ковша) вниз, после чего возвращаются обратно и постепенно исчезают в обратном порядке. Так как по этим звездам определяли время, их называли часами.

Созвездие Улкер (Плеяды) видно на небе с весны до глубокой осени. К зиме оно исчезает раньше многих других созвездий. Крестьяне в этой связи говорили: «Улкер батды, ер гады» («Исчез Улкер, и земля затвердела»). С этого времени они не пахали и не сеяли. Если кто-то не успевал завершить работу, его предупреждали, что Улкер вот-вот исчезнет и надо поторопиться.

Выделяют азербайджанцы также созвездие Джужели уылдуыз (букв. «звезда с цыплятами») и звезду Турши¹²². Как они утверждают, Турши появляется на 45-й день лета (в конце июля или в самом начале августа). О времени «рождения» Турши узнавали по выпадению утренней росы чыг и по степени влажности колосовых на току. В это время созревают ежевика бюрткан, плоды бузины гандалагаш, чернослив гара гавали, начинают желтеть листья на некоторых кустарниках. Турши рассматривается как предвестник прохлады. Те три дня, когда «рождается Турши», называются Турши дугьан гюндер, т.е. «Дни рождения Турши». В эти дни, как считают крестьянеазербайджанцы, ночью нельзя спать вне помещения и открывать окна. Верят, что тот, кто в эти дни простудится, будет долго болеть и может умереть. По их представлениям, Турши появляется со стороны моря по словам одних, в виде горящего полена, по словам других, в виде лошади 123 — и, поднимаясь высоко на небосклоне, движется на запад. Как и у других народов Дагестана, у азербайджанцев существовало поверье, что тот, кто увидит восход («рождение») этой звезды, тяжело заболеет и может умереть, а также что в ночь, когда появляется Турши. трескаются дыни. Турши принято отождествлять с Сириусом 124. Если по какой-либо серьезной причине крестьянин не мог вовремя обмолотить зерно, то он ждал появления Турши, так как считалось, что зерно в это время не осыпется и потерь будет меньше.

Существовало поверье, что созвездия похищали друг у друга звезды. Верили также в то, что у каждого человека есть своя звезда.

Закат солнца объясняли тем, что «оно пошло отдыхать в объятия матери» («гюн анасынын гойнуна гирди»). О новолунии говорили: «Ай анасынын гойнундан чыхды» («Луна вышла из объятий матери»). Когда луна под утро исчезала, считали, что «она легла в объятия матери» («ай анасынын гойнуна гирди»).

Радугу называли *гары нененин яйы* («лук старой бабушки») или просто *ох-яй*. При этом полагали, что, если в трехцветной радуге больше красного цвета, можно ждать большого урожая

пшеницы, если желтого — чалтыка и ячменя. Гром называли *ильдирим*.

Народный лунно-солнечный календарь был тесно связан с годичными циклами сельскохозяйственных работ крестьян, отражал накопленный опыт агротехнических знаний. Календарь азербайджанцев Дагестана во многом был сходен с земледельческим календарем как азербайджанцев в целом, так и пругих соседних народов, хотя и основывался на местном опыте и конкретной хозяйственной деятельности и исходили из местных природных условий. Крестьяне на опыте убеждались, что урожай с полей можно получить только в результате (в предгорной части — двух-, трехкратной) глубокой вспашки, сева добротными семенами, обильного полива, своевременной прополки сорняков и др. Большое значение для крестьянина имело предсказание погоды, основанное на многолетних метеорологических наблюдениях. По мере социально-экономического и культурного развития, расширения и углубления практического опыта козяйствования совершенствовался и земледельческий календарь.

Не будет преувеличением сделать вывод о том, что народный календарь азербайджанцев, как и календарь каждого другого народа, являлся результатом многовекового опыта крестьянина, опирался на его знания, хотя и элементарные, астрономии и метеорологии и служил практическим руководством в хозяйственной деятельности.

Азербайджанцы, как и многие другие народы¹²⁵, по движению небесных тел, по изменениям, происходящим в мире животных и растений, научились распознавать сутки (время оборота Земли вокруг своей оси), месяцы (время обращения Луны вокруг Земли) и год (время обращения Земли вокруг Солнца) и др.

Календарные обряды. Календарные обряды дагестанских азербайджанцев также теснейшим образом были связаны с их козяйственной деятельностью. Так как основным занятием местного населения являлось полеводство, обряды и праздники носили в основном земледельческий характер. На формирование обрядов и праздников большое влияние оказывала религия, игравшая существенную роль в жизни населения. В частности, в них хорошо прослеживаются пережитки древних верований, а особенно влияние ислама. Магический характер многих обрядов отражал бессилие людей перед стихийными явлениями окружающей природы и наивную веру, что с помощью такого рода средств можно задобрить ее и тем самым обеспечить обильные всходы, устойчивые урожаи, большой приплод в животноводстве.

В отличие от календаря, который широко используется в хозяйственной практике, земледельческие обряды дошли до нас в сильно трансформированных, порою неузнаваемых формах. Ломку многих старинных обрядов можно объяснить рядом при-

чин, среди которых не последнее место, как нам кажется, занимает сложный, смешанный этнический состав самих дагестанских азербайджанцев периода заселения ими данной территории. Борьбу против традиционных обрядов и торжественных зрелищ, безусловно, вели и мусульманская религия, противопоставляя им исправное выполнение предписаний ислама. В крайнем случае древним обрядом мусульманская религия старалась придать новую религиозную окраску. В результате появились фактически новые для местного населения мусульманские обряды и религиозные праздники, например гурбан байрам и, особенно, ураза байрам, отмечаемый мусульманами после месячного поста.

Однако мусульманские обряды не смогли полностью вытеснить традиционные народные. Об этом свидетельствует сохранение ряда календарных обрядов в хозяйственной практике населения. Среди них — обряды, посвященные наступлению весны, пробуждению природы, началу основных сельскохозяйственных работ. Из праздников и обрядов весеннего цикла наиболсе популярным являлся новогодний праздник Навруз (Новруз). Он еще назывался багьар байрами (весенний праздник) или «эки илин арасында олан байрам» («праздник, отмечаемый между двумя годами, старым и новым»), «гышы ёла салан байрам» («праздник, провожающий зиму»), ил илдан айрылан байрам («праздник, когда год отделяется от года»). Иногда его называли просто проводами зимы гышы яндыран байрам («праздник, сжигающий зиму»).

Первый день года отмечался как праздник «выхода плуга в поле», или «праздник первого плуга». У азербайджанцев это был еще и праздник первого сева тум байрам.

Последнюю среду чэршэмбэ гюн перед Наврузом называли концом старого года. День праздника обычно устанавливали по солнцу. Присутствовавший на приеме в день Навруза в доме шамахинского хана в 1634 г. Адам Олеарий интересно характеризует этот праздник и наблюдения, которые вел ханский астролог за солнцем в момент равноденствия. В частности, он пишет, что астролог, как только ожидаемая минута настала, громко провозгласил наступление Нового года. Далее он отмечает: «Тотчас затем сделано несколько выстрелов из каменных и полевых пушек. Заиграли в трубы везде на городских стенах и башнях, забили барабаны, и, таким образом, праздник начался великим ликованием, и день прошел в доброй попойке» 126. Возможно, так проводили день Навруза в прошлом и в Дербентском ханстве. В Дербенте в изучаемое время в день Навруза мусульманс-шииты стреляли холостыми зарядами из винтовок.

Перед праздником во всех домах проводили большую уборку, белили стены, мазали пол, подметали дворы, улицы, делали большую стирку, мылись, одевались во все чистое, нарядное (по возможности новое), готовили самые лучшие кушанья. Для

детей пекли обрядовые калачи треугольной формы, а также в виде куропатки, человеческой фигурки, красили яйца и т.д.

Существовало поверье, что в ночь Навруза дома тайком обходила добрая волшебница — старуха (гарынене) и проверяла, кто чем занят. Кто занимался благим делом, тому она помогала, оставаясь незамеченной. В предновогоднюю ночь все должны были мыться. Тех, кто аккуратно соблюдал это правило, гарынене якобы хвалила, желала им добра, а тех, кто нарушал, не обливался водой, проклинала. Рядом с сслением Дарваг находится родник гёз булаг, откуда жители брали воду и, чтобы никто не «сглазил», обрызгивали этой водой себя, стены домов, комнат.

Ночь весеннего равноденствия — Навруз — называли «счастливой ночью» — гадир геджеси. В народе говорили, что в эту ночь на какой-то миг, на секунды вода в реках останавливается, а тот, кто успеет высказать богу в этот момент свое желание, оно сбудется. Азербайджанцы любят рассказывать следующую легенду. Как-то раз один крестьянин с малолетним сыном находился на мельнице и молол зерно. Вдруг мельница остановилась. Крестьянин быстро вышел посмотреть, в чем дело. Оказалось, что в желоб перестала поступать вода. Он вспомнил о гадир геджеси и попросил бога, чтобы голова у его сына стала большой (он котел сказать, чтобы ребенок рос умным), и тут же он заметил, как выросла голова сына. Тогда он попросил, чтобы голова сына стала маленькой и объем головы сократился до минимума — величиной с куриное яйцо. В третий раз он успел попросить бога, чтобы голова сына приняла естественные размеры.

Под Новый год всюду зажигали огни: в домах — лампы и свечи шамлар, на крышах — факелы на длинных шестах. Зажигая огни, всюду говорили: «Ильден иле чырагымыз янсын» («Пусть из года в год горит у нас светильник»). Зажигали костры и у ворот домов, на площадях (иногда один костер на четыре-пять хозяйств или даже на целый тухум). Для костров подростки приносили из леса хворост и говорили: «Гышы яндурадук» («Сжигаем зиму»). С проводами зимы, очевидно, был связан обычай, когда в некоторых селениях молодые люди гоняли палками вдоль улиц горящие чурбаны. Известно, что в новогодних обрядах огонь у многих других народов играл большую роль 127. Прыгая через костры (дети и взрослые), приговаривали: «Азарымы-безерими ота тёкерем» («Свои болезни, беды я высыпаю в огонь»). Утро перед выгоном скота на пастбища хозяева проводили около костра. В огне население видело очистительную силу. В селении Дарваг в предновогоднюю ночь молодежь устраивала факельное шествие по улицам. В селении Кемах в ночь Навруз рыли подземный сквозной проход и через него пропускали больных, веря, что они после этого поправятся. В селении Рукель в эту ночь было принято переворачивать камни. Считалось, что тот, кто перед Наврузом перевернет 40 камней, будет счастлив. В селении Хучни у костров устраивали специальные игры-состязания, в которых участвовали нарядно одетые юноши и девушки. К сожалению, нам описать их, хотя бы фрагментарно, не удалось.

Примечательно, что к этому традиционному празднику всюду готовили сладкое кушанье типа повидла семени. В этих целях толкли густо проросшую в домашних условиях пшеницу, выжимали из нее сок, а затем, добавив в этот сок муку, варили. Такое кушанье готовилось в больших котлах совместно группой хозяек, которые потом его делили, исходя из внесенных долей продуктов. Каждая из них, в свою очередь, должна была поделиться им с родственниками. Как полагают отдельные авторы. «когда-то прорашивание этой пшеницы могло сопровождаться определенным ритуалом» 128. И действительно, готовя семенное зерно, хозяйка приговаривала: «Семени, сохла мени, ильде джужертерем сени» («Семени, береги меня, каждый год буду тебя выращивать»). Обрядовое значение, пожалуй, имела у азербайджанцев предгорий (Ерси, Дарваг, Марага, Зиль и др.) приготовляемая для Навруза специальная еда дангу — вареная пшеница, перемешанная с толчеными орехами. В день праздника этой едой сельчане угощали друг друга. В ночь перед Наврузом кое-где, в основном в предгорных селениях, было принято высыпать зерна на крышу дома с пожеланием, чтобы был хороший урожай. В эту же ночь мальчики ходили по крышам домов и через дымоходы по веревке опускали мешочки или ящички из коры дерева и пели:

Гыш гетди, яз гелди Бюльбюльден аваз гелди Шад-бад Навруз гюни мюбарек

Арпа-бугда чох олсун,

Верене улан олсун,

Вермеене кечал гыз!

Прошла зима, пришла весна, Слышны соловьиные трели. Радость-радость! Поздравляем с днем Навруза. Пусть будет хороший урожай

на ячменя и пшеницы. У того, кто даст нам подарок,

Пусть будет сын! Кто же не одарит нас — паршивая дочь.

В ответ все с радостью одаривали детвору крашеными яйцами, сушеными грушами, орехами и т.д.

В селении Арак Табасаранского района шествие дети совершали не ночью, а днем. Здесь некоторые дети надевали маски из кожи, имитирующие головы козлов, старую одежду. Такие ряженые назывались къями. В первый день праздника юноши ходили в лес, где делали заготовки из боярышника для деталей аробного или плужного ярма, для ручек лопат. Кроме того, они приносили домой ветки дикой айвы, из которой вырезали фигурные женские бусы; их считали талисманом. Девушки ходили за аул собирать молодую крапиву гижитган — первую весеннюю зелень в поле (багьарын таза халтасы). Из крапивы готовили вареники или пекли пироги. У терекеменцев, например, в этот день принято было приносить в дом побольше разных предметов (иногда даже гладких камней из р.Уллучай, используемых затем в качестве прессов и пестов), а выносить из дому старались поменьше. В этом символическом действии выражалось желание людей видеть в доме достаток в течение всего года. Навруз как праздник Нового года и весны, генетически связанный с культом плодородия, умирающей и воскресающей растительности, особенно торжественно отмечался у азербайджанцев-шиитов Дербента. Однако и в других населенных пунктах его праздновали в течение трех дней как радостный праздник, который сопровождался поздравлениями друг друга и посещениями домов родственников и друзей.

В народном календаре важное место занимал и другой земледельческий весенний обряд — обряд вызывания дождя гудул (гюдюль, гудил). Он, котя и фрагментарно, описан А.А.Бестужевым-Марлинским во время его пребывания в Дербенте¹²⁹, а затем и Н.Ф.Дубровиным 130, очевидно заимствовавшим уже изданный поэтом материал. К этому магическому приему азербайджанцы, как и их соседи, прибегали во время засухи, когда весной долго (особенно в апреле - мае) не было дождя. Участвовали в обряде не только подростки и юноши, но порою и взрослые, даже женщины. В качестве гудула чаще всего выступал мальчик, первенец в семье илчи (илк). Бывали случаи, когда эту роль играли взрослые мужчины или женщины. В селении Митаги по издавна установившейся традиции гудулом был, как правило, подросток из рода атэш кюш «огнетушители», «жаротушители», т.е. молящие [бога] о дожде. Гудула наряжали в своеобразное одеяние из зеленых веток ивы. которыми покрывали не только тело, но и голову гудула, оставляя незакрытыми только глаза. Голова гудула в таком убранстве напоминала птичью голову с хохолком. Вели его за веревку по дворам и пели:

Гудул-гудул ганаты 131. Ким гёрдю, ким санады? Эшик-бешик гезенде. Гындылыми итлар талады. Гелин аяга пурсана! Чемчени доллурсана. Гудул пайын версене. Эсги чемче бош гетмез. Аллагьа да хош гелмез, Гары хатынын нахышы, Аллагь версин ягышы, Гёг гурулласын, Илдырым чахсын, Экинлере бир яхшы. Боллуча бир ягыш ягсын. Амин. Гелин, аяга дурсана!

Крылья гудула-гудула Кто видел, кто считал? Когда я обходил дома, Собаки меня покусали. Вставай же, невестка! Наполни мой ковш. Дай же долю гудула, Старый ковш не уйдет пустым. Это и богу не понравится. Узор, вышитый старухой. Пусть бог даст дождя, Пусть гром гремит, Пусть молния ударит, Хорошо для посевов, Пусть дождь пойдет. Аминь. Невестка, вставай же на ноги!

Гудулун пайын версене! Гудулу ёла салсана. Верене оглам олсын.

Вермеене кечал гыз 132.

И дай долю гудула, Проводи гудула в дорогу, Да будет сын у того, Кто нас одарит.

Да будет паршивая дочь у того, Кто не одарит!

После каждой строчки, которую произносил один из группы юношей, все хором пели: «Гов-гов» 133. Хозяева домов охотно принимали участников обряда, считая, что их действия вызовут дождь. Принято было обливать участников шествия (и особенно одетого в наряд из зеленых веток) водой, а затем одаривать их сладостями, яйцами, сдобным хлебом, орехами. В конце обряда участники собирались в каком-нибудь доме и устраивали пиршество. Подобные обряды были известны многим народам Кавказа и других регионов. Неизвестно, кто был при этом традиционным персонажем, божеством воды. Был ли это медведь, неуклюжий, ряженый, одетый в зелень зооморфный персонаж. символизирующий культ воды, или аист, кукушка. Еще А.А.Бестужев-Марлинский писал, что ему, будучи в Дербенте, не удалось собрать о гудуле «никаких положительных сведений», хотя и он допускал, что тот когда-то мог быть богом «рос и лождей» ¹³⁴.

Интересный обычай вызывания дождя бытовал в селении Гимейди. Здесь, возле села, около пещеры, была естественная яма глубиной примерно 40 м. Для «вызывания» дождя все взрослое население (мужчины в шубах наизнанку) собиралось сюда, чтобы расчистить яму, вычерпать из нее воду и глиняную жижу. На аркане в яму спускали набожного человека, который черпал эту жижу и передавал наверх. В это время находившиеся около ямы люди читали молитвы под руководством муллы. Водой из этого «священного» источника принято было обрызгивать стены домов. Люди, очевидно, полагали, что, если они проявят заботу об этой яме, бог даст им воду. Обряд завершался общей трапезой, для которой женщины готовили молочную или мясную пищу.

Аналогичную трапезу, правда у родников, устраивали жители и других селений. В подобных обрядах ведущую роль старались играть аульные муллы. В одном варианте песни о гудуле даже говорится:

Молла дагъа чыхыбды, Китабин охумагъа. Китаб къуру галыпды, Устюне су тёкмеге. Мулла поднялся на гору, Чтобы читать свою книгу. Книга его осталась сухой, Чтобы облить ее водой.

В отдельных случаях проводился и обряд вызывания солнца гюн чигь («выходи, солнце»). Когда солнце долго не показывалось, считали, что оно лежит в объятиях матери. Но он отмечался скромнее (по крайней мере в изучаемое время), чем гулул. Обряд совершали в дни долгих дождей осенью и весной для

укрощения непогоды. Исполнителями обряда вызывания солнца выступали обычно также дети, чаще — девочки. Собравшись у сельского холма или на крыше одного из домов, они пели:

Гюн, чых, гюн, чых. Кегер атын миниб чых. Сачлы гызын алыб чых. Кечал гызын гоюб чых. Гюн гетди су ичмеге, Гырмызы дон бичмеге Гюн чыханда етежек, Къары ерден гётюрежек. Думан, гач, гач! Сени гаядан асарам. Туман гач, туман гач! Отлу кисав геле вар. Мен анамын илькесием, Мешедски тюлькисием.

Солнце, выходи, солнце, выходи. Садись на гнедого коня, выезжай. Дочь с косами с собой возьми. Плешивую дочь оставь на месте. Солнце пошло воду пить, Красное платье кроить. Солнце к нам придет, Снег с земли уберет. Туман, беги, беги! Тебя со скалы сброшу. Туман, беги, туман, беги! Иначе полетит горящее полено. Я — первенец своей матери, Я — ее лисенок в лесу.

Более полный вариант текста этой песни еще в конце XIX в. был опубликован А.И.Акимовым¹³⁵. Там имеются еще такие строки:

Огъун каядан учду Къызын тендире душады Сын твой со скалы слетел. Дочь твоя в тандыр упала 136

Были известны и другие формы вызывания дождя и солнца.

В заключение отметим, что обряд вызывания солнца постепенно превратился в детскую забаву, в исполнение хоровой песни и театрализованное представление. В изучаемое время сохранились лишь отдельные его элементы. Не сохранился полностью и обряд вызывания дождя. Это, вероятно, отчасти объясняется тем, что азербайджанцы в силу благоприятных природных условий имели больше возможностей использовать водные ресурсы, чем их соседи-горцы.

Специальный обряд аграрного цикла был связан с уборкой урожая зерновых. Он производился дважды: по завершении жатвы чин асан («серп вешают») и по завершении молотьбы харман диби («низ тока»). Окончив жатву, собрав без потерь колосья и поставив снопы на последнем участке поля, один из жнецов (при уборке прибегали к помощи односельчан) подходил к хозяину и вешал на него серп чин. Все, кто находился рядом, кричали: «Шадлыг, шадлыг» («торжество, торжество»). Хозяин был обязан щедро угостить здесь же, в поле, не только жнецов, но и хозяев соседних полей. Для этого заранее запасались мясом, фруктами и овощами. Все участники трапезы желали хозянну радости и выражали надежду, что бог и на следующий год проявит к нему щедрость.

Харман диби отмечался еще богаче. Для его празднования на средства от нового урожая покупали мясо (для этого случая чаще резали барана), арбузы, дыни, фрукты. Состоятельные крестьяне приглашали певцов и музыкантов. Женщины в обряде не участвовали. Харман диби, или йыгынжаг, был главным

праздником урожая и отмечался после уборки хлебов. Размах празднества, однако, зависел от того, какой урожай хозяин получил, чем отплатила ему природа за тяжелый труд. В этот день крестьяне посещали тока (место молотьбы) друг друга с поздравлениями, высказывали добрые пожелания на будущее. Кроме того, закончив уборку, некоторые семьи на один-два дня уезжади к горячим источникам, где купались и отдыхали вместе с другими семьями, отмечая таким образом завершение уборки урожая.

Необходимо отметить, что об урожае было принято говорить скромно, чтобы люди не «сглазили». Существовал обычай, согласно которому первый хлеб из нового урожая сначала ели дети, а потом взрослые члены семьи, но ни в коем случае не посторонние.

Одним из календарных праздников был праздник в честь первого осеннего сева *тум* («семена»). К началу сева во всех домах пекли сдобные чуреки, готовили халву, плов, мясо, делали запасы фруктов. К этому дню, кроме того, пекли особые пироги с начинкой из мелконарезанной тыквы с толчеными орехами. Обильная начинка символизировала надежду иметь богатые всходы. Прежде чем начать осеннюю пахоту, владельцы соседних полей устраивали коллективную трапезу, во время которой желали друг другу иметь добрые всходы и, обращаясь к богу, просили его дать им хороший урожай.

Следует отметить, что народный календарь дагестанских азербайджанцев, являясь неотъемлемой частью общей национальной культуры, был единым в своей основе с традиционным народным календарем всего азербайджанского народа¹³⁷. Вместе с тем он отражал наличие вековых связей с другими народами кавказского историко-культурного региона, и прежде всего с соседними с ним народами Дагестана¹³⁸.

Разумеется, приведенные выше данные составляют далеко не полный перечень традиционных календарных праздников, обычаев и обрядов дагестанских азербайджанцев. Тем не менее и они могут дать определенное представление о такой культурно-бытовой стороне жизни народа, какими были народный земледельческий календарь и календарные обычаи.

¹ Симонович Ф.Ф. Описание Южного Дагестана. 1796 г. — ИГЭД, с.143.

² 1ІГА Дагестана. Ф.21, оп.5, д.11, л.1—52, 123—181, 238—296, 360—421, 605, 636—716.

³ Там же.

⁴ См.: Гулиев Ш.Г. Некоторые вопросы рисоводства в Азербайджане. — Азербайджанский этнографический сборник. Вып.2. Баку, 1966, с.132—157; он же. Челтыководство в Азербайджане (Историко-этнографическое исследование). Баку, 1977 (на азерб.яз.).

⁵ Гулиев Г.А. О пахотных орудиях и системах земледелия в Азербайджане. — Азербайджанский этнографический сборник. Вып.2. Баку, 1966,

- с.9—20; Джавадов Г.Д. Народная земледельческая техника Азербайджана. Баку, 1989. с.95. 257. табл.24.
- 6 Феодальные отношения в Дагестане. XIX начало XX в. Архивные материалы. Сост., предисл. и примеч. X.-М.Хашаева. М., 1969, с.197.
  - 7 Обзор Дагестанской области за 1902 г. Темир-Хан-Шура, 1903, с.8.
- ⁸ При поливе чалтыка неизбежно наблюдалось много камышей, зарослей, стоячих вод. В результате к концу лета и осени появлялось много малярийных комаров узун бурун. Против малярии не было никаких средств, поэтому многие умирали. Только к концу 20-х годов была разработана и осуществлена на практике высокоэффективная система медицинских противомалярийных мероприятий. Борьба с малярией велась в широких масштабах повсеместно на равнинах Дагестана, в том числе в южных его районах. В результате малярия в Дагестане была ликвидирована.
- 9 См.: Гаджиева С.Ш. Кумыки. М., 1961, с.69; Османов М.О. Хозяйство. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967, с.32; История Дагестана. Т.1. М., 1967, с.310; Ихилов М.М. Хозяйство аварцев в ХІХ начале ХХ в. Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967, с.50—51; Агларов М.А. Очерки этнографии земледелия Южного Дагестана. Дагестанский этнографический сборник. Вып.1. Махачкала, 1974, с.223 (рис.7); Народы Азербайджанской ССР. Народы Кавказа. Т.П. М., 1962, с.62 (рис.15); Джавадов Г.Д. Народная земледельческая техника Азербайджана, табл.59—61.
  - 10 См.: Феодальные отношения в Дагестане..., с.196.
- 11 См.: Армяне. Народы Кавказа. Т.ІІ. 1962, с.468; Гаджиева С.Ш. Кумыки, с.99—100; Османов М.О. Хозяйство, с.34.
- 12 Лысцов В.П. Персидский поход Петра I 1722—1723 гг. М., МГУ, 1951, с 40
- 13 Чулков М. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах... Т.П. Кн.2. М., 1885, с.511; Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965, с.120; Лысцов В.П. Персидский поход Петра І. 1722—1723 гг., с.41.
- 14 [Лерх И.] Из путешествия Иоганна Лерха, продолжавшегося от 1733 по 1735 год из Москвы до Астрахани, а оттуда по странам, лежащим на западном берегу Каспийского моря. Новые ежемесячные сочинения. СПб., 1790, ч.ХІЛІ, с.19.
  - 15 Симонович Ф.Ф. Описание Южного Дагестана. 1796 г. ИГЭД, с.143.
  - 16 Ртищев Ф.Н. Сведения о Дагестане. 1813 г. ИГЭД, с.311.
  - 17 История Дагестана. Т.II. M., 1968, с.175, 182.
- ¹⁸ Подробнее см.: Индова Е.И. Крепостное хозяйство в начале XIX века. По материалам вотчинного архива Воронцовых. М., 1955, с.40.
  - 19 История Дагестана. Т.II, с.175.
- 20 Цит. по: Караулов Н.А. Сведения арабских географов IX—X веков по Р.Х. о Кавказе, Армении и Азербайджане. СМОМПК. Вып. 38, 1908, с. 88.
- 21 Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч.И. М., 1823, с.282.
- ²² О шафранной промышленности в Дербентской губернии. Кавказ. Тифлис, 1848, № 15.
- 23 Соймонов Ф.И. Описание Каспийского моря и чиненых на оном российских завоеваниях. Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах. СПб., 1763, январь, с.352.
  - 24 Лысцов В.П. Персидский поход Петра I. 1722—1723 гг., с.41.
  - 25 Там же.
  - 26 Там же, с.40.

- 27 См.: Симонович Ф.Ф. Описание Южного Дагестана. 1796 г., с.143; Броневский С. Новейшие географические..., ч.ІІ, с.339.
- 28 См.: Сумбат-заде А.С. Сельское хозяйство Азербайджана в XIX в. Баку, 1958, с.221.
- 29 Выписка из замечаний к.с.Стевена, сделанных в путешествии во вновь приобретенные кавказские области 1811 г. АКАК. Т.IV, 1870, с.102.
  - 30 Броневский С. Новейшие географические..., с.283.
- 31 См.: Сумбат-заде А.С. Сельское хозяйство Азербайджана в XIX в., с.200—204.
  - 32 Ахвердов А.И. Описание Лагестана, 1804 г. ИГЭД, с.216.
- 33 Ковалевский М.К. и Бларамберг И.Ф. Описание Дагестана. 1831 г., ИГЭД, с.310.
- 34 Первым, кто начал производить марену в Дербенте и на окружающих его землях, горожане называют Кербалая Гусейна. О нем сохранилась добрая память. Определенный интерес представляет народное предание о нем, нашедшее отражение и в литературе. Согласно этому преданию, Кербалай привез первые семена из Персии, но они не дали всходов. Тогда Кербалай еще раз съездил туда же за семенами и посеял их на другом участке. Второй опыт также не дал положительных результатов. Тогда он больше не стал ездить в другую страну и приобрел семена марены в известном кумыкском селении Башлы, где марена культивировалась издавна. Труды его на этот раз увенчались успехом. Но время шло, и Кербалай окончательно разорился. Он стал «предметом насмешек между соотечественниками и умер в величайшей бедности, не дождавшись плодов своих стараний». Его опытом воспользовались другие горожане и жители Южного Дагестана, которые и добились успеха (см.: Обозрение российских владений за Кавказом 1828—1836 гг. Ч.ІV, СПб., 1836, с.172).
  - 35 Обозрение российских владений за Кавказом 1828—1836 гг. Ч.IV, с.173.
- ^{36} Радде Г. Кавказ. Живописная Россия. Т.9, 1883, с.227; Авиньон город во Франции, славившийся своей текстильной промышленностью.
- 37 Обозрение российских владений за Кавказом 1828-1836 гг. Ч.1V, с.175; см. также: Козубский Е.И. История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906, с.226.
  - 38 Козубский Е.И. История города Дербента, с.226.
  - 39 Там же, с.226—227.
  - ⁴⁰ AKAK. T.XII, 1904, c.443.
  - 41 Обозрение российских владений за Кавказом 1828—1836. Ч.IV, с.174.
- ⁴² Соколов А. Очерк западного берега Каспийского моря от Петровского укрепления до реки Самура между горами и морем, со включением морской торговли города Дербента. Кавказ. 1848, № 11.
- 43 Козубский Е.И. История города Дербента, с.227; капан мешок на 5—6 пудов.
  - ⁴⁴ Там же, с.226.
  - 45 Там же, с.227.
  - 46 Там же.
  - 47 Березин И. Путешествие по Дагестану и Закавказью. Ч.І. Казань, 1849.
  - 48 Феодальные отношения в Дагестане..., с.228.
  - ⁴⁹ ЦГИА Грузии. Ф.5, д.7820, л.7.
- 50 О способах выращивания и хранения марены у азербайджанцев см.: Гаджиева С.Ш. Датестанские терекеменцы. XIX — начало XX в. М., 1990, с.49.
  - 51 Соколов А. Очерк... № 13.
- 52 М.-ь А. Из дорожных заметок. Дербент, 15 октября 1854 г. Кавказ. 1854, № 87.

- 53 История Пербента, Т.П. с.194; Козубский Е.И. История города Дербента. c.227.
  - ⁵⁴ История Дагестана. Т.ІІ, с.194.
  - 55 Козубский Е.И. История города Пербента, с.276.
  - ⁵⁶ Там же.
  - 57 РФ ИИЯЛ. Ф.5. оп.1. д.279, д.71.
- 58 Cм.: ЦГИА Грузии. Ф.5, д.7820, л.7, 8; ЦГА Северной Осетии. Ф.12, он.4, д.73, л.1—2, 22, 24, 30—31.
  - 59 Козубский Е.И. История города Дербента, с.276.
  - ⁶⁰ ЦГИА Грузии. Ф.5, д.7820, л.7.
  - 61 О мареноводах и кризисе. Терские ведомости. 1876. № 34.
  - 62 *Радде Г.* Кавказ, с.227.
  - 63 История Дагестана. Т.II, с.171—172.
  - 64 Обозрение российских владений за Кавказом 1828—1836. T.IV, с.179.
  - 65 См.: Шихсаидов А.Р. Дагестан в X-XV вв. Махачкала, 1975.
- 66 Сборник статистических сведений о Кавказе. Т.І. Тифлис, 1869, Отд.IV, с.106; См. также: Сумбат-заде А.С. Сельское хозяйство Азербайджана в XIX в., c.138.
- 67 Обозрение российских владений за Кавказом 1828—1836. Ч.IV, с.178; см.также: Заблоцкий П. Путевые записки из Астрахани, через Кизляр, Баку в 1835 и 1836 годах. — Журнал Министерства внутренних дел. 1838. № 7. СПб.,
- 68 Способ выращивания шелкопряда у всех азербайджанцев Дагестана был общим; см.: Гаджиева С.Ш. Дагестанские терекеменцы..., с.51-54.
- 69 Ковалевский М.К. и Бларамберг И.Ф. Описание Дагестана, 1831 г., c.311.
  - 70 См.: Лысцов В.П. Персидский поход Петра I. 1722—1723 гг., с.32.
- 71 См.: Отчет Дербентского градоначальника от 19 мая 1874 г. РФ ИИЯЛ. Ф.5, оп.1, д.279, л.71.
- 72 Неверовский А.А. Краткий взгляд на Северный Дагестан в топографическом и статистическом отношениях. СПб., 1847, с.42-43.
- 73 Подробнее см.: Окладников А.П. К вопросу о буйволоводстве в Дагестанской республике и о составе молока буйволиц. — Материалы к изучению Дагестана. Вып. XII. Махачкала, 1928; Гаджиев М.-Г.А. Народные традиционные навыки по уходу и содержанию крупного и мелкого рогатого скота в Южном Дагестане во второй половине XIX — начале XX в. — Хозяйство народов Дагестана в XIX—XX вв. Махачкала, 1979, с.48—49.
  - 74 Окладников А.П. К вопросу о буйволоводстве..., с.136.
- 75 Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906, с.453, 454, 456.
- 76 См.: ЦГА Дагестана. Ф.21, оп.5, л.11, л.1—53, 178—182, 237—292, 421. 605-631, 635-721 и др.
  - 77 Заблоцкий П. Путевые записки.... с.55.
  - ⁷⁸ ЦГА Лагестана. Ф.21, оп.3, д.49, д.44.
- 79 Лопухин А.И. Журнал путешествия через Лагестан. 1718 г. ИГЭЛ.
  - 80 Комаров В. Персидская война 1722—1725 гг. М., 1867, с.59.
- 81 Обзор о состоянии Дагестанской области за 1896 г. Темир-Хан-Шура, 1897, c.21.
  - ⁸² Там же.
  - 83 История Дагестана, Т.П. с.196.

- 84 Милованов Г.И. Очерк формирования и развития рабочего класса в Дагестане. Махачкала, 1963, с.23; История Дагестана. Т.И, с.196.
  - 85 Обзор Дагестанской области за 1902 г. Темир-Хан-Шура, 1903, с.35.
  - 86 Обзор Дагестанской области за 1904 г. Темир-Хан-Шура, 1905, с.35.
  - 87 ЦГА Дагестана. Ф.2, оп.1, д.70, л.24, 25; см.также: ф.2, оп.3, д.66, л.2.
  - 88 М.-ь А. Из дорожных заметок...
  - 89 ЦГА Дагестана. Ф.21, оп.3, д.49, л.43.
  - 90 Там же, ф.21, оп.3, д.47, л.172.
  - 91 Шиллинг Е.М. Ковроткачество Дагестана. СЭ. 1936, № 4—5.
- 92 Подробнее см.: Кильчевская Э.В., Иванов А.С. Художественные промыслы Лагестана. М., 1959, с.77-84; Пасынков Л. Дагестанские ковры. -РФИИЯЛ. Ф.5, оп.1, д.50, л.21-27; Тройницкая В. История ковроткачества в **Дагестане.** — РФИИЯЛ. Ф.5, оп.1, д.24, л.10-20.
- 93 Кильчевская Э.В., Иванов А.С. Хувожественные промыслы Пагестана. с.77. 94 Там же.
- 95 Тройницкая В. История ковроткачества в Дагестане. РФИИЯЛ. Ф.5, оп.1, д.24, л.10.
- 96 Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге. 1901 г. Феодальные отношения в Дагестане..., с.191.
- 97 Гаджиева С.Ш. Оцежда народов Пагестана, М., 1981, с.15—34; Булатова А.Г. Лакцы. Махачкала. 1971. с.60—68: Алимова Б.М. Табасаранцы. Махачкала, 1992, с.56-63; Агаширинова С.С. Материальная культура лезгин XIX — начала XX в. М., 1978, с.57—64—67; и др.
- 98 Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. — ИГЭД, с.86.
- 99 Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг. Ч.І. СПб., 1869, с.28.
- 100 Обозрение российских владений за Кавказом 1828-1836. Ч.IV. с.180. 185.
  - 101 Там же, с.178.
  - 102 Там же, с.181.
  - 103 Там же.
  - 104 Там же.
  - 105 Радде Г. Кавказ. с.227.
- 106 История Лагестана. Т.И. с.171—172: Козубский Е.И. История города Дербента, с.225.
- 107 Отчет военного губернатора города Дербента за 1854 г. ЦГА Дагестана, ф.1268, оп.8, д.190.
  - 108 Заблоикий П. Путевые записки..., с.55.
- 109 См.: О нынешнем состоянии города Астрахани. Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов за разные годы. Ч.VII. СПб., 1791, с.27-29.
  - 110 Обозрение российских владений за Кавказом 1828—1836. Ч.IV, с.162.
- 111 Путеществие профессора Эйхвальна. Библиотека для чтения. Вып.2. 1838, c.145.
- 112 Обозрение российских владений за Кавказом 1828—1836. Ч.IV. c.184-185.
  - 113 AKAK. T.VI. 4.II, 1875, c.68.
- 114 Комаров А.В. Адаты и судопроизводство по ним. ССКГ. Вып.1. Тиф-
  - 115 См.: Фадеев А.В. Россия и Кавказ первой трети XIX в. М., 1960, с.82.

- 116 у народов стран Азии, в том числе тюркских, широкое распространение с превнейших времен имел лунно-солнечно-юпитерский календарь 12-летнего цикла, который составлялся из расчета деления пути Юпитера, вернее, полного оборота его вокруг Солнца на 12 равных частей. Каждая часть получила наименование определенного животного. См.: Иыбульский В.В. Современный каленларь стран Ближнего и Среднего Востока. — Фольклор, дитература и история Востока. Таш., 1984, с.348—350. Азербайджанцам, в том числе и дагестанцам, были известны эти временные циклы, т.е. годы животного цикла: 1) мышь (крыса), 2) корова (вол. бык), 3) тигр (барс), 4) заяц, 5) дракон, 6) змея, 7) лошаль, 8) овца, 9) обезьяна, 10) курица (петух), 11) собака, 12) свинья (кабан). Казахские названия голов животного цикла см. также: Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Т.IV. Ч.І. СПб., 1911, с.124—125; Абишев Э. Элементы астрономии и погоды в устном народном творчестве казахов. А.-А.. 1949. с.5. Кумыкские — Абу-Суфьян Акаев. Юз йыллыкъ тынч рузнама (Облегченный каленларь на сто лет). 2-е изд. Темир-Хан-Шура. 1910. с.22-23 (на кум. яз.): Оразаев Г.-М.Р. Редкие сведения о бытовании животного цикла летосчисления в советском Пагестане. — Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований ИИЯЛ в 1986-1987 гг. Махачкала, 1988, с.36-37; караимские — Караимско-русско-польский словарь. М., 1974, с.681; и др.
- 117 Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. Т.І. Кн.1. СПб., 1871, с.528—529.
- 118 Азербайджанские дарган и хил очень сходны с табасаранскими, агульскими и даргинскими терминами того же значения и, возможно, имеют генетическую связь; см.: Гасанов М.Р. Сельскохозяйственный календарь табасаранцев. Вопросы истории Дагестана. Махачкала, 1974, с.211; Ахмедов Ш.М., Шихсаидов А.Р. Земледельческий календарь агулов. Там же, с.185; Алиев Б.Г. Сельскохозяйственный календарь даргинцев. Там же, с.191; Алимова Б.М. Представления табасаранцев о народном календаре. Календарь и календарные обряды народов Дагестана, Махачкала, 1987, с.19.
  - 119 Чилле по-персидски «сороковица». Самые холодные дни зимы.
- 120 Интересно отметить, что и у кумыков, и даже у далеких карачаевцев существует подобное выражение для характеристики самых коротких зимних дней; см.: Шаманов. Народный календарь карачаевцев. СЭ. 1971, № 5, с.116.
- 121 Было поверье, что «нас» неудачный день, в который нельзя сватать девушку, «чэршэмбэ» день для работы, но нельзя купать детей, иначе они заболеют, «джума» день отдыха; «шэмбэ» удачный день и для работы, и для поездки по делам. Свадьбу считали лучше справлять в гъажилер гюню и джума ахшамы. Вечером не производили никаких денежных расчетов, не выбрасывали из дома золу, не давали посторонним огня.
- 122 По календарю кумыков, составленному Абу-Суфьяном Акаевым в 1904 г., *рождение Турши* приходится на 31 июля; см.: Абу-Суфьян Акаев. Облегченный календарь на сто лет, с.20.
- 123 Ср.: «Тиштрйа» божество звезды Сириус у зороастрийцев, которое наполняет облака водой, имеет облик белого жеребца, вступает в единоборство со своим врагом демоном засухи Апаошей и бросается в море. См.: Бойс М. Зороастрийцы, верования и обычаи. М., 1987, с.14.
- 124 Магомедов Р.М., Дзагурова В.П. К истории земеледелия в Дагестане. Махачкала, 1969, с.19; Булатова А.Г. Сириус и Орион в сельскохозяйственном календаре некоторых народов горного Дагестана. Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований ИЯЛ Даг.ФАН СССР (тезисы докладов). Махачкала, 1982, с.15—16; Магомедова М.А. Календарные обряды даргинцев (XIX начало XX в.). Рук. канд. дис., с.26.
  - 125 См.: Цыбульский В.В. Современный календарь..., с.348.

- 126 Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. М., 1870, с.549 (в издании 1906 г. эти сведения пропущены. Поэтому только в данном случае мы пользуемся изданием 1870 г.).
- 127 Гаджиева С.Ш. Кумыки, с.322; Булатова А.Г. Лакцы. Махачкала, 1971, с.171; Гаджиев Г.А. Рудименты магических представлений в непроизводственной сфере лезгин. Вопросы общественного быта Дагестана в XIX начале XX в. Махачкала, 1987, с.150; Соколова В.К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. М., 1979, с.36.
  - 128 Лобачева Н.П. Формирование новой обрядности узбеков. М., 1975, с.120.
- 129 Бестужев-Марлинский А.А. Аммалат-бек. Мулла-Нур. Махачкала, 1968, с.127—128.
  - 130 Дубровин Н. История войны... Т.І. Кн.2, с.351.
- 131 Вариант этой песни был записан в 1891 г. А.Калашевым со слов уроженца города Нухи Эфендиева А. См.: СМОМІК. Вып. XVIII, 1894, с.46-47.
- 132 Об этом обряде вызывания солнца в Азербайджане см.: Багиров Дж. Детские игры и народные обряды в сел.Шихли Казахского района. СЭ. 1936, № 4—5, с.191; Акимов А. Вызывание солнца у мусульман Елизаветполя. СМОМПК. Вып.ІХ, 1890, с.128—130. Ср. также у азербайджанских курдов: Чурсин Г.Ф. Азербайджанские курды. Известия Кавказского историко-археологического института. Т.Ш. Тифлис, 1925, с.14.
- 133 «Гов-гов» повторялось после каждой строчки. Этимология слова неизвестна.
  - 134 Бестужев-Марлинский А.А. Мулла-Нур, с.127.
- 135 См.: Акимов А.И. Татарские песни (вызывание солнца). СМОМПК. Вып. XVIII. 1894. с.72.
- 136 Ср. аналогичный обряд вызывания солнца у лезгин (*Трофимова А.Г.* Из истории религиозных обрядов вызывания дождя и солнца у народов Южного Дагестана. Азербайджанский этнографический сборник. Баку, 1966, № 2, с.99). О магическом приеме вызывания дождя с помощью куклы (году-году, годул-годул, кудул) см. также: *Гулиев Г.А.* Земледельческая культура Азербайджана. Автореф. док.дис. Баку, 1968, с.52.
- 137 Гулиев Г.А. Земледельческая культура Азербайджана; Джавадов Г.Д. Обряды вызывания дождя и солнца в Азербайджане. Доклады Академии наук Азербайджанской ССР. № 8, 1985.
- 138 Гаджиева С.Ш., Трофимова А.Г., Шихсаидов А.Р. Старинный земледельческий календарь народов Дагестана. М., 1964; Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А.Г. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967; Магомедов Р.М., Дзагурова В.П. К истории земледелия в Дагестане. Махачкала, 1969, с.19; Магомедова М.А. Календарные обряды даргинцев...; Календарь и календарные обряды народов Дагестана. Махачкала, 1987; Гаджиева С.Ш. Традиционный земледельческий календарь и календарные обряды кумыков. Махачкала, 1989.

Глава IV

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Поселения

В зависимости от природно-географического положения дагестанских азербайджанцев условно можно разделить на два типа: равнинные и предгорные. К равнинным поселениям можно отнести все селения терекеменцев, а также часть аулов, расположенных по приморской равнине, южнее Дербента (Аглаби, Араблар, Баят, Моллакент, Моллахалил, Куллар и др.).

В приморской равнине, включая часть возвышенности на западе, между Каспийским морем и Джалганским хребтом, т.е. в так называемом Прикаспийском проходе, расположен и Дербент. Многие из вышеназванных небольших населенных пунктов в прошлом, очевидно, представляли собой как бы пригородные части Дербента и были тесно связаны с ним экономически.

Предгорные поселения располагаются в пределах современных Дербентского (Мугарты, Кемах, Рукел, Гимейди, Митаги, Джалган, Зидьян), а также частично Табасаранского (Дерваг, Зиль, Цанах, Арак и др.) районов.

В процессе многовековой истории поселения азербайджанцев в Дагестане видоизменялись. Судя по письменным источникам и сохранившимся развалинам ранних поселений, а также связанным с ними преданиям, некоторые аулы возникали еще в период процветания древней Кавказской Албании и раньше.

Так, археологическими исследованиями дагестанских ученых в 70—80-х годах на дербентском холме обнаружено поселение эпохи ранней бронзы, датируемое концом IV — началом III тысячелетия до н.э. Его «обитатели жили в турлучных домах (в домах с плетеными деревянными каркасными стенами, обмазанными глиной) с глинобитными полами и напольными очагами»¹.

Появление же других поселений связывается с основанием города Дербента, строительством дербентских оборонительных укреплений и переселением в связи с этим части жителей из Персии, а затем и из стран Арабского Востока².

«Наши старые селения являлись ровесниками древнего Дербента, они были основаны одновременно и имели общую судьбу с городом», — говорят старейшие жители многих селений, расположенных вокруг Дербента, при этом они ссылаются на сохранившиеся у них предания, а также на памятники материальной культуры, например, развалины старых поселений, остатки которых можно видеть и по сей день³.

Что касается истории образования равнинных поселений азербайджанцев района, то она прослеживается по ряду источников и исследований⁴.

Основание некоторых поселений источники связывают с иранским проникновением на территорию древней Кавказской Албании, и прежде всего с периодом правления царя из династии Сасанидов Ковада (488—531), а также его сына Ануширвана (531—579)⁵.

«Представляется вероятным, — пишет известный востоковел В.Ф. Минорский, — что нынешние поселения ираноязычных татов у предгорий Кавказского хребта связаны с древними военными колониями...»⁶. И действительно, Сасаниды, проникнув в области Закавказья, в частности в древнюю Албанию, приложили большие усилия, чтобы прочно обосноваться здесь и укрепить свою северную границу от набегов кочевых племен с севера. В этих целях они возводили громадные укрепления, наиболее значительным из которых был Дербент. Все укрепленные пункты, а также район важнейших стратегических узлов были заселены подданными Сасанидов, «главным образом из каспийских областей»⁷ и преимущественно ираноязычными, «потомки которых известны ныне под названием татов»⁸. В числе выведенных из Ирана Е.И.Козубский, как и А.В.Комаров (см. выше, главу «К этнической характеристике дагестанских азербайджанцев»), называет жителей семи селений окрестностей Дербента (Джалган, Митаги, Кемах, Зидиан, Бельгади и Гимейди), «у малой стены, на южной стороне», и Рукал «(в 3-х верстах от нее, тоже к югу), известных под общим именем тат и сохранивших татское наречие персидского языка»⁹.

Как свидетельствуют источники, многие поселения и укрепленные пункты вокруг Дербента в период арабо-хазарских войн были разрушены и превращены в руины.

Дальнейшая колонизация Дербента и его окрестностей была связана с арабским, а позднее и сельджукским завоеванием в Южном Дагестане.

Ал-Балазури (IX в.) отмечает, в частности, что Маслама Ибн Абдулмалик «переселил в город ал-Баб-ул-абуб (Дербент) двадцать четыре тысячи (солдат) из Сирии, обязавшись выдать им усиленное жалованье» 10. Почти те же сведения повторяет спустя около трех веков Абу Хамид ал-Гарнати, лично посетивший древний Дербент во время своего путешествия по Восточной Европе 11. Вместе с тем он несколько конкретизирует приводимые ал-Балазури сведения. По его данным, Маслама переселяет сюда не 24 тыс. солдат, а 24 тыс. семей, причем он

перечисляет города и местности, из которых эти арабские семьи переселены: из Мосула, Дамаска, Хомса, Тадмора, Халеба, Джезири и др. ^{12} .

«Дербенд-наме» содержит такой эпизод: «Халиф из династии Аббасидов Абу Джафар ал-Мансур (754—775 гг.) — основатель Багдадского халифата обратился к назначенному им правителю Дербента Езиду: "О сын Асада! Как обезопасить мусульман Дербента от хазарских покушений?", и тот якобы ответил: "Укрепления, окружающие Дербент, лежат в руинах. Если возобновить их и снабдить населением окрестные пункты, то хазары будут безопасны для Дербента»¹³. Согласно источнику, после этого он дал указание «возобновить» укрепления и заселил их. Так вновь были возведены укрепления «Сувари (?), Мутаи (Митаги?), Кемахи и Симнан (?), ... Дервак (Дерваг?), Ерси и Хамиди (Гимейди?)». Здесь же отмечастся, что «в этих укреплениях были водворены семь тысяч воинов с семействами, выведенных из Шама и Мусула»¹⁴.

В списке, который издал Ю.Клапрот, приводятся несколько более подробные данные о переселении в район Дербента арабского населения и восстановлении многих укрепленных пунктов. Так, для укрепления Дербента и его северных границ халиф посылает «из Дамаска, Джезиры и Мосула семь тысяч человек, из других еще округов — сорок тысяч, из Хорасана — тридцать тысяч и из Сирии — двенадцать тысяч»¹⁵. Как видно, речь шла о восстановлении арабами ими же разрушенных в период войны с хазарами древних населенных пунктов и основании ими же новых поселений для укрепления своих позиций.

Арабский автор IX в. ал-Якуби оставил нам важные сведения о существовании отдельных поселений на этой территории еще в период хазарской экспансии. Среди них упоминаются Камах, Мухаммадия, Баб-Вак и др. 16. Известный ученый-кавказовед А.Н.Генко допускает, что под испорченным в рукописной традиции названием Мухаммадия скрывается современное селение Химейди (Гимейди). Термин же «Баб-Вак» А.Н.Генко отождествляет с современным Дарвагом. «Привлечение современного местного топонимического материала, — пишет он, — позволяет с легкостью разрешить вопрос:

Сами же жители селения Дарваг термин «дарваг» этимологизируют как «дар вакьан» («дом переговоров») и еще как «дур бах» («встань и смотри»), т.е. как караульню.

В селении Дарваг и его окрестностях сохранились остатки старых башен, которые жители связывают с дербентской горной оборонительной стеной — Даг-бары. Определенный интерес в этой связи вызывает и сообщение П.Г.Буткова «Древняя Дарбах, — писал он, — стоит на крутом косогоре и устроена по-азиатски, беспорядочно. Любопытна только одна высокая,

круглая, тонкая, из дикого камня, отменно хорошо связанного, башня, построенная как колокольня турецкая; она строена, сказывают, во времена Александра Великого, и догадываются, что им самим; архитектура ея в готическом вкусе и довольно приятна... в левой руке видны подобные же остатки древности, и в том числе одна высокая и большая башня верстах в 15, вправо» 18.

По мнению Аббас-Кули-Ага Бакиханова, жители восьми деревень современных Дербентского и Табасаранского районов (Джалган, Рукель, Мугари, Кемах, Зидьян, Гимейди, Митаги, Бильгади, расположенные поблизости от Дербента) когда-то «были жителями этого города, но по разорению его переселились в окрестностные деревни» 19.

Как видно из источников, целый ряд исследуемых нами поселений имел укрепленный характер или непосредственно входил в грандиозную по своим масштабам оборонительную систему древнего Дербента. В этом отношении большой интерес представляет подробное описание оборонительных сооружений Дербента, в частности известной горной стены — Паг-бары, осуществленное в 1927 г. местным историком, большим энтузиастом П.И.Спасским: «Горная стена отходила от угловой югозападной башни цитадели, вдоль ушелья поднималась на среднюю вершину горы Джалган, затем направлялась по гребню на южную вершину, на край высокого обрыва, от которого шла на запад к селению Митаги. В промежутке между упомянутыми вершинами расположен был форт, от которого сохранились сильно обломанные 4 стены с проломами в восточной стене. Длина форта 34 метра, ширина 18.6 метра. На южной вершине хребта... также был форт...

От обрыва южной вершины начинается беспрерывная стена... Стена на протяжении около 6 км закрывала проход между двумя хребтами: Джалганским и Митаги-Кемахским, идущим почти параллельно друг другу от устья р.Рубас и кончающимися на приморской долине... По дороге из Митаги в Кемах стена проходила по верху хребта до сел. Кемах, в котором сохранился остаток форта... Форт был расположен над высоким обрывом и виден на большом пространстве над приморской долиной. От Кемаха стена шла... дальше по хребту, затем сворачивала на запад на селения Зидьян и Бильгади..., 20.

По описанию этого автора, оборонительная стена от Бильгади шла к Гимейди и Дарвагу, между которыми он обнаружил семь фортов. Стена и форты далее шли к Зилю, а от Зиля к Ерсинской горе, а далее к Татилю, Хапилю, Ягдыху и др. По мнению П.И.Спасского, общая протяженность стены составляла 60 км²¹. Обращает внимание множество укреплений на всем протяжении горной стены. Так, только между селениями Гимейди и Дарваг, как отмечает автор очерка, обнаружено было семь фортов, и форты «имели цель не только преградить путь

неприятелю, идущему с севера²², но и предупреждать жителей посредством огня и дыма, так как Дербентская крепость (вторая) видна с Кемахской, последняя с Дарвагской и Ягдыхской»²³.

Приведенные П.И.Спасским подробные сведения в целом хорошо согласуются с планом дербентской оборонительной системы, тщательно составленным исследователем архитектуры Южного Дагестана, в том числе оборонительных сооружений Дербента, С.О.Хан-Магомедовым²⁴. Не все башни и крепости, очевидно, были одинаковой величины. Ф.Ф.Симонович одним из первых, перечисляя укрепленные места у горной стены (Кемах. Зидьян, Гимейди, Дарваг, Зиль, Ерси и т.д.) 25, в 1796 г. писал: «По обеим сторонам сего места (речь идет о селении Гимейди. — С.Г.) продолжается линия упомянутых укреплений, из которых знатнейшая башня на Кемахской горе, командующей всеми сими местами»²⁶. Согласно А.Н.Генко, жители ряда табасаранских селений к северу от горной цепи «Дюбек, Ерси, Дарваг, Зиль и др. именуются "Бендликк ккюрар", т.е. живущие под Бендом»²⁷. Еще Ф.Ф.Симонович отмечал, что «верхнюю возвышенность главного хребта» жители называют «Бентом»²⁸. Все это лишний раз подтверждает наличие древнейших связей Лербента с данными поселениями.

Таким образом, многие из изучаемых нами селений азербайджанцев, расположенных вокруг Дербента, имели с ним общую судьбу, общую с ним многовековую историю, составляли в экономическом и политическом отношении как бы единое целое, были тесно связаны со всем грандиозным комплексом оборонительных сооружений Дербента. Вместе с Дербентом они не раз подвергались нападению извне, не раз превращались в развалины и снова строились на прежних местах или рядом, как правило, с прежними наименованиями.

Немало сведений сохранила народная память и о судьбе, неоднократных перемещениях с места на место жителей многих из названных выше аулов, о неоднократных разрушениях, разорениях и грабежах, которым они подвергались со стороны иноземных захватчиков, а позднее и о междоусобных войнах феодальных владетелей²⁹. Так, в 1777 г. в результате междоусобиц феодальных группировок Кайтага и Кубы «семь деревень, называемые Терекеме», были подвергнуты «грабежу и разорению»³⁰.

Как гласят местные предания, в разные годы XVIII в. были разрушены и превратились в покосные и пастбищные участки такие поселения терекеменцев, как Шебеде, Шахбаз и Мехрет, о бытовании которых по сей день свидетельствует местная топонимика.

Много преданий сохранилось в народной памяти и о других тюркоязычных, ираноязычных (в прошлом), арабоязычных (тоже в прошлом) поселениях, а также о разрушенных крепостях и укреплениях. Одна из легенд, например, гласит: «Когда-то насе-

ление современных селений Гимейди. Рукель. Митаги. Кемах. Зидьян. Дарваг. Бильгади жило в одном общем поседении. известном под названием Шелкени-шагьар (город Шелкени). расположенном, согласно легенде, в нескольких километрах западнее современного селения Бильгади». Город был разрушен в результате нападения каких-то внешних врагов, и жители его якобы разошлись и создали новые ныне существующие вышеназванные селения. И действительно, еще перед походом Надир-шаха в системе оборонительной горной стены в районе Гимейди — Бильгади — Дарваг существовал «замок Шилкан»³¹. или «Шелкени-кала»³². Возможно, с этим замком или поселением под этим же названием связывают жители данных селений свое первоначальное местожительство³³. Согласно другому преданию, Шелкени-шагьар был разрушен из-за проклятия, которому предал его жителей один проезжий: «Однажды житель азербайджанского города Гяндже ехал по делам в город Шелкени-шагьар. Подъезжая к городу, он увидел пирующих на поляне около 40 человек, лошали которых, причем все пестрые. паслись рядом. Путник подъехал и приветствовал пирующих, те дружно ответили и пригласили принять участие в их трапезе и выпить вина. Тот долго отказывался, ссылаясь на то, что он нездоров и в пути. Но пирующие не хотели слышать просьбу путника и отпустить его в город. Когда же последний категорически воспротивился нажиму, они насильно влили ему в рот чашу вина. Гостю стало плохо, и он стал терять сознание. Он умирал. но перед смертью успел сказать: "Пусть провалится ваш город". Как гласит предание, проклятие путника сбылось, и город был разрушен землетрясением. Жители же его якобы разбрелись в разные стороны и создали новые поселения»³⁴. Как свидетельствует устная традиция, мугартинцы после Шелкени трижды меняли свое местожительство. Сперва они обосновали Галачыг (Маленькая крепость), потом поселились на участке, известном под названием Бёюк-Мейдан (букв. «Большая поляна. плошадь») на расстоянии 3 км к юго-западу от современного их селения. Потом переселились в другое место, тоже к юго-запалу, в одном километре от современного Мугарты. Это место они и сейчас называют «Эскикент». Причины, почему оставляли первые свои селения, они забыли или в качестве таковой, как и жители многих других поселений азербайджанцев, называют наличие множества ядовитых змей, которые якобы забирались даже в люльки и душили детей³⁵.

Рукельцы сохранили предание, согласно которому старое их селение под тем же названием (Рукель) находилось у подножия горы Джалган, на равнине, в 7 км от его современного местоположения. Эта местность по сей день называется Абасоба³⁶ (в 5 км от старого селения Джалган). Опираясь на предания, рукельцы считают, что они переселились из-за множества ядовитых змей и отсутствия хороших источников

питьевой воды. Позже рукельцы устроились на возвышенном месте, как бы на вершине горы. Топоним «Рукель» («Рукал») жители этимологизировали как «созвездие» (Улкер, Улкерлер). При этом, как полагают рукельцы, их селение называется так потому, что оно находится высоко над уровнем моря.

Севернее и южнее Дербента имеется ряд курганов и других памятников старины, с которыми местные жители также связывают отдельные страницы жизни своих предков или борьбы с завоевателями. Наиболее известным из этих исторических мест является городище «Торпак-кала — один из крупнейших памятников сасанидского строительства на Кавказе»³⁷. Об этом горолише оставил нам первое упоминание И.Лерх, посетивший Дагестан в 1746 и 1747 гг. Он отмечает, что городище было «четвероугольником и нарочитой величины», что «валы были весьма высоки и поросли дубами». Он также приводит интересное предание, связанное с образом жизни правителя крепости Торпак-кала: «Персы говорили, что здесь какой-то государь, который приказывал готовить себе пишу в Дербенте и привозить ее сюда так быстро, чтобы она была еще горячая, несмотря на то, что Дербент отстоит отсюда в 20 верстах. Говорили, что он выставил ряд слуг, которые передавали друг другу блюда, благодаря чему их можно было так быстро доставить. Персияне называли древний город Шехерге, который построил царь именем Гюнъгом (Гумгум) Падша, коего считали они Александром Великим...» 38. Почти те же сведения приводит позднее и Ю.Клапрот³⁹, а некоторые детали данного предания и Е.И.Козубский 40. В наше время городище привлекало внимание А.С.Башкирова, Е.А.Пахомова, В.Г.Котовича, К.В.Тревер, А.Р.Шихсаидова, М.С.Гаджиева и др. 41, а более подробно оно было описано М.Исаковым. По его сведениям, городище занимает площадь более 100 га. Оно обнесено двускатным валом высотой около 20 м и шириной 12—15 м. Вокруг этого вала проходит ров глубиной 4-5 м и шириной 20-25 м⁴². По мнению А.С.Башкирова, данное городище «со своей обороной имеет тип североперсидских или юго-западных туркестанских (Мерв, Аннау и др.) укреплений средневековой поры» 43.

Имеется у дагестанских историков ряд предположений относительно места и роли этого поселения в отдаленном прошлом. В.Г.Котович, в частности, допускает, что это был известный у древних авторов город Чор, или Чол⁴⁴ (Чога), А.Р.Шихсаидов, разделяя точку зрения последнего, тоже усматривает в городище Торпак-кала древний Чор, Чорул, название которого затем перешло на древний Дербент и Дербентский проход⁴⁵. По мнению М.С.Гаджиева, это — средневековое городище, которое было связано с дербентскими укреплениями и называлось Шахристан-Иездигерд⁴⁶.

Однако этот крупнейший памятник на территории Дагестана пока что плохо изучен и ждет своего исследователя.

На территории современного селения Чинар, севернее Дербента, есть местность площадью около 300 га, известная под названием «Сенгер». Согласно одному преданию, там были мощные укрепления Надир-шаха. И на этом месте он от народов Дагестана потерпел тяжелое поражение. После этого местность стала называться Иран-хараб. Когда Надир стал терпеть одно поражение за другим, он якобы от злости выстрелил в небо из пушки и при этом сказал: «Аллагьин топларындан Надирин топлары гючлю» («Пушки Надира сильнее пушки бога»). Он злился на солдат, на своих полководцев, сурово наказывал их за малейшие проступки. Однажды зимой он заставил солдат снять обувь и работать на оборонительных сооружениях. Из снятой обуви якобы образовался целый холм, который был назван «Башмак тепе» («Башмачный холм»). Это название сохранилось в топонимике местности, находящейся в 2 км севернее Дербента, по пути в селение Сабнава.

По другой версии, этот холм был насыпан из глины, которую приносил каждый солдат, наполнив свои башмаки. Словом, негодование его людей было настолько велико, что они решили с ним покончить. Это якобы совершилось в тот момент, когда шах в своем шатре отдыхал, положив свою голову на колени любимой жены.

Местность, где в наше время возникли большой современный поселок «Огни» и известный стеклозавод, в прошлом жители окрестных поселений называли «Од янан ерлер» («Места, где горит огонь»). Огни эти они принимали за волшебные. Обычно на этих местах пасли скот. Согласно легенде, однажды чабан, который пас здесь овец, принес охапку хвороста и разжег огонь, чтобы приготовить себе пищу. На второй день он опять вернулся на это место и увидел, что огонь за день не погас. Чабан испугался и ушел. Так это место стало называться «Огни» («Од янан ер»). Сохранились некоторые сведения и о селениях Куллар, Араблар и др. Согласно А.В.Комарову, селение Куллар, или Дербентские куллары, было основано одним из дербентских ханов, поселившим там своих кулов (рабов) 47.

Ссылаясь на сохранившееся предание, А.В.Комаров также полагает, что жители селения Араблар «вышли из общества Араблар, близ Шемахи, и являются потомками аравитян» 48. Из всех поселений и крепостей, связанных с проникновением ираноязычного и арабоязычного населения, бильгадинцы считают наиболее ранним свое селение. Как бы подтверждая мысль о древности этого селения, Ю.А.Гагемейстер еще в 1847 г. отмечал, что оно было основано при Ануширване, как и остальные восемь поселений с ираноязычным населением в Табасаране, которые были заложены при том же Ануширване «близ развалин города Бильгади (Бабель-Гадит, т.е. "Железные ворота")» 49. К очень древним можно отнести и селение Аглаби. Жители не знают, откуда появилось это название. Однако

можно предположить, что происхождение его связано с именем одного из представителей арабской администрации в Дербенте XI в. по имени Аглаб ас-Сулами. Согласно историческим источникам, Аглаб ас-Сулами и его потомки занимали в Дербенте важнейшие посты. Вполне возможно, что род Аглаба когда-то имел за Дербентом, т.е. там, где расположено селение Аглаби, свой удел⁵⁰.

Далеко не всегда, разумеется, поселения южнодагестанских азербайджанцев были основаны в глубокой древности. В более позднее время возникли, например, поселения азербайджанцев на терекеменском участке. Сравнительно позднее происхождение, по-видимому, имеет селение Джалган, расположенное на вершине Джалган-дага. Согласно полевому материалу, эта вершина была заселена татами в период правления Фат-Али-хана Кубинского. По сохранившемуся преданию, он для охраны Дербента переселил сюда джалганцев из Кубы, где имеется селение под тем же названием, и дал им, в отличие от других подданных, привилегии.

Фат-Али-хану Кубинскому приписывается и основание селения Хан-Мамед-кала (Хан-Магомед-каласы) в Терекеменском магале.

В статье «Жизнь Фат-Али-хана Кубинского» Искендербек Ганжинский так излагает этот факт: Фат-Али-хан «обратил внимание на племянника Усмиева⁵¹, храброго Магомед-хан-бека, обиженного своим дядей, ласками и разными средствами привязал его к себе, и в 20 верстах от Дербента, к северу, построил крепость, которую назвал Магомед-ханкаласы. Сюда переселил он двести семейств из Кубы, назначив здесь местопребывание Магомед-хан-бека»⁵². Некоторые детали оборонного характера об этом селении сообщает П.Г.Бутков, участник персидского похода 1796 г. Как он пишет, крепость Хан-Магомед-кала была обнесена стеной готического стиля «из нежженого толстого кирпича, сделанного с угловыми башнями...»⁵³. Что же касается предания о переселении части жителей вышеназванного селения из Кубы, то оно сохранилось и у самих калинцев.

Почти все азербайджанские поселения, за исключением Дербента и селений Терекеме, расположены на возвышенных живописных местах: селение Джалган — на вершине Джалганского хребта Джалган-даге, а Дарваг, Сабнава, Рукель — на высоких склонах гор.

Описывая привлекательность местоположения селения Митаги, еще Э.И.Эйхвальд, известный естествоиспытатель первой половины XIX в., отмечал: «Ближе в Дербенту возле стены находится маленькая деревня Митаги, на высокой горе, в прекрасной местности; еще дальше западнее деревня Сабнава; оттуда виден город Камах, который находится на высоком скалистом выступе. Хотя слава его давно утрачена, сохраняется она еще в деревне Камах и ощущается среди разрушенных стен...»⁵⁴. Расположение селений на сравнительно возвышенных местах, очевидно, объяснялось как целями обороны⁵⁵, так и стремлением жителей сохранить более удобныс участки под сельскохозяйственные культуры и пастбища. Надо иметь в виду и влияние на этот процесс Дербентского прохода, через который с глубокой древности перемещались то на юг (преимущественно), то на север различные ираноязычные, арабоязычные и тюркоязычные племена. Возвышенные места, естественно, лучше защищали от них.

Разрушению подвергались многие селения и в более позднее время, в частности в процессе событий, происходивших в Южном Дагестане в 60—70-х годах XVIII в., т.е. в один из периодов ожесточенных схваток феодальных группировок за сферы влияния.

Так или иначе, население Южного Дагестана, и прежде всего азербайджанское, проживавшее на путях передвижения племен, неоднократно подвергалось разорению, что заставляло его, в свою очередь, переселяться с места на место, с трудом восстанавливать разрушенные аулы, создавать новые в более безопасных, по его мнению, местах.

Свои селения азербайджанцы называют кент. В предгорье редко встречаются названия, которые включают приставку «кент». Здесь они имеют лишь одночленные наименования: Рукель, Марага, Кемах, Зиль, Дарваг и т.д. Думается, что термин «кент» в качестве приставки здесь, как и по всей прикаспийской равнине Дагестана, возник позднее.

Для поселения азербайджанцев была характерна южная или юго-восточная ориентация, которая позволяла им рационально использовать солнечное тепло: обращенные фасадами к солнцу дома хорошо обогревались. Планировка поселений зависела во многом от рельефа местности: на равнине дома имели горизонтальную планировку, на возвышенных местах, на плоскогорье располагались амфитеатром.

Сравнительно более четкой планировкой отличались селения терекеменцев, где улицы соединялись между собой под прямым углом или располагались перпендикулярно друг к другу. Для предгорных селений и селений, расположенных на возвышенностях, были «характерны слабо выраженная вертикальная зональность, более скученная застройка, узкие и крутые улицы, ступенчатое расположение застроек» (селения Рукель, Гимейди, Кемах, Дарваг и др.) 56. Наконец, селения отличались друг от друга и по величине и численности жителей. Сравнительно крупным населенным пунктом на территории азербайджанцев Южного Дагестана считали Марагу, где, по данным посемейных списков 1886 г., было 303 дома с общим числом жителей 1791 человек. Вторым по численности населения был Рукель (252 дома, 1163 человек), затем шли Гимейди (152 дома,

830 человек), Ерси (146 домов, 735 человек) ^{57} и др. Для рассматриваемого времени известны и более мелкие селения: Бильгади (36 домов, 132 человека), Джалган (53 дома, 271 человек) и др. ^{58} .

Селения обычно разбивались на кварталы (махалла) чаще исходя из географического расположения, иногда этнического состава, названий тухумов и т.д. Квартал состоял из определенного комплекса домов и дворов, образующих улицы куча с отходящими от нее переулками аралуг, тыгрыг и тупиками.

Старый Рукель (он значительно расширился в наше время за счет новых участков), например, включает в свой состав три квартала: Юхари мэhлэ (Верхний квартал), Орта мэhлэ (Средний квартал) и Ашагамэhлэ (Нижний квартал). Как полагают жители селения, каждый из этих кварталов в прошлом был самостоятельным селением. Это собственно Рукель, Даргуш⁵⁹ (дар — «узкий», гуш — «уши») и «Шихлар. Даргушем, согласно объяснению жителей, данный участок назвали потому, что он имеет форму, напоминающую ухо; участок Шихлар получил свое название в связи с проживанием здесь шейхов. Кроме того, как говорят старики села, отдельный участок или самостоятельный населенный пункт составлял еврейский квартал — Ягудилер мэhлэси. В 1886 г. в этом магале селения проживал 141 горский еврей.

Селения Митаги и Мугарты имели по два квартала: Юхаримэнлэ (Верхний квартал) и Ашага-мэнлэ (Нижний квартал). В селении Марага были кварталы Гумрал-мэнлэ (он же Беглер мэнлэси), Джурдак-мэнлэ (он же Аж-кала-мэнлэси), Чухурмэнлэ, Халелли-мэнлэ.

Трудно сегодня объяснить этимологию этих топонимов. Квартал Ажкала назван так потому, что там когда-то была крепость, Чухур — от котлована. Селение Марага называли Беш пара мапрага (Пятичленная Марага). По мнению информаторов. каждый из этих кварталов когда-то представлял собой отдельное поселение. Название же всего селения одни информаторы связывают с именем Минри, другие — с одноименным городом на севере Иранского Азербайджана. Последние при этом поясняют, что якобы они были переселены сюда в период правления шаха Хайдара, отца шаха Исмаила. Порою кварталы назывались и по роду занятий его жителей. В селении Берикей, например, есть квартал Самурсаг-мэhлэ (Чесночный магал). Название его обычно связывают с тем, что жители выращивали много чеснока на продажу. В селениях Великент и Деличобан были кварталы Кёвхали-мэһлэ, так как из одних и тех же тухумов, живших в этих кварталах, постоянно выбирались старшины (кёвха).

В ряде предгорных селений отдельными кварталами жили и горские евреи. Их кварталы называли Джугьут-мэhлэ или Джугьут-кент. О проживании их здесь издавна свидетельствует наличие старых еврейских кладбищ. Кварталы евреев располага-

лись отдельно от кварталов азербайджанцев, но чаще всего находились в черте селения. Старейшие жители еще помнят, как последние жители этых кварталов уходили в города, преимущественно в Дербент, в предреволюционные годы и в годы гражданской войны. Селения Аглаби и Хошмензиль были в прошлом заселены главным образом евреями, которые потом перешли жить в Дербент.

Магалы, очевидно, в прошлом имели преимущественно семейно-родственный характер. Однако еще задолго до XIX в. этот принцип был значительно нарушен. Махалла стала объединять представителей разных семейно-родственных групп (тухум, урлуг), т.е. приобрела территориальный характер.

Равнинные, предгорные селения и селения, расположенные на возвышенных местах, в известной мере, отличались друг от друга. Характер застроек зависел чаще всего от реальных условий рельефа.

Кварталы и жилища возводились с учетом конкретных условий местности, но и при этом строители стремились сохранить южную или юго-восточную ориентацию фасадов жилищ.

Разумеется, поселения дагестанских азербайджанцев не оставались неизменными. Постепенно менялся принцип заселения группами: кварталы, как мы уже отмечали выше, чаще стали носить территориальный, а не тухумный характер. Со второй половины XIX в. с развитием товарно-денежных отношений отдельные улицы, жилые кварталы стали отличаться своим благоустройством, облик улиц во многом стал преображаться с появлением домов с балконами у сельских богачей, лавочников, должностных лиц и т.д.

Центральное место в селении занимала мечеть. В крупных селениях сооружалось несколько мечетей, обычно столько, сколько было кварталов. Кроме того, в таких селениях функционировала кафедральная мечеть (джума), которую по пятницам посещали верующие мужчины всего села. Все мечети представляли собой одноэтажные сооружения из камня (в предгорье) и из саманного кирпича с каменным фундаментом (на равнине).

В черте аула (в центре или на окраине) большую площадь занимал родник булаг. Некоторые более или менее крупные селения (Великент, Берикей и др.) имели два-три родника и более. Благоустройству источников питьевой воды и для бытовых нужд азербайджанцы, как и другие народы Дагестана 61, уделяли большое внимание. Источник обычно представлял собой глубокий прямоугольный бассейн, обнесенный со всех сторон каменными стенами и плотно закрытый сверху. Струя воды вытекала наружу через каменный или деревянный желобок. К роднику пристраивалось выдолбленное из толстого ствола дерева или камня длинное корыто, используемое для водопоя скота. Немало родников выкладывали хорошо обтесанным камнем. Некоторые из них имели два-три водостока,

просторную площадку с ровным плиточным каменным полом для стирки одежды, паласов, высокую стенку с карнизом. Однако некоторые населенные пункты располагались на довольно большом расстоянии от источников воды, что вызывало трудности с водоснабжением населения.

В крупных селениях специальное место отводилось под квартальные и общесельские площади майдан. Последние служили местом сходов, игр, еженедельных базаров. Рядом с площадью размещались торговые лавки, число которых росло по мере развития торговых отношений. Центром общественной жизни являлись площади при мечетях, где джамаат или отдельные группы людей собирались для обсуждения важнейших хозяйственных и общественных дел. Менее официальным местом для общения, обмена новостями и отдыха мужчин, т.е. как бы мужским клубом, служил учар. Их было несколько в каждом ауле. Это были специальные места в кварталах: на улице, в переулке, на квартальной площади или у ворот домов. Для сидения здесь, как и в других аулах Дагестана, использовались 5—10 больших булыжников с гладкой отшлифованной поверхностью или бревна, доски, положенные на каменные подставки.

В черте старых аулов садов и огородов было крайне мало, а если и встречались, то преимущественно тутовые деревья. Сады, бахчи, тутовые плантации, ореховые рощи, как правило, закладывались за селом.

По своему облику, форме и планировке дома были близки, с одной стороны, домам поселений других народов Дагестана (особенно домам табасаранцев, лезгин и южных кумыков), а с другой — устойчиво сохраняли исконные этнические особенности азербайджанской традиции сельского строительства. Последние особенно наглядно отразились на облике таких предгорных селений, как Джалган, Бильгади, Марага и др.

Социально-экономические и культурные перемены, происходившие в пореформенный период, т.е. во второй половине XIX — начале XX в., вызвали некоторые изменения и в азербайджанских аулах Дагестана. Определенное влияние на азербайджанские поселения, особенно поселения, расположенные на равнине, вдоль железнодорожной магистрали, оказывал и Дербент. Однако это влияние значительно больше сказалось на материальной культуре состоятельных слоев общества.

Жилища

Жилища эв, от аг, бине азербайджанцев в рассматриваемое время отличались большим разнообразием, что объяснялось местными природно-географическими, социально-экономическими условиями, а также влиянием не только собственных строительных традиций, но и традиций соседних народов.

Основными строительными материалами для жилища служили камень, саманный кирпич, дерево. Однако степень использования того или другого материала на равнине и в предгорье зависела от ряда обстоятельств. Если на равнине (у терекеменцев) основным материалом для возведения стен (кроме фундамента и цоколя) служил саманный кирпич, то в предгорье, тем более на склонах гор, дома строили исключительно из камня. Не случайно проработавший начальником Кайтаго Табасаранского округа и довольно хорошо знавший бытовую культуру жителей этого региона П.Петухов в 1867 г. отмечал, что «дома везде в округе строятся из камня, исключая плоскостной магал Терекеме»⁶². Что же касается дерева, то оно выполняло всюду как конструктивную, так и художественно-декоративную функцию. Художественно-композиционная роль дерева была более значима в домах азербайджанцев, проживавших в предгорной полосе, как и у соседних табасаранцев 63.

Жилища азербайджанцев этого района можно классифицировать на три основных типа: одноэтажные, полутораэтажные (приподнятые на цоколе) и двухэтажные. Наличие того или другого типа чаще всего зависело от материального положения владельца, меньше — от рельефа местности.

Преобладающим типом жилища на всей территории азербайджанцев Дагестана все же являлась двухэтажная постройка. Жилые комнаты размещались обычно на втором этаже, а хозяйственные (помещения для скота, для хранения запасов зерна и других продуктов питания, а также лишних предметов утвари и сельскохозяйственного инвентаря и др.) — на первом этаже.

Характерной особенностью одноэтажного и полутораэтажного дома (таких домов было сравнительно больше на равнине) было свободное размещение хозяйственных построек на усадьбе. В таких случаях хозяйственные помещения либо примыкали к жилому дому, возводились под одной крышей, либо располагались в другом конце усадьбы.

Дом строили преимущественно с двумя жилыми комнатами. Однокомнатные дома имели, как правило, бедные семьи, двух-комнатные и многокомнатные (три-четыре) — зажиточные. Количество жилых комнат, а соответственно и хозяйственных помещений, как и этажность, зависело от материального достатка, а порою и от состава семьи.

Все три типа жилища различались формой и планировкой. В одних из них все комнаты располагались в ряд, в других — Гобразно, в третьих — Побразно, причем планировка второго этажа обычно повторяла планировку первого.

Как мы уже отмечали выше, азербайджанцы домами застраивали обе стороны улицы. Окна и двери были обращены во внутренние дворы. На соседний двор и на улицу дом выходил глухой стеной. Сообщение между этажами осуществлялось с помощью деревянной или глинобитной лестницы, которая находи-

лась перед верандой или внутри ее. Поскольку соседние дома располагались обычно впритык друг к другу, возникали затруднения с устройством проезда во двор. В таких случаях ворота нередко устраивали в пределах первого этажа дома.

Дагестанским азербайджанцам, как и их соседям — табасаранцам, лезгинам и др., издавна известен дом и с более сложной планировкой — в форме замкнутого квадрата или «глухой, закрытый дом с массивными воротами»⁶⁴. При такой планировке вход с улицы вел непосредственно в коридор первого этажа дома, а не во двор, как это было в большинстве усадеб. Ворота или — чаще — двери капы располагались под самым домом у одной из стен первого этажа. Через коридор первого этажа по лестнице нэрдиван попадали на веранду или в сени эйван, гьаят второго этажа. Кстати, лестница порой закрывалась дверцами. С двух сторон коридора первого этажа располагались помещения хозяйственного назначения, второго - жилые комнаты. Над воротами, или входными дверями, была лоджия или балкон. В большинстве случаев по всей длине одной из стен второго этажа дом имел открытую веранду эйван, где проходила почти вся домашняя работа семьи в теплые периоды года. Такие дома зачастую имели внутренние, закрытые со всех сторон дворики со всеми хозяйственными службами и помещениями.

На соседний двор, как отмечалось, дом всегда обращался задней глухой или торцовой стороной. Когда по разным причинам на стене, выходящей в чужой двор или на улицу, нельзя было оставлять окна, жители селения Митаги, например, делали специальное отверстие квадратной формы на крыше дома.

Почти все дома имели дворы: на равнине — более или менее просторные, а в предгорье — значительно меньшего размера. Двор обычно ограждался невысоким забором бару, иногда чыр, сложенным из камня (чаще в предгорной части) или из сырцового кирпича на цоколе из речной гальки (у жителей речной долины) или из плетеного орешника.

Забор-плетень часто имел карниз, на который в определенном порядке сверху накладывался слой колючего кустарника.

Необходимым элементом усадьбы были и разнообразные деревянные ворота *капы*, дарваз⁶⁵.

Остановимся несколько подробнее на характеристике процесса строительства дома.

Населяя местности, достаточно обеспеченные лесами, азербайджанцы многих селений исследуемого района не испытывали трудности с деревянными деталями домов. Балки, столбы, оконные коробки, ставни окон, двери, карнизы и т.д. изготавливались главным образом из таких пород, как дуб, граб, орех, боярышник и др. Дерево для этих деталей заготавливали зимой и глубокой осенью, считая, что в этот период лес находится в состоянии покоя, свободен от воды, имея в виду сокодвижение в древесине. Заготовка леса обычно прекращалась после дня весеннего равноденствия (22 марта).

Доставленный во двор лес сушили и очишали от коры, а балки, консоли карнизов, подбалки и другие деревянные детали состоятельные люди покрывали орнаментированной резьбой. Одновременно сушили и очищали камыш, который шел на покрытие потолка. Строительный камень также старались заготовить заранее. Поблизости от некоторых предгорных селений имелись местные карьеры, где крестьяне добывали камень. На равнине, где дома сооружались преимущественно из кирпичасырца, на фундамент и цокольную часть стен камень гара даш («черный камень» — галька) добывали в руслах рек Уллучай и Чирагчай. Что касается саманного кирпича, то его заготавливали в любое теплое время, чаще весной, причем для этого выкапывали небольшое углубление за селом. Глину заливали водой, засыпали в нее в определенной пропорции мякину (саманную сечку) и месили с помощью буйволов. Эту смесь затем формовали и сушили на солнце. Обжиг не применялся, размеры кирпича достигали примерно 36 × 16 × 16 см. По сведениям старейших жителей, в прошлом размеры кирпича были больше (около 54 × 26 × 26 см) и соответственно стены домов были толще. Стены домов, например, клали в 1,5—2 кирпича для того, чтобы зимой сохранять тепло, а летом — прохладу.

Строили дома, как правило, мастера, приглашенные из табасаранских и даргинских селений.

Азербайджанцы из галечника возводили фундамент и цокольную часть дома, а стены либо из саманного кирпича (на равнине), либо из булыжника, который при кладке подравнивался. Во всех случаях при кладке применялся глиняный раствор. Стены из камня клали до 50—60 см толщиной. Судя по рассказам старейших жителей, стены внутри дома в ряде случаев делались (как на равнине, так и в предгорье) турлучными чепер (плетенка). При этом плетеная основа обмазывалась с обеих сторон толстым слоем глины, смешанной с мякиной.

Завершив кладку стен первого этажа, делали перекрытие из грубоструганных балок, складываемых рядами, на которые клали дубовые плахи или доски. В некоторых местностях вместо досок или плах порою делали настил из трехслойных стеблей очищенного и высушенного камыша. Поверх камыша стелили солому или молодые листья растения типа камыша сыг и засыпали слоем земли, который тщательно утрамбовывали. Иногда потолочные балки первого этажа для прочности подпирались массивным столбом из дуба, который ставили посередине помещения.

Стены второго этажа возводились таким же образом, как и стены первого. Для перекрытия второго этажа отбирался более добротный, ровный и хорошо обработанный лесоматериал; балки обычно покрывались резьбой.

Особого искусства требовала крыша дам, так как последняя во многом определяла архитектурный облик всего дома.

На открытых верандах вторых этажей многих домов можно было увидеть ряд деревянных столбов-колонн (у зажиточных крестьян украшенных резьбой) и длинный продольный прогон под выступающими балками. На выступ и прогон опирался карниз. Карниз (с выносом на 0,4—0,5 м) 66 окаймляет крышу дома со всех сторон, выполняя функцию как предохранительную (от дождевой воды), так и эстетическую. Особенно искусно обрабатывались консоли карнизов. Примечательно, что в некоторых селениях со смешанным этническим составом или в чисто татских (Джалган), а также в Дербенте встречаются дома, где края крыш не имеют четких карнизов. Таких домов очень много в Дербенте. Земляные крыши домов обмазывались глиной и периодически (обычно после дождя) утрамбовывались тяжелым каменным катком.

Двери и ставни окон делали обычно из толстых дубовых досок, и были они небольшими по размеру, держались на специальных выступах. С развитием торговли с городом такие двери и окна стали заменять на окна городского типа и двустворчатые филенчатые двери, навешиваемые на железные петли.

Постепенно в окна стали вставлять стекло. Эти и другие изменения в домостроении стали проявляться с конца XIX в.

Вдоль одной из стен комнаты ставили широкую полку $ю\kappa$, maxma, высотой около 1,5, на двух-трех подпорках из сырцового кирпича для постельных принадлежностей.

Азербайджанцы лепили из глины (по всей длине стены одной комнаты) особый карниз тахча (терекеменцы), или хуристан (азербайджанцы предгорьев). Карниз принято было украшать лепными украшениями. В доме имелся камин ожаг; мастерастроители для его сооружения оставляли в определенном месте, в стене, углубление для дымохода тов. В некоторых селениях предгорной полосы и в Дербенте существовал и такой способ отопления помещения в зимний период: после прогорания дров брали горячие бездымные угли, высыпали их в переносную жаровню (мангал) в форме глубокой чаши, таза и ставили в комнату, где обычно спали или отдыхали. Угли по мере потухания меняли. Обычно на эту жаровню ставили специальный табурет кюрси, высотой и шириной примерно 70—80 см, который сверху накрывали стеганым одеялом кюрси юрганы, а вокруг размещали подушки, набитые шерстью. Сидя на этих подушках, члены семьи ели, пили чай и обогревались. Нередко они здесь устраивались и на ночь, постелив постели и подсунув ноги под кюрси юрганы. Характеризуя такой способ отопления помещения у дербентских азербайджанцев, Н.Дубровин писал, что, когда топлива мало, «с наступлением холода туземцы устраивают в одной из комнат что-то вроде стола на весьма коротких ножках,

который и носит название курси и часто называется братским диваном. Под курси ставится мангал (жаровня) с раскаленными углями, т.е. глиняный или медный сосуд наподобие небольшого котла. Курси накрывают толстым длинным и широким одеялом, под которым и прячется до самой груди семейство, располагающееся вокруг курси. Пользуясь жаром от мангала, удерживаемым одеялом, жители согревают таким образом нижние части своего тела» ⁶⁷. Мангалы азербайджанцы порою использовали и в кунацких (особенно жители Дербента). Подобный способ обогревания, как свидетельствуют данные исследований, был известен многим народам Кавказа ⁶⁸, Средней Азии ⁶⁹, Крыма ⁷⁰ и др. В Дагестане он практиковался главным образом у соседних с азербайджанцами народов ⁷¹, что, очевидно, можно объяснить культурным заимствованием.

При строительстве дома существовала взаимопомощь эвраз.

Внутреннее убранство дома у азербайджанцев в основном было однотипным. Однако у жителей предгорья (селения Митаги, Мугарты, Ерси, Зиль, Рукель, Дарваг и др.) среди предметов убранства главное место занимали ковры. Важную роль в интерьере комнаты играла большая ниша или полка тахта, где в определенном порядке размещались постельные принадлежности: большие матрасы тюшек, набитые шерстью, стеганые шерстяные одеяла юрган и большие подушки ясдыг. Распространенными предметами хозяйственной утвари были луженые медные подносы с чеканкой, разной величины кувшины для воды, тазы для стирки одежды, умывальные приборы и т.д. Все они имели в помешении свое место, и ставили их в строго традиционном порядке. Большие подносы, блюда и другую медную посуду вешали на одну из стен, а фаянсовые и фарфоровые пиалы, а также небольшие сосуды разного назначения ставили на описанную выше специальную полку. Ковры обычно стелили на пол. Традиция украшения стен коврами стала складываться главным образом с начала ХХ в. и особенно в наше время.

Запасы продуктов (мука, зерно, мясо, сыр, соль, овощи, фрукты), а также утварь, которой редко пользовались, убирались в хозяйственные помещения. В специальных хозяйственных помещениях хранилось зерно в плетеных и обмазанных глиной емкостях кенди, в которых помещалось от 5 до 10 сабу и более зерна, а в больших сосудах кюб мука и моченые фрукты.

Во дворе под навесом или в другом защищенном от дождя сухом месте выкапывали круглую яму гую глубиной до 2,5—3 м, а диаметром примерно 1,5 м. Стенки гую укрепляли слоем дубовых веток или камыша, а дно выстилали толстым слоем соломы. Ссыпали в такую яму только запасы зерна, как правило, сразу же после его обмолота и просушки на току. Яму сверху наглухо закрывали дубовыми досками и обмазывали

сверху глиной. Без особой надобности до весны гую не открывали.

Под навесом во дворе отводилось специальное место для арбы, молотильных досок, плуга и т.д. Поскольку в предгорной зоне дворы были обычно небольшие и не всегда имели специальную ограду из плетня товар чалы для скота, скот летом размещали во дворе, а зимой — в хлеву тевле на первом этаже дома или в отдельной пристройке.

В рисосеющих селениях в некоторых хозяйствах во дворе под навесом находилась и мельница для очистки риса-чалтыка динг, и почти в каждом хозяйстве азербайджанцев имелась ручная мельница эль дигирмени. Во дворе же на навесе, на специально устроенном помосте складывали стог сена, придав ему остроконечную форму. У одной из стен забора, окружающего дом, для соломы сооружали специальное плетеное помещение алачуг. или саманлуг. Почти в каждом дворе под навесом или на веранде первого этажа имелась хлебная печь корюк, или тандир (тендир). Если у терекеменцев единственным видом печи во дворе в изучаемое время был корюк⁷², то другие азербайджанцы повсеместно пользовались тандиром, а корюк либо отсутствовал вовсе, либо имел второстепенное значение. Тандиры были разной величины. Высота более крупных достигала 1,2-1,4 м. Диаметр тандира у горловины равнялся 75-80 см, а на дне был немного больше. Были тандиры и поменьше. В больших тандирах можно было одновременно испечь 15-20 чурсков. Для сооружения тандира женщины приносили специальную глину тандир палчаьгы. Ее месили и, замочив заранее, добавляли особую зеленую траву ёл бечани, шерсть козла, размельченные листья бузины гандалаш. Все это хорошо месили ногами. Такая смесь требовалась для того, чтобы глина при сушке стен тандира не потрескалась. Потом чертили на земле круг и начинали по нему выкладывать стенки тандира. Каждый день или через день стенку наращивали на 10-15 см, пока она не достигала желаемой высоты. Готовый лепной круг обычно ставили в специально вырытую яму, насыпав в пустое пространство между стенами ямы и самим кругом битый кирпич и речную гальку. Считалось, что такая забутовка лучше сохраняет тепло во время выпечки хлеба. Кроме того, чтобы хлеб хорошо держался на стенках и, очевидно, для красоты на стенках тандира порой вилкой делали вертикальные и горизонтальные линии.

Для выпечки тонкого хлеба и лаваша служил большой круг садж диаметром 60—70 см, высотой 3—4 см, изготовляемый из той же глины тандир палчаьгы. Садж ставился на подставку, зажигали под ним огонь и пекли тонкий чурек.

В зимний период хлеб выпекали в горячей золе.

В пореформенный период, особенно с начала XX в., жилища азербайджанцев претерпевают заметные изменения. С освоснием новых участков за чертой старого селения отдельные семьи

постепенно начинают строить дома с новой планировкой — с просторными галереями, балконами. При планировке нового дома или перестройке старого предусматривалось расширение и увеличение жилых помещений, а также использование галереи, лоджии для хозяйственной деятельности семьи и отдыха в теплое время года. Постепенно увеличивался завоз в селения азербайджанцев и строительных материалов. Почти исчезает турлучный способ возведения стен дома, появляются новые конструктивные приемы, начинает использоваться оконное стекло. Наряду с обычными домами небольшого размера строятся большие дома сельских богачей, дома с облицовкой стен из тесаного камня, с железной крышей, с большими балками, покрытыми художественной резьбой, обнесенные каменным забором, с большими деревянными воротами и т.д. В домах богатых жителей появляются филенчатые двери, иногда и деревянные полы, в парадных (кунацких) комнатах — железные печи, которые вытесняют камин, курси и меняют тем самым облик жилого помещения, его интерьер. Постепенно совершенствуются санитарно-гигиенические условия, меняются бытовые удобства.

Определенные изменения претерпевают и внутреннее убранство жилища, и его утварь. Состоятельные семьи начинают приобретать городскую мебель, привозную фаянсовую и фарфоровую посуду (чаще пиалы и тарелки фабрики Кузнецова в Москве), эмалированные изделия, чугунные котлы и кувшинчики, частично заменившие предметы гончарные, деревянные и медные. Заводят также тульские самовары, зеркала-трюмо, сундуки фабрично-заводского производства. Все это поступало в основном из Дербента. Однако такие изменения происходили очень медленно, слабо отражаясь на бытовой культуре народа в целом.

Дербент

Характеристика поселений и жилищ азербайджанцев Южного Дагестана была бы неполной, если бы мы не обратились к анализу данных по городу Дербенту, являвшемуся экономическим, административным и культурным центром исследуемого региона, вторым по величине городом Дагестана.

В отличие от сельских поселений, о Дербенте, о его истории и материальной культуре, о его социальной и политической жизни повествуют многочисленные источники и исследования.

Дербент еще в VII—X вв. сложился как крупнейший стратегический пункт, политический и экономический центр на Восточном Кавказе⁷³. Роль Дербента особенно возрастает благодаря росту каспийской торговли, экономическому процветанию окружающих его земледельческих районов, а также в связи с усилением борьбы за овладение им. В разные времена он становится резиденцией то иранских, то арабских, то местных прави-

телей⁷⁴. На протяжении длительного периода истории Дербент выступает узловым пунктом, связывающим Северный Кавказ с Закавказьем, со странами Передней и Средней Азии и Средиземноморья.

Побывавшие здесь в средние века историки, географы, путешественники описывают Дербент как город крупнейшего экономического значения, как портовый город, указывая, что в то время Дербент имел гавань, защищенную от морских бурь, вражеских нападений. Так, арабский географ Ибн Хаукал (Х в.) писал, что «Бабуль Абваб — город на Хазарском море и в середине города гавань для судов. В этой гавани, тянущейся из моря, от моря до города, есть сооружение, имеющее форму двух стен с обеих сторон; по нему проходят суда от того места, где фарватер сделан извилистым. В устье фарватера протянута цепь подобно в Тире и Бейруте, а на ней запоры, находящиеся в ведении того, кто наблюдает за состоянием моря: судно не входит и не выходит иначе как с разрешения... Город этот богаче Ардабиля в отношении посевов»⁷⁵. Другой автор, ал-Истахри (X в.), также отмечал, что это крупный город и он «больше Ардабиля и там много посевов... и город служит портом на Хазарском море для Серира и иных стран "кяфиров" ... Из Баб-ул-Абваба вывозят полотняные одежды... В Баб-ул-Абвабе встречаются рабы из разных стран "кяфиров" ... К нему стекаются хазары, сариры, шензаны, хайзаны, курджи, рукланы, зирихкеране и гумыки с севера, а также являются туда люди из Джурджана, Табаристана. Дейлема и Джиля»⁷⁶.

На кавказских и ближневосточных рынках были широко известны такие товары из Дербента, как полотняные и хлопчатобумажные ткани, марена, шафран⁷⁷. Дербент был крупным для того времени и морским портом, с двух сторон города, как отмечал Ибн Хаукал⁷⁸, были сооружены стены, входящие в море. Сюда прибывали суда с Волги, из прикаспийских стран и т.д. Исследователи полагают, что периодом наивысшего расцвета города были XI—XII вв. 79, т.е. период до нашествия монголов в Дагестан. Пожалуй, правильно и такое мнение исследователей: трудно найти другой такой город, который бы знал столько нашествий и бурных исторических событий, столько раз служил яблоком раздора и ареной кровопролитной борьбы, переходил из рук в руки, подпадал под власть завоевателей и вновь добивался независимости, переживал подъемы и упадки, расцвет и опустение⁸⁰. И позднее на его независимость посягали персы, арабы, сельджуки, монголы, турки-османы и др. В течение VII-VIII вв. Дербент являлся ареной многочисленных арабо-хазарских столкновений и попеременно принадлежал то хазарам. то арабам81. Достаточно отметить, что сельджукские султаны трижды оккупировали Дербент⁸². Тем не менее город выстоял. Многие из древних архитектурных сооружений дошли до наших дней: часть — в первозданном, другая — в несколько трансформированном виде. Эти монументальные творения многовековой истории и культуры и сегодня изумляют нас своей неповторимостью и красотой.

«Среди городов-музеев СССР, — писал исследователь М.И.Артамонов, — Дербенту должно принадлежать одно из первых мест. Внешний облик этого города до сих пор характеризуется грандиозными оборонительными сооружениями, относящимися к той поре, когда он был могучей крепостью, запиравшей проход вдоль Каспийского побережья, необходимой преградой для стремившихся к богатому югу северных варваров» 83.

Историческое значение Дербента, отмечал далее М.И.Артамонов, «воплощено в его замечательных архитектурных памятниках, которых не могли полностью уничтожить ни время, ни люди», и старинные стены города «до сих пор высятся, возбуждая удивление своей грандиозностью и мощью»⁸⁴. Дербентом действительно восторгались все, кто посещал его. Одни называли его «укрепленным белокаменным городом»⁸⁵, другие — городом «со старым замком ... из белого камня»⁸⁶, трстьи — городом со «стеной из белого камня с башнями»⁸⁷ и т.д.

Дербент расположен в узком проходе между Каспийским морем и отрогами горы Джалган, где теперь пролегает полотно железной дороги.

Неудивительно, что жители про свой город говорили: «Ашагасы дария, ёхариси-даг». Это означало, что город лицом обращен к морю, а спиной — к горам. Такое расположение города хорошо отразил А.Олеарий: «Он простирается от гор до моря, так что волны иногда быот высоко об стены, а то и ударяют в них сверху» 88. И действительно, Дербент почти вплотную подходит к морю, где между ним и морем образуется узкий проход, который издавна называют Дербентским. Здесь проходил в древности прикаспийский путь, связывающий Восточную Европу с Передней Азией, а далее и со Средиземноморьем. Тот же А.Олеарий отмечал, что «город этот, таким образом, замыкает путь, идущий между морем и непроходимыми горами, и является здесь как бы ключом и железными воротами персидского царства...» 89.

В топографическом отношении район Дербента весьма своеобразен. Помимо узкой полосы собственно города к нему примыкали расположенные на южной и северной сторонах городские земли, в общей сложности составляя 25 верст в длину и от 3 до 4 верст в ширину. Применительно к первой четверти XIX в. П.Зубов так характеризует границы Дербентского владения: «Узкая приморская полоса от реки Дарвага до Самура, имеющая не более 45 верст в ширину. Область Кубинская и Табасаранская сопредельны оному на западе. Река Дарбах от крепости Алихан-кала до своего устья отделяет Дербентский округ от владений уцмия Каракайтагского, а южный рукав Са-

мура разделяет оной от Кубинской провинции. Вся же восточная часть омывается Каспийским морем» В начале же XX в. общая площадь собственно города несколько увеличивается за счет пригородных земель, т.е. достигает 70—75 верст⁹¹. Как писал В.Ф.Минорский, «Дербенд был обращен к двум разным мирам: на юге он втягивался в политический мир мусульманского Ширвана и примыкавших к последнему лезгинских племен (лакзов); на севере ему отводилась роль оплота против совершенно иных христианских и языческих племен» 2. Интересно отметить, что современные жители Дербента определенную часть территории, расположенную севернее города, по сей день называют кафары, а это можно перевести как «неверующие», или «хазари» («хезри»), а территория южнее Дербента у них известна под названием «мусульмания» или «гелавар» и еще «шахвар».

Если в древности Дербент являлся экономическим и культурным центром региона, то в XVI—XVII вв. он представлял уже незначительное по территории владение; ему принадлежали лишь некоторые близлежащие селения. К этому времени Дербент теряет свою независимость и входит в состав Ирана в качестве отдельного «улька», который иранские шахи использовали как опорный пункт для наступления на Дагестан⁹³. В начале XVIII в. Дербент и окрестные селения были присоединены к России. Окончательное присоединение Дербентского ханства к России произошло в конце 60-х годов XVIII в. Как показал дальнейший ход истории, Россия сыграла в судьбах народов Дагестана немаловажную роль⁹⁴.

Вернемся, однако, к характеристике крупнейших сооружений города. Посетивший в 1253 г. Дербент по пути к монгольскому хану Мункэ французский посланник Вильгельм Рубрук писал о городе: «Он окружен крепчайшими стенами без рвов, с башнями, построенными из больших обтесанных камней. Но татары разрушили верхушки башен и бойницы стен, сровняв башни со стеною. Внизу этого города земля считалась прежде за настоящий рай земной» 95.

Путешественник Адам Олеарий, также восхищаясь величием и неповторимостью строительства цитадели и городских стен Дербента, спустя почти четыре века пишет: «Можно удивляться, сколько труда пошло на обработку камней и складывание этой стены, а также и городских стен, которые столь широки, что по ним можно ехать в телеге» 96.

Известный турецкий географ, путешественник XVII в. Эвлия Челеби, дважды посетивший эти края (в 1641—1642 и 1666—1667 гг.), отмечал, что Демир-капу, «как я разглядел, построен в древности, а [тяготеющий к нему] край воистину обширен» ⁹⁷. Прежде всего отметим, что территория Дербента располагалась между двумя грандиозными стенами. Сам Дербент, по существу, был окружен тремя стенами: северной, южной и горной запад-

ной стеной — Даг-бары (Даг басар). Восточная граница проходила по морю дария гыраги.

«Город этот ... замыкает путь, идущий между морем и непроходимыми горами, и является здесь как бы ключом и железными воротами персидского царства... Никто не может пройти в этой местности, не заходя в этот город» 98, — писал о Дербенте А.Олеарий. Интересные сведения сообщает нам А.Олеарий и относительно структуры Дербента: «В нем различаются 3 части. Высшая из них — это замок на горе А. Здесь живет наместник: эта часть была вооружена пушками и 500 солдатами из двух племен: аюрумлю и койдурша. Средняя часть В населена персами, позади она сильно опустошена... Нижняя часть Е, длиною в 2000 простых шагов, совершенно лишена домов и имеет немного садов и пашен. Как они говорят, она была заселена греками, впоследствии чего и по сию пору именуется Шахер-юнан — "городом греков"» 99. Примечательно и то, что южная часть Дербента еще в его время продолжала называться городом греков, свидетельствуя о большой роли греческих городов в торговле с древним Дербентом и о наличии там специального квартала, заселенного греками.

Такие же сведения вслед за А.Олеарием повторяет и другой путещественник XVII в. — Я.Я.Стрейс¹⁰⁰. Согласно сообщениям авторов XVIII в. А.И.Лопухина, И.-Г.Гербера и др., город уже делился на четыре части. «В самом верхнем сделан дом салтанский, и вся артиллерия тут лежит, и магазины припасные, - пишет А.Лопухин. - Другой пониже, а третий и того под гору ниже, четвертый к самому морю, вне числа, потому что он пуст и от моря стены у него нет»101. Эти сведения несколько уточняет в своем описании И.-Г.Гербер: «Город Дербент от гор до самого моря вдоль построен длиною 1730 сажень, а ширина ... в самом узком месте 100 сажень, и разделено на четыре части, которые стеною друг от друга разделены. В верхней части, или городе, стоит российский гарнизон... В двух средних частях города живут наип и все дербентские обитатели. Во оных же имеется много хороших мечетей и караван-сараев для купечества. В четвертом отделении города до моря в старых летах жили греки и другие христиане, только в давном времени стали быть выгнаты и строение разорено, что ныне оной пуст и никто в оном не живет» ^{102} .

Несколько позже (1796 г.) Ф.Ф.Симонович находит город разделенным уже на три части: замок (Нарин-кала), просто Кала и Дубары, т.е. пустая приморская часть, которая отделялась от собственно города стеной ^{103} . Интересно отметить, что Дубары были пустым районом и в начале XIX в. Побывавший в Дагестане в 1806-1808 гг. А.А.Кремский писал: «Третья часть крепости (т.е.Дербента. — С.Г.), прилегающая к морскому берегу, называется Дубары, отделена поперечною стеною с башнями от прочих частей города и не имеет в себе ни одного

строения, а совершенно находится впусте от опасения прилива с $_{\text{моря}}$ $_{\text{104}}$.

В начале XIX в. С.Броневский также отмечает разделение города на три части: «Фигура города есть неправильный продолговатый четвероугольник, коего длинные бока простираются от гор до моря на две с половиной и до 3 верст, входя в самое море... Город разделяется на три части нарочно сделанными для сего стенами; верхняя часть составляет замок, называемый Нарин-кала, средняя часть — собственно город, заключающий обывательские дома; нижняя самая к морю, называемая Дубары, есть пустое место без жилья...» 105. Эти же сведения приводит вслед за С.Броневским и путешественник П.Заблоцкий, лично посетивший Дербент в 1835 г. Последний еще дополняет их тем, что отмечает: «Весь город окопан довольно глубоким рвом» 106.

Во время своего путешествия известный востоковед И.Н.Березин (1842 г.) микрорайон Дубары находит уже заселенным небольшим числом армян и евреев 107. Между прочим, трехчастное деление Дербента хорошо отражено на рисунках в книгах А.Олеария 108, Э.Эйхвальда 109 и И.Н.Березина 110.

Как справедливо отмечают исследователи, Дербентская оборонительная система — это сооружение «мирового класса как по своему назначению... так и по грандиозности, оригинальности города-крепости, по качеству строительства» 111. Ее не случайно ставят в один ряд с такими сооружениями, как Великая китайская стена или «длинные стены» Пирея 112.

По описанию В.И.Бакуниной, по обеим сторонам города во всю его длину «тянется толстая каменная стена, один конец ее упирается в гору, другой омывается морскими волнами, с этой стороны город защищен еще третьей, такой вышины и толщины, как и предыдущие, которая идет поперек города, отделяя ее от нижней необитаемой части города, называемой Дубары»¹¹³. Стена беспрерывна до цитатели, т.е. Нарин-кала. Она уцелела почти на всем протяжении¹¹⁴.

Южная стена, хотя и со значительными разрушениями, идет почти параллельно северной, с востока на запад, хорошо сохранилась в верхней части. По имеющимся данным, она, так же как и северная, начиналась в метрах 65 от моря 115.

Стены были построены «в своих основных древних частях... из крупных (1-1,5 м) тесаных облицовочных камней, с забутовкой на извести внутри стен»¹¹⁶. Стены имели около 4 м толщины и 18-20 м высоты¹¹⁷.

По замерам П.И.Спасского, например, южная стена от моря до цитадели имела расстояние 3500 м, северная, лучше сохранившаяся часть — 3675 м. Расстояние между стенами в более широкой нижней части равнялось 450 м, а в узкой, у цитадели — 350 м¹¹⁸. Особое место среди оборонительных сооружений занимали башни и форты, прикрывающие подступы к

городу как с севера, так и с юга. Например, только вдоль северной стены Е.А.Пахомов обнаружил 45 башен¹¹⁹.

В городских стенах имелись специальные ворота. В южной стене, обращенной к мусульманскому миру, по свидетельству арабских писателей, было много таких ворот. Однако уцелели и дошли до нас только четверо ворот. Это Кала-капы (около цитадели), Баят-капы (получила название от племени баят, поселившегося около этих ворот), Орта-капы (Средние ворота), Дубары-капы (Двойные ворота). С северной стороны стена имела Джарчы-капы (Ворота вестника): здесь, как гласит предание, объявлялись распоряжения хана. Далее шли Кырхляр-капы (Ворота сорока) напротив древнего кладбища — Кырхляр, Шура-капы, или Таш-капы (Каменные ворота, или Шуринские ворота). Они еще назывались Кизлярскими.

Частью дербентских укреплений была и знаменитая горная стена Даг-бары. Сведения об этой стене важны нам еще и потому, что они проливают свет на ранние, мало освещенные в источниках факты возникновения первых поселений, образованных переселенцами из Ирана и с Арабского Востока.

Суммируя данные всех источников, можно прийти к заключению, что на всем протяжении оборонительной системы, и прежде всего в Даг-бары, Сасаниды, а затем и арабы создавали в качестве своих опорных пунктов в Южном Дагестане специальные крепости и поселения. Горная стена Дербента отходила от угловой части и шла вдоль ущелья в западном направлении по горам ломаной линией на протяжении около 40 км, заканчивалась на вершине хребта Карасырт, близ селения Яглых 120.

Вершиной, как бы венцом Дербентских укреплений была цитадель, расположенная в верхней части города на восточном склоне горы Джалган. П.И.Спасский считал, что цитадель имела 15 башен и один форт¹²¹. В цитадели были ханский дворец, ханский гарем, баня, мечеть, огромная цистерна, вырубленная в скале и перекрытая куполом на четырех стрельчатых арках, родник, гауптвахта и другие помещения.

Характеризуя Дербент XIX — начала XX в., нельзя не коснуться его жилого фонда, улиц и кварталов. Отметим, что, по данным 1810 г., в Дербенте насчитывалось 1522 жилых дома¹²², а в 1824 г. количество домов увеличилось до 1818, проживало в городе 11 060 человек¹²³, функционировали 15 мечетей, 3 церкви, 3 бани¹²⁴. К концу XIX и началу XX в. его население значительно увеличилось. К 1906 г., например, оно возросло до 26 000 человек¹²⁵. Город имел три большие улицы, которые шли от крепости до моря, с ними соединялись многочисленные узкие, кривые улочки и тупики кварталов.

Еще в начале XX в. старая, верхняя часть Дербента делилась на 9 магалов (махалла-мэһлэ): 1) магал Чар-тепе (Четыре холма); здесь в основном жили люди из племени курчи (?);

2) магал Микри (жители из племени микри); 3) Баят уджары (в основном представители племени баят), расположенный рядом с Баят-капы 126; 4) Генг-куча (Большая улица), где жили главным образом люди из племени сурсур; 5) Пенник-баши (Сорное место — свалка); 6) Хан-куча (он же Базар-куча) (по этой улице якобы часто проезжал со своей свитой Фатали-хан): 7) Орта-тепе; 8) Баят-капы (рядом, за чертой стены жили баяты): 9) Джарчи магал (от Джарчы-капы — Ворота вестника: якобы отсюда передавались ханские фирманы) 127. Как повествует дагестанская хроника «Дербенд-наме», еще арабский полководен Маслама (VIII в.) разделил Лербент на семь кварталов и построил в каждом из них по одной мечети, назвав «по именам преобладающих в каждой части племен». Это были мечети: Хазарская, Палестинская, Дамасская, Хамасская, Кайзарская (или Кесарийская), Джезаирская (т.е. Алжирская) и Мосульская 128. Кроме этих девяти магалов в конце XIX в. в черте города упоминаются русский магал, форшталт, армянский магал и селение Сабнова. Согласно полевым данным, наиболее значительным из этих кварталов был квартал Лжарчи. где насчитывалось около 350 домов.

Уже упоминалось, что ряд кварталов сохранял былые племенные названия и, очевидно, в какой-то степени этнический принцип расселения. Так, судя по трудам Е.И.Козубского, баяты (или бояты) были переселены в Дербент шахом Аббасом I, микри — шахом Надиром (XVIII в.), сурсур — также при шахе Надире (XVIII в.).

Все магалы имели свои родники, проведенные из ущелья, за цитаделью Нарин-кала, — Кирхлар-булаг, Чертепе-булаг, Микри-булаг, Генгкуча-булаг, Пейник-баши, Базар-булаг, Шах-Салах и Мечеть-булаг, Джурджур-булаг, Джарчи-булаг и Калабулаг, или Хан-булаг. Их всего было девять ¹²⁹. Самый известный в городе родник Хан-булаг находился в квартале Джарчи, недалеко от дома, где жил известный русский писатель-декабрист А.Бестужев-Марлинский. В этом же квартале располагалось старое водохранилище города Су-амбары, запасами воды которого жители пользовались во время осады города врагом. На рубеже XIX—XX вв. каждый квартал имел свою мечеть: Гусейние, Гумри, Кирхлар, Балла, Килиса-мечеть и др. В Дербенте наиболее известной была Джума-мечеть, Кафедральная мечеть, согласно «Дербент-наме» ¹³⁰, была построена Абу-Муслимом.

Кварталы в Дербенте отличались обилием тупиков, которые соединялись с внутренними дворами.

Дома в Дербенте строились одноэтажные и двухэтажные с плоскими крышами, состоявшие преимущественно из двух или трех помещений, в которые попадали из просторной прихожей.

Чаще всего дом ставился в глубине приусадебного участка и своим фасадом был обращен во двор. Если же дом строился

близко к улице, то он выходил на нее глухой стеной, и двери непременно выходили во внутренний двор. Это объяснялось особенностями замкнутого семейного быта, характерного для всего Азербайджана¹³¹, как и вообще мусульманских стран. Н.Дубровин по этому поводу писал: «Фасад городского дома обращается всегда к стороне двора, а на улицу выходит глухая стена, без окон и дверей». Причина этой традиции, по его мнению, в желании жителей «скрыть от посторонних взоров свое имущество и семейную жизнь»¹³².

Строили дома преимущественно из белого камня, состоятельные жители фасады облицовывали тесаным камнем. Иногда окна имели деревянные решетки, как это было принято во многих странах мусульманского Востока. Существовала традиция покрывать глиняные крыши и внутренние дворы асфальтом кыр. В ряде случаев в усадьбах богатых горожан имелись бассейны, а дворы мостились плиточным камнем. Во всех случаях дербентский житель старался огородить свой двор от посторонних и даже от соседей.

Вторые этажи домов в основном повторяли планировку первых. С веранды или из коридора первого этажа лестница вела на веранду второго этажа, по обе стороны (или по одной) которой располагались жилые помещения, а нередко еще открытая терраса, обращенная во двор. На первом этаже, а часто и во дворе размещались хозяйственные помещения.

Убранство жилых помещений мало чем отличалось от такового у других групп азербайджанцев, в том числе проживающих в сельской местности (см. выше).

Посетивший Дербент в 1770 г. С.Г.Гмелин так описывал дома дербентских жителей: «Каждый дом сделан четвероугольно и обнесен особливою каменною стеною, жилые покои проделаны к одной или другой стороне стены и идут вдоль оной. Место оконниц заступают деревянные решетки, и вместо шкафов вкруг по стенам в избах сделаны четвероугольные печурки¹³³. Покои нагреваются от каминов... большая часть домов состоит... из одного жилья, есть также иные о двух и более» ¹³⁴. О традиции заменять здесь оконные рамы решетками сообщает и В.П.Бакунина, участница, как отмечалось выше, персидского похода 1796 г.

Как видно из имеющихся описаний, к началу XIX в. Дербент был густонаселенным городом. Наиболее заселенной была его средняя часть, т.е. собственно город. П.Г.Бутков, характеризуя среднюю часть города, пишет: «Улицы... очень тесны и очень засорены... не более двух улиц таких, по которым можно ездить на арбах. Последняя часть Дубары пуста» 135.

Аналогичную характеристику средней части города дает и А.А.Кремский, который пишет: «Все строения, дома, лавки, караван-сараи и мечети в средней части города все из дикого камня с плоскими кровлями, как вообще в Азии, расположены

весьма неправильно, улицы неровные и очень тесные...» ¹³⁶. Скученную застройку города еще более образно описывает И.Н.Березин: «Узкие, дурно мощенные улицы бестолково перепутались между высокими домами, иногда совсем не имеющими окон снаружи... Дома построены из камня и из земли, покрыты плоскими кровлями, возвышающимися одна над другой, так что мне не раз западала в голову мысль, во время вечернего созерцания города с кровли моей квартиры, прогуляться по домам всего Дербента» ¹³⁷.

А.А.Бестужев-Марлинский приводит в этом отношении очень интересную легенду, образно передающую тесноту и хаотичность дербентских улиц и домов: «Они (дербентцы. — С.Г.) говорят, что их город был построен чертом... Черт строил в потемках и торопливо; месил в своих лапах камни, дробил их, плевал на них, бросал дома один на другой, отбивал улицы по хвосту; к рассвету Дербент поднялся на ноги, но заря ахнула от изумления... Все вместе походило, одним словом, на огромного удава, который под чешуею домов растянулся с горы на солнышке и поднял свою зубчатую голову крепостью Нарын, а хвостом играет в Каспийском море. Затейник хотел и тут увековечить образ животного своего герба — змея-искусителя» 138.

На планировку и внешний облик города, безусловно, влияли и условия местности, ограничение его пространства двумя параллельно расположенными стенами, и климат, и бытовые традиции. Естественно, в градостроительстве периодически происходили те или иные изменения, обновлялись отдельные дома, сооружались общественные здания, в домах горожан, главным образом богатых, стало больше застекленных окон.

После присоединения Дербента к России, особенно в правление на Кавказе А.П.Ермолова, город стал подвергаться специальной перестройке. Посетив город, А.П.Ермолов 5 марта 1824 г. в своем предписании фон Граббе отмечал: «Нет опрятности в городе, и не было ни малейшей заботы об улучшении строений, и во избежание убийственного в летние жары воздуха не было помышления о расширении улиц и площадей, когда многие удобности к тому представляли безобразные развалины большой части города» 139. Его предписание содержало конкретный план застройки города. По указанию А.П.Ермолова была проведена первая перепись горожан, расширены некоторые улицы и площади, освоены новые участки, расположенные к северу и к юго-востоку за пределами городских стен. Начал осваиваться почти пустовавший до этого район Дубары, основаны новые кварталы и улицы.

Семейным солдатам квартировавшего здесь русского гарнизона для возведения домов отпускались денежные пособия и строительные материалы. Было разрешено также разобрать поперечную городскую стену (Дубары) с целью расширения территории города. Были заложены три новые улицы, тянувшиеся вниз до Джума-мечети, созданы новые торговые ряды. В связи с расширением улиц не допускалось восстановления ветхих домов на прежних местах. В процессе осуществления плана застройки города оказалось, что лучшие участки заняты родовой аристократией и торговой прослойкой общества. Иными словами, благоустройство города осуществлялось главным образом в интересах богатых и зажиточных людей. По плану застройки из города были выселены все, кто был занесен в так называемый список № 2, т.е. те, кто не имел «никакой собственности в городе». Эти бедные люди были переселены в соседние «казенные деревни». Что касается категории горожан, внесенных в список № 3, т.е. недавних выходцев «из разных мест, ничего, собственно, не имеющих», то они подлежали выселению на свое «прежнее местожительство» 140.

Одобряя энергичные действия военного коменданта города по осуществлению плана перестройки, генерал-майор фон Граббе писал генералу Ермолову: «За короткое время разобрали у него (коменданта. — С.Г.) на нижней площади почти все места, и можно в будущем лете видеть оную окруженною лавками, куда майор фон Ашерберг предполагает поместить мясные и мучные ряды и обратить всю торговлю, производимую съестными припасами, лесом, посудой и прочим тому подобным». В числе других объектов здесь было построено «на нижней площади 14 мелочных лавок в пользу городских доходов» 141.

Тот же фон Граббе 2 июля 1825 г. писал дербентскому коменданту, предлагая проследить, чтобы в новых кварталах все было опрятно, «дворы обнесены были забором и обсажены скорорастущими деревьями» 142.

Все же в первое время многие жители не рисковали селиться за пределами городских стен, и только со второй половины XIX в. этот процесс несколько активизировался. В числе мер, проведенных по благоустройству Лербента, особо следует отметить сооружение в 1849 г. водопровода, вода в который поступала из источников селения Джалган. Его протяженность постигала пяти верст. В этот же период был разбит сохранившийся и сегодня городской сад, несколько позже (в 1853 г.) был построен маяк. Делались попытки несколько благоустроить улицы, особенно в нижней части города. В это же время была предпринята попытка улучшить городскую канализацию. В 1861 г. началось строительство почтовой дороги из Дербента в областной центр Темир-Хан-Шуру¹⁴³. К началу XX в. с ростом городского строительства и числа жителей кроме девяти магалов, расположенных в верхней части города, имелось девять улиц: Чартапинская, Губернаторская, Церковная, Ермоловская, Юзбашевская, Комендантская, Барятинская, Врангелевская и Голицинская — и 28 переулков: Гозелевский. Кубинский. Гагаринский. Форштадский, Качкачевский, Лобачевский, Колодезный, Лорис-Меликовский, Садовый, Лемкулевский, Милютинский, Васильевский и

др. Пять переулков составляли и еврейскую слободку¹⁴⁴. Хотя город и был официально разделен на ряд улиц и переулков, тем не менее он еще в начале ХХ в., как отмечал Е.И.Козубский, сохранял традиционное деление «на магалы: русский, армянский, еврейский, татарский по признаку местожительства основной массы этих национальностей»¹⁴⁵. В то время город освещался 346 керосиновыми лампами¹⁴⁶. В Дербенте было еще четыре небольшие площади: Базарная (Тахта-базар), Гагаринская, Церковная, Солдатская. Важное значение для города и горожан имело строительство железной дороги Петровск — Дербент и Дербент — Баку (1898—1899 гг.).

Тем не менее еще в начале XX в. Дербент оставался неблагоустроенным городом, а с образованием Дагестанской области с центром в Темир-Хан-Шуре и портового города Петровска он несколько теряет и былое значение.

В 1890 г. начальник городской полиции так характеризует состояние Дербента: «Верхняя часть города татарская, состоит из массы небольших, очень тесно прилегающих друг к другу домов, улицы узки, дворов почти нет; лошади, коровы и др. домашние животные в большинстве домов помещаются смежно с жилыми комнатами... помойных ям нигде нет, и помои выливаются на дворах или прямо на улицу, куда также часто выбрасывается и навоз» 147. «Неудивительно поэтому, — заключал полицмейстер города, — что санитарное состояние города не было блестящим и почти ежегодно в нем встречаем эпидемии» 148. Естественно, в наиболее тяжелых условиях находились жители густонаселенных магалов. На все магалы была лишь одна канава, обложенная камнями, существовавшая еще со времен ханской власти в городе 149.

До начала XX в. не производилось даже мощения улиц. «Город Дербент в верхней своей части татарский, в нижней — еврейский квартал, — писал в 1902 г. в своем рапорте в Дагестанский областной статистический комитет полицмейстер Дербента, — состоит из множества лачужек, скученных до крайнего предела негигиеничности, постройки эти разделены узкими и извилистыми переулками, негодными для выезда на повозках. Подобного рода постройки почти не имеют дворов, и всякие нечистоты выбрасываются на улицу, заражая почву. Улицы, как в азиатской части города, верхней, горной, так равно и в европейской, нижней, не вымощены, за исключением Барятинской улицы и Милютинского переулка» 150. Самой неблагоустроенной частью города была еврейская слободка 151.

Одежда. Материалы для одежды

В рассматриваемое время хозяйство азербайджанцев Южного Дагестана все больше приобретало товарный характер. В общественно-экономической жизни населения этого региона важную

роль играл Дербент. В Дербенте задолго до изучаемого периода широкое развитие получает изготовление хлопчатобумажных и шелковых тканей. Значительная часть продукции этой отрасли ремесленного производства предназначалась для внутреннего рынка, т.е. реализовалась внутри региона.

По данным С.Броневского, в Дербенте в 1796 г. насчитывалось 143 мастерских по производству хлопчатобумажных и шелковых тканей, которые он называет «бумажными фабриками» 152. В мастерских выделывали шелк и бязь. Этим было занято значительное число ремесленников 153. Судя по источникам того времени, еще в начале XIX в. ткани производились на 200 станках, на каждом из которых работало по четыре ткача читкар. Это были добротные для того времени ткани, не уступающие по качеству ширванским 154. Для изготовления шелковых тканей (тафты, дараи и т.д.) дербентцы частично приобретали шелковую пряжу или коконы в «Шеке и Ширване» 155.

В Дербенте имелась мастерская *боявхана*, где красили ткани в разные цвета. Шелковые изделия дербентских ткачей кроме реализации на местном рынке сбывались в Кизляре и других местах Северного и Южного Дагестана, а также в Кубе. Еще в начале XIX в. в Дербенте производили хлопчатобумажные ткани (бязь, аладжу и др.) на 115 и шелковые на 40 станках, принадлежавших 65 хозяйствам¹⁵⁶. Несколько ранее шелк изготовлялся на 200 станках¹⁵⁷. Вместе с тем все больше свертывались домашние промыслы, особенно прядение и ткачество. Этому в значительной степени способствовали развитие внешней торговли Дербента, приток в город разнообразных товаров, в том числе и тканей из восточных и европейских стран. Важнейшими торговыми партнерами Дербента, в частности, являлись Кизляр, Астрахань и закавказские города.

Состояние мануфактурной торговли в Дербенте, прежде всего русской, применительно к концу XVIII и началу XIX в. хорошо отразил А.А.Кремский: «Привозятся ж в Дербент, во-первых, из Астрахани на Российских судах, как-то: сукна... холщевые, шелковые... Сукна продаются тонкие и более кармазинные... Сверх сих Российских товаров в Дербент привозятся из Шемахи: шелк, шелковые материи, в Шемахе сделанные... из местечка Тарков и из соседних оному мест... кубачинские сукно, бурки... мерлушки» 158.

Это не исключало, однако, сохранения некоторых видов домашних промыслов. Большую роль, в частности, продолжала играть обработка овчин и шкур крупного рогатого скота¹⁵⁹.

Мужская одежда

В мужской одежде, как известно, принято различать нижнюю и верхнюю. Нижняя одежда алт палтары состояла из рубахи

кёйнег (на некоторых говорах — кюнег, кённег и кёвнег) и штанов иштан, шалвар (в некоторых говорах — туман). Верхнюю одежду уст палтары составляли бешмет дон, черкеска чуха и овчинная шуба кюрк.

Кёйнек — рубаха простейшего покроя, с прямыми длинными рукавами, с плечевыми швами, прямым разрезом от горловины почти до линии талии. Когда ткань была узкая, по бокам рубахи вшивали расширяющиеся книзу клинья. Когда же материя была широкой, клиньев не вставляли или вставляли прямой клин с одной стороны. Рубаху шили с длинными рукавами чаще без манжетов, но с воротником-стойкой, длиной почти до колен.

Штаны — шалвар были длинными и относительно широкими, с прямоугольной вставкой в шагу. Верхний край штанов подшивался в рубец, в который продевался гашник туман багы с кистями на концах. В Дербенте отдельные жители, в основном купцы, носили и широкие шарвары на персидский лад. Рубаху обычно шили из белой бязи или домотканой бумажной материи сигези, а штаны — чаще из плотной ткани (сукна домашнего изготовления, крашеной бязи, сатина). Состоятельные азербайджанцы для этой цели приобретали и более дорогие ткани.

Бешмет дон шили из однотонных шерстяных, шелковых или хлопчатобумажных тканей (атласа, сатина, кашемира, сукна домашнего изготовления и даже из крашеной бязи). Нарядные бешметы для молодых мужчин делали из яркой дараи, плотной шелковой ткани типа тафты. Дон считался легкой верхней одеждой. В нем мужчина ходил дома, мог выйти на улицу, работать в поле. Длиной дон был ниже колен, на подкладке, а иногда (для зимы) и на простеганной вате. Он имел узкие длинные прямые рукава, небольшой стоячий простеганный воротник, нашивные нагрудные и прорезные боковые карманы.

В цельнокроеный в своей основе дон у талии вшивалось несколько узких, расширяющихся книзу клиньев, образующих складки. В талии дон плотно облегал фигуру, а от талии вниз имел фалды. Прямой (сверху донизу) разрез от воротника до пояса застегивался наглухо на петли и пуговки, изготовленные из тонкой самодельной тесьмы. Дон считался одеждой мужчин всех возрастов.

Отдельные жители Дербента — представители интеллигенции, торговцы, служащие административно-управленческого аппарата города и другие — иногда пользовались короткими бешметами типа закавказского архалыга¹⁶⁰. Короткий дон дербентца, также как архалыг закавказца, мог быть однобортным и двубортным, отрезанным по талии или же иметь цельные (передние) полы. Некоторые бешметы имели откидные, суженные к концу рукава. Поверх такого дона дербентский житель иногда надевал широкий и длинный матерчатый пояс, который обвязывался несколько раз вокруг талии.

Сельские же жители носили с доном ременной пояс с кинжалом, но только в том случае, если поверх него не надевали чуху.

Поверх дона азербайджанец обычно надевал черкеску чуху (чоху), кабу (в Дербенте). Однако она была парадной одеждой, чаше надеваемой в общественные места. Дети и подростки ее, как правило, не носили. По покрою чуха напоминала дон. Так же как и дон, она была одеждой цельнокроеной, приталенной и расклешенной ниже талии за счет вставных, расширяющихся книзу треугольных и трапециевидных клиньев. Чуху делали на подкладке, но, в отличие от бешмета, только под лифом. Однако кроили чуху несколько длиннее и шире, чем дон, с более широкими и длинными рукавами, которые во время работы для удобства слегка отворачивали. Чуха застегивалась у талии на петли и пуговки из тесьмы, нагрудная часть ее имела треугольный вырез, так что всегда был виден дон. Полы чухи по бокам имели разрезы, которые иногда для красоты и удобства скреплялись плетеной тесьмой. Тесьмой же общивались края рукавов, низ подола, полы, грудной вырез. На нагрудную часть нарядной чухи с двух сторон нашивались газырницы, куда при желании можно было поместить газыри везне. С чухой повседневного пользования газыри не носили. Шили чуху чаше всего из плотных шерстяных тканей.

Чуху надевали, обычно либо подпоясав ее ремнем, на котором спереди закреплялся кинжал, либо нараспашку. Нарядные черкески было принято шить из белого горского сукна.

В Дербенте можно было увидеть и мужчин, особенно среди торговцев, одетых в чуху несколько иного покроя, в частности с разрезными откидными рукавами. Кроме того, этого покроя чуха имела закругленный нагрудный вырез и, как правило, шилась без газырниц. Такую чуху обычно носили с длинным шелковым кушаком, что напоминало некоторые типы костюма азербайджанцев, проживающих на других территориях, грузин¹⁶¹, а отчасти и персов.

Верхней зимней одеждой служила овчинная шуба кюрк, которая была двух видов: шуба обычного покроя гийме кюрк и большая шуба-накидка мазулу кюрк. Наиболее распространенной была шуба первого вида. Она имела сходный с бешметом или черкеской покрой: цельнокроеная, слегка приталенная и расширяющаяся за счет клиньев книзу, длиной до середины икр (иногда могла быть и длиннее), с прямыми вшивными рукавами обычной длины, с воротником шалью и по возможности из высококачественного меха (из шкурок ягнят). Лучшим мехом оторачивались рукава и полы. Шуба не имела ни карманов, ни застежек. В суровую зимнюю пору правую полу шубы запахивали на левую и придерживали рукой, а при посещении официальных мест люди молодого и среднего возраста подпоясывали ее ремнем.

Шуба-накидка была широкой, расклешенной, имела длинные ложные рукава, сильно суженные книзу и пришиваемые для красоты. Разновидностью шубы такого вида была шуба без рукавов с большим воротником (типа пелерины). Ими чаще всего пользовались люди пожилого возраста. Типичной была фигура пожилого азербайджанца, сидящего осенью на очаре, укутавшись в мазулу кюрк. Шубами этого вида пользовались и крестьяне, когда весной или осенью им приходилось ночевать в поле. Шубы, приталенные с рукавами, считались местными, традиционными. Состоятельные азербайджанцы шубы такого покроя шили из белых шкурок ягнят гузу кюрк, или кёрпе кюрк (корпейная шуба). Овчинные шубы назывались дери кюрк. Многие горожане корпейные шубы крыли сукном. Богатые горожане, прежде всего из купеческой среды, носили также шубы, сшитые из дорогих мехов (хорьковые, собольи, горностаевые), крытые бархатом, атласом, репсом и т.д. Готовые шубы-накидки азербайджанцы приобретали у табасаранцев, лезгин и даргинцев.

Сравнительно распространенной безрукавной накидной одеждой у азербайджанцев была бурка япунджы (япынджы). Ею широко пользовались и зимой и летом в непогоду. Как и во всем Дагестане, здесь были известны бурки двух видов: простые небольшого размера, из обычной валяной шерсти, без начеса музри япунджы, которые азербайджанцы обычно покупали у даргинцев, и большие из черной шерсти высокого качества, с начесом анди япунджы. Их приобретали у андийцев или торговцев-перекупщиков. Если первым видом бурок пользовались пастухи, а также во время перевозок грузов в арбе, и они имелись почти во всех домах, то второй вид предназначался для всадников и был распространен среди состоятельной прослойки общества. Приобретая анди япунджы на рынке, азербайджанцы подвергали ее некоторой переделке, а главное, украшали ворот позументом и цветным сафьяном.

Головные уборы. Традиционным головным убором азер-байджанцев являлась меховая шапка nanax. Чаще ее шили из местной длинноворсовой овчины къоюн nanax или из мелкой смушки кёрпе nanax. Состоятельные семьи, кроме того, носили папахи из привозного среднеазиатского каракуля бухара nanax. Папахи были различной формы: полусферической, конусообразной, цилиндрической, слегка суженной кверху и т.д. Шились папахи и целиком из меха, и с донышком из бумажной или шерстяной ткани. Нарядные шапки имели плотную стеганую матерчатую подкладку, а обычные (рабочие), как правило, подкладку из стриженой овчины.

Качеству и красоте папахи азербайджанец всегда придавал большое значение. Даже при отсутствии добротной одежды мужчина считал необходимым иметь дорогостоящую папаху. Такие папахи, как и вообще «бухарские шапки», мужчины

приобретали на дербентском рынке или заказывали у шапочников города.

Принадлежностью мужского костюма считался и башлык башлуг, башлыг, который имел форму капюшона с остроконечным верхом и длинными лопастями. Носили башлык поверх шапки, отправляясь в путь в зимнюю стужу; башлык завязывали у шеи, а концы лопастей закидывали назад. Башлыки шили обычно из домотканого или покупного горского сукна, а нарядные — из белого. Нарядные башлыки украшали золотым галуном или тесьмой, а прорезь в верхней части капюшона — ажурной плетенкой из золотых или серебряных ниток. Белые башлыки, украшенные таким образом, являлись неотъемлемой частью парадного костюма представителей местного административно-управленческого аппарата, нукероз — свиты дербентских ханов, табасаранских майсумов, кайтагских владетелей.

Обувь — аяг габы. Азербайджанцы Южного Дагестана на улице носили только кожаную обувь. Обувь горожан и сельских жителей во многом различалась. Наиболее распространенными были постолы чаруг, чарых, дырых. Они имели тот же покрой, что чарыхи других азербайджанцев. Их делали из прямоугольного цельного куска кожи крупного рогатого скота или лошадей, причем без шва. По краям заготовки проделывали отверстия и специальные петли, через которые продевался искусно переплетенный шерстяной шнур или ремешок из сыромятной кожи. Зашнурованный таким образом носок обуви получал форму загнутого носка. Такую обувь изготовляла дома каждая семья. Чарыхи носили с шерстяными вязаными носками джораб, джираб одного тона, сафьяновыми чулками мес, мяс, маси, маис или особого вида обмотками долаг.

Носили также обувь из толстой сыромятной кожи домашней выделки или дубленой кожи тов чарых (горские чарыки). Они имели тот же покрой, что чарыки всех других народов Дагестана 162. Чарыки представляли собой род полуботинок: их высота достигала щиколотки, а носовая часть несколько загибалась кверху. Шили их из одного куска кожи. В верхней части обувь стягивалась длинным кожаным ремешком, продеваемым в специальные отверстия. Это был один из видов старинной обуви в Дагестане. Еще А.Олеарий отмечал, что здесь носили «башмаки из овечьей или лошадиной кожи, вырезанные из одного куска со швом сверху на ноге или сбоку ее» 163.

Чарыки надевали поверх шерстяных носков или обмоток из ткани, в качестве стельки использовали особую, перезимовавшую под снегом мягкую траву *лет*.

С чарыками азербайджанцы, как и все их соседи, носили обмотки долаг, толаг с длинными шнурами на концах для закрепления на ноге. Обычно азербайджанцы покупали их на дербентском рынке у жителей Табасарана и селения Каякент,

где женщины специально ткали эти обмотки на станке и нередко украшали их по краям вышивкой или аппликацией.

Оба вида чарыков были очень удобной, легкой обувью и поэтому широко использовались во время полевых работ. Не случайно, что их носили преимущественно сельские жители — крестьяне.

Азербайджанцы, особенно горожане, носили и кожаные сапоги чекме, которые они приобретали на рынке. Иногда шили сапоги на заказ у приезжих лакских мастеров.

Большинство азербайджанцев носило кожаные калоши на твердой подошве галуш, пулат галуш, а также, особенно горожане, башмаки башмаг. Их приобретали на рынке, чаще в Дербенте. Башмаки были нарядные сыгры башмаг и обычные горские кумух башмаг. Первые, как правило, поступали из Азербайджана, изготовлялись из кожи хорошего качества и украшались вышивкой и аппликацией, вторые же либо шили лакцы в самих азербайджанских селениях, либо привозили их в готовом виде. В то время как галоши являлись повседневной уличной обувью, башмаки носили обычно во дворе и поблизости от дома. Башмаки надевали обычно на вязанные носки, сафьяновые чулки мес, мяс, маис. При изготовлении последних выкраивали отдельно союзку в виде чувяка с язычком на подъеме и голенище, затем сшивали их вместе. При выходе на улицу поверх мес надевали обувь на твердой подошве.

«Татарин одевается в черную шерстяную чуху с золотыми галунами и длинными рукавами, разрезанными сзади от плеча до кисти руки. Под чуху надевается черный шелковый архалук. из-под которого виднеется красная канаусовая сорочка с золотыми шнурками... подпоясан он красивым серебряным поясом или шерстяным персидским кушаком, на котором висит длинный дагестанский кинжал; широкие зеленые шаровары его или подняты выше колен, или обтянуты ниже их черными бинтами, называемыми толаг-алты. Пестрые персидские чулки его прикрывают ступни ног, а кожаные зеленые коши, с загнутыми кверху носками, довершают обувь... При верховой езде употребляют длинные сапоги с острыми, загнутыми вверх концами. Высокий меховой папах из бараньей шкуры, несколько загнутый назад, составляет головной убор» 164, — писал Н.Дубровин о костюме мужчины-азербайджанца во второй половине XIX в.

Данная Н.Дубровиным характеристика, к сожалению, больше относится к костюму закавказских азербайджанцев и части жителей Дербента, чем к костюму азербайджанцев — сельского населения Южного Дагестана. Тем не менее она помогает выявить некоторые общие черты костюма всех дагестанских азербайджанцев.

В 20—30-х годах нашего столетия в районах расселения азербайджанцев, как и во всем Дербенте, широкое распро-

странение имели *дюймалы чарых* — мягкие сапоги, которые составлялись из двух самостоятельных частей: из глубоких чувяков и голенищ, соединяемых уже на ноге с помощью петель и пуговок, изготовленных из сафьяна.

Оружие и украшения

Азербайджанцы, особенно люди молодого возраста, одежду (бешметы, черкески, башлыки, газырницы и т.д.) любили украшать галуном, тесьмой, покупным и самодельным шнуром. Основным украшением костюма и гордостью азербайджанцев было его оружие, и прежде всего кинжал хинжал и ременный пояс, часто наборный.

В изучаемое время кинжалы носило все мужское население, достигшее совершеннолетия. Украшением костюма мужчины считались и газыри вэзне, хотя они к этому периоду уже потеряли былое функциональное назначение патронташей. Представители местной администрации, особенно военной (нукеры, есаулы, окружные и участковые начальники), в качестве парадного оружия порой носили еще пистолеты кайтагского производства хайдак тапанча, иногда и шашки шошге.

Рукоятки, ножны кинжалов и шашек, пистолеты нередко делали в серебряной оправе. Для украшения металлических частей применялись гравировка, чеканка, чернь, филигрань и другие художественные приемы. Равным образом украшался и пояс накладными серебряными фигурными пластинками и подвесками, иногда с позолотой и инкрустацией слоновой костью, однако дорогостоящее оружие было доступно лишь богатым слоям населения, а широкие крестьянские массы пользовались обычными кинжалами и поясами.

Говоря о мужской одежде азербайджанцев, следует отметить, что в Дербенте среди представителей формирующейся рабочей прослойки постепенно входил в быт своеобразный «европейский» костюм с некоторыми элементами крестьянского: гимнастерки, брюки разных фасонов, фуражки, пальто и т.д. Но в селения элементы европейской одежды проникали медленно.

Женская олежда

Женская одежда азербайджанок Дагестана почти не имела локальных различий, если не считать некоторых деталей. За малым исключением, на одежду женщин в изучаемое время шли привозные ткани фабричного и кустарного производства: бязь, ситец, кашемир, сатин, канаус, бархат и т.д. Определенное значение имели ткани из конопляных волокон сигези, изготовленные в домашних условиях. В комплекс женской одежды в

основном входили нижняя рубаха, штаны, платье, а также головные уборы чутку и платок, обувь.

Нижняя женская одежда состояла из широкой длинной рубахи кённег, кёйнег и длинных штанов иштан, туман.

Рубаху и штаны шили из цветного или однотонного ситца, а в богатых семьях нередко — из шелка, как узорчатых хара, так и (чаще) гладких тканей дарай (канаус). Существовали два вида покроя рубахи: дюз кёйнег (прямая рубаха) и узун беден, бюзме кённег (отрезная рубаха, присборенная у талии). На «прямую» рубаху шло примерно 4 м ткани, на «отрезную» (с широкой и длинной юбкой, с лифом по фигуре и на подкладке) — 7—8 м.

Покрой женской рубахи был схож с покроем мужской. Она имела вставные клинья по бокам, подмышечные ластовицы, часто узкие манжеты на рукавах, застегивавшиеся на мелкие пуговицы, разрез на груди, который также застегивался на пуговицы. Нередко и ту и другую рубахи женщины носили вместе. Не случайно нижняя рубаха («прямая рубаха») называлась также алт кёйнег («рубаха, надеваемая под другую одежду»). Однако в отдельных случаях такие рубахи носили непосредственно под распашное платье, и тогда их шили широкими, длинными, с широкими (обычно начиная от локтя вниз) рукавами; назывались они шешар кёйнег (мешкообразная рубаха).

Штаны азербайджанок были двух видов: дар-балаг иштан (штаны с узкими штанинами) и генг-балаг туман, или генг-балаг иштан (штаны с широкими штанинами). В то время как на дар-балаг расходовалось 2—2,5 м ткани, на генг-балаг — обычно 7—8 м. При этом верхняя часть их кроилась намного уже (обычно из 2 м), и к ней затем пришивались заложенные мелкими складками собственно штанины (балаг). Таким образом, каждая штанина имела внизу в окружности 1,90—2 м, а иногла и больше.

Штаны того или другого вида носили в зависимости от вкуса и состояния. Все же многие следовали здесь определенной традиции. Штаны узкого покроя были характерны для комплекта одежды девочек и очень старых женщин, в то время как замужние (и пожилые) женщины носили дар-балаг и генг-балаг.

Что же касается собственно юбок туман, уст-туман или бир-балаг туман, то их носили преимущественно горожанки, жительницы Дербента. Юбка у пояса собиралась либо в сборку, либо в мелкие складочки. Уст-туман обычно женщины носили поверх штанов дар-балаг. С такой юбкой некоторые дербентские женщины носили и короткую кофту, которую украшали тесьмой, галуном, а иногда по подолу еще мелкими серебряными бляхами.

На штаны всех видов шли такие ткани, как цветной ситец, гюллю чит, миткаль, крашеная бязь. Состоятельные женщины шили их из различных шелковых тканей. Даже ситцевые юбкитуманы женщины по возможности старались украшать отделкой из лучших тканей, а штаны — шелком-канаусом, золототканой парчой (дива), бархатом (зерли-махмар) и др. На бедрах штаны стягивались плетеным (в виде кружева) гашником (туман багьы) из шелковых, крашенных в разные цвета нитей домашнего изготовления. С концов гашника обычно свисали кисточки чолпу, украшенные золотой или серебряной канителью.

Штаны дар-балаг туман по покрою чуть шире и длиннее мужских штанов. Тот и другой вид штанов носили вне зависимости от сезона. Однако в зимний период узкие штаны женщины часто носили под юбкой. Естественно, тогда их шили короче и уже.

Азербайджанки носили длинное распашное платье дон. которое состояло из широкой прямой юбки (обычно из пяти полотниш ткани), узкого лифа бёден и разрезных, откидных ниже локтя рукавов. Если к лифу пришивалась юбка в оборку. то дон назывался бюзмели дон, а если в складочку - то бюкмели дон. Лиф и откидную часть рукавов делали на подкладке. Зимний дон старались шить целиком на подкладке. Как основной элемент верхней одежды дон обычно шили из добротных и модных тканей. Богатые женщины, особенно горожанки, приобретали для этого золототканую парчу зеррихара, бархат мехмер. Некоторые дорогие ткани из шелка были известны под поэтическими и юмористическими названиями: гедже-гюндюз («ночь и день»), гаджи, мене бах гаджи («посмотри на меня»), шемси гемер («солнце и луна»), гоншу гёзюн чыхартан («ослепляющая соседку»), гёрме, яндырам («не смотри, сожгу»), гайнана яндыран («сжигающая или убивающая свекровь») и др. Для украшения дона использовались золотой и серебряный позумент, ажурные кружева из золотой или серебряной канители, тесьма фабричного или кустарного производства, а также штампованные мелкие полые бляшки в форме колокольчиков или просто мелких монет из серебра, золота и латуни и металлические узкие трубочки сарма, которые нанизывали на нитки, а потом пришивали к дону. Такими украшениями общивали лиф платья, его полы, подол, откидные части рукавов и т.д.

Дон застегивался по линии талии на мелкие серебряные ажурные пряжки (две-три пары) кечирме, или гармаг, иногда на крупные пряжки чарпаз, которые приобретались у кубачинских или дербентских мастеров.

Носили, хотя не везде и не в одинаковой степени, платье, называемое полушка, полша, булша. Это своего рода нераспашное платье с отрезным по талии лифом, плотно облегающим фигуру, с широкой (расклешенной или прямой) длинной юбкой. Полша имела сравнительно узкие рукава, иногда сильно суженные в нижней части и с небольшим разрезом у кисти рук либо на манжете.

Азербайджанские женщины обычно шуб не носили. Для зимы они шили дон со стеганым лифом, а старые женщины - целиком на вате. Дон на подкладке назывался астар или архалыг. Как и мужской дон, его шили из трех полотен ткани с боковыми разрезами, длиной ниже колен. Дербентские женщины, особенно из феодальных и купеческих кругов, зимой носили одежду и несколько иного покроя, типа кафтана, покороче, на подкладке, со сравнительно коротким и узким рукавом катубу, катиби. Покрой кафтана был сходен с покроем общеазербайджанского женского катуби¹⁶⁵. Это были короткие (чуть ниже колен) на стеганой подкладке, рукава, полы и подол которых оторачивались покупным дорогим мехом, чаще хорьковым. Женщины из знатных семей Дербента носили и меховые шубы. покрытые бархатом или парчой, а по подолу, бортам и обшлагам отороченные мехом. Кроме того, края всей оторочки и талия украшались мишурным кружевом или галуном, а также тесьмой. Богатые горожанки иногда шили себе теплую и более короткую одежду типа куртки эшмяк с рукавом до локтя, на стеганой подкладке, иногда целиком на хорьковом меху. Кроме того, рукава, ворот и подол оторачивали мехом хорька, украшали еще дорогими кружевами и тесьмой. На нарядный эшмяк обычно шел бархат или плотный шелк. Эшмяк дербентских женщин по покрою и по украшению был сходен с общеазербайджанским эшмяком¹⁶⁶.

В некоторых селениях азербайджанцев в начале XX в. (в селениях терекеменцев, селениях Мугарты, Ерси и др.) получает распространение платье осетин болушка, ганга енгли осетин, или просто осетин. Оно по всей вероятности, было заимствовано из южнокумыкских селений, в частности из селений Башлы, Янгикент и Маджалис. Платье осетин болушка считалось нарядной одеждой и поэтому шилось по возможности из лучших однотонных и набивных шелковых тканей, однако широкого распространения не получило.

В конце XIX — начале XX в. молодые азербайджанки стали носить платье на кокетке гисга-беден. Мода на него, по словам самих женщин, проникла в Дербент, а оттуда в близлежащие селения из Средней и Передней Азии через Азербайджан. Некоторые жительницы Дербента носили европейские платья.

Головные уборы женщин были менее разнообразны и значительно проще. Чутку представлял собой сшитый кусок материи, к верхней части которого пришивались две ленты. Женщина, надевая такой головной убор, сначала опускала волосы (косы), затем, натянув на голову верхнюю часть чутку как чепец и опоясав теменную часть головы лентами, завязывала их узелком на затылке. Нарядные чутку делали из шелка-канауса, кашемира, а каждодневные — из однотонного темного сатина. Многие женщины, особенно молодые, любили налобную часть чутку украшать шелковым или мишурным кружевом. Кроме то-

го, к нижнему концу чутку пришивали бахрому из серебряной канители гюмюш сачаг. В чутку без платка не полагалось выходить на улицу, появляться в общественных местах и даже находиться дома, когда там были мужчины старшего возраста, а тем более посторонние люди. Это был как бы нижний головной убор. Женщины Дербента часто вместо чутку носили маленькую косыночку кыйганч или маленький платок, также считавшийся сугубо домашним головным убором.

Верхним головным убором азербайджанки служил платок. Самое широкое распространение среди азербайджанок Дагестана, как и среди всех женщин Азербайджана, получил тонкий шелковый платок с каймой гюльменди, или келагай. Такие платки поступали в Дагестан из Азербайджана, Гянджи, Шемахи и Шеки. Азербайджанки носили, особенно в зимний период, кашемировые платки шал фабричной работы. Для повседневного пользования женщины шили из тонких белых покупных тканей или тканей домашнего изготовления (сигези) большие косынки фте (фите)167. Богатые азербайджанки одновременно имели несколько дорогостоящих платков русского и восточного производства. Особенно славились плотные шелковые платки хара-шал с ярким узором, длинными кистями или бахромой, а также тонкие, газовые, почти прозрачные платки назнази с золотым узором и каймой, кружевные шелковые косынки урпег, торлама.

Женщины из состоятельных семей для зимы имели теплые шали-пледы кёрпе шал, которые надевали, выходя на улицу, поверх обычного платка. В отдельных селениях азербайджанцев (Ерси, Зиль, Дарваг и др.) поверх обычного платка нередко принято было носить платок меньшего размера, который складывался треугольником и завязывался на затылке.

Женщины Дербента, как и женщины многих городов Востока 168, при выходе на улицу накидывали на себя покрывало чадре, чарбаш. Чадре была прямоугольной, почти квадратной формы. Горожанка накидывала ее так, что она окутывала фигуру с головы до пят и закрывала все лицо, за исключением глаз. Чадре шили из сатина, атласа, тонкого шелка, однотонной или цветкой ткани. Ношение чадре в сельской местности не практиковалось, но и здесь молодые женщины старательно прикрывали шею и нижнюю часть лица до кончика носа платком.

Женщины из богатых семей покупали на рынке готовые шелковые покрывала, которые поступали в Дербент преимущественно из Азербайджана, Ирана и Турции.

Обувь женщин аяг габы отличалась большим разнообразием, чем обувь мужчин. Носили чувяки из красного, желтого, черного сафьяна сахтиян-мес, кожаные калоши на твердой подошве пулат-галуш, или гатты-табан-галуш, башмаки башмаг и др. В сельской местности в качестве рабочей обуви

использовалась обувь из сыромятной кожи чарух. Женщины, как и мужчины, носили ее с теплыми шерстяными носками собственной вязки. Некоторые женщины в Дербенте носили модные полуботинки, туфли и т.д. Во все времена модными считались хромовые башмаки сагри-башмаг с семью шипами на каблуке (едди-диш-сагры), а также башмаки с верхом, вышитым золотой или серебряной канителью по коже, бархату или сукну. Дорогие башмаки с вышивкой поступали на дербентский рынок из Персии и Турции. Что касается сафьяновых чувяк, то их шили сами женщины. Красные, желтые, зеленые чувяки украшали тесьмой из серебряной или золотой канители.

Азербайджанки носили разноцветные *джораб*, хлопчатобумажные чулки фабричного производства.

Следует подчеркнуть, что большое внимание женщины уделяли своему внешнему виду, старались одеваться опрятно, красиво. Стиль одежды женщины говорил о ее возрасте, положении в семье и обществе, в частности, женщины придерживались подходящих для своего возраста тонов платья. Молодые носили одежду из тканей светлых, ярких тонов, пожилые, наоборот, — темных тонов.

Женщины тщательно следили за чистотой одежды и за гигиеной тела. Часть женщин, особенно горожанок, постоянно пользовались баней. Пятница считалась днем «мытья головы». Под этим понимались купание и смена одежды. Девочки, девушки, взрослые женщины волосы заплетали в косы, нередко их количество достигало 12. Кроме того, многие оставляли на лбу челку лепеке, а около ушей, вдоль щек — небольшие локоны бирчег. Волосы, ладони и ногти (и на руках, и на ногах) красили хной. Некоторые женщины, особенно горожанки, сурьмили брови и ресницы, считая, что сурьма предохраняет глаза от болезней. Из других косметических средств для кожи они применяли белила и румяна.

Украшения. Большим разнообразием отличались украшения женщин: ожерелья из кораллов минжаг, янтаря кенраба, сердолика haгыг, из монет или бляшек, напоминающих монеты разной величины пуллу-боюн-багы, цепочки. Особое место занимали изделия из серебра и золота. Последние были доступны лишь состоятельным семьям. Однако азербайджанки всех возрастов обязательно носили какие-либо (одни — дешевые, другие — дорогостоящие) украшения в зависимости от достатка семьи и возраста.

Ювелирные изделия женщины покупали у мастеров, работающих в Дербенте. А кубачинские и лакские мастера реализовали свои изделия непосредственно в азербайджанских селениях.

Украшения носили на голове, на груди, на поясе, на руках и т.д., некоторые из них прикреплялись к одежде. Почти все женщины (порою и девочки-подростки) носили серьги сыргъа

самой разнообразной формы: в виде обруча (колечки) с подвесками из цепочек, лепестков и с литой фигуркой птички с внутренней стороны; серьги с тремя отростками с внешней стороны (вместо подвесок); серьги, состоящие из круга-кольца, нижнюю внутреннюю половину которого составляла тонкая ажурная пластинка, и серьги в виде колокольчиков (иногда граненых), покрытых разноцветной эмалью и украшенных мелким жемчугом.

Шейные и нагрудные украшения боюн багы представлены коралловыми, янтарными, сердоликовыми, стеклянными ожерельями. Особо популярным было бугаз-алты — украшение из полых ажурных пластинок, нанизанных рядами на нитку. плотно облегающее шею. С нарядным костюмом замужние женщины носили и специальное налобное украшение габаглуг или габагча. Оно представляло собой узкую полосу ткани (чаше из бархата или атласа), на которую прикрепляли круглые или удлиненные серебряные или золотые бляшки. Подобного рода подвески женщины иногда носили и у подбородка. Среди украшений особое место занимало украшение в виде короны или диадемы с инкрустацией гюль. Последнее, как и многие другие дорогостоящие украшения, составляло достояние лишь очень богатых семей и передавалось из поколения в поколение. Все эти головные украшения имели аналогии и у других народов Дагестана и Закавказья¹⁶⁹.

Почти все женщины и девушки, особенно в торжественных случаях, носили кольца уьзюк, юзик из золота и серебра. Женшины из зажиточных семей носили золотые перстни с драгоценными камнями. Принадлежностью нарядного костюма многих женщин являлся пояс из серебра или узкой полосы ткани (бархата, парчи и т.д.) на плотной подкладке с нашитыми на нее монетами и штампованными бляхами. Такие пояса нередко шили и из галуна. Пояс имел массивную фигурную пряжку. Лучшими считались серебряные пояса, выполненные в технике ажурной накладной филиграни и зерни с позолотой, с инкрустацией из бирюзы, рубина или изумруда. При их изготовлении под филигрань стелили цветную фольгу. Такие пояса стоили очень дорого и потому были доступны лишь женщинам из богатых семей. Также малодоступными для большинства женщин были серебряные с позолотой, с тремя-четырьмя камнями или цветным стеклом браслеты голлама, бюзеллюг. Их, как правило, носили жены сельских и городских богачей. Они же приобретали на рынке украшения европейского производства (брошки, цепочки и т.д.). В повседневной жизни украшения носились в ограниченном количестве. Только во время свадеб и других торжественных событий женщины надевали на себя все самые дорогие и, по их представлениям, самые красивые украшения, чтобы выглядеть нарядно, продемонстрировать свой материальный достаток. Особенно много украшений было на невесте, наряд которой по традиции должен был выделяться из нарядов других участниц свадьбы как числом украшений, так и богатством костюма. Таким образом, все украшения делились на будничные и праздничные. Вообще пожилые женщины и девушки украшений носили значительно меньше, чем молодые женщины. В периоды траура женщины снимали всякие украшения и надевали одежду темных тонов.

Как видно из приведенного описания, отдельные элементы одежды женщины-азербайджанки были сходны с одеждой мужчины-азербайджанца. Некоторые типы рубах, штанов, верхней одежды и особенно обувь повторяли элементы костюма мужчины.

Одежда азербайджанцев Южного Дагестана отвечала их характеру, условиям их занятий, их эстетическим вкусам и определялась половозрастными различиями. Она делилась на будничную, праздничную и обрядовую (свадебную и траурную). В одежде, как и в других сферах материальной культуры населения, отчетливо прослеживается близость к общеазербайджанской материальной культуре. На формирование ряда вариантов одежды азербайджанцев Южного Дагестана большое влияние оказала и одежда ближайших их соседей — кумыков, табасаранцев, кайтагцев и др. Одежда азербайджанцев Дагестана обнаруживает известную близость и с одеждой других народов Кавказа, особенно Закавказья, а это объясняется тем, что сам Кавказ издавна представлял собой единую историкокультурную область. В одежде азербайджанцев можно проследить также этнокультурные связи их с народами Передней Азии.

Пища и напитки

Исключительно разнообразной была пища азербайджанцев, что объяснялось как многоотраслевым характером их хозяйства, так и национальными традициями. В целом пища была мясомолочной и растительной.

В пищевом рационе народа особое место занимал хлеб эппег, черек. Хлеб чаще пекли из заквашенного теста турш хэмир, маялы хэмир, хэмирден къатан хэмир, реже — из пресного теста джир хэмир. В качестве закваски (ажитлы) использовали старое тесто хэмирден, которое в полужидком виде постоянно имелось в доме. Для повседневного пользования тесто замешивали на воде, а для торжественных случаев — на молоке.

Способы приготовления теста и выпечки мучных изделий были многообразны: на молоке и масле готовили тесто для сдобных чуреков кал, сютлю эппег, из теста, смешанного с маслом, делали слоеные чуреки яглы эппек, или кюлче галач. Из теста, замешанного на молоке, масле, сахаре, пекли сдобные

печенья ширин кете, из слоеного теста, приготовленного на молоке и масле, — шур галач и т.д.

Хлеб, а также сдобные и несдобные печенья пекли в тандирах (в большинстве селений) или кюрюках (в селениях Терекеме). В зимних условиях, особенно когда с дровами было плохо, много пекли хлеба и в горячей золе камина. Такой хлеб назывался гюмбе.

Наиболее трудоемкой была выпечка хлеба в тандире. На дне тандира, чтобы накалились стенки, разжигали жаркий огонь, затем хозяйка брала на ладони тесто, заранее придав ему форму круглого чурека, и, смазав сверху кислым молоком, а снизу водой, прикрепляла к раскаленным стенкам тандира. Затем хозяйка плотно закрывала тандир специальной деревянной крышкой, чтобы сохранить необходимую для выпечки теста температуру. Испеченный горячий хлеб снимали со стенок, обычно надев на правую руку специальную перчатку голгаб.

Хлеб пекли во дворе в печи типа кёрюк, харег. Кёрюк строился на фундаменте, со сводчатым верхом и особым дымо-ходом, имевшим два отделения: для огня (топка) и непосредственно для выпечки чуреков (часть, устланная тонкой каменной плиткой).

Во всех селениях азербайджанцев, за исключением терекеменских, для выпечки тонкого хлеба — лавашей существовали специальные глиняные щитовидные круги садж.

В богатом ассортименте блюд особое значение придавали супам шорпа. Их готовили на мясном бульоне, на молоке, заправляли рисом, фасолью, лапшой, пшеничной и полбовой крупой и др. Каждый из супов имел свое название в зависимости от заправки: дюгю шорпа (суп с рисом), эришде шорпа (суп с лапшой), умаж шорпа (суп с мукой) и т.д.

Большим разнообразием отличались и блюда, которые условно можно назвать «вторыми». Условно потому, что азербайджанцы, как и все дагестанцы, одни и те же блюда подавали на стол и в качестве первого, и в качестве второго блюда. Деление кушаний на первые и вторые блюда не практиковалось. Обычно на стол подавали одно, но готовили его в большом количестве.

Наибольшее распространение имели мясные блюда этли хёрек (блюда из мяса). Готовили их и из баранины, и из говядины. Иногда вместо мяса использовали птицу и рыбу. Рыбу (осетрину, белугу, кутума, сазана) ели и в вареном, и в жареном виде в основном жители селений, расположенных вблизи Каспийского моря и реки Уллучай.

Наиболее популярными блюдами из мяса считались хингал (хинкал), аш (плов), бозбаш, дюшбере, долма, шашлык, чыгыртма и всевозможные пироги чуду. Первое место среди них занимал хингал — блюдо, широко распространенное в Дагестане. Его приготовляли из мелко нарезанного тонкого пресного теста, сваренного в мясном бульоне, и ели с вареным мясом¹⁷⁰.

О том, что хингал был популярен среди азербайджанцев исследуемого района, так же как и среди других дагестанских народов, свидетельствуют народные изречения:

Хингала вур он беши гелсин шише, Эриште инен дюшберени гой чиша..., Хореглерин султаны хингал имиш.

(Берись за хингал так, чтобы На вилку сразу нанизать пятнадцать штук, Лапшу и пельмени оставь на зиму, Хингал — султан среди кушаний).

Еще говорили азербайджанцы:

Эрищдэ беглер ашы, Хингал онун ёлдашы. (Суп с лапшой — еда беков, И хингал ему подобен 171.)

Хингал являлся повседневным блюдом. Его можно было делать и без мяса, но всегда с подливкой (чеснок с кислым молоком или томаты с чесноком).

Не менее популярным во всех селениях азербайджанцев был и плов. Плов готовили двух видов: сютлю аш (плов на молоке) и сюзме аш (плов, который процеживают). В первом случае в одной кастрюле варили рис на молоке. Одновременно в другой кастрюле растапливали масло и в кипящем масле жарили тонкий лаваш из теста (приготовленного на молоке с яйцами). Затем на лаваш клали готовый рис и ставили кастрюлю, закрыв крышкой, на слабый огонь. Через некоторое время рис заправляли растопленным маслом. Часто рис засыпали кишмишом или урюком. После того как рис пропитался маслом, плов считался готовым. Его подавали на блюде, сверху посыпав вынутым из кастрюли кишмишом или урюком.

Для сюзме аш рис варили в воде. В другой кастрюле, так же как и в первом случае, готовили в масле лаваш, высыпали на него процеженный в специальной цедилке рис. Затем часа на полтора кастрюлю ставили на легкий огонь, как говорят азербайджанки, для «дем чекме» (пока не будет полностью готов рис и не испарится лишняя влага). После этого рис заправляли растопленным маслом, и через минут 30-40 плов считался готовым. Тогда рис вынимали и раскладывали на большом блюде лимче. Для этого плова отдельно готовили мясную подливку гувурма, буглама. Для подливы сперва поджаривали мясо с большим количеством репчатого лука. Затем добавляли один-два стакана горячей воды, очищенные каштаны, немного лимонного сока. Подливу могли подавать на стол в отдельной посуде или могли залить ею уже готовый плов. Мясную подливу готовили и с добавлением жареных баклажанов бадымджан гувурма. Знали азербайджанки, особенно жительницы Дербента, и иные способы приготовления подлив, с другим составом продуктов.

При приготовлении плова азербайджанки иногда применяли и шафран зэфэран. В этом случае подливу называли зэфэран гувурма. Пелали подливу и из зелени (кинзы, петрушки, шавеля, шпината), особого сорта зеленого лука (кевер). Перемешав все эти компоненты и мелко нарубив, их клали в кастрюлю, в которой тушилось мясо с луком. Будучи известными мастерицами в приготовлении плова, азербайджанки больщое внимание обращали на то, чтобы рис был в меру разваренным, рассыпчатым и красивым. Плов считался праздничной едой и едой, приготовляемой для почетных гостей. Это хорошо воспроизвел в своем описании быта азербайджанцев Н. Лубровин: «В заключение ужина в виде десерта подается плов с курицей, кишмишом, шафраном и другими приправами. Его обыкновенно приносят на огромном блюде, покрытом медным вылуженным колпаком пирамидальной формы» 172. В этом сообщении не забыта и такая деталь, как существование специальной крышки — колпака для плова.

У азербайджанцев предгорий (селения Ерси, Зиль, Арак, Хучни и др.) широко практиковалось приготовление плова из полбы перундж аш. Для плова из полбы обычно готовили такую же подливу, но его могли употреблять и без подливы, запивая айраном, разведенным водой или кислым молоком.

Широко распространенными, традиционными блюдами азербайджанцев являются также долма, бозбаш, кабаб (шишде кабаб) и др.

Долму, как и плов, готовили в нескольких видах: ярпаг долма (долма с виноградными листьями), келем долма (долма с листьями капусты), бадыржан долма (долма с баклажанами) и др. Для первых двух видов долмы сперва готовили мясной фарш, добавляя в него рис, кинзу, мяту, лук, укроп, молодую пахлу (сорт черного гороха), соль. Все эти компоненты перемешивали, добавив немного воды, и небольшими порциями заворачивали в свежие или соленые виноградные или капустные листья. При приготовлении келем долмы иногда в фарш добавляли сахар или мед.

Несколько сложнее был процесс приготовления долмы с баклажанами. В этом случае фарш с луком поджаривали в масле. Затем, отрезав головку и вынув частично внутренности баклажанов ножом, опускали их в кипящую подсоленую воду. Остывшие баклажаны начиняли фаршем и, закрыв их ранее отрезанными головками, ставили тушить в кастрюле. Многие козяйки поверх сложенных в кастрюлю рядами баклажанов клали еще ряд красных помидоров и немного сливочного масла. Все виды долмы, приготовленные без добавления сладостей, ели с подливой из кислого молока с чесноком.

Бозбаш азербайджанцы готовили обычно из баранины и в двух видах: 1) просто бозбаш и 2) кюфте бозбаш. Для первого вида мясо резали на мелкие кусочки и поджаривали с луком и

сушеной алычой эрик. В готовое мясо добавляли отдельно сваренный и очищенный от шелухи горох нухут, свежую кинзу, красный перец, небольшое количество воды и немного тушили. Такое полужидкое блюдо принято было подавать на стол в больших пиалах. Одни ели такой бозбаш, макая в него вилкой куски хлеба, другие — ложками.

Кюфте бозбаш готовили из мясного фарша с рисом, луком, красным перцем. Одновременно варили в кастрюле постный суп с горохом и мелко нарезанными жареными помидорами. Затем брали небольшие порции фарша и, придав им форму шариков (внутрь шариков помещали еще сушеную алычу), опускали в этот кипящий суп и варили. Ели кюфте бозбаш ложками.

Пити. В старину пити готовили в специальном глиняном сосуде, который зарывали в горячие угли очага. В кипящую воду опускали куски мяса, лук, горох и немного алычи, и все это варилось на небольшом огне. Пити также ели ложками.

Среди жидких блюд дагестанских азербайджанцев, как и у других народов Южного Дагестана, необходимо упомянуть довгу. Варили ее из кислого молока, разбавленного водой, айрана. До момента кипения айран непрерывно перемешивали, затем, когда закипало, добавляли мяту, яйца, жаренный в масле лук, а в торжественных случаях еще шпинат спанах. Довгу ели как в горячем, так и в холодном виде. Холодную довгу подавали на стол в конце обеда.

Дюшбере. Дюшбере готовили из мясного фарша с луком и тонкораскатанного теста. Тесто разрезали на мелкие квадратики, на которые клали небольшие порции фарша и лепили. Затем эти своеобразные пельмени опускали в кипящую воду и варили. Многие хозяйки бульон для дюшбере готовили с горохом и картофелем. Готовое дюшбере разливали по пиалам вместе с бульоном, его, как и любую другую жидкую или полужидкую пищу, ели с хлебом.

Гюрзе — род пельменей или вареников. Готовятся с мясом — эт гюрзе, с творогом — шор гюрзе, или пендир гюрзе, с молоком и яйцами — юмурта гюрзе, с крапивой — гижитген гюрзе и др.

К числу сравнительно распространенных мясных азербайджанских блюд следует отнести шашлык кабаб, или шишде кабаб. Как свидетельствует само название (шиш — «вилка», «вертел»), жарили его на вертеле. Кабаб готовится двух видов: кабаб и люле кабаб. Для первого вида баранину разрезали на куски, добавляли лук, перец, немного виноградного уксуса, соль и, перемешав мясо с другими ингредиентами, оставляли на 1—2 часа в закрытой посуде. Затем куски мяса нанизывали на специальные вертела шиш и жарили на раскаленных углях. Люле кабаб готовили из мелко нарубленной баранины, смещанной с луком, черным перцем, иногда с сырыми яйцами. Придав каждой порции форму тонкой трубочки люле и нанизав каждую такую трубочку на вертел, жарили кабаб на раскаленных углях. Готовый кабаб, прежде чем его подать на стол, посыпали сушеным измельченным барбарисом и фигурно нарезанным луком.

Азербайджанцам издавна известен и такой вид кабаба, как басдырма кабаб. Для его приготовления нарезанное, как и для обычного шашлыка, мясо с добавлением в него лука, душистых трав оставляли в посуде один день, затем жарили, нанизав на вертел, на огне очага или на мангале.

Среди азербайджанских национальных блюд определенное место занимала чыгыртма. Ее готовили обычно из курицы, которую сначала отваривали, потом поджаривали в масле с луком, добавив немного виноградного уксуса или лимонного сока. После этого тушили в воде, залив яйцами. Некоторые хозяйки готовили чагыртму не в качестве полужидкого кушанья, а как запеканку на сковороде, в кёрюке.

В торжественных случаях в богатых семьях на стол подавали зажаренных целиком ягнят. Ягненка обрабатывали следующим образом: сперва снимали шкуру и вычищали внутренности, затем тушу снова помещали в шкуру и клали в огонь, разведенный в яме. При таком способе сгорала только шкура, а само испеченное мясо считалось деликатесом и готовилось, как правило, для редких гостей.

Кухню азербайджанцев трудно представить без всевозможных пирогов чуду: с мясом — эт чуду, с творогом — пендир чуду, с требухой — ичгарин чуду, с тыквой — габаг чуду, с зеленью, в том числе крапивой, — гижитган чуду, с диким луком, известным на Кавказе под названием черемши, — халияр чуду, с варенным на молоке рисом — сутлу чуду и др. В начинку чуду добавляли разные компоненты: для одних — лук, перец, зелень (кинзу, укроп, мяту), для других — яйца, масло, зелень и т.д.¹⁷³.

Самое большое, пожалуй, место в каждодневном питании азербайджанцев занимали молочные продукты. Из коровьего и буйволиного молока готовили кислое молоко гатыг. Молоко шло на приготовление сметаны гаймаг, творога пендир, сыра шор, сливочного и топленого масла яг, а также прохладительного напитка айран, столь необходимого в условиях жаркого лета.

Из печений к чаю в первую очередь следует назвать шекер чурек. Для его приготовления брали жидкое топленое масло, добавляли сырые яйца, сахарный песок, немного муки, все это основательно перемешивали и отдельными небольшими порциями, придав им форму шариков, пекли в кёрюке или на дне тандира. К чаю же женщины готовили и известную на всем Востоке пахлаву. Для пахлавы замешивали сдобное тесто (на масле и яйцах), затем его раскатывали в семь-восемь тонких

слоев. Каждый слой (обычно в форме круга) намазывали горячим маслом и покрывали слоем толченых грецких и миндальных (в Дербенте) орехов, смешанных с сахарным песком. Затем, намазав верхний круг сверху яйцом, ставили в печь на медленный огонь. Готовую еще горячую пахлаву, прежде чем снять с огня и разрезать на куски, некоторые хозяйки заливали медом. На стол пахлаву было принято подавать в холодном виде.

Другим видом сладостей типа пахлавы была шекер бура, которая по форме и величине напоминала описанные выше гюрзе.

Среди сладостей, пожалуй, наиболее популярной и не требующей особого труда при приготовлении была халва разных сортов. Халву делали из пшеничной муки ун гьалва и рисовой дюгю гьалва, очищенных грецких и миндальных орсхов гоз гьалва, из мелких крупинок теста умадж гьалва и пр. Пля всех видов халвы (кроме ореховой) муку или крупу предварительно поджаривали на топленом масле, затем, дав ей остынуть, добавляли мед бал или виноградный кипяченый сироп дошаб (душаб). Процесс приготовления халвы из орехов был более сложным. Сперва кипятили дошаб, добавив в него в определенной пропорции белки яиц. Эту смесь долго перемешивали. Когда сироп превращался с тягучую массу, в него высыпали очищенные от пленки орехи и, поставив на легкий огонь на 2-3 минуты, перемешивали. Приготовление такой халвы требовало от женщин мастерства, умения вовремя проводить все процессы (снять с огня, в горячем виде разрезать на куски и т.д.).

Для торжественных случаев (календарные праздники, свадьбы, рождение детей и др.) халву всех видов готовили в большом количестве. Если халву не ели в горячем виде, то ее разрезали на куски (квадратиками или ромбиками), а затем по мере надобности подавали к столу.

Некоторые блюда азербайджанской кухни считались в народе лечебными. К числу их следует отнести хашил — мучную кашу, которую варили на воде. Готовую кашу заливали смесью горячего меда, или дошаба, и масла и давали роженицам. Лечебной считалась и каша из риса и щавеля евелик, или ат гулаг. Как лечебное средство и одновременно лакомство готовили сладкое полужидкое кушанье семени из пшеничного солода.

Много времени азербайджанки затрачивали на приготовление масла. Его сбивали двумя способами, в одинаковой мере трудоемкими. В первом случае пресное молоко выливали в глиняные или медные луженые сосуды и оставляли на два-три дня (летом сосуды с молоком помещали в ямы кую), пока не образуется густая простокваша чий. Потом снимали сметану гаймаг, из которой сбивали сливочное масло в маслобойке нере, раскачивая ее на полу. Во втором случае сливочное масло получали из кислого молока тем же способом.

Пахту айран, оставшуюся после сбивания масла, употребляли для приготовления довгы или же пили как утоляющий жажду напиток. Устойчивую традицию имел и процесс приготовления сыров¹⁷⁴.

Большую роль в питании азербайджанцев рассматриваемого района играли огородно-бахчевые культуры, а также фрукты (яблоки, груши, сливы, айва и др.), которые обильно здесь произрастали. Азербайджанцы, особенно жители Дербента, широко употребляли в пищу и свежую зелень: кресс-салат, кинзу, мяту, зеленый лук, чеснок и т.д.

Наиболее употребительными безалкогольными напитками у населения были исстари распространенный у многих народов Востока айран, получаемый, как отмечалось, из кислого молока, и особенно черный чай, который пили с кусковым сахаром, медом, дошабом, вареньем и сухофруктами. Популярностью пользовалась и подслащенная вода шербет. Жители Дербента, особенно представители высших сословий, наряду с чаем пили кофе с молоком и без молока. Несмотря на религиозные запреты, на свадьбах и других торжествах азербайджанские мужчины употребляли и алкогольные напитки — вино чахыр, которые они приобретали в Дербенте. В домашних условиях азербайджанцы, как и другие народы Дагестана, готовили из муки и ячменного солода напиток, широко известный под названием буза. В целом народ вел трезвый образ жизни, все эти напитки употреблялись только в особых случаях и в очень ограниченных размерах. Молодежь, можно без преувеличения сказать, вообще алкогольных напитков не употребляла. Считалось позором показываться на глаза людей в пьяном виде.

Осень была порой заготовок впрок муки, мяса, сыра, фруктов и овощей. Принято было на всю зиму запасаться мукой, так как многие местные водяные мельницы надолго замерзали. Примерно в ноябре делали на зиму запасы мяса. Для этой цели резали скот, разделав туши на отдельные части, которые обильно солили и вялили на воздухе. Из мяса на зиму же готовили колбасу ичег, или долдурму, добавляя в мясной фарш лук, перец, барбарис и уксус из сыворотки. Для заготовки мяса пользовались еще одним способом: жирную баранину, разрезав на куски и хорошо обжарив в котле, перекладывали в глиняные сосуды и, залив сверху курдючным жиром, плотно закрывали. Из такого мяса говурмы зимой готовили различные блюда (супы, соусы и т.д.).

Айву, груши, яблоки, гранаты чаще хранили в свежем виде, подвешивая их к потолку или на полу в кладовой. Иногда, если фруктов было особенно много, хозяева держали их на крыше дома или на чердаке в камыше или соломе. Некоторые сорта груш (кюрхан) «консервировали» в больших глиняных сосудах: сосуд с фруктами заливали водой и плотно закрывали крышкой. Виноград подвешивали к потолку гроздьями.

Делали азербайджанцы запасы и сухофруктов. В таких селениях, как Дарваг, Зиль, Ерси, Кемах, Хучни и др., фрукты сушили на зиму в специальных или обычных тандирах, либо высыпав их предварительно в особые глиняные формы гилле вроде мисок (сливы, алыча, абрикосы, яблоки, кизил и т.д.). либо нанизав на шпагат и подвесив их над горячим (но с потухшим огнем) тандиром, на жердях (груши). Тандир сверху плотно закрывали зелеными ветками и хворостом. Некоторые хозяева, у кого было много фруктов, груши сушили тут же в саду, после уборки. Там выкапывали траншей длиной 2-2.5 м. шириной 1 м и глубиной 1,5 м, затем разжигали огонь, а чтобы жар огня во время сушки фруктов держался лучше, нередко стенки траншеи выкладывали камнем. В них часто груши держали двое суток. Больше всего сущили в печах сладкие сорта груш: мерджехер (она называется еще гавум армуды, т.е. «лынной грушей»), шекки шекер армуды и др. Таким образом, высушенные фрукты ках вывешивали связками (10-15 связок вместе) на воздух, а потом убирали в кладовку на зиму, подвесив на жерди. В удобное для себя время хозяева излишки фруктов вывозили на рынок, чаще всего в Дербент.

Для приготовления долмы весной консервировали молодые виноградные листья япраг. Из сока винограда, ягод тута, особых сладких сортов груш (нар армуды, ахмедкали и др.), сока арбуза азербайджанцы готовили патоку или особый сироп дошаб (душаб), который использовался при приготовлении халвы, сладкой подливы и т.д. Если дошаб варили из зрелого винограда, то последний предварительно клали в мещок, который помещали в большое корыто, где его давили ногами до тех пор, пока не выделялся весь сок. Сок для фильтрации сливали в большой глиняный сосуд кюб, перемешивали с особой глиной узум палчыг (он же уьзум торпаг) и оставляли на сутки или чуть больше, чтобы, как говорили женщины, «подощел сок», т.е. выделилось прозрачное сусло. Очищенный таким образом сок выливали в котел и варили до определенной густоты. Примерно таким же способом варили и дошаб из тутовых ягод. Из арбуза дошаб (гарпуз дошаб) готовили несколько проще: отделяли корку, разрезали на куски мякоть и из нее выжимали сок. который, так же как и виноградный, варили до определенной густоты.

Запасы муки, зерна хранились в кладовых; зерно засыпали, кроме того, в земляные ямы кую, а также в плетеные и обмазанные глиной снаружи (иногда и внутри) емкости кенди. Муку держали в деревянных закромах загур, в больших глиняных сосудах кюп, в мешках, масло — в глиняных хумах (сосудах), фрукты — в сетках и в соломе.

Хозяйственная утварь азербайджанцев была разнообразной. Пищу готовили преимущественно в медных луженых котлах газан, реже — в глиняных (пити), а также в чугунных. Боль-

шое место среди утвари из меди мис занимали всевозможные подносы: неhep (большой поднос), сини (поднос маленького размера), бала неhep (поднос среднего размера) и др., сосудыхумы хаба, кюпче, бести, бадия (высокие сосуды для молока), сатыл (сосуд с медной крышкой), сарниж (для надоя молока). При приготовлении пищи применялись кепкир (дуршлаг), ялгуча (сковородка с ручкой), чемче (половник), аш сюзен (большая цедилка в виде миски с решетчатым дном).

Непременными принадлежностями домашнего обихода являлись кувшины для воды: гутга (большой кувшин), фарш (кувшин средней величины), мошефе, или афтафа (кувшинчик для умывания с узким гордышком); тазы; тешт (большой таз для купания и стирки белья), леген (маленький таз для умывания и хозяйственных нужд), ашлав (таз средней величины для небольшой стирки). Медные изделия были двух видов: лагидж мис — утварь, изготовлявшаяся в местности Лагидж в Азербайджане, и тахта мис — утварь, изготовлявшаяся из листовой меди в Дербенте. «Богатые хозяева, особенно из татар (т.е. азербайджанцы. — $C.\Gamma.$), — отмечалось в "Кавказском календаре на 1914 г.", — щеголяют своею большою коллекцией медной посуды, отсутствие которой считается признаком бедности» 175. Здесь же говорилось о классической форме высокогорлых кувшинов и тазов, что «оригинальная, часто очень сложная и красивая резьба их придают изделиям этого рода весьма художественный характер» и они пользуются большим спросом¹⁷⁶.

Широкое бытование у азербайджанцев исследуемого района, как и у их соседей, имела деревянная и глиняная утварь. Из дерева изготовлялись подносы, миски разной величины, корыта для теста и многое другое.

Глиняные изделия сулевкен габ, маслобойки неhpe, всевозможные сосуды: хумы, чашки, тарелки, кувшины разных размеров и форм и т.д., а также деревянную утварь и посуду азербайджанцы приобретали у даргинцев, в соседних селениях, а медную — на рынке — в Дербенте, а также в Азербайджане.

Во многих домах, особенно дербентских, можно было встретить изделия из фаянса и фарфора — пиалы, тарелки разных размеров, изготовленные на известной фабрике Кузнецова, а иногда, особенно у городских богачей, даже изделия китайского производства.

Количество и качество кухонной посуды, утвари, их разнообразие определялись имущественным положением крестьянской семьи, а также ее эстетическим вкусом. В зажиточных семьях шире использовались дорогостоящая медная чеканная утварь, а также привозная фарфоровая и фаянсовая посуда. В бедных же козяйствах преобладали изделия из дерева и керамики, богато украшенные местным орнаментом. Ложки и вилки в сельской местности были почти исключительно деревянными и приобретались преимущественно у табасаранцев и даргинцев — кайтагцев общества Катаган. Пища подавалась на медных подносах, либо на полу просто расстилали скатерть.

Отметим, что азербайджанцы, как и все народы Дагестана и Кавказа в целом, были умеренны в еде. Неумеренная еда считалась дурным тоном. Принимали пищу три раза в день. Завтрак состоял, как правило, из хлеба с сыром или молоком. В сезон полевых работ мужчинам подавалась мясная или другая калорийная пища. Обед обычно состоял из хлеба с сыром. кислого молока, сметаны, яиц или яичницы гайганак. Основной трапезой считалась вечерняя, когда вся семья была в сборе. Ужин включал сытные калорийные блюда: сvп. бозбаш. хинкал или другую жидкую, полужидкую пищу. Обычно ели несколько человек из одной общей посуды, если семья была небольщой по численности. После еды на стол подавались фрукты, арбузы и т.д. Особое место в трапезе занимал чай, который азербайджанцы в свободные часы любили пить с перерывами, надолго растягивая это удовольствие. Азербайджанцы не случайно в шутку говорили:

Чайын бири гайдадыр Икиси джана пайдадыр, Уьчуь недир, Доьрдуь бесдир, Кечдинг беше — вур он беше.

Первый стакан чая в порядке вещей Второй — польза для организма, Третий — не в счет, Четвертый — хватит, А если пьешь пятый, Пей до пятнадцати. Что такое чай, чтобы его еще считать 177.

Чай недир, сай недир.

Естественно, рацион питания во многом зависел от времени года, от поспевания сельскохозяйственных культур, не говоря уже о материальных возможностях семьи. Летом и осенью большую роль в питании населения играли свежие овощи, свежие молочные продукты. В зимний период питались чаще сушеным мясом, сыром, сухофруктами и т.д.

При приеме пищи соблюдался установленный обычаем порядок, связанный с половозрастной структурой семьи. Пожилые члены семьи (мужчины) занимали за трапезой самое почетное место, с ними же иногда (но чаще отдельно) принимали пищу и взрослые сыновья, особенно если в семье не было почетных гостей пожилого возраста. Женщины часто устраивались отдельно, нередко даже в другом помещении. В обычных условиях в малых семьях, состоящих из родителей и малолетних детей, трапеза была общей, без особых церемоний. Прием пищи, отдых проходили, как правило, на полу, на паласах, коврах (у богатых), на подушках налча, набитых шерстью. Во второй половине XIX — начале XX в. в гостиных богатый семей появляется городская мебель и едят уже за столом.

В целом культура питания азербайджанцев для рассматриваемого времени была достаточно высокой и разнообразной. Однако качество питания зависело от имущественного положения семьи — далеко не все блюда самобытной кухни были

доступны для повседневного питания большинства населения. Тем не менее азербайджанские женщины вне зависимости от социального положения хорошо умели готовить, многие из них были искусными кулинарками.

Следует особо подчеркнуть, что национальная кухня дагестанских азербайджанцев представляла собой неотъемлемую часть общенациональной азербайджанской кухни, оказавшей заметное влияние и на кулинарное искусство других народов Дагестана, особенно народов его южных районов.

Являясь устойчивой частью материальной культуры, пища азербайджанцев и по сей день продолжает сохранять и развивать лучшие свои особенности и тем самым вносить заметный вклад в общую культуру питания дагестанцев.

¹ Кудрявцев А.А. Древний Дербент. М., 1982, с.30.

² См.: Дербенд-наме. Под ред. М.Алиханова-Аварского. Тифлис, 1898, с.30—31; Комаров А.В. Об укреплениях Дербента и о Кавказской стене. — Труды V Археологического съезда в Тифлисе. М., 1887, с.87; Козубский Е.И. История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906; Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда Х—ХІ веков. М., 1963, с.30—31, 35; Бартольд В.В. Дербент. — Сочинения. Т.ПІ. М., 1965, с.419—421; Хан-Магомедов С.О. Дербент. Горная стена. Аулы Табасарана. М., 1979, с.207—208; Саидов М.-С., Шихсаидов А.Р. Дербенд-наме (К вопросу об изучении). — Восточные источники по истории Дагестана. Махачкала, 1980, с.26—27; Кудрявцев А.А. Древний Дербент, с.76—77 и др.; Волкова Н.Г. Арабы на Кавказе. — СЭ. 1983, № 2, с.41—47.

³ Об остатках развалин некоторых ранних поселений, сохранившихся вблизи аулов Кемах, Гимейди, в конце XVIII в. писал еще Ф.Ф.Симонович (Симонович Ф.Ф. Описание Табасарана, 1796 г. — ИГЭД, с.197).

⁴ Бакиханов Аббас-Кули-Ага «Кудси». Гюлистан-Ирам. Баку, 1926 (Труды общества обследования и изучения Азербайджана, вып.4), с.89; Алкадари Г. Асари Дагестан. Пер. и примеч. Али Гасанова. Махачкала, 1929, с.21, 25; Гаджиева С.Ш. Дагестанские терекеменцы. XIX — начало XX в., 1990.

⁵ Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X—XI веков, с.30—31; История Дагестана. Т.1. М., 1967, с.115.

⁶ Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда Х-ХІ веков. с.35.

⁷ Там же. с.31

⁸ История Дагестана. Т.І, с.115; *Баладзори*. Китаб футух ал-булдан (Книга завоеваний стран). Пер. с араб. П.К.Жузе. — Материалы по истории Азербайджана. Вып.ІІІ. Баку, 1927, с.20.

⁹ Е.И.Козубский почти дословно воспроизводит текст А.В.Комарова (см.: Комаров А.В. Народонаселение Дагестанской области. — ЗКОИРГО. Кн.8. Тифлис. 1873. с.24).

¹⁰ Баладзори. Китаб футух ал-булдан (Книга завоеваний стран), с.17; см. также: История Лагестана. Т.І, с.115.

¹¹ Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1153 гг.). Публикация О.Г.Большакова, А.Л.Монгайта. М., 1971, с.49.

¹² Там же, с.49.

¹³ Дербенд-наме, с.84.

 $^{^{14}}$ Там же; см. также: Алкадари Г. Асари Дагестан, с.24.

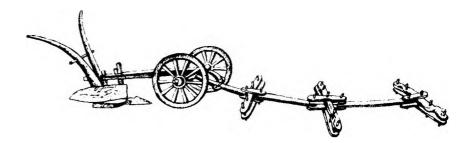
- 15 Дербенд-наме. Прил.1, с.116—117.
- 16 Якуби. Тарих (История). Пер. с араб. П.К.Жузе. Материалы по истории Азербайджана. Вып.IV. Баку, 1927, с.8—9.
- ¹⁷ Генко А.Н. Арабский язык и кавказоведение. ТИВАН. Вып.36, 1941, с.87.
- 18 Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа. С 1722 по 1803 г. Ч.П. СПб., 1869, с.571 (примеч.).
  - 19 Бакиханов Аббас-Кули-Ага «Кудси». Гюлистан-Ирам, с.15—16.
- 20 См.: Спасский П.И. Краткие исторические сведения о Дербентских укреплениях. 1927 г. Известия Азкомстариса. Вып.4. Тетр.2. Баку, 1939, л.32.
- 21 Е.А.Пахомов, также лично исследовавший вслед за П.И.Спасским Дербент и его оборонительные сооружения, пишет, что общая протяженность, начиная с самой цитадели, «около 40 км» (см.: *Пахомов Е.А.* Крупнейшие памятники сасанидского строительства в Закавказье. Проблемы истории материальной культуры. 1933, № 9—10, с.45).
- ²² Северную сторону местное население района называло Хазари (Хазар) или кафары (неверующие), а южную Гильвар или мусульманской стороной.
  - 23 Спасский П.И. Краткие исторические сведения..., л.32.
  - 24 Xan-Maromedos C.O. Дербент..., с.208.
  - 25 Симонович Ф.Ф. Описание Табасарана, 1796 г., с.197.
  - ²⁶ Симонович Ф.Ф. Описание Южного Дагестана. 1796 г. ИГЭД, с.153.
  - 27 Генко А.Н. Арабский язык и кавказоведение, с.85.
  - 28 Симонович Ф.Ф. Описание Табасарана. 1796 г., с.197.
  - 29 Полевой материал.
  - 30 ЦГА Дагестана. Ф.379, оп.1, д.564, л.82 (об.).
  - 31 См.: Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда Х—ХІ веков, с.123.
- 32 Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа. М., 1966, с.103, 106; Л.И.Лавров обнаружил в фонде А.В.Комарова в Ленинграде два рисунка, текст и перевод надписи «на башне Шелкани-кала при селении Гемейди»; Л.И.Лавров надпись прочитал и перевел так: «Крепость Шелкани на земле Хумайди». «Год завершения 400». Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа, с.103. По другой надписи, обнаруженной Л.И.Лавровым в фонде А.В.Комарова, Шелкани-кала находилась «на земле селения Биль-хеди» (там же, с.106).
- 33 Около селения Бильгади сохранились развалины одного из укреплений Дербентской горной стены, которую жители селения Бильгади и сейчас называют Шелкани-кала (крепость Шелкани).
- 34 Записано в 1985 г. в селении Бильгади Дербентского района от учителяпенсионера Амирова Агамирзы, 1904 г.р., эту же легенду нам приводили и жители селения Дарваг Табасаранского района Магарамов Зюльфикар, 1907 г.р., рабочий-пенсионер, и Мансуров Джалал, 1909 г.р., рабочий совхоза.
- 35 Записано в 1985 г. в селении Мугарты от Исмаилова Султан-Ахмеда, 1910 г.р., Курбанова Абдулкадыра, 1900 г.р., Аскерова Бейрама, 1906 г.р., Меликова Гаджиага, 1911 г.р. и Гараталиева Абдулшерифа, 1915 г.р.
- 36 В настоящее время на этом участке находится молочнотоварная ферма совхоза.
- 37 См.: Гаджиев М.С. К вопросу о местоположении сасанидского города Шахристан-и Иездигерда. Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1980, с.144—152.
- 38 [Лерх И.] Известия о втором путешествии доктора и коллежского советника Лерха в Персию от 1746 до 1747 г. Новые ежемесячные сочинения. СПб., 1790, ч.ХЫХ, июль, с.45—46.

- 39 Klaproth J.v. Georgaphisch-historische Beschreibung des Kaspischen Meere. Weimar, 1814, c.180.
- 40 Дагестанский сборник. Сост. Е.И.Козубский. Вып.І. Темир-Хан-Шура, 1902, с.152.
- 41 Башкиров А.С. К изучению памятников старины. Дагестанский сборник. Сост. Е.И.Козубский. Вып.III. Махачкала, 1927, с.235—236; Пахомов Е.А. Археологические экспедиции по районам Аз.ССР. Известия Азерб. ФАН СССР. 1938, № 3, с.34; Котович В.Г. Дагестан в III V вв. н.э. Очерки истории Дагестана. Т.І. Махачкала, 1957, с.33; Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании IV в. до н.э. VII в. н.э. М.-Л., 1959, с.226—227; История Дагестана. Т.І, с.122; Гаджиев М.С. К вопросу о местонахождении города Шахристан-и Иездигерда.
- ⁴² Исаков М. Исчезнувший город в Дагестане. Исторический журнал. 1941, № 6, с.156—157.
  - 43 Башкиров А.С. К изучению памятников старины, с.236.
  - ⁴⁴ Котович В.Г. Дагестан..., с.33.
  - 45 История Дагестана. Т.І, с.122.
  - 46 Гаджиев M.C. К вопросу, с.152.
  - 47 Комаров А.В. Народонаселение Дагестанской области, с.83.
  - ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Гагемейстер Ю.А. Хозяйственный очерк Кавказского края. Кавказ. 1847, № 7.
- 50 Родословную Аглаби см.: Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X—XI веков, с.164—165.
- 51 Фат-Али-хан был женат на сестре уцмия Амир-Гамзы Туту-бике, а Магомед-хан-бек был племянником Амир-Гамзы; во время столкновения Фат-Али-хана и Амир-Гамзы Хан-Мамед-бек перешел на сторону первого. См.: Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге. 1901 г. ИГЭД, с.183—184.
- 52 См.: Кавказ. 1847, № 48; аналогичные сведения приводит и А.В.Комаров о Хан-Мамед-кале. Год строительства укрепления он указывает 1775-й и отмечает, что здесь «жили зимой члены уцмийского дома» (Комаров А.В. Список населенных мест Дагестанской области. Сборник статистических сведений о Кавказе. Т.І. Тифлис, 1869, с.83).
  - 53 Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа, с.571.
- 54 Eichwald E. Reise auf dem Caspischen Meere und den Kaukasus in dem Jahren 1825—1826. Bd.11. Stuttgart, 1837, c.73.
- 55 О том, что оборонный фактор имел большое значение, говорит тот факт, что даже селения терекеменцев, несмотря на их расположение к Прикаспийской низменности и низкую плотность населения этого района, имели скученную планировку дома строились впритык друг к другу. Только в наше время начался процесс переселения отдельных семей с густонаселенных участков на свободные земли за чертой старого аула.
- 56 Исламмагомедов А.И. Дореволюционные поселения дагестанских азербайджанцев. — Быт сельского населения Дагестана (XIX — начало XX в.). Махачкала, 1981, с.25.
- 57 Свод статистических данных о населении Кавказского края, извлеченных из посемейных списков 1886 г. Дагестанская область. Тифлис, 1903.
  - Э8 Там же
- ⁵⁹ Не Дерпуш ли это, упоминаемый в источниках; арабы поместили «народ» «из Хемса в Гамади, из Дамаска в Дарваг, из Ардуна в Ерси, а из Мусула в город Дерпуш»; см.: Лербенд-наме, с.118.

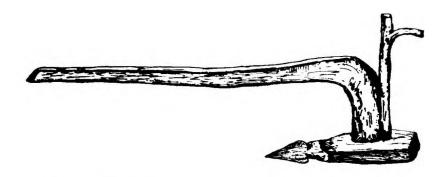
- 60 Свод статистических данных... Надо сказать, что горские евреи жили отдельными кварталами и в ряде других селений азербайджанцев: Гемейди, Бильгади, Мараге и др.
- 61 Ср.: Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А.Г. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967, с.89.
- 62 Петухов П. Очерк Кайтаго-Табасаранского округа. Кавказ. 1867, № 13.
- 63 Любимова Г.Н. и Хан-Магомедов С.О. Народная архитектура Южного Дагестана. Табасаранская архитектура. М., 1956, с.24 и сл.; Дебиров П.М. Резьба по дереву в Дагестане. М., 1982, с.108.
- 64 Османов М.О. Жилище. Современная культура и быт народов Дагестана. М., 1971, с.89; См. также: Хан-Магомедов С.О. Лезгинское народное зодчество. М., 1969, с.109; Исламмагомедов А.И. Поселения и жилища цахуров в XIX—XX вв. Дагестанский этнографический сборник. Вып.І, 1974, с.96.
  - 65 См.: Гаджиева С.Ш. Дагестанские терекеменцы..., с.88.
- 66 Хан-Магомедов С.О. Лезгинское народное зодчество, с.37, 47—48, 51; Кобычев В.П. Поселение и жилище народов Северного Кавказа в XIX—XX вв. М., 1982, с.117; Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А.Г. Материальная культура даргинцев, с.146. Гаджиева С.Ш. Материальная культура кумыков. Махачкала, 1961, с.62—63; Исламмагомедов А.И. Поселения и жилища цахуров в XIX-XX вв., с.92, 99, 100.
- 67 Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. Т.І. Кн.1. СПб., 1871, с.355—356.
- 68 Бардумян Д.С. Хозяйство и материальная культура армян. Народы Кавказа. Т.И. М., 1962, с.502.
- 69 Писарчук А.К. Традиционные способы отопления жилищ оседлого населения Средней Азии в XIX—XX вв. Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. М., 1986, с.10.
- 70 *Куфтин А.* Жилище крымских татар в связи с историей заселения полуострова. Материалы и вопросы. Мемуары этнографического отдела общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Вып. 1, М., 1925, с.24.
- 71 Исламмагомедов А.И. Поселения и жилища цахуров в XIX—XX вв., с.104.
  - 72 Подробнее см.: Гаджиева С.Ш. Дагестанские терекеменцы.... с.87.
- 73 История Дагестана. Т.І, с.121—122, 136, 181—182 и сл.; Артамонов М.И. Древний Дербент. СА. 1946, № 8, с.121.
  - 74 История Лагестана. Т.І. с.122.
- 75 Цит. по: *Караулов Н.А.* Сведения арабских географов IX—X веков по Р.Х. о Кавказе, Армении и Азербайджане. СМОМПК. Вып.38, 1908, с.88.
- 76 Цит. по: Караулов Н.А. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане. СМОМПК. Вып.29. Тифлис, 1901, с.11, 15.
  - 77 Цит. по: Караулов Н.А. Сведения..., с.88.
  - ⁷⁸ Там же.
  - 79 История Дагестана. Т.І, с.181; Кудрявцев А.А. Древний Дербент, с.156.
  - 80 Кудрявцев А.А. Древний Дербент, с.3.
  - 81 Подробнее см.: *Артамонов М.И.* История хазар. Л., 1962, с.202—219.
  - 82 Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда Х-ХІ веков, с.103-104.
  - 83 Артамонов М.И. СА. 1946. № 8. с.121.
  - 84 Tay We
  - 85 [Котов Ф.] Хожение купца Федота Котова в Персию М., 1958, с.71.
- 86 Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Пер. с англ. Ю.В.Готье. Л., 1937, с.202.

- 87 Лопухин А.И. Журнал путешествия через Дагестан. 1718 г. ИГЭД, с.29.
- 88 Олеарий А. Описания путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906, с.486.
  - ⁸⁹ Там же.
- 90 Зубов П. Картина Кавказского края, принадлежащего России и сопредельных оному земель в историческом, статистическом и этнографическом отношении. Ч.ИІ. СПб., 1835, с.260.
  - 91 Обзор Дагестанской области за 1913 г. Темир-Хан-Шура, 1915, с.б.
- 92 Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X—XI веков, с.119; Петрушевский И.П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI начале XIX в. Л., 1949, с.102, 140.
  - 93 История Пагестана, т.I, с.182.
- 94 См. подробнее: Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965; Гаджиев А.-Г. Помощь русского народа в установлении советской власти в Дагестане. Махачкала, 1963.
- 95 Путешествия в восточные страны Плано Карпини и В.Рубрука. М., 1957, ::187.
  - 96 Олеарий А. Описание путешествия..., с.487.
  - 97 Челеби Эвлия. Книга путешествий. Вып. 2. М., 1979.
  - 98 Олеарий А. Описание путешествия..., с.486.
  - ⁹⁹ Там же.
  - 100 *Стрейс Я.Я.* Три путешествия. М., 1935, с.235.
- 101 допухин А.И. Журнал путешествия через Дагестан. 1718 г. ИГЭД, с.29; см. также: Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. ИГЭД, с.86.
  - 102 Гербер И.-Г. Описание стран..., с.86.
  - 103 Симонович Ф.Ф. Описание Южного Дагестана, 1796 г., ИГЭД, с.143.
- 104 Кремский А.А. Выдержки из описания Дагестана и Ширвана. 1806 г. ИГЭД, с. 235.
- 105 Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч.П. М., 1823, с.335—336.
- 106 Заблоцкий П. Путевые записки из Астрахани, через Кизляр, в Баку, в 1835 и 1836 годах. Журнал Министерства внутренних дел. СПб., 1838, т.29, № 9. с.37.
- 107 *Березин И*. Путешествие по Дагестану и Закавказью. Казань, 1849, с.148.
- 108 Олеарий А. Описание путешествия..., с.486 (см. общий вид Дербента в 1638 г.).
- 109 Путешествие профессора Эйхвальда. Библиотека для чтения. Вып.2, 1838
  - 110 *Березин И*. Путешествие..., с.144.
  - 111 Хан-Магомедов С.О. Дербент..., с.8.
  - 112 _{Там же.}
- 113 Бакунина В.И. Персидский поход 1796 г. Русская старина. 1887, № 2, с.111.
- 114 См. подробнее: Спасский П.И. Дербентские древности (1927 г.). РФ ИИЯЛ. Ф.5, оп.1, д.48, л.1.
- 115 Спасский П. Дербентские укрепления. Известия Азкомстариса. Вып.4. Тетр.2. Баку, 1929, с.275.

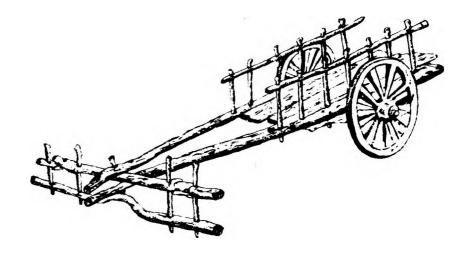
- 116 Пахомов Е.А. Крупнейшие памятники сасанидского строительства в Закавказье, с.44.
  - 117 Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда Х-ХІ веков, с.120.
  - 118 Спасский П.И. Дербентские укрепления, с.120.
- ^{119} Пахомов Е.А. Пехлевийские надписи Дербента. Общество обследования и изучения Азербайджана. № 8. Вып.5. Баку, 1929, с.71.
- 120 Подробнее см.: *Пахомов Е.А.* Крупнейшие памятники сасанидского строительства, с.45; Спасский П.И. Краткие исторические сведения о Дербентских укреплениях. РФ ИИЯЛ. Ф.5, оп.1, д.79, л.30—34; *Хан-Магоме-дов С.О.* Дербент..., с.207—227.
  - 121 Спасский П.И. Дербентские укрепления, с.270.
- 122 Ведомость населения города Дербента. РФ ИИЯЛ. Ф.1, оп.1, д.296, л.269.
- 123 Рапорт ген.-м. Граббе ген. Ермолову от 4 августа 1824 г. АКАК. Т.б. Ч.П. Тифлис, 1875, с.109—110.
  - 124 Там же.
  - 125 Козубский Е.И. История города Дербента, с.163.
  - 126 Они же Туркмен-капы.
  - 127 См.: Козубский Е.И. История города Дербента, с.299, 505.
- 128 Дербенд-наме, с.78—79; см. также: *Бакиханов Аббас-Кули-Ага* «Кудси». Гюлистан-Ирам, с.43.
  - 129 Козубский Е.И. История города Дербента, с.393.
  - 130 Дербенд-наме, с.79.
  - 131 См.: Азербайджанцы. Народы Кавказа. Т.ІІ. М., 1962, с.101.
  - 132 Дубровин Н. История войны..., т.I. Kн.2, с.357.
  - 133 Очевидно, речь здесь идет о нишах.
- 134 Гмелин С.-Г. Путешествие по России для исследования всех трех царств в природе. Ч.ІІІ, СПб., 1785, с.30.
  - 135 *Бутков П.Г.* Материалы..., с.581.
- 136 Кремский А.А. Выдержки из описания Дагестана и Ширвана. 1806 г. ИГЭД, с.235.
  - 137 Березин И. Путешествие..., с.146.
- 138 Бестужев-Марлинский А.А. Аммалат-бек и Мулла-Нур. Махачкала, 1968, с.149—150.
- ¹³⁹ Предписание ген. Ермолова ген.-м. фон Граббе от 5 марта 1824 г. АКАК. Т.б. Ч.II, с.108.
- ¹⁴⁰ Рапорт ген.-м. фон Граббе ген. Ермолову от 4 августа 1824 г. АКАК. Т.VI. Ч.ІІ, с.110—111.
  - 141 Там же, с.110.
- 142 Рапорт ген.-м. фон Граббе дербентскому коменданту от 2 июля 1825 г. АКАК. Т.б. Ч.ІІ, с.112.
  - 143 Козубский Е.И. История города Дербента, с.267.
- 144 Дагестанский сборник. Сост. Е.И. Козубский. Вып. II. Темир-Хан-Шура, 1904, с.99—100.
  - 145 Козубский Е.И. История города Дербента, с.315.
  - 146 Дагестанский сборник, с.101.

Тяжелый деревянный плуг котан

Легкий деревянный плуг хиш

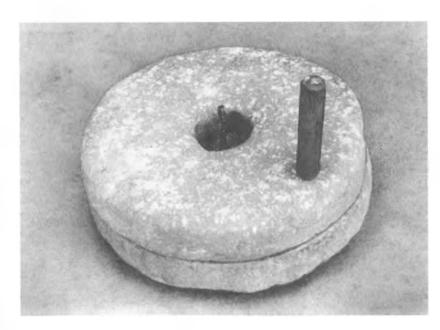

Молотильные доски

Рисорушка

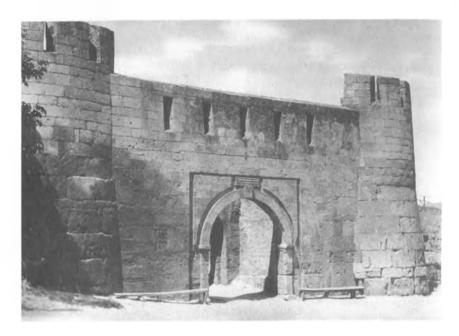
Ручная мельница эль дигирмени

Дербентская крепостная стена

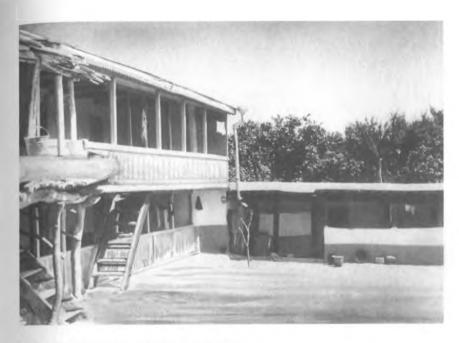
Ворота Кырхлар-капы

Ворота Баят-капы

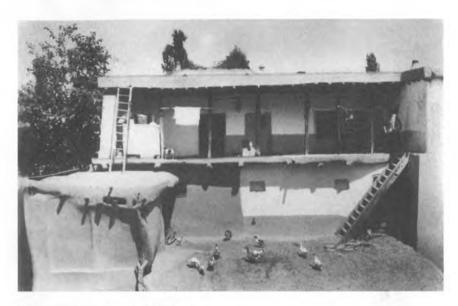
Один из кварталов Дербента с Джума-мечетью (конец XIX — начало XX в.)

Дом в сел. Уллутеркеме Дербентского района

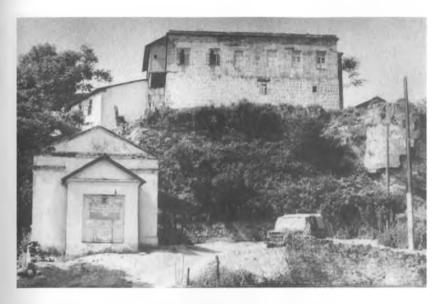
Дом в сел. Уллутеркеме Дербентского района

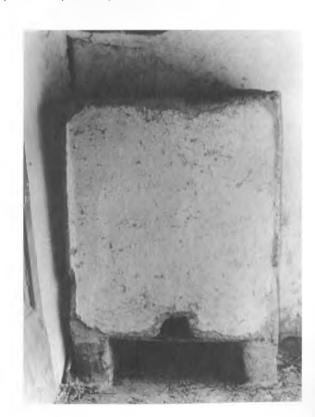
Дом в сел. Падар Дербентского района

Дом с балконами в сел. Падар

Бегский дом в сел. Дарваг Табасаранского района

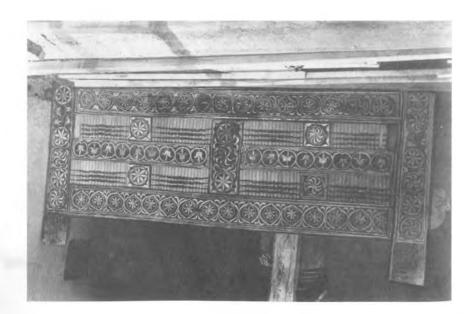

Ларь для хранения зерна и муки

Лари для хранения зерна и муки

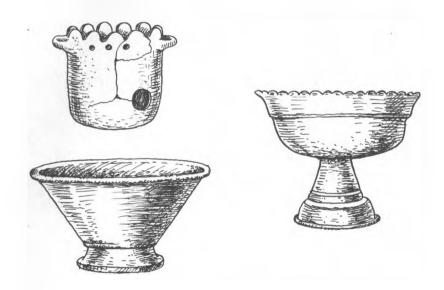

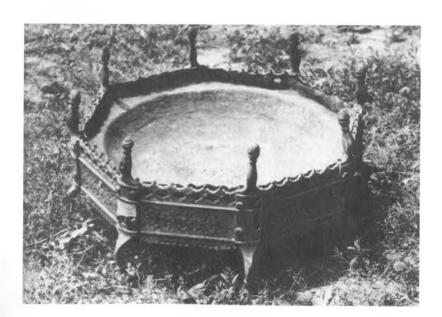
Хранилище для мякины

Мерки для сыпучих тел

Мангалы

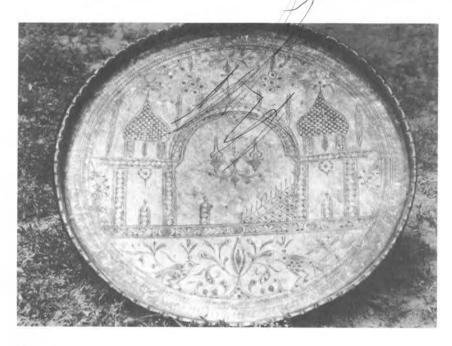

Кувшин для воды

Табурет для мангала

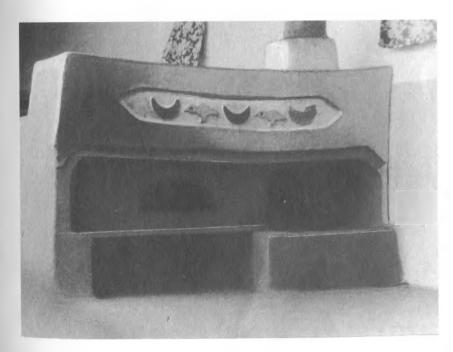
Медный поднос

Поднос с крышкой для плова

Медные котлы и дуршлаг

Хлебная печь корюк

Мерки для жидкостей

Женщина у корюка

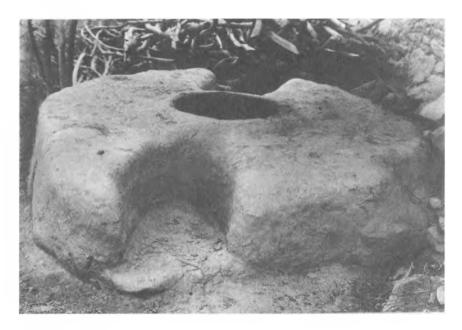
Хлебная печь тандир

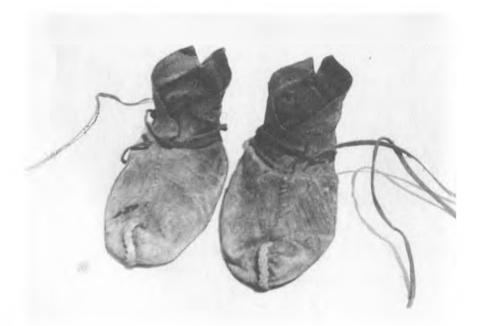
Женщина у тандира

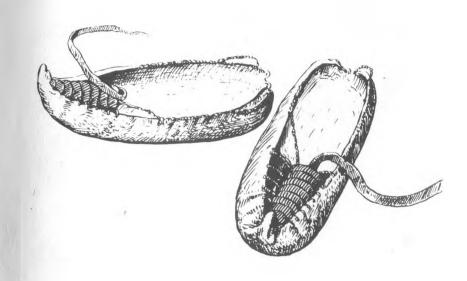
Хлебная печь тандир

Чарыки

Мужские сафьяновые сапоги

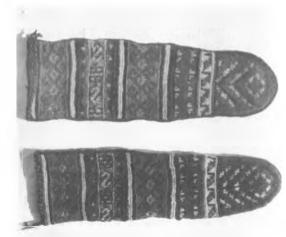

Дырыхи

Азербайджанцы в шубах

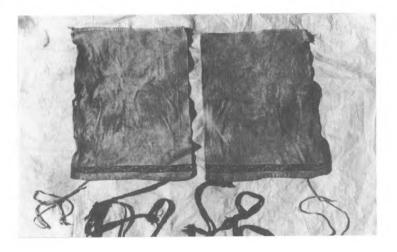
Мужские шерстяные носки

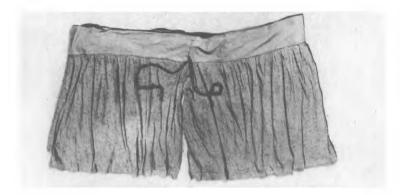
Кинжалы

Газыри

Матерчатые обмотки

Женские штаны

Азербайджанки в национальной одежде

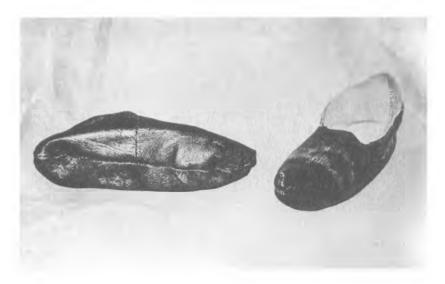
Женские платья

Женские кофты

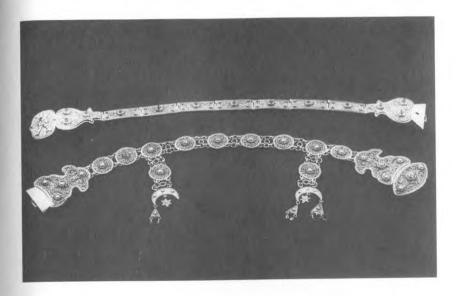

Женские сафьяновые чувяки

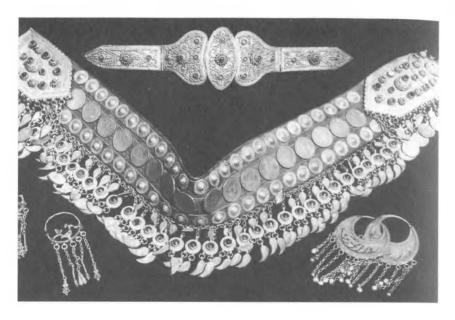

Женские кожаные башмаки

Женские пояса

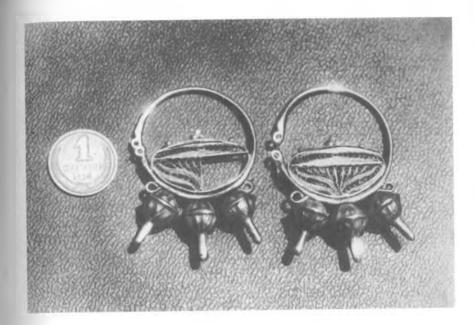

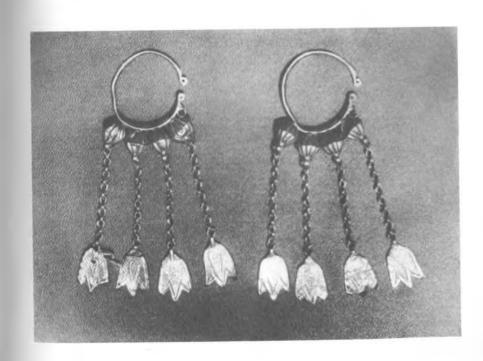
Женский пояс и серьги

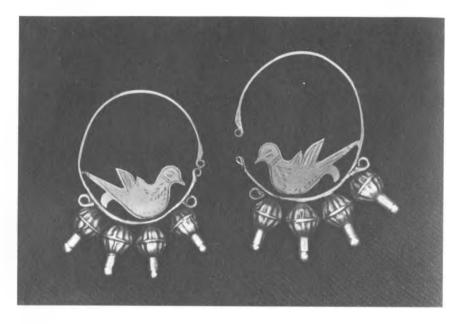

Женское нагрудное украшение

Серьги

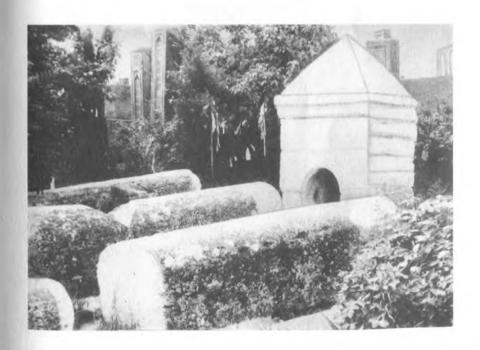
Серьги

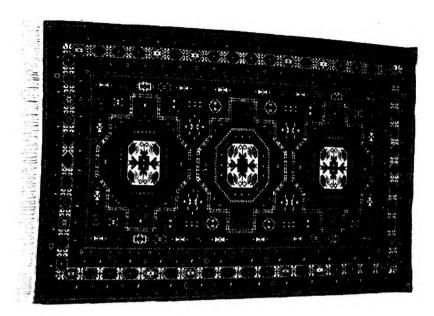

Мавзолей Туту-бике в Дербенте

Кладбище Кырхлар

Азербайджанский ковер (г. Дербент)

Ковровицица

- 147 Цит. по: Козубский Е.И. История города Дербента, с.288
- 148 Там же.
- 149 Там же, с.256.
- 150 ЦГА Дагестана. Ф.21, оп.3, д.12, л.145.
- 151 Козубский Е.И. История города Дербента, с.406.
- 152 Броневский С. Новейшие географические..., с.338.
- 153 Обозрение российских владений за Кавказом, Ч.IV. СПб., 1836, с 170
- 154 Там же.
- 155 Там же.
- 156 Там же, с.178—179.
- 157 Там же, с.178.
- 158~ Кремский А.А. Выдержки из описания Дагестана и Ширвана. 1806~г. ИГЭД, с.234.
- 159 О способах обработки кожи см.: *Гаджиева С.Ш.* Дагестанские терекеменцы..., с.65.
- 160 Подробнее см.: Каракашлы К.Т. Материальная культура азербайджанцев северо-восточной и центральной зон Малого Кавказа. Баку, 1964, с.150; Торчинская Э.Г. Мужская одежда азербайджанцев XIX начала XX в. по собранию государственного музея этнографии народов СССР. Хозяйство и материальная культура народов Кавказа в XIX XX вв. М., 1971, с.140—141; Трофимова А.Г. Обзор коллекций одежды народов Азербайджана Государственного музея Грузии им. акад. С.Н.Джанашиа. Там же, с.181.
- ¹⁶¹ См.: *Трофимова А.Г.* Обзор коллекций одежды..., с.182, 188; Грузины. Народы Кавказа. Т.И. М., 1962, с.104 (табл.5).
- ^{162} Гаджиева С.Ш. Одежда народов Дагестана. М., 1981, с.67—68, 69 (рис.36e).
  - 163 Олеарий А. Описание путешествия..., с.494.
  - 164 Дубровин Н. История войны..., т.I, кн.2, с.367.
  - 165 См.: *Трофимова А.Г.* Обзор коллекций одежды..., с.178 (рис.76).
- 166 Атакишиева М.И., Джебраилова М.А., Исламова В.М. Азербайджанская национальная одежда. М., 1972, рис.90.
- 167 В городе Дербенте фите еще и поясная повязка, кусок красной ткани (примерно 2 м длины), которым обвертывали себя женщины во время мытья в бане в присутствии людей.
- 168 См.: Азербайджанцы. Народы Кавказа. Т.ІІ, с.124; Атакишиева М.И., Джебраилова М.А., Исламова В.М. Азербайджанская национальная одежда, рис.3, 66; Иранцы (персы). Народы Передней Азии. М., 1957, с.199; Турки. Там же, с.350.
- 169 Булатова А.Г. Национальная одежда дагестанских цахуров. Дагестанский этнографический сборник. Вып.1. Махачкала, 1974, с.140; Гаджиева С.Ш. Одежда народов Дагестана, с.190, рис.51а, г; Аванян Н.Х. Народная одежда армян Арциха в XIX начале XX в. Хозяйство и материальная культура народов Кавказа в XIX—XX вв. М., 1971, с.214 (рис.121), 219 (рис.1—3); Атакишиева М.И., Джебраилова М.А., Исламова В.М. Азербайджанская национальная одежда, рис.24, 66, 86 и др.
- 170 О разновидностях хинкала и способах его приготовления подробнее см.: *Гаджиева С.Ш.* Дагестанские терекеменцы..., с.100.
- 171 Записано в 1963 г. в селении Ерси Табасаранского района от Нурутдина Эфендиева 1905 г.р., в городе Дербенте от Рагимы Мадатовой 1937 г.р.

- 172 Дубровин H. История войны..., т.I, ч.1, с.541.
- 173 О разных видах чуду см.: Гаджиева С.Ш. Дагестанские терекеменцы..., с.102.
  - 174 Подробнее см. там же, с.103—104.
  - 175 Cм.: Кавказский календарь на 1914 г. Отд. общ. Тифлис, 1913, с.97.
  - 176 Там же, с.98.
- 177 Записано в 1987 г. в селении Ерси Табасаранского района от Тельмана Нурудиновича Эфендиева, 1936 г.р.

Глава V

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА

Исследование проблемы социальных отношений и политического строя азербайджанцев Дагестана вызывает значительные трудности. Правда, отдельные вопросы их общественной жизни, в частности магала Терекеме, получили отражение и в общих, и в специальных трудах дагестанских ученых1. Однако в целом тема о социальных отношениях и политическом строе, о феодальных отношениях у азербайджанцев этого региона остается малоизученной. Если не считать монографического исследования о терекеменцах, то до настоящего времени нет ни одной специальной работы, посвященной социальным отношениям и политическому строю у этой группы азербайджанцев. Особенно слабо исследованы общественные отношения предгорных азербайджанцев, составляющих, как известно, большинство азербайджанского населения в этом районе. Главные затруднения заключаются в почти полном отсутствии письменных источников по интересующей нас проблеме применительно к первой половине XIX в. Несколько лучше обстоит дело с освещением истории феодальных отношений этого народа во второй половине XIX и начале ХХ в.

Наиболее ценным источником для изучаемого нами периода представляются посемейные списки 1886 г., хранящиеся в ЦГА Дагестана (ф.21, оп.5). В них кроме данных о численности хозяйств, составе семей и всего населения изучаемых обществ мы находим весьма интересные сведения о земельно-правовых отношениях (о землях феодальных владетелей, о величине крестьянских наделов, феодальной ренте, государственных налогах и др.).

В распоряжении исследователя имеется, кроме того, довольно большое число ценных архивных материалов, особенно сословно-поземельных комиссий в Дагестане (южнодагестанской сословно-поземельной комиссии, созданной в 1869 г., и др.). Эти материалы дают возможность проследить экономические и общественные отношения у населения исследуемого района, главным образом во второй половине XIX и в начале XX в. Необходимо отметить, что эти материалы требуют серьезного анализа и критического подхода, так как приводимые в них сведения, исходящие от представителей феодальных верхов, нередко необъективны и преследуют цель «доказать» царской

администрации «исконность» своих прав на общественные земли и даже на личность крестьянина, не говоря о многочисленных видах ренты и др. Значительный интерес в этой связи представляет мнение председателя Сословно-поземельной комиссии по военно-народному управлению Кавказского края, высказанное 25 апреля 1901 г., в котором он, между прочим, отмечает, что кайтагские уцмии и беки до присоединения к России во многих случаях выступали лишь как правители, а не как землевладельцы, «Лишь с подчинения края русской власти, — отмечает он, — начальствующие лица в отношении беков и поселян постепенно стали вносить дух земельнокрепостной зависимости. Беки очень скоро поняли и сообразно этому стали менять свои показания»². И все же критический подход к этим материалам дает возможность не только объективно охарактеризовать состояние феодальных отношений в этот период, но и ретроспективно взглянуть на прошлое, попытаться реконструировать социальный строй азербайджанцев данного района в первой половине XIX в. и даже в более ранний период.

Богатую информацию содержат, кроме того, все виды частной и официальной переписки, в том числе жалобы крестьян по многочисленным случаям ущемления феодалами их прав, а также переписка царской администрации на Кавказе по поводу этих жалоб. Наибольшее число таких жалоб падает на конец XIX — начало XX в.

Другая сложность заключалась в том, что в рассматриваемое время дагестанские азербайджанцы входили не в одно феодальное образование а в три: в Кайтагское уцмийство. владение Табасаранского кадия³ и Дербентское ханство. Каждое из трех этих владений наряду с общими закономерностями развития феодальных отношений имело и специфические черты. Да и для Дагестана в целом вплоть до 60-х годов XIX в. были характерны феодальная раздробленность, разделенность на множество (иногда сравнительно крупных) владений феодалов, а также союзы сельских обществ. Примечательно, что для решения спорных межфеодальных усобиц владетели время от времени собирались на территории более нейтральных. «безопасных» сельских обществ. По традиции таким обществом являлось, в частности, селение Кубачи. «Шамхал, усмей. Сурхай (т.е. казикумухский хан. — $C.\Gamma$.) и другие здешние владельцы, — писал И.-Г.Гербер, — имели всегда собрание в Кубеше, когда между собою имелася какая ссора, и здесь, яко в нейтральном месте, помирилися. Для крепкаго положения онаго места многие из здешних владельцов богатство свое туды во временах неприятельских в сохранение посылают...» 4.

Как свидетельствует анализ источников и специальной литературы, для всех азербайджанских сельских обществ изучаемого района были характерны сравнительно развитые

феодальные отношения. По степени развития феодального способа производства ведущее место, пожалуй, занимал магал Терекеме Кайтагского уцмийства. Такое заключение содержится и в названном выше докладе председателя Сословно-поземельной комиссии по военно-народному управлению Кавказского края: «Наибольшая зависимость существовала в плоскостной части Кайтага — Терекеме будто бы потому, что здесь уцмий на своих землях поселил выходцев из Кубы, Шемахи и других мест» 5. В то же время, ссылаясь на источники, он опровергает принадлежность этих земель в прошлом самому уцмию, приводит сведения, говорящие о том, что «уцмий Султан-Ахмед отнял эти земли от ирчамильцев и заселил их выходцами из других мест, а сопротивлявшихся старшин предал смерти» 6.

Не требует специального доказательства, что раяты и других азербайджанских обществ Дагестана испытывали тяжелый феодальный гнет, несли многочисленные подати и повинности в пользу своих владельцев.

Хотя в общественно-экономической жизни населения, особенно города Дербента и прилегающих к нему селений, интенсивно развивались и капиталистические отношения, тем не менее вплоть до начала XX в. район в целом оставался районом феодальных производственных отношений.

Феодальные правители

Верховными правителями в рассматриваемом районе были: в Кайтаге — уцмий, в Северном Табасаране — кадий, в Дербенте с прилегающими к нему некоторыми землями (Улусский магал) — хан. Власть этих правителей была неограниченной и переходила по наследству к старшему в роде — от старшего брата к младшему, от дяди — к племяннику, от отца — к сыну и т.д. Отдельными частями владения в основном правили члены тех же феодальных фамилий.

«Право наследования в мусульманских провинциях, — отмечалось в одном документе о порядке утверждения феодальных правителей на Кавказе, — переходит от старшего брата к меньшему и в случае неимения брата — к старшему сыну, если он рожден от законной жены равного происхождения»⁷.

Подобно тарковскому шамхалу, кайтагский уцмий и табасаранский кадий свою родословную связывали с арабскими завоеваниями Дагестана. В частности, свой род они выводили из рода корейшитов; однако исследованиями ряда авторов эта версия опровергается⁸.

Об основании власти кадия в качестве главы феодального владения в Северном Табасаране в народной памяти сохранилось предание, суть которого в следующем: «В XVII веке в результате разразившейся среди майсумов междоусобной борьбы

были истреблены почти все члены этого дома, переселившегося в это смутное время из Хошни (Хучни. — $C.\Gamma$.) в сел. Джерах... Ослаблением майсумов воспользовался кадий, приобретавший влияние в народе, и утвердил свое господство над нынешней Северной или кадиевой Табасаранью...» 9.

Определенный интерес представляют формы торжественного церемониала провозглашения нового верховного правителя в Кайтаге и в Табасаране, т.е. уцмия и кадия. Там и тут, судя по источникам, обряд происходил при большом стечении народа. О ритуале «избрания» кадия табасаранские архивные источники 1870 г. содержат, например, следующее предание: «При избрании кадия общества узденские и раятские собирались ниже селения Хушни на равнине Харба-Куран, и там старший из известного тухума селения Хорюк надевал на избранного кадия свою старую папаху, а (папаху. — $C.\Gamma$.) кадия брал себе, в этом заключается обряд посвящения в достоинство кадия. Избранный кадий не обязан был знать шариат, а это достоинство переходило к старшему в роде, хотя бы он был и безграмотный. Кадий табасаранский шариатских дел не решал»¹⁰. Таким образом, здесь мы видим провозглашение светского главы, правителя, а не собственно духовного главы, хотя и продолжавшегося называться по-прежнему кадием.

Пошел до нас и другой вариант этого предания, записанный в 1867 г. поручиком Сотниковым. В нем говорится, что старший в роде кадиев бек, желая утвердиться в качестве общего правителя, сперва давал знать об этом ругуджскому старшине и «этот последний сообщал товарищам своим, старшинам храхскому и хивскому, с их обоюдного согласия оповещал народ собраться на Харба-Куран (ниже Татиля, около моста)... В назначенный день являлся на Харба-Куран предполагаемый в кадии бек: он садился на камень... Тогда старшина сел. Хурик, из тухума Ильдин-Ягляр, подходил к избираемому кадию, снимал с него папах и надевал на него свой, стоящий, как говорят, 20-30 коп., а его папах — на себя, говоря при этом, чтобы кадий был к народу справедлив и милостив; потом начинались поздравления: сначала поздравлял кадия хурикский старшина, потом — три главных старшины и народ; начиналась джигитовка; весь народ отправлялся в деревню кадия, где его угощали одни сутки; на другой день влиятельные лица получали подарки от кадия: ругуджский старшина — лошадь, храхский и хивский — по 1 штуке рогатого скота, по 1 штуке рогатого скота получали старшины ханагский и хурикский; затем другим, менее значительным лицам дарили по 1 штуке бурмету. Тем кончилось посвящение в кадии»¹¹.

Почти аналогичным был порядок провозглашения нового уцмия в Кайтаге. Церемониал и здесь проходил при большом стечении народа в селении Башлы, являвшемся со второй половины XVII до начала XIX в. резиденцией уцмиев. Согласно

обычаю, на голову нового уцмия возлагали специальный головной убор как знак власти¹². Примечательно, что этот традиционный головной убор, по имеющимся сведениям, хранился у тухума «арабского происхождения в магале Ирчамуль»¹³, а привилегия исполнения обряда торжественного возложения принадлежала тухуму Гасанбека¹⁴. Судя по источникам, «в избрании на уцмийское достоинство башлинцы» имели «главное влияние». Думается, названный здесь тухум Гасанбека был одним из известных тухумов сельского общества Башлы. На этом же сходе определялся и наследник — будущий уцмий¹⁵.

В отличие от Табасарана, в Кайтаге наследник правителя намечался заранее и именовался гаттым (къаттым). Очевидно, гаттым находился в своем удельном владении и только во время провозглашения его уцмием «призывался в сел.Башлы» 16.

После провозглашения уцмия, как и кадия, устраивались торжества с угощением. Влиятельные лица, прежде всего старшины крупных узденских обществ, активно участвовавшие в церемониале «избрания» данного правителя, получали, так же как и во владении кадия, крупные подарки.

Приведенное выше говорит о значительной роли в прошлом и даже в XVIII в. узденских сельских обществ в утверждении власти того или иного представителя феодального дома. Хотя власть правителей была наследственной, возведение их на высокий пост (уцмия, кадия) во многом, а иногда всецело зависело от воли узденской верхушки, иногда даже неподвластной обществам. Вспомним, что раяты в этом церемониале почти не играли никакой роли или вовсе «не допускались к выбору»¹⁷. Не случайно поэтому, что «избрание», или обряд провозглашения, правителя происходило не в раятских обществах, а в узденских.

Прерогативы кадия и уцмия не всегда переходили, однако, к старшему в роде, и не всегда акт «избрания» сопровождался празднествами. Нередко сильные и влиятельные представители владетельных фамилий узурпировали власть 18, а после присоединения к России в ряде случаев кандидатуры на эти важные посты просто навязывались царской администрацией.

Несколько иначе складывалась судьба правителей Дербента. Дербентское ханство представляло собой одно из самых известных феодальных владений в Южном Дагестане. Еще в XVIII в. оно включало в свой состав Улусский магал, а также селения, расположенные по правому берегу р. Самур, со смешанным (азербайджанцы, лезгины, табасаранцы и др.) населением — Мюшкур, Низабат, Шабран, Рустау и Бешбармак 19. Вся территория ханства простиралась на юг от владений Кайтагского уцмия до предгорья Табасаранского хребта на западе и северо-восточных границ Кубинского ханства на юге 20.

К сожалению, подробные данные о порядке наследования здесь ханской власти членами правящего дома отсутствуют.

Однако отрывочные сведения, имеющиеся в литературе, позволяют предположить, что в изучаемое время титул «хан» (или «правитель») переходил по обычаю либо к старшему в роде, либо по прямой нисходящей линии (от отца к сыну). Эти традиции, правда, и здесь нередко нарушались, и вопрос, кому быть правителем Дербента, зависел в данном случае от ведущих держав Востока, и прежде всего от Ирана. Так, в XVI, XVII и в начале XVIII в. Дербент управлялся назначаемыми и часто сменяемыми шахом хакимами.

Назначаемый шахом правитель, чаше с титулом «султан». разделял власть «с наибом из местной знати, по-видимому наследственным»²¹. И.-Г.Гербер еще в начале XVIII в. писал о Дербенте: «Всегда здесь имелись султаны или губернаторы. также наипы или горододержавцы. Султаны всегда присылались от шаха из Испогани и великую власть имели над всеми к Дербенту надлежащими уездами»²² Господство Ирана над Пербентом и некоторыми близлежащими обществами продолжается с перерывами вплоть до начала XIX в. Иранские правители рассматривали Пербент как северный форпост на пути реализации своих захватнических планов на Восточном Кавказе. Считая Дербентское владение одним из своих семи «улька» на Восточном Кавказе, шахи Ирана назначали сюда своих правителей, называвшихся то хакимами, то султанами, то наместниками, а также зависимых от последних наибов²³. Последнего, т.е. наиба, как отмечал тот же И.-Г.Гербер, «всегда выбирали из знатных дербентских фамилий и во оной чин от шаха конфирмованы быть стали»²⁴.

Наиб дербентский «выбираем был из знатнейших тамошних жителей и подтверждением от шаха» 25, — отмечал и П.Г.Бутков. Судя по письменным источникам, хакимом Дербента и начальником местного ополчения, состоящего из «газиев», поселенных здесь частей кызылбашских племен в 1628 г., был баят «Фаррух-султан из выслужившихся шахских гулямов» 26.

Известный исследователь истории народов Кавказа Л.И.Лавров, который довольно четко охарактеризовал политическую ситуацию в истории Дербентского владения начиная с XI в., писал: «До 1065 г. они (эмиры Дербента. — С.Г.) управляли от имени арабских наместников Армении и Азербайджана, иногда — хазарских хаканов и ширван-шахов Ширвана. С 1065 года некоторое время находились в подчинении сельджукских султанов. В XIII—XIV вв. они признавали власть ханов Улуса Джучи и Ильханов... В XV—XVIII вв. Дербент считался в составе Ирана, котя в конце XVI и в начале XVII в. он был оккупирован турками, а в начале и в конце XVIII в. его занимали русские войска» 27.

Об этом важном событии А.-К.Бакиханов писал: «Ширван отошел навсегда от Персии. Тогда образовались в нем отдельные ханства, и владетели их, управляя наследственно и независимо,

сделались самостоятельными государями» ²⁸. Эти события имели прямое отношение к Дербентскому ханству.

Известно, что при вступлении Петра I в Дербент (1722 г.) наибом города был имам Кули-хан. В качестве самостоятельного владетеля он сдал город царю и преподнес ему серебряный ключ от ворот Дербента²⁹. В ответ Петр назначил имама Кули-хана ханом дербентским и начальником «туземного» войска³⁰ с присвоением ему чина генерал-майора. Имам Кули-хан происходил из шиитского рода Курчи, из которого обычно формировалась шахская гвардия. С титулом хана с 1747 г. правил в течение 12 лет его сын Мухаммед-Хасан³¹. Период его правления отличался особым обострением противоречий внутри ханства, падением экономики, чем умело воспользовался соседний кубинский владетель Фат-Али-хан. Он сумел привлечь на свою сторону всех недовольных Мухаммед-Хасаном, прежде всего беков, и в 1760 г. «выступил из Кубы с сильным ополчением и овладел Дербентом»³². Пербентом»³². Пербентом»³². Пербентом»³³. Пербентом»³⁴. Пербентом»³⁴. Пербентом»³⁴. Пербентом»³⁴. Пербентом»³⁴. Пербентом привистем привистем

Как явствует из приведенных выше данных, история Дербентского владения — одного из древнейших политических образований — довольно сложна. В 1806 г. Дербентское владение было окончательно присоединено к России и титул хана (при Ших-Али-Хане), по существу, был упразднен. Управление ханством, за исключением самого города Дербента, было передано тарковскому Мехти-шамхалу³³, женатому на сестре свергнутого Ших-Али-хана, Пери-Джахан-Ханум. Одновременно Дербент перешел в ведение военного коменданта.

В царской грамоте о передаче Дербентского ханства в управление Мехти — шамхалу Тарковскому говорилось: «Мы... признали за нужное... город принять в наше управление, а вас в награждении усердия к службе и верности к императорскому престолу нашему пожаловать в достоинство хана Дербентского» 14. Практически этим актом из бывшего Дербентского ханства к тарковскому шамхалу переходил Улусский магал, который включал в себя девять населенных пунктов (Арабляр, Азат-оглы, Билиджи, Джалган, Куллар, Молла-кент, Молла-халил, Селик, Нюгди) 35.

Как видно из грамоты, данной шахмалу, титул хана Дербентского мог передаваться по наследству, т.е. переходить к преемникам Мехти-шамхала: «Возведя вас сею нашею императорскою грамотою, всемилостивейше утверждаем и обещаем содержать как вас, так и преемников ваших, которые будут удостоены и признаны от нас в звании шамхала Тарковского и хана Дербентского под нашим верховным покровительством» 36. Однако со смертью Мехти-шамхала (1830 г.) титул хана фактически был упразднен. Тем не менее потомки шамхала продолжали владеть Улусским магалом еще долго. Только по распоряжению главного начальства, последовавшему в июне 1883 г., «населенные и ненаселенные имения» шамхала Тарков-

ского, находившиеся в Улусском магале, были «переведены в казенное ведомство»³⁷. Даже в 1900 году наследница генералмайора князя Шамсудина-хана, шамхала Тарковского, княгиня Султанат Тарковская предъявила в суд иск о признании за ней права собственности на этот магал³⁸.

Из правителей Дербента наибольшей популярностью в XVIII в., пожалуй, пользовался Фат-Али-хан (род. в 1736 г., ум. в 1789 г.) 39. Как известно, приход к власти Фат-Али-хана Кубинского в Дербенте был непростым./ Пользуясь сложной обстановкой, связанной с произволом в Дербентском ханстве, гнетом Мухаммед-Хасан-хана, правившего здесь в середине XVIII в., и опираясь на активную поддержку некоторых дагестанских феодальных владетелей (тарковского шамхала, кайтагского уцмия, табасаранского кадия и др.), в 1765 г. Фат-Али-хан Кубинский овладевает городом Дербентом 40. Еще до этого он отнимает у дербентского хана территорию по правому берегу р. Самур — Мюшкур, Низабат, Шабран, Рустау и Бешбармак, а также деревни Улусского магала⁴¹. Фат-Али-хану наследовали его сыновья — сначала Ахмед-хан (1789-1790), затем 13-летний Ших-Али-хан. Последний в 1796 г., т.е. 18-летним, за измену был низложен царской администрацией и взят в плен.

Вот что пишет об этих событиях в своих воспоминаниях В.И.Бакунина, жена русского офицера, участника похода в Пербент 1796 г.: «Ших-Али-хан был привезен к графу (речь илет о В.А.Зубове) обезоруженный, с саблею на шее, так же как вся его свита в знак того, что они приносили свою голову для искупления своей вины и полагались вполне на милосердие русских. Кадыр-Бек, самый богатый и влиятельный из жителей Пербента и первый советник хана... обратился к графу с речью, в которой просил пощадить юного хана и наказать самого Кадыр-Бека» 42. Однако во время похода русских в Шемаху Ших-Али-хану удалось бежать из-под караула конвойной команды, причем состоявшей из 200 человек донских казаков. За ним гнались на протяжении «более 25 верст», но не могли догнать в неизвестных для русских горных местах⁴³. Из Кубы Ших-Али-хан бежал в Иран, затем вернулся на Кавказ и умер в деревне Белоканы.

Следует назвать и двух членов семьи Фат-Али-хана — его жену Туту-бике, сестру уцмия Кайтага Амир-Гамзы, и его дочь Пери-Джахан-ханум, сестру Ших-Али-хана.

Известно, что Фат-Али-хан, женившись на Туту-бике и находясь главным образом в Кубе, управление Дербентом нередко поручал жене, назначая ей в помощники одного из преданных ему дербентских беков⁴⁴. Будучи в неприязненных отношениях с ханом, уцмий решил захватить власть в Дербенте и во время отсутствия хана под видом свидания с сестрой вошел в город и овладел им. После трехдневной осады Фат-Али-хану удалось изгнать шурина из города. Когда уцмий сделал еще

одну попытку, также пользуясь отсутствием хана, захватить Дербент, «неустрашимая Туту-бике, — как отмечал И.Березин, — однажды обманутая братом, защищалась храбро и сохранила Дербент мужу»⁴⁵. Очень волевой, стойкой характеризуют Туту-бике и народные предания⁴⁶.

Когда Ших-Али-хан был взят русскими в плен (1796 г.), правительницей Дербента стала его сестра Пери-Джахан-ханум, сторонница русской ориентации. В помощники ей «в делах управления был назначен Хадырбек (в некоторых документах — Кадир-бек. — $C.\Gamma$.), всегда проявлявший преданность к России» ^{47} .

Екатерина II. получив донесение графа В.А.Зубова⁴⁸ о назначении Пери-Джахан-ханум правительницей Дербента и о ее услугах при взятии Дербента, незамедлительно ответила: «Управительнице Лербентской Пери-Джахан-ханум посылаю я перо, серьги и перстень в подарок. Прошу к ней доставить, буде ты ея поведением по делам доволен. Сказывают, что она девица умная и хорошая собою... Мне показалось, что в ея образе есть что-то рыцарское, что мне понравилось. И ты с нею поступил как честный рыцарь, и я это весьма одобряю» 49. Как видно из источников. Пери-Джахан-ханум (иногда она именуется «княгиня Бике») действительно оказывала большую помощь в утвержлении власти русских в Лербентском и Кубинском ханствах. По внушению графа Зубова она приехала из Дербента в Кубу и пригласила скрывавшегося в горах своего младшего брата Хасанбека для возведения его в ханский сан. В Кубе его приняди с большими почестями, население города ему присягнуло. В лагере русского отряда гостя встретили пышным церемониалом. шестнадцатью пушечными выстрелами и музыкой. Словом. Хасан-бека признали «владетельным ханом Кубинским»⁵⁰. Все же, боясь мести своего старшего брата, Хасан-хан вынужден был вскоре оставить Кубу и возвратиться в Дербент; туда же вернулась и Пери-Джахан-ханум «с собственным конвоем, состоящим из 200 чел. конницы»⁵¹. Хотя Хасан-бек и возвратился в Дербент правителем и «в присутствии Российских генералов принял присягу о верности жителям города, но, чувствуя, что не в силах сопротивляться старшему брату своему Ших-Али-хану. оставил город и с матерью поехал в Тарки к шахмалу просить его зашиты» 52.

Следует отметить, что ханский престол в Дербенте иногда, правда на короткий период, занимали несовершеннолетние наследники. Так, сын Имам-Кули-бека, Магомед-Гусейн, в девятилетнем возрасте стал наибом, а через два года — ханом Дербентским⁵³. В таких случаях, естественно, регентство осуществляли приближенные люди или родственники хана.

Как мы уже частично упоминали выше, до ликвидации ханской власти уцмий Кайтага, хан Дербента, кадий Табасарана

в своих владениях пользовались неограниченными правами. Им принадлежало право на жизнь, смерть и имущество своих подвластных.

О дербентских ханах, например, известный востоковед И.Н.Березин писал: «Дербентский хан был лицо совершенно самовластное в своем маленьком владении: он мог, никого не спрашиваясь и никому не давая отчета, казнить и миловать, гнать и жаловать всех и каждого без различия званий. (Хан сосредоточивал в своих руках всю исполнительную и судебную власть, даже по делам, подлежащим суждению "шариата" духовного закона: таким образом, все тяжбы по наследству начинались в канцелярии хана, потом переходили на исследование и рассмотрение шариатских мулл и окончательно утверждались и приводились в исполнение ханом. Жалобы по денежным взысканиям поступали прямо к хану, который сам производил следствие: если ответчик отказывался от долга, то проситель должен был предоставить свидетелей, и в случае, если он доказывал свою правоту, имение ответчика продавалось с публичного торга..., а ответчик за ложное отрицание наказывался, по общей восточной методе, палками и денежным взысканием»⁵⁴.

Ученый И.Березин пишет о мерах наказания в ханстве. Так, пойманный за кражу третий раз вор «лишался чего-нибудь вроде носа, уха или руки»⁵⁵. Широко практиковалось, по его свидетельству, и заключение в тюрьму за наиболее тяжкие преступления.

Н.Дубровин применительно ко всем азербайджанским правителям отмечал следующее: «Произвол и ничем не обузданные страсти составляли характеристику ханского управления. Хан был единственное лицо, в котором сосредоточивались все законы, все права жителей, бывших для правителя не более как рабами, над которыми он имел полную власть жизни или смерти. Для ханов не существовало никаких сословий среди подданных: по личному их произволу сегодняшний раб делался завтра беком, точно так же как первейший из сановников, в силу того же произвола, наказывался телесно за самую ничтожную вину, и весьма исправным количеством ударов. По одному знаку хана выскакивали фараши⁵⁶, и в одно мгновение провинившийся лежал уже на спине; ноги его, прикрученные к фалаге, подымались наверх и наказывались по пятам гибкими жасминовыми тростинками. Точно такой же знак хана — и виновному резали руку, ногу, одно или оба уха, язык, выкалывали один или оба глаза»57.

Подобную характеристику адресует Н.Дубровин и дагестанским владетелям: «Ханы управляли своими владениями совершенно неограниченно, и все дела, кроме маловажных, решались по их личному усмотрению. Произволу ханов не было никаких

пределов; жестокость обращения с подвластными составляет исключительную черту ханского правления... Ханы управляли своими владениями через посредство беков, чанков и старшин» ^{58} .

Как свидетельствуют источники, по указанию табасаранского кадия «убивали людей, и за это убийцы не подвергались никакому мщению со стороны родственников убитого»⁵⁹.

Отдельные владетели вели при этом безнравственный образ жизни. По имеющимся сведениям, Ших-Али-хан, например, не только «похищал девиц, лучших красавиц Дербента, но и отнимал супруг от отчаянных мужей, чтобы после со смехом и поруганием отослать их обратно в свои жилища; ни слезы добродетельных красавиц, ни бешенство мужей, ни просьбы матерей, ничто не смягчало сладострастнаго деспота; он с злобным смехом смотрел на отчаянные лица жертв своих, хладнокровно внимал крику мятущихся граждан и в часы ярости своей лишал жизни знаменитых беев, против него вопиющих» 60.

Не случайно жители Дербента в обращении на имя астраханского военного губернатора К.Ф.Кноринга от 3 марта 1801 г. о своем бывшем хане Ших-Али-хане писали: «Мы Ших-Али-хана совершенно знаем. Он нами владел, человек ветренный и любящий роскошную жизнь, грабитель и несправедливый, мы его гнушаемся, он нам несносен, охотно пожелаем жертвовать жизнь с женами, детьми и имуществом, нежели быть во власти у него»⁶¹. Такое обращение основывалось, очевидно, на слухах, что Ших-Али-хан может снова стать ханом Дербента.

Хану, уцмию, кадию, как и другим феодальным владетелям Дагестана, принадлежало право объявлять войну, заключать мир, регулировать отношениями между беками — членами своих феодальных домов и т.д. Когда между беками возникали ссоры, разногласия, их «окончательно» 62 решали верховные правители. По требованию своего властелина «беки обязаны были с своими нукерами и подвластными выходить на войну» 63. Словом, в их руках сосредоточивалась вся политическая. административная и судебная власть. Влияние этих правителей нередко распространялось и на узденские общества. Так, уздени Табасарана хотя и имели свой суд, тем не менее в особо важных случаях «они обращались к суду кадия, который решал дело окончательно»⁶⁴. В случае войны по призыву кадия они выходили вооруженными отрядами ему на подмогу⁶⁵/ Правители Дагестана до присоединения края к России самостоятельно решали свои внешнеполитические дела. В политическом отношении в несколько особых условиях находились дербентские ханы. В отличие от других дагестанских владетелей, дербентский хан имел право чеканить свою монету, хотя, как отмечал Е.И.Козубский, только по «малому ее количеству» и «только одну монету абасы» 66.

Управленческий аппарат. Каждый владетель (хан, уцмий, кадий, а позднее и беки) в своей деятельности опирался на определенный управленческий аппарат. В нужных случаях он собирал диван (род совета), куда входили самые влиятельные беки и разные сановники, а также представители высшего духовенства. В административном отношении феодальные владения обычно делились на магалы (участки). «Во время власти ханов в мусульманских провинциях, так же как и ныне, — писал полковник Миклашевский графу Паскевичу в своем рапорте от 22 апреля 1830 г., — существовало разделение оных на магалы. В каждом магале был правитель, а иногда по нескольку, судя по многолюдству, обстоятельствам, влиянию сильных и приближенных к хану» 67. Так, в состав Кайтагского владения входил магал Терекеме. Дербентского ханства — Улусский магал. Кроме того. для удобства управления при Фат-Али-хане, например, Дербент был разделен на четыре части, и каждую из них хан передал «в управление особому беку, а в случае надобности один из этих беков назначался наибом, и тогда ему подчинялся весь город» 68.

Магальные беки имели разнообразные функции: занимались раскладкой и своевременным внесением феодальных податей и повинностей, надзором за порядком в магале, назначением и смещением должностных лиц, судопроизводством, сбором по указанию хана вооруженной силы и командованием ею во время походов, заботой об охране границ и др. В числе управлявших чиновников, надо полагать, находились и магальные наибы, ведавшие отдельными участками работ, в том числе и финансами (казначей — дефтердар), кадий, судья, даруга, кедхуда — старшины, юзбаши, чауши, нукеры и др.

Согласно устным преданиям, главным помощником хана Дербента по управлению владением был везир. Наиболее почетные должности (кедхуда, даруга, юзбаши) нередко занимали сами беки. Один из наибов, назначаемый ханом, управлял его загородным владением — Улусским магалом, в который входило девять населенных пунктов. После передачи Улусского магала шамхалу Тарковскому им ведал назначенный уже новым владетелем наиб (при Абу-Муслиме, в 1837 г., наиб Сейран) 69. Именно подобную систему управления в Дагестане имел в виду Н.Дубровин, когда свидетельствовал: «Ханы управляли своими владениями через посредство беков, чанков и старшин» 70. Эти лица, в свою очередь, имели собственный управленческий аппарат (кадий, даруга, кевха, кедхуда, чауш, нукеры и др.).

В некоторых обществах наряду с кедхуда применялся также термин «юзбаши». При ханском управлении «юзбашество давалось за заслуги и даже переходило в наследство»⁷¹. Даруга — это управляющий хозяйством владетеля. Даругами главным образом «были любимцы хана, который, желая вознаградить за оказанные услуги какого-нибудь лица, делал его даругою в селении, предоставляя пользоваться определенными дохо-

дами...»⁷². Кедхуды в Дербенте — квартальные надзиратели следили за чистотой и порядком в своих кварталах. И наконец, в каждом сельском управлении были чауши — глашатаи.

И.-Г.Гербер отмечал, что «каждая деревня (речь шла о Дербентском ханстве. — С.Г.) имеет своего каухайлы, старшину, из которых несколько подчинены одному из башей, а над всем уездом, прежде всего султан дербентский, поставлял одного друга (очевидно, имеется в виду даругу. — С.Г.), который доходы в Мушкуре собирал и ему вручал»⁷³. Таким образом, сельский старшина — кавха подчинялся юзбаши, юзбаши — даруге, а даруга — хану. Кроме того, магальный наиб при себе имел «нукеров-дружинников, которые употреблялись для разных поручений и в роде экзекуций...»⁷⁴. Весь этот управленческий аппарат содержался за счет феодальных податей, собираемых с зависимого крестьянства — раятов.

В административном управлении большую роль играло высшее духовенство во главе с шейх-уль-исламом. Судопроизводством (шариатским судом) ведали назначаемые ханом кадии; они осуществляли также некоторые другие функции, в том числе нотариальные.

Правители нередко имели по две-три резиденции — летние и зимние. Так, Фат-Али-хан «лето всегда жил в Кубе ради про-хладного воздуха, а зиму — в Дербенте, где выстроил дворец в цитадели» 75. Уцмий Кайтагский лето проводил в горах (Кала Курейше), зиму — на равнине.

Военные силы. Властвовавшие над зависимым населением феодальные владетели Дагестана, в том числе Южного, опирались на военную силу. Последняя была представлена в основном постоянными дружинами.

Как видно из письменных источников, правители этого региона, например, в конце XVIII в., в общей сложности могли выставить войско: уцмий Кайтага — до 7000 человек, кадий Табасарана — 2500, дербентский хан — до 4000 человек⁷⁶.

Очевидно, гвардейцы хана назывались «курчи». Характеризуя военные силы дербентского хана, кроме ополчения, И.-Г.Гербер отмечал: «Между теми одна рота конна, называемыя курчи, над которой наип сам капитаном или юзбаши, и можно курчи почесть яко гвардию шахову, ибо оные в великой чести и почтении бывали, и, кроме шахской воли, в курчи никто не мог написан быть». По его сведениям, «жители в Дербенте, все воинские люди, избираются из них около 600 человек конных и 1000 человек пехоты»⁷⁷. Курчи содержались в особых условиях, получали большое жалованье и имели рядом с Дербентом свои посевы⁷⁸.

Дербентский султан, по сведениям П.И.Лопухина, участника посольства А.П.Волынского в Персию 1716—1718 гг., содержал при себе «всегда готовых человек 1000, а если нужда позовет, то может собрать из уездных военных людей с 5000, потому что и

мужики в деревнях каждый при себе ружье имеет» ^{79} . По его описанию, перед султанским двором было выставлено «46 пушек медных» ^{80} .

По сведениям, приводимым Ф.Ф.Симоновичем, участником персидского похода 1796 г., «на случай... военных пособий и других непредвидимых надобностей берет он (хан Дербента. — С.Г.) всегда от 500 до 1000 человек войска, а с каждого двора, как в городе, так и в деревнях, от 20 до 30 рублей и хлеба, сколько потребно»⁸¹. Последнее свидетельствует о тяжелом налоге с крестьян на содержание войска.

Однако основной костяк вооруженной силы во всех владениях составляли нукеры (нукер, ногор — в переводе «друг», «дружинник»). Поступая на службу того или иного правителя, нукер должен был иметь коня, оружие и приличную одежду. В ряде случаев нукеров содержали сами владетели⁸². Большинство нукеров были выходцами из состоятельных слоев. Но нередко число нукеров пополнялось и за счет представителей зависимого населения, людей, известных своей храбростью и физической силой.

Нукеров имели не только крупные феодальные владетели, но и удельные, магальные беки, подвластные правителям. Чем знатнее был правитель, тем больше было у него нукеров. В начале XIX в., например, кайтагский уцмий Адиль-хан являлся в русскую комендатуру в Дербенте «не иначе... как окруженный до 500 человек и более конновооруженными в панцирях нукерами»⁸³. Число нукеров зависело не столько от желания, сколько от возможностей и влияния хана, кадия, уцмия или бека. Так, у табасаранского Рустам-кадия в нукерах служило «много... влиятельных людей из узденской Табасарании, и тогда власть его была действенна на всю Табасаранию»⁸⁴.

Среди нукеров были и рядовые и привилегированные лица. Последние составляли круг как бы ближайших к правителю особ, военно-придворных чинов, постоянную его свиту во всех поездках, людей, готовых пролить за него кровь в походах и в междоусобицах. Своих любимцев хан, уцмий и кадий, как и другие феодальные владатели, щедро награждали землями, правом собирать подати и повинности с населения подвластных деревень. Землю нукерам обычно давали на правах временного держания. Если нукер по своей воле оставлял своего господина, то он должен был вернуть ему обратно все, чем тот его одарил (землю, лошадь, оружие и т.д.) 85.

Доходы правителей. Возвращаясь к общей характеристике власти феодальных правителей (уцмия, хана, кадия), отмстим, что они в своих владениях являлись и самыми крупными собственниками земли и движимого имущества.

Они взимали по своему усмотрению феодальную ренту (оброк или барщину) с подвластного населения, получали плату за аренду принадлежавших им нефтяных, рыбных, соляных

промыслов, а также штрафы за различные проступки подданных. Пополнением для казны служили доходы от сдаваемых в аренду малоземельным горцам-животноводам зимних пастбищ — кутанов. По данным того же И.-Г.Гербера, на одни только зимние пастбища уцмия Ахмед-хана горцы ежегодно перегоняли «более 100 000 баранов», благодаря чему владетель имел «немалые доходы» 86.

Согласно сведениям, относящимся к концу XVIII в., от сбора пошлины за провозимые через его владения товары уцмий имел доход 45 тыс. руб. в год⁸⁷. По сведениям Д.И.Тихонова (1796 г.), уцмий получал с каждой повозки товара, провозимого через его земли, по 2 руб. 50 коп. серебряной российской монетой, а с повозки фруктов — 1 руб. 30 коп., с каждого пуда красок (марены) — по 2 руб. 50 коп., с каждой лошади — по 50 коп., с 20 голов овец и крупного рогатого скота — по одной овце или по одной голове крупного рогатого скота, с едущего верхом или пешего торговца (русского, армянина, еврея) — по рублю⁸⁸. Свою таможню на юге для контроля за транзитом, по имсющимся у нас сведениям, уцмий держал у дербентских ворот⁸⁹.

Последний из уцмиев, Адиль-хан, лишенный А.П.Ермоловым титула в 1820 г., только от терекеменских нефтяных источников («нефтяные черные колодцы»), находившихся на откупном содержании, имел годовой доход от 500 до 700 рублей серебром⁹⁰. Кроме того, от таможенной тамги в Дербенте, бывшей в рассматриваемое время также на откупе, он имел по 100 рублей серебром, от 13 ятагов (на пастбищных участках) — от 700 до 1000 овец, имел он и многие другие источники обогащения ⁹¹. Доходы Адиль-хана пополнялись и за счет сдачи на откуп соляных озер, марены из терекеменских селений (Кара-даглы, Татляр, Великент, Дели-Чобан, Мамед-кала и Падар), жители которых не имели права свободной продажи этих товаров⁹².

Внук Адиль-хана, Амирчопан, еще в начале XX в., по далеко не полным данным, имел одних только пастбищных угодий до 2851 десятины⁹³.

Что касается годового денежного дохода дербентского хана собственно только по городу, по данным Ф.Ф.Симоновича (1796 г.), то он составлял более 20 тыс. руб. Это был доход «от пошлин с местных и рахтарных дворов, лавок, фабрик, с провозных товаров и прочего» 4. Хан получал также подати и повинности от подвластного населения — горожан, а также от жителей Мюшкура, Низабата, Бешбармака, Улусского магала. Более того, на случай военных и других непредвиденных надобностей правитель взимал «как в городе, так и в деревнях, — как отмечалось выше, — от 20 до 30 рублей и хлеба, сколько потребно» 5. «Сверх того, — писал известный русский историк М.Чулков, — имел великий доход, на всякий год по 50 000 рублей из шаховой казны, чтобы оные

употреблялись по благорассуждению, и в сих деньгах никогда отчету от него не требовали» ^{96} .

Отдельные подробности о доходах Фат-Али-хана сообщает и С.Броневский: хан «получал знатнейший доход с принадлежащих ему и завоеванных провинций, равно как и от дани, платимой прочими ханами. Доход, собственно ханству Дербентскому присвоенный, составляет не более 20 тыс. рублей серебром, да сверх того некоторое количество хлеба и прочих съестных припасов, взимаемых с поселян для ханского стола в натуре» 97. Согласно М.Чулкову, часть доходов с местного населения дербентский хан тратил «на содержание каналов, городских стен и публичных строений, также на жалованье гражданским и военным служителям», а часть, разумеется, пополняла личную казну владетеля.

Феодальная раздробленность и ее ликвидация. В XIX в. Табасаран и Кайтаг находились в состоянии глубокой феодальной раздробленности. Центробежные силы в этих владениях действовали настолько сильно, что борьба за власть или за удел нередко приводила к трагическим событиям, вплоть до истребления части того или иного феодального дома.

В конце XVIII в., по данным того же Ф.Ф.Симоновича, например, в Северном Табасаране владения табасаранского кадия были разделены на четыре части-удела: в трех из них сидели его братья Махмуд-бек (местопребывание — селение Гимейди), Магомед-бек (селение Пенжи) и Мурза-бек (селение Марага); четвертую часть, владения с резиденцией в селении Ерси, кадий оставил за собой 8. В это время, судя по одним сведениям, в «кадиевом Табасаране» было 20 деревень 9, а по другим — 24100. Дробление прежде единого владения в Северном Табасаране предание приписывает кадию Рустему, современнику Петра I.

«До Рустем-кадия, — отмечает известный нам по Северному Табасарану Сотников, — раятская Табасарань не подвергалась разделу между членами кадиевого семейства. Табасаранью управляли одни кадии, в его распоряжении сосредоточивалась вся сила Табасарани» 101.

В начале XIX в. в политической жизни народов Дагестана, в том числе и дербентских азербайджанцев, происходит важное событие. В октябре 1813 г. между Россией и Ираном был заключен Гюлистанский мир, по которому вся территория Дагестана окончательно закреплялась за Россией 102.

Известно, что после присоединения края к России местные владетели (шамхал, уцмий, ханы, старшие князья и др.) в своей внешней политике стали подчиняться власти высшей администрации на Кавказе в лице военного командования. Каждый из дагестанских владетелей, утверждаясь на высокий пост и занимая его, обычно принимал присягу на верность российскому престолу в городах Кизляре или Дербенте. В 1804 г., судя по

источникам, в Дербенте происходила процедура принятия присяги уцмием Али-ханом. «Принявши над владением сим управление, — писал Али-хан в письме к князю Цицианову в марте того же года, — как сам, так и все народы наши желаем служить Е. В. Государю и быть в числе его верных» 103.

Как отмечал П.В.Гидулянов, от ханов требовалось, «вопервых, более тщательное отношение к принятым на себя по договорам обязательствам, во-вторых, ханы... принявшие русское подданство, обязаны были: 1) платить определенную дань часто естественными произведениями; 2) давать в залог верности аманатов; 3) нести различные натуральные повинности вроде выставки арб на нужды войск и проч.»¹⁰⁴. В залог верности дагестанские владетели обычно представляли своих аманатов в аманатный двор в Дербенте. Этим способом для сохранения верности подданству со стороны местной знати больше всех пользовался генерал А.П.Ермолов. При нем в тюрьмах томилось и гибло немало заложников 105.

А.П.Ермолов считал, что о судьбе аманата дербентский комендант не должен «доносить государю императору», так как ему высочайше предоставлена «власть казнить смертью изменников России» 106.

Такие акции применялись русским командованием на Кавказе и в отношении других владений и зависящих от них сельских обществ. Первоначально царская администрация на Кавказе занимала позицию невмешательства во внутренние дела местных феодальных правителей, хотя и не желала их чрезмерного усиления¹⁰⁷. «Этой политикой невмешательства во внутреннее управление, — отмечал П.В.Гидулянов, — ханы воспользовались как нельзя лучше и в короткое время сделали свою власть над подданными совершенно безграничной»¹⁰⁸.

Кавказская администрация предоставляла местным правителям всевозможные политические и экономические привилегии, щедро награждала чинами и орденами, выдавала жалованье и всевозможные пособия. Так, «за ревностное служение» царскому престолу уцмий Рустем-хан в числе других был пожалован «в 4-й класс чинов государственных и стал получать 2000 рублей серебром в год» 109. Жалованья и чины получали и его потомки — Али-хан, Адиль-хан и др. Уцмий Адиль-хан имел чин генерал-майора русской армии и жалованье 2000 руб. серебром в год 110. Чин генерал-майора получил и его внук, Уцмиев Амирчопан, чин полковника — Ахмед-хан Уцмиев и др.

Аналогичная политика царских властей проявлялась и в отношении других феодальных правителей-азербайджанцев Южного Дагестана. Так, в «высочайшей императорской грамоте», выданной в 1799 г. кадию Табасарана Рустему, выражается высочайшее благоволение, а «за усердное служение царской империи присваивается ему чин 4-го класса с жалованьем по 1500 рублей в год». В этой грамоте Рустем-кади назван

«любезноверным и преданнейшим Табасаранской области владетелем»¹¹¹. Сыну его, Абдулла-беку, был присвоен чин полковника¹¹². В 1799 г. рескриптом Павла I Шейх-Али-хану был пожалован чин 3-го класса¹¹³, а позднее, в 1806 г., наиб Дербента Али-Пенах-бек был возведен «в майорский чин»¹¹⁴.

Царская администрация на Кавказе заботилась о чинах и жалованье не только правителей, но и их потомков. Так, в декабре 1858 г. князь Барятинский ходатайствует перед председателем Кавказского комитета князем Орловым о назначении вдове управлявшего Кайтагом и состоявшего по армейской кавалерии генерал-майора Джамав-бека Адиль-Уцмиева, Фатимат-бийке, «с пятью малолетними детьми пенсии... по 860 руб. серебром в год» 115.

Иными словами, всевозможными знаками внимания царская администрация, разумеется, не бескорыстно, старалась укрепить власть феодалов, их экономические и политические позиции на местах.

«Покровительствовать туземной аристократии, конечно, мы вынуждены для того, чтобы через влиятельных в народе лиц держать и самый народ в повиновении. Главнокомандующий разделяет мнение Вашего превосходительства и находит весьма основательным Ваше предположение, чтобы некоторых из достойнейших князей... употребить ближайшими орудиями в управлении краем» 116, — писал граф Д.А.Милюткин графу Н.И.Евдокимову в 1857 г.

Все же по инициативе той же русской власти на Кавказе в административно-политическом устройстве феодальных владений постепенно происходили определенные изменения, которые в конечном счете привели к полной ликвидации власти крупных феодальных правителей на местах. Ограничивая права этих владелетей, царская администрация шаг за шагом укрепляла свои позиции на местах. Это ясно изложил в своем письме. адресованном графу Н.И.Евдокимову, граф Д.А.Милюткин: «Но, с другой стороны, на совершенное представление им всего управления никак согласиться не может (речь идет о мнении главнокомандующего. — $C.\Gamma.$) и опасается, что подобная мера отдалила бы надолго всякую надежду на будущее преуспевание края в гражданственности и просвещении». Он допускал, что «отдельными частями могут управлять офицеры из туземцев, но главное управление... должно быть в руках русского штабсофицера»¹¹⁷. Правда, здесь речь шла об управлении Кумыкским округом, но это касалось и всего Дагестана. Царская администрация, поддерживая власть местных правителей, не желала ее чрезмерного роста. Когда кайтагский уцмий обратился к русской администрации с просьбой помочь ему оградить «свое владение от возмутителей порядка и беспорядков, происходящих якобы от родственников и других беков», а также «завладеть Сара-Башлами», командование на Кавказе встретило это неодобрительно. В своем рапорте генералу Ртищеву от 6 февраля 1815 г. генерал-майор Хатунцов по этому поводу писал: «Такое намерение уцмия есть весьма предусмотрительно и расчетливо с собственными его пользами; и ежели все то сделается, как он хочет, то, конечно, уцмий будет лучшим владельцем, нежели как есть и как были его предки» 118.

В своей прокламации к «каракайтагскому народу» от 26 января 1820 г. генерал Ермолов указал, что «уцмием никто быть не может без утверждения императора, и сего достоинства не иначе достигнуть можно, как отличною верностью, большими трудами и усердною службою» 119. Еще в 1818 г. Ермолов писал в отношении шамхала Тарковского, что его «делать слишком могущественным не должно» 120.

Отметим в этой связи хотя бы тот факт, что в случае измены присяге дагестанские владетели немедленно лишались власти. Так, за измену и отказ явиться в военную комендатуру в Дербент был лишен власти уцмий Адиль-хан. Одновременно был навсегда ликвидирован сам титул «уцмий». В письме к графу Нессельроде от 10 января 1820 г. генерал Ермолов так писал об уцмии Адиль-хане: «Сего, как подлейшего изменника прокламациею удаляю с сыном от уцмийского достоинства» 121. «Навеки уничтожаю достоинство уцмия» 122, — повторил А.П.Ермолов устно, когда в 1824 г., после смерти отца, Хан-Магомед-бек (старший сын уцмия Адиль-хана) с матерью явился к нему с повинной.

Одновременно с упразднением титула «уцмий» подлежали конфискации в пользу государства и все «доходы, кои принадлежали бывшему уцмию, как с родовых его имений, так и с деревень, по достоинству уцмия плативших ему подать» 123. Были изъяты в пользу казны и имения тех беков, которые присоединились к уцмию Адиль-хану. Многие селения, подвластные уцмию, согласно распоряжению А.П.Ермолова в это время переходят в ведение казны, а управление — к особому приставу, подчинявшемуся, в свою очередь, дербентскому коменданту 124.

Еще раньше, в 1806 г., при Ших-Али-хане, изменившем царскому престолу, также был упразднен титул дербентского хана. Управление ханством, за исключением самого Дербента, было передано Мехти шамхалу Тарковскому¹²⁵, женатому на дочери Фат-Али-хана Кубинского и Дербентского — Пери-Джахан-ханум¹²⁶. По этому поводу Гудович писал шамхалу, что ему пожаловано в «непосредственное владение со всеми доходами Дербентское ханство, не менее обширное, как и ваше Тарковское владение, всемилостивейше при этом утвердив вас и ханом Дербентским, столь знатное присоединение к вам селений Дербентских умножило вместе с тем, и в большом количестве, и доходы ваши»¹²⁷. В 1815 г. за участие «в антирусской борьбе вместе с Шихали-ханом табасаранские владетели были отстра-

нены от власти, а управление Табасараном до 1823 г. было возложено на коменданта» 128. В 1823 г. А.П.Ермолов в строгом тоне писал кадию Абдуразаку: «Извольте быть мне приятелем или прятаться в горах с мошенником Абдуллой» 129. Правда, правление кадия со временем было восстановлено. С 1845 по 1851 г. Северным Табасараном управляли кадий Шахмардан и Исмаил-бек Марагинский. В 1851 г. кадием Северного Табасарана был утвержден капитан Айди-бек Рустам 130.

Одновременно царская администрация в Дагестане целенаправленно проводила политику переориентации на иную социальную силу — сословие беков, выдвигая последних на авансцену местного управления и рассматривая их как основную для себя опору. Лишая уцмия Адиль-хана власти, А.П.Ермолов в своей прокламации к каракайтагскому народу подчеркивал, что «народ должен управляться беками и кевхами, как до сих пор... Беки должны иметь участие в управлении тех деревень, кои имеют они по наследству или получают от правительства в вознаграждение заслуг...»¹³¹. Это противопоставление правителей и беков, т.е. представителей одного и того же сословия. проводилось неотступно и дало свои результаты. Только с образованием округов в Дагестане (1861—1867 гг.) беки были лишены, причем лишь частично, административной власти над раятами, но, как мы увидим ниже, в полной мере сохранили свои былые права на феодальную ренту, а также на всевозможные штрафы.

Здесь же отметим, что с ликвидацией ханств в Дагестане, особенно в пореформенный период, был упразднен (частично) и институт нукеров: «Сей класс людей совершенно бесполезен и только употребляется иногда для пополнения полицейских служб при магальных наибах»¹³².

Таким образом, как было отмечено выше, политика царского правительства с конца XVIII и начала XIX в. была направлена на ограничение власти феодальных правителей Дагестана. Эта политика особенно ярко проявлялась в действиях генерала А.П.Ермолова и была временно ослаблена при последующих главнокомандующих. 1 апреля 1858 г. было утверждено и вскоре издано «Положение об управлении Кавказской армией». В нем был особый раздел «По управлению горскими народами, не вошедшими в состав гражданского управления». Это был первый официальный документ о так называемом военно-народном управлении.

19 июня 1860 г. при главном штабе Кавказской армии создается Канцелярия по управлению кавказскими горцами. В том же, 1860 г. образуется Дагестанская область, в которой действует особое «Положение об управлении Дагестанской областью и Закавказским округом». Дагестанская область была разделена на четыре военных отдела: Северный Дагестан, Средний Дагестан, Верхний Дагестан и Южный Дагестан.

Кроме этих военных отделов в область включались два гражданских управления: Дербентское градоначальство (вместе с Улусским магалом) и управление портовым городом Петровском. Военные отделы объединяли округа. В результате административных реформ в Дагестане были образованы Даргинский, Темирханшуринский, Аварский, Андийский, Кюринский, Казикумухский, Гунибский, Самурский округа. Из Кайтагского уцмийства и обеих частей Табасарана (бывших владений майсума и кадия) в 1866 г. был образован Кайтаго-Табасаранский округ. Были созданы и наибства: так, из Нижнего Кайтага и Терекеме — Нижне-Кайтагское наибство, а в Северном Табасаране — Северо-Табасаранское наибство, оба подчинявшиеся Кайтаго-Табасаранскому окружному управлению. Одновременно царская администрация щедро компенсировала местных феодальных владетелей Дагестана. Так, правителю Северного Табасарана майору Эльдар-кади-Айди-беку было пожаловано 496 десятин казенной земли и 400 руб. в год пенсии 133.

Таким образом, завершился процесс ликвидации политической самостоятельности феодальных владетелей в Дагестане и образования централизованной системы управления. В результате впервые установилась единая система административного управления, что способствовало устранению не только политической, но и экономической раздробленности Дагестана ¹³⁴.

Беки. Вторую ступень на феодальной лестнице общества азербайджанцев Южного Дагестана после правителей занимали беки (беги). Беки как владетели уделов сохраняли, хотя и не всегда, определенную вассальную зависимость от правителя. Они «обязаны были беспрекословно исполнять приказания уцмия, относящиеся к воинской повинности: являлись на службу его во время войны на коне или пешие, вместе со своими полвластными» 135. Надо сказать, что все правители чуть ли не с рождения носили свои титулы. Как мы уже отмечали, кайтагский уцмий и табасаранский кадий наделяли членов своих домов населенными и ненаселенными землями с правом наследственного владения и управления. Что касается Дербентского ханства, то здесь, в отличие от других владений, порядок пожалования беков землей с правом передачи по наследству, как правило, не практиковался. Титул бека был либо родовым, либо пожалованным ханом. Следовательно. беками иногда именовались и лица небекского происхождения. но назначенные ханами для управления отдельными его землями или магалами. Это, очевидно, имел в виду Н.Ф.Дубровин, когда писал об удельных землях: «Некоторые из беков имели наследственные права над подчиненными им деревнями, жители которых находились в административной их зависимости. Другие же из беков назначались для управления или пожизненно, или на срок» 136. Пожалуй, правы авторы, которые отмечали, что порою титул бека владельцы получали «в знак некоторого предпочтения за заслуги или за милости хана, которые в гневе своем так же легко обращали в прежнее состояние, как давали им оное» 137. «Во время ханского управления, — говорится в "Записке о правах беков, агаларов...", — беки города Дербента не имели у себя никаких потомственных деревень и только получали их в награду от хана во владение на несколько лет, а когда не нравилось хану, то от них отбирались» 138.

Эти особенности бекского землевладения и сбора податей в Дербентском ханстве при Ших-Али-хане хорошо показал А.Г.Серебров: «Беки (он их еще называет помещиками. — С.Г.)... кои имеют деревни... во-первых, должны быть от хана обложены податями сполна, как денежными, так и провиантом и другими съестными припасами, и сей сбор наипервее для хана, а потом начинают собирать себе беки по тарифу, от хана объявленному... Потомственно же селениями не владеют по причине, что друг у друга отнимают беспрестанно. Продавать же или уступать другому помещику не могут, понеже все то зависит от полной воли ханов» 139.

Ясно одно, что ханы Дербента давали своим служилым людям и титул бека, и земли на определенный срок. Можно согласиться с Н.Дубровиным, который писал применительно ко всему Азербайджану, что пожалование имений «производилось в виде аренд на время и очень редко давалось в потомственное владение», поэтому «большей частью бек управлял пожалованными деревнями и пользовался с них доходами до тех пор, пока был в милости хана, а в противном случае сразу лишался всего» 140.

Согласно и другим авторам, дербентские беки «не имели почти никаких отличий: они должны были служить при хане по его распоряжению и не имели никаких потомственных имений и деревень, а получали их от хана во владение на неопределенное время, т.е. когда они начинали не нравиться хану, то имения отбирались и отдавались во владение другим»¹⁴¹.

Итак, в Дербентском ханстве существовало несколько видов временных и пожалованных земель, но большинство из них можно было отобрать по желанию хана.

Обычай возведения в беки с пожалованием населенных и ненаселенных земель существовал и в других феодальных владениях исследуемого района. Особенно часто он практиковался в Кайтагском уцмийстве. Так, И.-Г.Гербер отмечал, что уцмий Ахмед-хан «своих старшин и знатных людей жалует и одаривает» 142. На это же указывал спустя почти 70 лет (1796 г.) и Д.И.Тихонов: «Кутаны, или хуторы, уцмием некоторые отданы его чиновникам за услуги» 143. Получивший такую землю во временное владение обычно пользовался и титулом «бек», пока находился на службе у уцмия.

Такой порядок пожалования землей служилых людей, очевидно, был характерен не только для указанных владений.

«Возведение в беки с пожалованием населенного имения, -писал Ф.Ф.Торнау о правовом статусе пожалованных беков применительно ко всей Каспийской области, — передавали свои права и потомству, если только вели себя сообразно видам хана: утверждение в прочем наследников в правах жалованного бека означалось всегда особым повелением владетеля»¹⁴⁴. Следовательно, родовые беки находились в особом положении, были менее зависимы от уцмия и других правителей, их права были в определенной мере гарантированы. «Родовые беки, — писал П.В.Гидулянов. — были более сильны и стояли к ханам в меньшей зависимости... Весь доход с жалованных деревень шел в их пользу, и они не были обязаны никаким отчетом... Пожалованные беки пользовались только малуджехадом, то есть сбором известной части с урожая произведений, посеянных жителями, а денежную подать с деревни ежегодно должны были предоставлять хану, от воли которого зависело подарить ее беку или взять себе»¹⁴⁵.

После присоединения Дагестана к России помимо наследственных владений беки стали расширять свою недвижимость и за счет земель, пожалованных им «пешкешом» высшим начальством на Кавказе¹⁴⁶.

Более того, в этот период в Дагестане, как и на всем Кавказе, стали складываться такие ситуации, при которых беки из тиулдаров — временных держателей земельных владений (условная и временная формы) — относительно легко превращаются в постоянных владельцев, во владельцев с правом передачи по наследству. В таком изменении дела о собственности немаловажной была и роль царской администрации (сословно-поземельных комиссий и др.), которая проявляла нередко удивительную неосведомленность в вопросах истории земельно-правовых отношений в Дагестане.

Думается, что последнее обстоятельство давало повод относиться к любому заявлению беков — держателей земель «доверительно» об их будто бы исконных правах на те или иные участки¹⁴⁷.

При разборе сословных отношений много толков у высшего начальства на Кавказе вызвал вопрос о происхождении и правах беков, особенно тех, титул которым был пожалован. Не случайно главноуправляющий на Кавказе Головин в своем предписании от 9 марта 1842 г. на имя начальника Каспийской области обязывал его интересоваться, «какими правами пользовалось сословие беков при ханской власти; какие несло оно обязанности; наследственное ли было это достоинство или временное; кто жаловал бекское звание, по заслугам или другим случаям. Имело ли сословие сие подразделение и с какими преимуществами, в сравнении с фамилиями ханскими и пр.» 148.

Эти сведения начальство Каспийской области должно было «привлечь из дел прежнего времени по управлению мусульманскими провинциями из народных обычаев того края»¹⁴⁹. Тем не менее при разборе сословных прав эта категория беков в конечном счете была приравнена к родовым бекам.

«Мы видели, — писал Н.Ф.Дубровин о временных владениях беков у азербайджанцев, — что беки управляли деревнями и пользовались их доходами временно. Так было при ханах, но при разновременном уничтожении ханской власти все права и привилегии беков оставлены были в том же виде, в каком застала их русская власть. Таким образом, все бывшие в то время беки были признаны в этом звании, а деревни, которыми они заведовали временно, укреплены за ними и с тех пор стали считаться их неотъемлемой собственностью» 150.

Беки, как правило, делились на два разряда: 1) рожденные от равного брака, т.е. от матерей и отцов из феодальных фамилий — уцмийского, шахмальского, ханских и других знатных ломов. Они считались «чистокровными» — халис бек, или халис бий, и равноправными; 2) рожденные от неравного брака уцмия, хана, бека с крестьянкой, узденкой и т.д., т.е. от къума хатын; такие потомки владетелей назывались чанками или чанка-беками. В то время как первые беки пользовались всеми правами своего сословия, вторые этих прав в полной мере не имели и во многом зависели от своих братьев — «чистокровных» беков. Они, как правило, пользовались меньшей, чем братья, рожденные от равного брака, долей при наследовании имений отца 151. Исключением в этом общедатестанском порядке составляло положение с правами детей феодалов в Северном Табасаране, где все беки пользовались одинаковыми правами и не делились на халис и чанка 152. В общем же считают, что в Табасаране до Рустем-кадия правители не женились «на простых крестьянках» 153 и потому, очевидно, не было различия межлу беками.

Беки, получив уделы от более крупных владетелей (хана, уцмия, кадия), либо поселялись в них на постоянное жительство, либо, находясь в резиденции правителя, изредка наезжали туда, чаще всего во время сбора податей, суда над раятами и т.д. Резиденция бека, а также кадия или хана обычно называлась «капу» (ворота, вход) 154.

В своих уделах, как мы уже отмечали, беки пользовались неограниченной властью над крестьянами: чинили суд и расправу, налагали на крестьян в свою пользу штрафы и даже «могли казнить смертью» 155.

Подобно верховным правителям, беки имели нукеров. Чем знатнее был бек, тем отборнее была у него дружина нукеров. Отдельные бекские нукеры, подобно ханским, щедро награждались землями, правом собирать подати, пользоваться повинностями с подвластных деревень.

«Бек-землевладелец, — читаем мы в одном архивном документе за 1874 г., — в общих чертах был... правительствен-

ным лицом, уполномоченным наследственной властью взимать с отданных в его владение селений разные повинности натурой, деньгами и личным трудом, творить между жителями суд и расправу» ^{156} .

Следовательно, в своих уделах беки являлись полновластными хозяевами, а до присоединения Дагестана к России пользовались и неограниченной властью.

Зависимые сословия

Рабы. В Дербентском владении, в частности в самом городе Дербенте, до присоединения его к России и упразднения ханства существовало рабство. Основным источником рабства были междоусобные войны феодалов и их набеги на соседние области, которые сопровождались захватом людей в плен и имущества 157. Число рабов-кулов пополнялось за счет людей, обманом вывезенных из своих родных мест 158. Имели место и факты, когда отдельные должники, будучи не в состоянии возвратить свой долг хозяину, попадали в кабалу, в пожизненное рабство.

Характеризуя источники рабства, М.М.Ковалевский писал: «Военнопленные даже в период догосударственный всегда представляют собой готовый контингент рабов (кулов и каравашей), который время от времени восполняется попавшими в кабалу несостоятельными должниками. Эти два источника рабства известны были издревле и дагестанским горцам» 159.

Отмечая наличие двух категорий рабов в Дагестане, А.А.Неверовский полагал, что одни имеют своим источником полон, другие — приобретаются покупкой. «Судьба первых, — писал он, — не совсем еще определена: они могут быть выкуплены и воротиться на родину, последние же, забыв свое происхождение, составляют неотъемлемую собственность своего господина. Положение их есть то безусловное рабство, которое существовало в древнем мире. Холоп почитается в полном смысле слова не членом общества, а вещью своего господина, имеющего над ним безграничную власть. Он может быть продан, наказан, лишен жизни по воле своего господина... он, и труды его, и вся жизнь принадлежат господину, каковы бы ни были притеснения последнего, он не имеет права его покинуть и переселиться к другому» 160.

Рабский труд применялся в Дербенте как в ремесленном производстве и строительном деле, так и в сельском хозяйстве. Богатые горожане, главным образом купцы, держали рабов и в качестве прислуги.

Как известно, еще в средневековую эпоху Дербент являлся одним из крупных торговых центров работорговли ^{161} . По сведениям Ибн Хаукала, в Дербент для продажи привозили «много рабов из других земель» ^{162} . Авторы XIII в. к числу товаров

относят «рабов и очень красивых девушек-рабынь» 163. Благодаря своему удобному географическому расположению на важнейших торговых путях, связывающих население Юго-Восточной Европы, Закавказья и Передней Азии, Дербент оказался очень рано втянутым в орбиту оживленных торговых связей. Сюда на невольничьи рынки ясыр базар привозили рабов из многих земель, в числе которых были «греческие, печенежские, хазарские и т.д.» 164.

«Местное производство (марена, шафран и хлопчатобумажные ткани) играло роль в местной торговле, но важнее его была торговля рабами "из стран неверных"»¹⁶⁵, — писал В.Ф.Минорский о Дербенте, ссылаясь на ранние источники. Рабский труд, надо полагать, применялся в Дербенте в ремесленных мастерских и частично в сельском хозяйстве.

Работорговля и рабовладение в Дербенте, как и в ряде других районов Дагестана, продолжали иметь место и в более поздний период истории. Так, Я.Стрейс (XVII в.), оказавшийся по воле судьбы в числе невольников в Дербенте, указал на большую роль работорговли и тяжелое положение рабов в этом городе: «Весьма жалкое зрелище являют собой несчастные рабы и рабыни, когда их раздевают, трогают, ощупывают, и обращаются с ними хуже, чем... с быками и лошадьми. Здесь ничего не стоит убить раба или рабыню... Жалеют только деньги, затраченные на них, иначе рабы жили бы недолго» 166.

При покупке раба учитывались возраст, телосложение, физическое здоровье, порою и красота, особенно для рабынь. Цена последних доходила до 500—600 рублей серебром и более 167.

Несколько раньше, чем Я.Я.Стрейс, на роль Дербента в работорговле указывал А.Олеарий. Он, в частности, отмечал, что «татары доставляют сюда много краденых детей, а также взрослых турков и русских для продажи, их затем перепродают в Персию» 168.

Невольничьи рынки существовали не только в Дербенте, но и в Кизляре, и в Эндери, и в некоторых других торговых центрах 169. Еще более значительным центром работорговли были Джары 170, расположенные в северо-западной части Азербайджана. В этих центрах шла бойкая торговля рабами. Основными скупщиками этого «товара» были турецкие купцы, которые везли рабов в Анапу, Поти и в другие торговые города, а оттуда на кораблях в Константинополь. С.М.Броневский в начале XIX в. отмечал, что «турецкие купцы... нагрузив корабли пленными, отправляли их из Константинополя в Египет, в Левантские порты и т.д.» 171.

С присоединением Дагестана к России и строительством здесь крепостей, контролирующих и торговые пути, работорговля в крае совершенно прекратилась ¹⁷². Скорее всего работорговля в Дербенте прекратилась с присоединением города к России, с передачей его в ведение военной комендатуры. К сожалению,

мы не располагаем данными о численности рабов в Дербенте и в целом в данном регионе не только в более ранний период, но и в последующее время (к началу XIX в.). Думается, что к этому времени многие рабы уже были освобождены с согласия владельцев либо за определенный единовременный выкуп, либо с рассрочкой взноса выкупа. Некоторые рабы получали свободу бесплатно.

В целом к 1867 г. в Дагестане число рабов (без учета Хасавюртовского округа) сократилось до 1542¹⁷³. По статистическим данным, в изучаемом районе в это же время насчитывалось 22 хозяйства, т.е. примерно (если в среднем иметь в виду семьи по 4 человека) 90 человек. Это были жители селения Куллары Улусского магала. Согласно сведениям А.В.Комарова, селение Куллары (термин «куллар» букв. означает «рабы») было основано одним из дербентских ханов, поселивших сюда своих рабов 174. В отличие от селения Куллары, в Кубинском уезде оно называлось Дербентские Куллары.

По статистическим даннм 1886 г., в селении Куллары насчитывалось 24 семьи, общая численность которых составляла 107 человек, причем по вероисповеданию все они были мусульманами 175. Очевидно, задолго до этого времени они потеряли прежний социальный статус и стали называться, как и соседнее население, раятами. Сюда же могли быть подселены и раяты из других мест. Думается, из бывших рабов первоначально было создано и рядом с ним расположенное селение Азад-оглы (букв. «сын освобожденного» или «вольноотпущенный»). В последнем, по тем же статистическим данным, насчитывалось 13 домов с общей численностью 36 человек 176.

Освобождение рабов в Дагестане, т.е. окончательная ликвидация здесь рабства, произошло в 1867—1868 гг. по инициативе кавказской администрации. В частности, был установлен выкуп в размере от 100 до 170 рублей за мужчину, 100 рублей за женщину; за несовершеннолетних детей обоего пола от 50 до 100 руб. 177. Рабы, не имевшие возможности сразу внести выкуп, вступали во временнообязанные отношения со своими владельцами, т.е. должны были служить им в течение определенного срока 178. Несмотря на кабальные условия выкупа, освобождение рабов в Дагестане сыграло большую положительную роль. В целом же при господстве феодального способа производства рабский труд у азербайджанцев Дагестана не играл скольконибудь заметную роль и использовался, да и то до XIX в., в ограниченных масштабах.

Крестьяне. Основную часть азербайджанского населения изучаемого района составляли феодально-зависимые крестьяне — раяты (араб. «раийят», или «неджберы») ^{179} . «Все население прибрежной полосы (имеется в виду равнинная часть Южного Дагестана. — $C.\Gamma$.) принадлежит к раятам... По мере приближения к предгорьям Дагестана, где проживает большая

часть коренного населения, зависимость раятов от беков постепенно ослабевает, как в смысле претензии беков на принадлежность им в собственность населенных земель, так и в отношении размера податей и повинностей» ¹⁸⁰.

Раяты были обязаны платить своим феодалам многочисленные подати и нести повинности. По своему социальному положению раят мало чем отличался от крепостного крестьянина. Он также подвергался прямому внеэкономическому принуждению, судился судом феодала, котя формально лично считался свободным. В частности, кан или бек не мог продать своего раята, но имел право в любое время удалить неугодного с насиженного места, переселить в другое место в пределах своего владения. Раят мог по своей воле уйти к другому владельцу, но феодал такой поступок считал незаконным и за это отбирал «все его имение, движимое и недвижимое, а потом высылает его с семейством из своей деревни» 181.

Что касается Табасарана, то здесь, судя по данным Сословнопоземельных комиссий, раят вовсе «не мог уходить из своего селения без позволения своего бека, сам же бек никогда не выгонял раята, но так его притеснял, если был им недоволен, что сам раят убегал, и недвижимое имение такого раята поступало в пользу бека» 182.

Как видим, в правовом положении раят в Кайтаге и Табасаране особой разницы не существовало. И там и тут раят находился во власти своего феодального владетеля и практически не имел права самовольно покидать своего поселения. Переселение же по воле правителя, несомненно, практиковалось, и нередко. Ханы Дербента, уцмии Кайтага и другие владетели считали себя вправе переводить крестьян-раят туда, откуда они извлекали больше выгоды. Этим правом они пользовались также для наказания непокорных. Хотя целым рядом мер «было затруднено право свободного перехода раят от одного землевладельца к другому» 183, тем не менее соперничавшие между собой феодалы обычно поощряли переход крестьян из соседних владений и, сажая их на свою землю, отказывались вернуть таких беглецов обратно.

По поводу возникновения зависимых отношений на изучаемой территории существуют две точки зрения.

Согласно первой точке зрения, зависимые отношения раят возникли потому, что раяты-переселенцы из разных районов Азербайджана пользовались «землями, принадлежащими бекам» 184, т.е. как результат «арендаторских отношений», которые со временем превратились до некоторой степени «в личную зависимость» 185. Согласно второй точке зрения, эти отношения не носили поземельного характера, а проистекали «из неземельных прав беков». В качестве основного доказательства последние приводят факт получения беком определенной платы за право женщины выйти замуж: «девушки — в большем

размере, вдовы — в меньшем» 186. Более убедительной, на наш взгляд, является первая точка зрения, так как она лучше согласуется с историей формирования зависимого населения на данной территории и шире — с историей возникновения азербайджанского этноса в Южном Дагестане.

Азербайджанское крестьянство в социальном отношении не представляло собой однородной массы. Оно состояло из богатых и бедных. К привилегированной прослойке относились и представители сельской администрации и духовенства. Старшины селений (кедхуда, кевха), ахунды, муллы, сеиды, ханская, бекская прислуга, нукеры и другие от феодальных налогов освобождались. Социальная дифференциация особенно усиливается с развитием капиталистических отношений в городе и деревне.

Земельно-правовые отношения

Высочайшим рескриптом от 6 декабря 1846 г. за лицами высшего мусульманского сословия в Закавказье и в Южном Дагестане утверждались в потомственное владение все земли, которыми они располагали ко времени присоединения мусульманских провинций к России, и земли, отданные им русской администрацией только в пожизненное и временное владение, причем были узаконены права беков взимать подати и налагать повинности на сидящих на этих землях крестьян. К этой категории были отнесены «53 раятских селений Кайтага, обеих Табасараней и Гамринского магала» (Кемах, Рукель, Митаги, Дарваг, Гимейди. Бильгади, Зидиан, Зиль, Экрах, Хучни и весь магал Терекеме) 188.

Как мы отмечали выше, всю землю, на которой сидели и которой пользовались крестьяне-раяты (пахотные земли, пастбищные, сенокосные, лесные угодья и др.), феодалы рассматривали как свою неотъемлемую собственность. Это положение довольно четко отражалось например, в «Адатах об отношении терекемейских раят к своим бекам»: «Вся терекемейская земля с состоящими на оной лесами, кустарниками, камышом и водою есть собственность бека. Жители терекемейских деревень на землю и воду права не имеют... Раяты за пользование бекскою землею платят ему установленную подать — чихиш и служат ему» 189. То же самое считал хорошо знавший местные порядки П.Петухов, когда писал в 1867 г.: «Земли, которыми пользуются райаты, принадлежат бекам и частью казне. Это лучшие земли округа и состоят из приморской плоскости Терекеме и предгорий хребта Кара-сырт» 190.

Несколько иначе обстояло дело с формой собственности на землю в предгорных селениях азербайджанцев. Здесь в силу особых географических и других условий (более раннее возникновение азербайджанских поселений, малоземелье, густо-

населенность, устойчивость традиций сельской общины, которая служила крестьянам опорой) наряду с крупной феодальной земельной собственностью издавна возникали, причем повсеместно, и небольшие частновладельческие земли — «мюльки» 191, которые принадлежали отдельным раятским дворам.

Что касается общинных пахотных земель, находившихся в общем пользовании джамаатов с ежегодными и периодическими переделами, то в данной части района их почти не было. Исключение составляли небольшие земельные массивы, принадлежавшие сельским обществам Кемах и Дарваг. У общества Кемах общинная земля составляла 100 капанов 192, или 20—25 десятин, а у Дарвага — всего лишь «одно огородное общественное место» 193. Кроме того, отдельные общества (Дарваг, Ерси, Марга и др.) имели свои ятаги (кутаны), права на которые нередко оспаривали у них беки. Но общинными повсеместно были леса, пастбища и некоторые сенокосные участки.

Мюльки. Мюльками (араб. «мульк») называли здесь, как и в Дагестане в целом, и крупные феодальные владения, и небольшие земельные участки, находившиеся в собственности крестьянских дворов. К мюлькам относились и приусадебные участки.

По определению сословно-поземельной комиссии, это были «большею частью незначительные дробные участки земель, расчищенные из-под леса, кустарников и камыша и обращенные трудами или издержками жителей из неудобных в годные под садоводство, посевы и покосы» 194 и находившиеся «в полном распоряжении тех, кто их расчистил». Последние, по тому же определению, «переходили по наследству, отдавались как плата по кровомщению ... и подлежали свободной продаже» 195.

Таким образом, мюльки крестьян как подворно-участковые земли юридически находились в полном их распоряжении, передавались по наследству, могли быть предметом любой сделки (купли, продажи, залога, дарения, завещания и т.п.) 196, хотя феодалы и оспаривали права раят на всякого рода отчуждение земли 197. Беки считали, что мюльки «могли расчищаться на бекской земле, что продажа их могла совершаться только с ведома и согласия бека» 198. На этом основании, надо полагать, утвердилось право беков на выморочные мюльки.

По характеру непосредственного пользования феодальные земельные угодья делились на три категории: 1) земли, отведенные феодалами сельским общества и, как правило, находившисся в их пользовании; 2) земли, находившиеся в личном распоряжении и пользовании самих феодалов (нередко сдаваемые ими же в аренду); 3) сервитуты, т.е. земли, на пользование которыми как общества, так и владетели (бек, кадий, уцмий, хан) имели определенные адатом права; иными словами, владетели и сельские общества распоряжались этими землями сообща.

Обычно на землях-сервитутах сельское общество пасло скот с весны до осени, а бек (или кадий, уцмий и т.д.) отдавал их на откуп горским овцеводам на зиму¹⁹⁹. Но очень часто феодалы нарушали адатные условия пользования, что вызывало многочисленные конфликты и жалобы обществ. Порядок землепользования еще более нарушался, когда землевладельцы совершали такие незаконные акты, как отчуждение земли, находившейся в пользовании сельских обществ, путем ее продажи, сдачи в аренду.

Так, предметом специального разбирательства Кайтаго-Табасаранского окружного суда в 1898—1900 гг. были жалобы обществ селения Марага о незаконном изъятии беком из общественного пользования 12 кутанов (пастбищных участков) и сдача их в аренду разным горным овцеводам и дербентским жителям²⁰⁰. В 1869 г. тот же суд разбирал дело о кутане Кала-Сувар, отнятом у общества Зидьян Бейбала-беком Гимейдинским. В том же году митагинский бек отнял у крестьян участок земли — сервитут²⁰¹ и продал его дербентскому беку. В конце XIX в. терекеменский бек А.Уцмиев отобрал у общества Салик большой земельный участок и продал его бывшему председателю дербентского суда Грисенко, а участок Геджух, находившийся в пользовании жителей селения Хан-Магомед-кала, графу Воронцову-Дашкову, кутан Карым-карт — действительному статскому советнику Кривенко²⁰² и т.д. С изъятием земель из пользования сельских обществ подати, как правило, оставались на прежнем уровне, о чем также писали в своих многочисленных жалобах крестьяне.

Размеры изъятых феодалами общественных земель значительно возрастают с развитием капиталистических отношений, на что не могли не обратить внимание даже российские власти.

«В настоящее время беку выгоднее отдавать землю посторонним промышленникам-капиталистам, чем оставлять ее в пользовании поселян, откуда явилось стремление у беков отбирать земли, находившиеся в пользовании поселян, что тем более было выгодно для них, что поселяне оставались при прежних повинностях»²⁰³, — отмечалось в «Записке о сословно-поземельном строе в Кайтаге». Более того, земли, ранее находившиеся в пользовании сельских обществ, отбирались и казной, что рассматривалось как мера наказания феодалов-собственников за измену. Часть конфискованных земель царские власти использовали для награждения военнослужащих и чиновников администрации. Переход значительной части этих земель в руки помещиков и капиталистов осуществлялся и на основании принятого в 1863 г. специального указания, предоставлявшего кавказскому наместнику права раздавать свободные казенные земли в Терской и Дагестанской областях в частные руки²⁰⁴. В это время возникает много крупных частновладельческих хозяйств, организованных на капиталистический лад, в приморской части земель азербайджанских обществ²⁰⁵.

С развитием капиталистических отношений и ростом классовой дифференциации общества начинает значительно расширяться и практика аренды земли. Арендаторами обычно становились богатые многосемейные дворы. А землю в аренду крестьянам теперь сдают не только местные беки, но и русские помещики и казна. Например, по данным 1871 г., общество селения Берикей арендовало у казны (на сумму 355 руб.) отнятые ранее у него же земельные угодья, общество селения Великент — у помещика Грисенко, селение Джемикент — у генерала Лазарева и т.д. 206.

В 1889 г. общества девяти деревень Улусского магала, подвластного шамхалу, в своем прошении на имя окружного начальника жаловались на то, что их ятаги без всякого основания отбираются у них и передаются разным овцеводам с торгов, а они от этого терпят «большую нужду в пастьбе»²⁰⁷.

Феодалы исследуемого района чаще всего отчуждали общественные земли там, где они имели дело с крестьянами, переселившимися из куба-хачмасской зоны и других провинций Азербайджана на определенных условиях. Эти условия впоследствии становились «для потомства переселенцев постоянной обязанностью и повинностью. Образовавшиеся таким образом поселения составляли собственность беков» 208.

Земельные угодья феодалов и сельских обществ подразделялись на: 1) земли населенные и обжитые и 2) земли ненаселенные и пастбищные. На пастбищных землях (ятаги или кутаны) зимой обычно содержался скот. На поливных участках ятагов раяты, кроме того, сеяли, косили сено.

Еще в XVIII и отчасти в XIX в. земли, находившиеся в полном распоряжении феодалов, делились на: земли, которыми непосредственно владел сам верховный правитель (дербентский хан, кайтагскийй уцмий, табасаранский кадий), и на земли, уже распределенные между беками, принадлежавшими правящему дому. Размеры такой земли часто менялись в зависимости от многих обстоятельств (роста пожалований — пешкеш, конфискации земель у неугодных беков, у сельских общин и т.д.). В изучаемое время в связи с потерей политической власти правителями основной формой землевладения в этом районе уже становится бекская.

Как мы отмечали выше, бекские земельные владения также делились на: постоянные (хас, или халиса) и временные, или пожизненные (тиуль). Постоянное бекское владение (мюльк) отличалось от временного тем, что его можно было отчуждать, передавать по наследству без всяких ограничений. Раздача земель новым бекам или другим лицам, находившимся на государственной службе, во временное пользование довольно часто практиковалась при А.П.Ермолове, который обычно использовал

для этой цели ранее отобранные у беков, ханов, уцмия и др. за измену земли ^{209} . Новым владельцам этих земель он «предоставлял извлекать только те выгоды... кои, по обычаю, извлекал прежний бек» ^{210} .

Землями, принадлежавшими ранее сельским обществам или отобранными казной у бывших владельцев за измену, царская администрация награждала преданных чиновников и военнослужащих и после правления А.П.Ермолова на Кавказе. Так, указом правительствующего сената от 20 июля 1867 г. в местностях Гиччи-исти-су и Курганак из числа земель, ранее принадлежавших жителям Терекеменского магала, было пожаловано «в вечное и потомственное владение» акушинскому кадию 200 десятин и переводчику при начальнике Дагестанской области штабс-капитану И.Громову 200 десятин земли. В разное время десяткам чиновников также отводилось земли по 200, 300, 900 десятин и более²¹¹.

Небольшие земельные участки принадлежали и мечетям. Фонд вакуфных земель состоял из добровольных пожертвований верующих. Эти земли обычно сдавались в аренду крестьянам, а плата поступала в пользу тех же религиозных учреждений²¹².

Характерной особенностью феодального землевладения в Дагестане, как и во многих странах Востока, являлось слабое развитие собственного (господского) хозяйства. Как отмечал Н.Ф.Дубровин, беки, поселившись там, где считали для себя удобным, приезжали в свои имения лишь «за сбором... доходов; об улучшении же сельского хозяйства они никогда не заботились и довольствовались тем, что родит земля, возделанная и засеянная руками подвластных им земледельцев»²¹³.

И.П.Петрушевский причину слабого развития личного земледельческого хозяйства феодала у азербайджанцев видел «в особенностях организации сельского хозяйства в условиях применения искусственного орошения, при котором освоение и обработка больших земельных массивов потребовали бы больших расходов и очень упорного труда барщинных или наемных рабочих и сделали бы ведение крупного хозяйства нерентабельным»²¹⁴.

Безусловно, сказанное в определенной степени может быть отнесено к феодальному хозяйству азербайджанцев Южного Дагестана. Другую причину, видимо, надо искать в самой истории формирования феодальных отношений в изучаемом районе, в степени развития отношений зависимости. Словом, специфика феодальных отношений заключалась здесь, как и во многих других дагестанских владениях, в том, что верхушка общества в основном ориентировалась не на доход с личного хозяйства, а на ренту с раятских хозяйств.

Даже в конце XIX и в начале XX в. только отдельные беки из уцмийского и ханского домов (Амир-Чопан и др.) имели сравнительно крупные хозяйства, организованные на капитали-

стический лад. Подавляющее большинство беков по-прежнему было ориентировано на ренту.

Подати и повинности. Раяты платили многочисленные подати и исполняли различные повинности, а местная администрация и служители культа от них были освобождены. Феодальный гнет ужесточался из года в год, особенно начиная с XIX в. Очевидно, прав был член южнодагестанской сословно-поземельной комиссии майор Симонов, который отмечал, что феодалы «постепенно стали увеличивать повинности, преимущественно при русской власти» 215. Действительно, беки добивались санкционирования царской администрацией роста размеров ренты и нередко взимали ее с помощью военной силы — отрядов при окружном и участковом начальниках.

В изучаемое время феодальная рента (чыгъыш, бигер, эврез) у азербайджанцев изучаемого района существовала в различных формах (отработочной, продуктовой и денежной). Преобладала все же отработочная и продуктовая ренты. Денежная рента в сельской местности большого распространения не получила. Достаточно отметить, что в селении Мугараты, например, большинство раят вносило продуктовую ренту. В селении Марага из 41 вида феодальной ренты 34 раят были связаны с отработочной и 7— с продуктовой рентой²¹⁶. Приблизительно ту же картину можно зафиксировать и в других раятских обществах азербайджанцев исследуемого района (Гимейди, Кемах, общества магалов Терекеме и Улусса).

Раяты несли многочисленные повинности (барщина, продуктовая рента, плата изделиями хозяйства и ремесла). Основной единицей измерения ренты, особенно ренты продуктами джум баши, повсеместно являлся тягловый скот, т.е. буйволы и быки. Каждый дом в селении Марага, например, имеющий пару голов рабочего скота, платил дагь-ек217, или джут баши, в размере двух капанов пшеницы, а не имеющий — один капан²¹⁸. Раят. разводивший овец, «должен был дать ежегодно беку два барана» в год, один раз в год все раяты должны были дать «скотину и молоко беку»²¹⁹. Кто производил чалтык (рис) — «дать один капан чалтыка»; если же раят не выращивал чалтык «на бекской земле, а приобретал где-нибудь», тоже должен был «дать беку одну сабу чалтыка». Кто имел виноградник, тот в период созревания «должен был для бека принести кошелку винограда», а при общем сборе его — «еще большую кошелку», да еще должен был принести незрелый виноград «для давления из него сока», т.е. для изготовления уксуса; кто варил из винограда норбек, должен был беку «маленький горшок норбеку» и т.д. С сенокосного участка раят давал беку «одну арбу сена» да еще «сколько понадобится яиц и кур для бека давать» и многое другое²²⁰.

В селении Дарваг, например, с ореховых деревьев каждое хозяйство обязано было доставить в дом бека «три сабы орехов и

с каждого виноградника по одной кошелке винограда». Подать орехами кроме Дарвага платили и жители селений Гимейди, Бильгади, виноградом — Марага и Бильгади²²¹. Жители селения Рукель, добывающие соль, платили подать еще солью в размере от 1 до 2 капанов.

Крестьяне, когда женились члены бекской фамилии, делали различные подношения, чаще всего деньгами.

«Бек, когда женился, — гласили, например, адаты раят мугартинского общества, - приглашает джамаат на свадьбу... каждый по своему состоянию должен платить беку деньги» 222. Те же указания содержались и в адатах сельских обществ Дарваг и др. В некоторых случаях эта рента-налог имела более конкретный адрес: «Бек или сыновья его, если женятся, делают приглашение и угощение нукерам и раятам; за то каждый по своему состоянию платит деньги»²²³. Более того, в адатах беков для раят нашла отражение и плата в пользу землевладельца по случаю женитьбы или замужества раят. «Раят, когда женится. должен беку дать один ковер и прочие подарки. Кроме сего — 1—2 барана, 2 сабы кукурузы и одну вагью масла», — отмечается, например, в адатах селения Марага. Здесь же указывается, что «если раятскую девушку выдают замуж в другое селение, жених должен беку 10 руб., а со вдовы — 5 руб., бекскому конюху — 50 коп. и одну маленькую переметную CVMKV»²²⁴.

Думается, что плата за право брать девушку замуж имеет очень древнее происхождение и связана с ранними формами брака, сохранившимися в виде пережитка.

Барщина, или отработочная рента, также отличалась многообразием и ложилась тяжким бременем на плечи раятов. Раяты селения Марага, в частности, должны были привозить дрова и хвороста в дом бека столько, сколько ему было нужно.

Не случайно, как отмечали официальные источники, «мерилом для требования бека являлась действительная его потребность: если ему нужно было привезти 40 ароб дров, то он и требовал именно такое количество их, а не то, на которое он имел право по букве ведомости» 225. Они должны были «засевать, когда нужно», бекское поле семенами, «жать бекский хлеб... снопы... возить на харманы, а зерно — с харманов в бекский дом... скосить бекское сено и убрать в стога и вовремя поливать сенокосное место» 226.

Если бек возводил дом или соломохранилище, раяты заготавливали необходимые материалы, доставляли все это к месту строительства, а казму для бекского скота или чалу обязаны были «строить своими средствами»²²⁷. Один день раяты должны были работать на маренном участке бека («покрывать марену»), доставлять материал для ограды, набивать «в хоралы марену» и возить в Дербент, нужное число дней работать по проведению и ремонту оросительных каналов бека²²⁸.

Раятские жены обязаны были «смазывать крышу бекского дома и чистить пшеницу» для помола и посева, а мужчины возить дрова и уголь в «г. Дербент в дом кунака бекского, где бек останавливался». Если раят не имел рабочего скота, он должен был «нести бекскую службу», т.е. выполнять разные поручения бека. Из раят же назначался каждую ночь «караул бекского двора» 229. Эти принудительные работы чаще назывались бигер, а коллективный выход раят на жатву — эарез. Рента же продуктами чаще именовалась чыгъыш, или дагь-ек.

В пользу беков шли и всякого рода штрафы. Например, мараганские беки «за преступление и проступок» с виновного взыскивали в качестве штрафа одного буйвола, а за уклонение от исполнения бекской службы — 5 руб. серебром. Кто получал за убитого родственника «кровные деньги», часть денег должен был отдавать своему беку. Под видом покровительства бек брал к себе в дом в качестве прислуги сирот и выдавал их замуж и женил по своему усмотрению²³⁰.

Названные выше формы феодальной ренты были характерны для всех сельских обществ раят Северного Табасарана. На крестьянах лежали также десятки других обязанностей, которые достаточно ярко отразились в бекских адатах: предоставление для езды и других надобностей своих лошадей, принудительная работа на прокладке дорог и строительстве оросительных сооружений, содержание за свой счет приезжих чиновников, выставление караула при канцеляриях местной администрации, выделение вестовых (чапаров), предоставление квартир для проходящих воинских частей (после присоединения Дагестана к России) и т.д.

Жители девяти селений Улусского магала бывшего Дербентского ханства до перехода их под управление российских властей (1883 г.) в пользу шамхала Тарковского²³¹, а потом его наследников платили следующие подати и несли повинности:

- 1) 1/5 часть урожая всех зерновых дагь-ек, чыгъши,
- 2) по 40 коп. с пуда марены бель-баши,
- 3) взамен распашки владельческой земли (эврез) по капану пшеницы и ячменя с каждой пары рабочего скота джут баши:
- 4) взамен уборки владельческих посевов (эврез) по капану пшеницы и ячменя;
- 5) взамен посева риса для нужд владетеля по 1 руб. 50 коп. дуги-пули;
- 6) взамен перевозки в усадьбу владетеля зерна, сена и т.д. по 1 руб. 50 коп. ^{232} .

Кроме того, сельские общества магала обязаны были сообща выставлять ежегодно «безвозмездно 30 всадников (нукеров) для службы при кн.Шамхале Тарковском и управляющих его имениями» и поставлять «арбы для проходящих войск» (бигер) ²³³. С переводами Улусского магала в ведение царской администрации

те же подати и повинности жители вносили в казну, чаще деньгами. За жителями магала оставалась и обязанность ежегодно выставлять по 30 всадников, «которые несли рассыльнополицейскую службу при управлении пристава Улусского магала, еще 2 караульщика для охраны управления пристава» 234 и многое другое.

Казенные селения в магале Терекеме платили подати натурой: за каждую пару рабочих буйволов или быков раяты должны были вносить «по 14 сабу пшеницы и по 3 сабу ячменя» ²³⁵.

Несколько иными, по сведениям П.Г.Буткова, были подати и повинности раят в Дербентском ханстве в конце XVII—XVIII в.: «Пшеницы, ячменя, сарачинского пшена и прочего хлеба — 10-я часть, шелку — 5-я часть. За всякого быка, который ходит в плугу, платит хозяин по полтине. За пастьбу в зимнее время, для которой размеривают место, смотря на величине оного, платят по 10 и по 50 рублей. Некоторые деревни ставят ежегодно ученых соколов... Большое число доходов наличными деньгами собирается вместо наказания; ибо ежели кто с кем поссорился или в чем-нибудь проступился, то налагается на такого денежный штраф, который не бывает меньше 5 рублей, а простирается иногда и до 100 рублей» 236.

Наиболее тяжелой и многообразной была феодальная рента у терекеменцев²³⁷. Достаточно отметить, что подать зерном (чыгьыш) терекеменцы вносили с пары рабочего скота 20 сабу пшеницы и 5 сабу ячменя²³⁸, а не имеющие волов — 5 сабу пшеницы, в то время как, например, дагь-ек раят селений Мугарты, Марага, Дарваг и других составляли 12—15 сабу зерна (2—5 капана)²³⁹. Более того, терекеменские раяты обязаны были «производить посев хлеба, исправлять и очищать канавы, поливать, жать и возить хлеба его на харманы и перевозить пщеницу в дом бека»²⁴⁰, т.е. производить все полевые работы своими силами.

Они же все вместе засевали и обрабатывали рисовые поля бека, а полученный урожай жали, молотили и доставляли в дом бека²⁴¹. Бек раздавал по раятским дворам свой скот для зимнего содержания. Бек мог брать к себе во двор дойную буйволицу или корову у раята и держать «у себя весною, летом, осенью»²⁴². Раяты строили беку кутаны для его скота. Они же устраивали беку и его кунакам многократные кормления во время их выездов в раятские селения, платили им десятину. Со всех фруктов и овощей бек взыскивал чыгыми. Если кто уклонялся «от службы беку» или кто «станет драться с даргою или кевхою или кто по требованию бека не явится к нему», с него взимался штраф: один отборный буйвол²⁴³. За убийство, ранение, за увод женщины, «за взятие им руки ее» беку платили штраф — «одного отборного из буйволов у виновного» и отдавали отборного буйвола за воровство, «даже за маловажное»²⁴⁴.

Внушительным было и число арб, которые выделялись для обслуживания беков. В среднем каждая арба в Терекеменском магале ежегодно использовалась более 10 раз. Наибольшее количество арб выставляли селения Падар (23,2 раза в год), Карадаглы (12,2 раза в год) и Мамед-кала (12 раз в год)²⁴⁵.

Известна была в рассматриваемом регионе и нукерская повинность²⁴⁶. Нукеры должны были «конвоировать бека и его всякую службу исполнять». Они несли «караул в бекском доме», доставляли в дом бека три-шесть арб дров²⁴⁷. Нукер во всякое время по требованию бека обязан был «являться на коне с оружием для сопровождения его в поездках или для посылок, куда прикажет бек»²⁴⁸. Разумеется, нукеры как социальная прослойка по своему статусу были неоднородны. Среди них были и бедняки, которых использовали для различной работы, подчас тяжелой, и избранные, почетные жители разных, в том числе и узденских, обществ, к которым бек, хан, уцмий относились с особым почтением, награждали их землями и движимым имуществом. Иногда бек предоставлял нукерам право получать с раят ренту продуктами «с указанием, какой двор какому нукеру платит и служит». После образования округов жители исследуемого района, в том числе азербайджанцы, выделяли так называемых военных нукеров, которые составляли при окружном и участковом начальниках Кайтага и Табасарана «охранную и распорядительную силу» 249. Число военных нукеров для каждого общества определялось отдельно. Все магалы вместе выставляли 660 человек. Этим нукерам жители ничего не платили, но отбывали за них все феодальные повинности²⁵⁰. Кроме военных нукеров раятские общества выставляли еще так называемых чапаров²⁵¹. Последние обслуживали почтовые станции и конвоировали почту, а также исполняли полицейские обязанности²⁵².

Итак, подати и повинности азербайджанского населения, отправляемые в пользу его владельцев, были самыми разнообразными. Число рабочих рук, используемых для работы у бека, определялось количеством домов и потребностями в них владельца. Количество плугов, выставляемых крестьянами, определялось числом хозяйств, имеющих рабочий скот, и «действительной потребностью бека», бедные хозяйства объединялись, чтобы «выставить один трех- или четырехпарный плуг». Такой принцип был характерен и при поставке «ароб для надобностей бека» 253.

Если проследить по раятским селениям азербайджанцев (за исключением Терекеменского магала) подати и повинности, то они, по сведениям 1869 г., дают следующую картину²⁵⁴.

Как явствует из приведенных ниже архивных данных, самое значительное место в феодальной ренте занимала барщина, хотя, как нам известно, земледельческое хозяйство феодала было сравнительно невелико. Отработки включали такие

Селение	Подать зерном в сабу или пудах	Повинность трудовые рабочие дни		Bcero
		С ТЯГЛОВЫМ СКОТОМ	без скота	рабочих дней
Mapara	4	9 1	6	1 15
Рукель	4	11	4	15
Кемах	4	7	1	8
Мугарты	4	15	13	28
Митаги	4	16	9	25
Гимейди	4	11	8	19
Бильгади	4	11	8	19
Зидьян	4	11	8	19
Дарваг	4	6	6	12
Зиль	1 3	11	5	16
Хучни	] 3	6	6	12
Арак	l 3	1 7 1	6	13

виды козяйственной деятельности, как пахота, сев, полив, прополка, жатва, молотьба и доставка зерна в дом землевладельца.

Подати и повинности горских евреев-раят, проживавших с азербайджанцами-раятами в общих населенных пунктах, носили несколько иной характер, соответствующий специфике их занятий. Прежде всего отметим, что евреи, несмотря на постоянное жительство в этих местах, судя по архивным данным, «не имели участия в пользовании землею», т.е. при земельных переделах по адату им не отводились участки из общественного земельного фонда²⁵⁵, кроме как под усадьбу. Лишь в селении Мугарты на всех жителей еврейского квартала имелось «около 40 капанов, или 10 дес. земли» Состальные же евреи-раяты под разные культуры арендовали участки земли у других общинников (жителей тех жс обществ) или у беков за деньги или за доли урожая 257.

В Северном Табасаране евреи, проживавшие совместно с азербайджанцами и занимавшиеся сельским хозяйством, отдавали в год кадию или бекам: 1 руб., 1 батман, или 8 фунтов, табака, кожу на пару обуви, 1 сабу чалтыка (неочищенный рис), на 33 коп. сухой марены с пуда (пуд-баши), 2 курицы, 15 яиц. Отработочная же рента их была сходна с отработочной рентой азербайджанцев-раят. В основном она включала 4 дня работы с тягловым скотом и 15 дней — без скота. В целом же евреи в этих обществах в пользу своих беков выполняли 18 видов повинностей. Кроме того, за право выдачи замуж девушки они платили еще 10 руб., а вдовы — 5 руб. 258.

Евреи Дербента, судя по данным 1832 г., были обязаны производить по очереди уборку казенных учреждений «от 5 до 25 человек», заготавливать и перевозить топливо «на ишаках к казенным кварталам на отопление оных, взамен чего они сво-

бодны были от денежной повинности» ^{259} . Что же касается мусульманского и армянского населения города, то оно ежегодно «вносило по состоянию от 1 до 5 рублей серебром» ^{260} .

Словом, подати и повинности раят изучаемого района носили самый разнообразный характер и тяжелым бременем ложились на плечи народа. Это вынуждены были отметить даже официальные представители царской администрации. «Повинности, отбываемые раятами бекам, чрезвычайно многочисленны и разнообразны. Они зависели от личных качеств, силы и влияния беков-владельцев» 261. Или: «Тяжесть повинностей усиливалась тем, что размер их и порядок взыскания не были урегулированы. Можно сказать безошибочно, что раяты были предоставлены полному, бесконтрольному усмотрению беков и их управляющих и приближенных, которым предоставлялось самостоятельное взыскание повинностей, и нередко в их же пользу: последние проявляли при взыскании недостаточную умеренность и произвол, не сообразуя ни с условиями времени, ни с экономическим положением раят»²⁶². Здесь же отмечалась и несостоятельность управления раятскими обществами и после присоединения Дагестана к России и образования окружных управлений: «Специальных органов надзора, занятых поселянскими делами, разрешениями возникающих недоразумений, вроде мировых посредников, в Дагестане не существовало, местные же власти — наибы из офицеров милиции совершенно неудовлетворительного состава — сплошь и рядом назначались из беков и потому всегда поддерживали бекское сословие. Нередко они сами в своем же участке являлись... лицами заинтересованными. Особенно широко практиковалась система таких назначений в Табасаран, где как раз раятский вопрос обстоит острее всего»²⁶³.

Таким образом, раятская зависимость в Дагестане, и особенно в изучаемом нами районе, к концу XIX — началу XX в. приобрела характер острой социальной проблемы.

В своих прошениях в административные инстанции, а также в суд раяты жаловались на рост феодального гнета. Так, раяты селения Митаги в своем прошении от 6 октября 1882 г. писали: «1) обработку полей, по обычаю, они должны производить 1 день, а владелец требует 3 дня; 2) то же для жатвы хлебов; 3) очищать поля и покосы от сорных трав и кустарников лежит на обязанности не имеющих рабочего скота, а бек распространяет это на всех без исключения; 4) для кошения сена должны выходить всего 1 день и что только успевают сделать за это время, тем и ограничиться, а все остальное бек обязан докончить своими средствами, тогда как владелец требует от них окончательную работу, уборку посевов, что составляет до 3-х рабочих дней; 5) снопы на харман каждый дом обязан перевезти по одной арбе, а с них требуется перевозка всего снятого хлеба; 6) для молотьбы хлебов прежде не выставляли рабочих, а теперь

это исполняют субаи²⁶⁴; 7) на мельницу зерно, овощи по 5 капан, а теперь заставляют класть на продажу 10 капан, отчего крайне страдает скот; 8) дрова раяты обязаны доставлять по две арбы с дома, а бек требует по 5; 9) прежде хворост не доставляли беку, а теперь субаев заставляют его заготавливать, а прочих перевозить по мере надобности; 10) выжигание угля не лежало на их обязанности, а теперь это заставляют делать всех»²⁶⁵.

Митагинцы считали, что имевшие место в их селении «частые воровство и поджоги» происходили с участием одного из беков, а именно Даниял-бека, и, как они полагали, пока последний был «несовершеннолетним и состоял под опекой, ничего подобного не случалось»²⁶⁶. Обиды на феодалов отражались в жалобах и других раятских обществ (Кемах, Зиль, Марага и др.). В своем прошении на имя главнокомандующего гражданской частью на Кавказе от 27 июня 1895 г. поверенные общества Марага отмечали, что их беки «произвольно, по своему усмотрению, назначают налоги: на кур, на яйца, на дрова, на уголь; даже с каждого молодого, который думает жениться, берут по 10 рублей... Могут ли быть сильнее притеснения, как лишиться имущества отца, брата по их смерти? Помещики, беки везде у всех своих крестьян являются хозяевами... благодаря такому безграничному произволу наших беков мы со своими семействами сделались положительно нищими... они нас бьют, лишают свободы...»²⁶⁷.

Жители Мараги просили представителей власти, чтобы они «освободили их от угнетения помещиков, беков и причислили к числу крестьян государственных» 268.

Указывая на неуклонную тенденцию к росту феодальных повинностей в Южном Дагестане, чиновник канцелярии губернатора Дагестанской области Д.Пацхверов писал: «Так, из протоколов 1850 г. Дербентской комиссии видно, что, по сведениям, данным самими беками в сел. Ришуль, Курах, Вартатил, Хучни, Арак и Цуртил, вся повинность поселян выражалась в трехдневной в течение года работе в пользу бека, при исследовании же этого вопроса в 1870 г. оказалось в тех же селениях множество разнообразных повинностей...» 269.

При этом даже в тех раятских обществах, которые имели одинаковые участки земли, нередко рента была различной. Так, жители Мараги и Мугарты, подвластные одному и тому же беку, у которых размеры участков земли на один дом были соответственно 5,5 или 5,3 десятины, несли неодинаковые подати и повинности. В денежном исчислении подати раят селения Марага были оценены в 41 руб. 50 коп., а раят селения Мугарты — в 51 руб. 270.

Даже сама царская администрация на Кавказе вынуждена была констатировать: «Зависимые отношения раят к бекам не были урегулированы законодательными актами, а всецело под-

лежали административному усмотрению. Тягость всех раятских повинностей... заключалась в том, что размер и виды их зависели всецело от произвола беков»²⁷¹.

К тому же кроме феодальных податей и повинностей крестьяне были обложены еще государственным оброком или поземельным налогом, естественно еще более ухудшавшим их положение. «Отбывавшиеся бекам Дагестана повинности являлись обременительными для поселян, — отмечал директор канцелярии наместника на Кавказе Н.Петерсон в начале XX в., — так как последние кроме них должны были уплачивать в обычных нормах земские сборы и подымную подать, а после 1900 г. — государственный поземельный налог или оброчную подать» 272.

Правда, русская администрация в Дагестане иногда делала попытки упорядочить систему взимания феодальной ренты. В 60-х годах XIX в. обществам были выданы так называемые ведомости и инструкции, в которых «указаны были категории и размеры подлежащих отбыванию повинностей» 273. Однако эти акции, к тому же подготовленные на основании данных самих беков, мало чем помогали в урегулировании отношений беков и раят.

Тяжелое экономическое и правовое положение, постоянно растущая эксплуатация вызывали недовольство крестьян. порождали их многочисленные жалобы и открытый протест. Как свидетельствуют архивные данные, одной из форм протеста раят исследуемого района против феодального гнета был отказ выполнять бекские и казенные повинности²⁷⁴. Нередко протест крестьян выливался в открытое организованное выступление против беков. Во многих документах указывается на «беспорядки», напаление крестьян на поместья беков (поджоги, увод скота и т.д.). Обстановку этого времени подробно охарактеризовал в своем прошении на имя военного губернатора Лагестанской области от 22 ноября 1899 г. Казанов-бек Табасаранский — владелен селений Мугарты и Митаги: «С 1897 года все раяты Катайго-Табасаранского округа сообща стали враждовать с нами, уклоняться от своих повинностей и всячески стараться обижать нас и принести нам материальные убытки, потравляя наши сады, посевы, покосы и ятаги (кутаны), уводя наших лошадей и скотину, поджигая саманлыки и сено и истребляя леса для продажи в Дербенте и выжигая угли для той же земли. Некоторые захватили силой наши земли, которыми мы пользовались бесспорно несколько десятков и сотни лет»²⁷⁵.

Далее он, описывая свое собственное положение, отмечал: «Так и мои раяты, жители селений Мугарты и Митаги, с 97 года уклонялись нести мне повинности, определенные инструкцией сословно-поземельной комиссии, перестали давать мне доход с земли и исполнять сельскохозяйственные работы... Не довольствуясь, таким образом, учиненным мне убытком, раяты потравляли каждый год мои посевы, покосы и ятаги, увели

воровским образом моих лошадей — 5, буйволов — 6, коров — 6 и одного буйвола закололи кинжалом. Подожгли два саманлыка, один мой в 98 году и племянника моего Панахбека в 99. Истребили леса мои и продали в Дербенте, что продолжают делать и до сегодняшнего дня. И наконец, 26 мая сего года категорически официально перед наибом раяты отказались вовсе нести мне повинности» ²⁷⁶.

Казанов-бек, ссылаясь на составленный по этому делу акт о причиненных ему убытках в размере 8970 рублей, в заключение так констатировал и опасность для себя: «Живя по необходимости между ними, я сам считаю себя далеко не безопасным» 277.

Исполняющий должность дербентского коменданта майор Васильев в 1831 году в рапорте на имя командира 1-й бригады 21-й пехотной дивизии генерал-майора Коханова сообщал, что «табасаранский житель Касимбек, имея в управлении своем наследственную одну деревню Чугдали, обращался с поселянами оной так худо и дерзко, что они вынужденными нашлись сделать против него заговор и лишить его жизни, о чем он, узнавши, бежал в вольную Табасарань» 278. После его бегства селение Чугдали было передано в управление кадию Абдуразаку.

С 1899 по 1904 г., т.е. в течение 6 лет, не вносили подати в пользу своих беков и раяты селения Дели-Чобан. В результате их задолженность за 6 лет в переводе на деньги (из расчета по 2 руб. за сабу пщеницы) составила 525 руб. 279.

«Раятское население Кайтаго-Табасаранского округа в 1898 г., будучи доведено поборами беков до крайнего экономического упадка, мирно прекратило всякую плату повинностей и налогов в пользу беков» 280, — отмечали в своем заявлении в Земельную комиссию Государственной думы 17 мая 1910 г. 37 членов этой думы.

Однако, как отмечалось выше, царская администрация все спорные вопросы решала все же в пользу беков, всячески оправдывая земельные и другие притязания феодальной верхушки общества. Недаром в 1899 г. беки Южного Дагестана писали, что прежде «недоразумения, обоюдные жалобы» беков и раят решались местным начальством в пользу беков²⁸¹.

Для проверки жалоб крестьян нередко направлялись беки из тех же фамилий, злоупотребления представителей которых отмечались в прошениях. Жалобу Казанов-бека Табасаранского на раят селений Мугарты и Митаги, например, проверял его же родственник ротмистр Бийбала-бек Табасаранский 282. Для усмирения вышедших из повиновения раят начальство Катайго-Табасаранского округа принимало крутые меры. Так, поверенные селения Великент, которые требовали аннулировать договорные отношения уцмия с откупщиком их соляных источников в местности Рамазана-кутан и вернуть им прежнее право на этот источник, начальник округа дает указание начальнику

участка принять меры, «чтобы охладить пыл, наказать их возможно строже, дабы это могло бы послужить примером для других, участвующих в неповиновении властям» ²⁸³.

Нередко для усмирения и устрашения обществ, вышедших из повиновения своим бекам, направлялись военные роты, которым предписывалось делать все для удовлетворения притязаний беков и принимать принудительные меры «к взысканию следуемых повинностей» 284.

И действительно, нередко взыскание бекских податей с ведома военного начальства Дагестана производилось «при содействии военной силы» 285. Местная администрация не раз убеждалась, что «без репрессивных мер взыскание их произведено быть не может» 286.

Так. 7 мая 1909 г. в селение Рукель прибыл начальник Северо-Табасаранского участка Джафаров и, собрав сельский сход и должностных лиц, предложил им приступить к сбору податей в пользу бека. «Сельское общество категорически заявило, что оно добровольно платить повинностей не будет»²⁸⁷. Тогда начальник участка с представителями сельской администрации и четырьмя всадниками-нукерами, а также самого сельского бека, Магомед-бека, вошел во двор одного из раят. Тут же «на них бросилось все сельское общество с дубинками и силою вытеснило со двора, причем двое из жителей... с обнаженными кинжалами напали на бека... который спасся лишь тем, что успел скрыться в своем доме». Начальник же участка, «окруженный со всех сторон возбужденною толпою». едва мог выбраться из толпы со всеми должностными лицами и уехать, не взыскав повинностей и считая «бесполезными дальнейшие переговоры с обществом» ²⁸⁸.

Однако главные зачинщики сопротивления, Чопан и Баба Тариверди оглы, по распоряжению военного губернатора области от 30 мая того же года были подвергнуты тюремному заключению на три месяца каждый.

В селении Дели-Чобан отрядом стражников в 50 человек во главе с начальником Нижне-Кайтагского участка «было потребовано у жителей с каждого двора 20 р. в пользу бека и за неимением у населения требуемых денег отобрана вся крестьянская домашняя утварь» ²⁸⁹.

27 июля 1909 г. начальник участка Парзулаев в сопровождении всадников (нукеров) милиции, старшин селений Ерси, Дюбек, Ханаг, Аркит и кадия селения Ерси прибыл в селение Зиль для взимания с жителей повинностей в пользу бека, от добровольной уплаты которых они упорно отказывались. К приезду начальника участка «в названном ауле не оказалось мужского населения, а все дома найдены запертыми и забаррикадированными арбами, земледельческими орудиями и прочими предметами»²⁹⁰. Тогда каратели решили открыть дома и описать имущество; с этой целью они подъехали к дому одного из

жителей. Дом был заложен четырьмя арбами. Начальник еще не успел приступить к своим «обязанностям», как «из соседних садов выбежала с криком и плачем толпа женщин и детей числом около 200 и бросилась на него, всадников и старшин с кольями и палками в руках»²⁹¹. Когда нукеры попробовали оттеснить толпу назад, «женщины стали наносить им удары палками, а дети бросать камнями, так что почти все всадники и некоторые из старшин получили ушибы»²⁹². По этому случаю были произведены аресты, в том числе среди женщин. Подобные акции протеста раят происходили и в других азербайджанских селениях исследуемого района.

В селении Марага раяты заявили начальству, что будут сопротивляться принудительному взысканию податей до тех пор, «пока каждый из них не ляжет мертвым на месте» ²⁹³.

Кавказская администрация хотя и признавала, что раятская зависимость, представлявшаяся «некоторым подобием полвека назад уничтоженного крепостного права» в России, являлась «анахронизмом, немыслимым в Дагестане и в Закатальском округе» ²⁹⁴, вместе с тем ничего решительного не предпринимала для ее искоренения.

Правда, создавались многочисленные комиссии для изучения и окончания сословно-поземельного вопроса в Дагестане. Достаточно привести такие данные: после издания высочайшего рескрипта от 6 декабря 1846 г. с 1848 по 1852 г. в регионе работала Дербентская комиссия, действия которой остались безрезультатными. В 1869 г. была образована Южнодагестанская сословно-поземельная комиссия, собравшая множество материалов по этому вопросу в пределах Кайтага, Улусского магала, Северного и Южного Табасарана. В 1883 г. эта комиссия была упразднена и вместо нее образована новая. Центральная комиссия для окончания сословно-поземельного вопроса в частях Кавказского края военно-народного управления. Поскольку и эта комиссия не выработала проекта, разрешавшего вопрос о взаимоотношениях раят и беков, в 1901 г. в Дагестанскую область из Тифлиса была командирована особая временная комиссия, также собравшая много архивных данных по вопросу о возможности применения в Дагестанской области рескрипта 1846 г. Наконец, в 1908 г. наместник на Кавказе образовал «особое совещание» под председательством своего помощника по гражданской части. Рассмотрев все данные, относящиеся к сословно-поземельным отношениям и собранные во время предыдуших работ как на местах путем опроса беков и крестьян, так и в архивах, особенно в архиве дербентском, «особое совещание признало необходимым произвести выкуп повинностей, которые несли поселяне в пользу беков»²⁹⁵.

Утверждая необходимость прекращения зависимых отношений только путем выкупа, особое совещание «обосновывало» это тем, что «правительство до последнего времени признавало

законным эти платежи». Оно считало, что «было бы несправедливо отменить их без вознаграждения получателей, пользовавшихся ими столько лет и часто строивших на них только свое благосостояние» ²⁹⁶. Царская администрация и в данном случае не забывала проявить особую заботу о дагестанских феодалах.

Так или иначе, все эти комиссии, в том числе и особое совещание, собрали большой фактический материал о земельных отношениях в исследуемом регионе. Однако дальше проектов дело не пошло. В результате решение вопроса об освобождении раят от феодальной зависимости затянулось до 1913 г. Только после долгой волокиты, многократного обсуждения в различных советах, в том числе и при наместнике на Кавказе, 7 июня 1913 г. Николаем II был утвержден «Закон о прекращении зависимых отношений поселян Дагестанской области и Закатальского округа к бекам и кешкелевладельцам и об учреждении в сих местностях установлений по крестьянским делам» 297.

«Зависимые поселяне Дагестанской области, — говорилось в законе, — всех разрядов (раяты, уздени, кешкелеплательщики) с 1 января 1913 г. освобождаются от всех отбываемых ими в пользу беков и кешкелевладельцев повинностей» ²⁹⁸.

Закон предусматривал щедрое вознаграждение феодалов (беков и кешкелевладельцев) из государственного казначейства. Беки Кайтаго-Табасаранского округа, в частности, получили 186 121 руб. 299. Наибольшая сумма приходилась на долю наследников генерал-майора Амир-Чопана Уцмиева — 60 100 руб. 300. Выкупная сумма для всех раятских обществ Кайтаго-Табасаранского округа (т.е. 40 селений, или 3362 дыма) составляла 186 121 руб., в том числе для Гимейди — 8660, Мараги — 17 090, Дарвага — 11 935, Мугарты — 7030, Рукеля — 12 441, Деличобана — 14 440, Джемикента —12 847 руб. 301 и т.д.

Освобождаемые раяты обязаны были возместить эту сумму в государственную казну «путем ежегодных равных взносов... в течение двадцати лет» 302, причем началом срока погашения было определено 1 января 1913 г.

Прекращение зависимых отношений не привело к освобождению крестьян от тяжелого гнета, ибо по-прежнему сохранялась феодально-помещичья собственность на землю.

Многочисленные налоги, высокая плата за землю, арендуемую крестьянами у тех же беков, разных помещиков и казны, не давали основной массе раят возможности нормально вести хозяйство, еле обеспечивали семью прожиточным минимумом. Борьба за землю, за освобождение от социального и колониального гнета после 1913 г. принимает еще более острый характер, становится одним из важнейших факторов социального и экономического развития дагестанского общества. В советский период решению крестьянского вопроса придавалось большое значение. Был предпринят ряд практических мер по решению аграрного вопроса, хотя в этом деле было допущено много ошибок. С установлением советской власти в Дагестане земля была национализирована. Она перешла в пользование крестьян, объединенных в коллективные хозяйства (в артели, колхозы, а позднее и совхозы).

О феодальных отношениях в Лагестане см.: Рамазанов X.X. Крестьянская реформа в Лагестане. — Ученые записки ИИЯЛ Лагестанского филиала АН СССР. Т.И. Махачкала, 1957; Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории Южного Пагестана. Махачкала. 1964: Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй в Дагестане в XVIII — начале XIX в. Махачкала. 1957: Гаджиева С.Ш. Очерки истории и этнографии дагестанских терекеменцев в XIX в. — Ученые записки Лагестанского государственного женского пелагогического института им. Г.Цадасы. Т.Ц. Махачкала. 1958: она же. Лагестанские терекеменцы. XIX — начало XX в. М., 1990: Хашаев X.-М. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961; История Дагестана. Т.П. М., 1968: Гасанов М.Р. Из истории Табасарана XVIII — начала XIX в. Махачкала. 1978: Феодальные отношения в Пагестане. XIX — начало XX в. Архивные материалы. Сост. Х.-М.Хашаев. М., 1969; Умахано М.-С.К. Побеги как одна из форм антифеодальной борьбы в Дагестане (XVII-XVIII в.). - Классовая борьба в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1983; Магомедов Н.А. Экономическое развитие Лербентского ханства в XVIII в. Автореф, канд, истор, наук, Нальчик, 1985 и др.

² Доклад председателя Сословно-поземельной комиссии по военно-народному управлению Кавказского края. — ЦГА Дагестана. Ф.90, оп.2, д.3, л.159.

- ³ Известно, что в исследуемый / период Табасаран состоял из двух феодальных владений владения майсума и владения кадия. Азербайджанское население, расселенное в Северном / Табасаране, было подвластно кадию, а Южный Табасаран, населенный табасаранцами, майсуму.
- ⁴ Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. ИГЭД, с.76.
  - ⁵ ЦГА Дагестана. Ф.90, оп.2/д.30, л.159.
  - ^о Там же
- ⁷ См.: Рапорт поруч. Истицкого полк. Гасфорту от 14 марта 1830 г. АКАК. Т.VII, 1878, с.448.
- ⁸ См.: Бакиханов Аббас-Кули-Ага «Кудси». Гюлистан-Ирам. Баку, 1926 (Труды общества обследования и изучения Азербайджана, вып.4), с.51; Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй..., с.202; Саидов М.-С. О распространении Абдулмуслимом ислама в Дагестане. Ученые записки ИИЯЛ. Т.ІІ. Махачкала, 1957, с.50—51.
- ⁹ Записка о сословно-поземельном строе в Северном и Южном Табасаране. — ЦГА Дагестана. Ф.150, оп.1, д.1, л.1а.
- 10 Комиссия по разбору сословно-поземельных прав населения Южного Дагестана. Ф.150, оп.1, д.46, л.2, и об.
- 11 Сотников. Сведения о Табасарани. Памятники обычного права Дагестана. М., 1965, с.49—50.
  - 12 См.: Феодальные отношения в Лагестане..., с.182-183.
  - ¹³ Там же. с.183
- 14 См.: Гидулянов П.В. Сословно-поземельный вопрос и раятская зависимость в Дагестане. Этнографическое обозрение. 1901, № 1, с.20.
- 15 Рапорт ген. М.Хатунцева ген. Ртищеву от 6-го февраля 1815 г. АКАК. Т.V, 1873, с.625—626.

- 16 Феодальные отношения в Дагестане..., с.183.
- 17 Сотников. Сведения о Табасарани, с.50 (примеч.1).
- 18 Феодальные отношения в Лагестане..., с.183.
- 19 См.: Козубский Е.И. История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906, с.91—92; История Дагестана. Т.І. М., 1967, с.251.
  - ²⁰ История Дагестана. Т.І, с.326.
- 21 Петрушевский И.П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX в. Л., 1949, с.140.
  - 22 Гербер И.-Г. Описание стран и народов..., с.85.
- 23 О Дербентском владении в XVI XVIII вв. см.: Рамазанов X.X., Шихсандов А.Р. Очерки истории Южного Дагестана, с.93.
  - 24 Гербер И.-Г. Описание стран и народов..., с.85.
- 25 Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. Ч.І. СПб., 1869, с.27.
  - ²⁶ История Дагестана. Т.І, с.251.
- 27 Лавров Л.И. Эмиры Дербента. Источниковедение истории посоветского Дагестана. Махачкала, 1987, с.126.
  28 Бакиханов Аббас-Кули-Ага «Кудси». Гюлистан-Ирам, с.124.

  - ²⁹ Там же. с.195.
- 30 Березин И. Путешествие по Востоку. Т.І. Казань, 1849, с.123; Петрушевский И.П. Очерки по истории..., с.140.
  - 31 Березин И. Путешествие по Востоку, с.123.
  - 32 Там же. См. подробнее: История Дагестана. Т.І, с.326.
- 33 См.: АКАК. Т.ІІІ. 1869, с.385; см. также: История Дагестана. Т.ІІ, с.19; ЦГИА Грузии. Ф.2, оп.1, д.4797, л.33—34.
  - 34 AKAK. T.III, 1869, c.385.
  - 35 Козубский Е.И. История города Дербента, с.139.
  - 36 AKAK. T.III, c.385.
  - 37 Козубский Е.И. История города Дербента, с.140.
  - 38 ЦГА Дагестана. Ф.2, оп.4, д.47а, л.4.
  - 39 См.: Козубский Е.И. История города Дербента, с.91—138.
  - ⁴⁰ ЦГА Дагестана. Ф.379, оп.1, д.594, л.82 (об.).
  - 41 Козубский Е.И. История города Дербента, с.91-92.
- 42 Бакунина В.И. Персидский поход в 1796 г. Русская старина. 1889, с.356; см. также: *Бутков П.Г.* Материалы для..., ч. II, с.389.
- 43 См.: Радожицкий И.Т. Историческое известие о походе российских войск в 1796 г. в Дагестан и Персию под командованием графа Валериана Александровича Зубова. — Отечественные записки. 1827, ч.31, № 87, июль, с.165. Как отмечает автор статьи, сведения им были заимствованы «из журнала одного соучастника сего похода» (АКАК. Т.VI. Ч.II, 1875, с.907).
- 44 Березин И. Путешествие по Востоку, с.123—124; Козубский Е.И. История города Дербента, с.92.
  - 45 Березин И. Путешествие по Востоку, с. 124.
- 46 Дербентцы сохранили такое предание: когда Туту-бике посланцы брата сообщили, что муж ее погиб и нет смысла сопротивляться, она якобы ответила: «У меня в утробе растет наследник, другой Фат-Али-хан».
  - 47 Козубский Е.И. История города Дербента, с.118.
- 48 С донесением в Петербург был отправлен полковник Мансуров, а вслед за ним с ключами от дербентских ворот полковник Миллер-Закомельский; см.: Радожицкий И.Т. Исторические известия..., с.153.

- 49 Письма и записки Екатерины Великой к графу Валерьяну Александровичу Зубову. — Русский архив. 1886. Кн.1, № 3, с.274—275.
  - 50 Подробнее см.: Радожицкий И.Т. Историческое известие..., с.88.
  - ⁵¹ Там же. с.504.
  - ⁵² Там же, с.308.
  - 53 Козубский Е.И. История города Дербента, с.86.
  - 54 Березин И. Путешествие по Востоку, с.152.
  - 55 Там же, с.152—153.
  - 56 Фараш (перс.) джедлат, т.е. палач.
- 57 Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. Т.І. Кн.2. СПб., 1871, с.398.
  - ⁵⁸ Дубровин Н. История войны..., т.І, кн.1, с.604.
  - 59 Сотников. Сведения о Табасарани, с.50.
  - 60 Козубский Е.И. История города Дербента, с.125.
- 61 Записка Астраханского военного губернатора К.Ф.Кноринга о недовольстве дербентских жителей своим прежним владельцем IIIих-Алиханом. — Материалы по истории Дагестана и Чечни. Махачкала, 1940. c.51-52.
  - 62 Сотников. Сведения о Табасарани, с.50.
  - 63 ШГА Дагестана. Ф.150. оп.1. д.46, д.1.
  - ⁶⁴ Там же, ф.15, оп.1, д.4а, л.1.
  - ⁶⁵ Там же.
  - 66 Козубский Е.И. История города Дербента, с.138.
  - 67 AKAK. T.VII, 1878, c.462-463.
  - 68 Козубский Е.И. История города Дербента, с.92.
  - 69 ЦГА Дагестана. Ф.1, on.1, д.213, д.9—10.
  - 70 Дубровин Н. История войны..., т.I, кн.1, с.604.
  - 71 AKAK. T.VII, 1878, c.462-463.
  - ⁷² AKAK. T.VIII, 1881, c.474.
  - 73 Гербер И.-Г. Описание стран и народов..., с.87—88.
  - 74 AKAK. T.VIII, c.474.
  - 75 Козубский Е.И. История города Дербента, с.92.
- 76 Бутков П.Г. Сведения о Кубинском и Дербентском владениях. 1798 г. ИГЭД, с.210.
  - 77 Гербер И.-Г. Описание стран и народов..., с.85—86.
  - ⁷⁸ Там же, с.85.
- 79 Лопухин П.И. Журнал путешествия через Лагестан, 1718 г. ИГЭЛ.
  - 80 Там же.
  - 81 Симонович Ф.Ф. Описание Южного Дагестана. 1796 г. ИГЭД, с.144.
- 82 О нукерах см.: Владимириов Б.Я. Общественный строй монголов. Л., 1934, с.87; Греков Б.Д. и Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.-Л., 1950, с.41. О нукерах у азербайджанцев Кайтагского уцмийства см.: Гаджиева С.Ш. Дагестанские терекеменцы..., с.119—120.
  - 83 AKAK. T.VI. 4.II, 1875, c.51.
  - 84 Сотников. Сведение о Табасарани, с.50.
- 85 См.: Письмо начальника Каспийской области главнокомандующему Кавказским краем. — ЦГА Грузии. Ф.2, оп.1, д.479, д.3.
  - 86 Гербер И.-Г. Описание стран и народов..., с.84.
  - 87 Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана в XIX в., с.175.

- 88 Тихонов Д.И. Описание Северного Дагестана. 1796 г. ИГЭД, с.135.
- 89 Козубский Е.И. История города Дербента, с.92.
- 90 Ведомость о статьях, с которых бывший уцмий Адиль-хан пользовался доходами. РФ ИИЯЛ. Ф.1, оп.1, д.155, л.46.
  - ⁹¹ Там же.
  - ⁹² Там же.
  - 93 ЦГА Дагестана. Ф.80, оп.3, д.6, л.10.
  - 94 Симонович Ф.Ф. Описание Южного Лагестана, 1796. ИГЭЛ, с.144.
  - 95 Там же
- 96 Чулков М. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах... Т.П. Кн.2. М., 1885, с.512.
- 97 *Броневский С.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч.И. М., 1823, с.340—341.
  - 98 Симонович Ф.Ф. Описание Южного Дагестана. 1796, с.153.
  - ⁹⁹ Там же.
  - 100 ЦГА Дагестана. Ф.15, оп.1, д.1, л.32—33.
  - 101 Сотников. Сведения о Табасарани, с.50.
- 102 См.: Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965; История Дагестана. Т.П. М., 1968, с.9—28.
- 103 Письмо владетеля Каракайтагского и семи волостей Алихана Уцмия к кн. Цицианову от 13 марта 1804 г. АКАК. Т.И, 1868, с.776.
  - 104 Гидулянов П.В. Сословно-поземельный вопрос..., № 2, с.53.
  - 105 **ШГА Грузии.** Ф.2. оп.1. д.9173. л.2.
  - 106 Там же, л.3.
- 107 См.: Собственное предписание ген. Ермолова ген.-м. Сталю от 18 апреля 1818 г. АКАК. Т.VI. Ч.II, 1875, с.11—12.
  - 108 Гидулянов П.В. Сословно-поземельный вопрос..., с.53.
- 109 Письмо государственного казначея Голубцова к гр. Гудовичу от 22 июля 1806 г. АКАК. Т.III, 1869, с.384.
- 110 Письмо гр. Гудовича к Алихану Уцмию от 22 февраля 1907 г. АКАК. Т.ІІІ, 1869, с.384—385; Отношение ген. Тормасова к ген. Румянцеву от 26 марта 1811 г. АКАК. Т.ІV, 1870, с.633—634.
  - 111 ЦГА Дагестана. Ф.150, оп.1, д.1, л.1а.
  - 112 См.: Броневский С. Новейшие географические..., ч. ІІ. с. 347.
  - 113 Козубский Е.И. История города Дербента, с.123.
  - 114 Там же, с.141.
  - 115 AKAK, T.XI, 1888, c.430.
- 116 Письмо графа Д.А.Милютина графу Н.И.Евдокимову. ЦГВИА России. Ф.ВУА, д.6696, ч.1, л.98.
  - 117 Там же, л.99.
  - 118 AKAK. T.V. 1873, c.625-626.
  - 119 Цит. по: Феодальные отношения в Дагестане..., с.244.
- 120 Собственное предписание ген. Ермолова ген.-м. Сталю от 18 апреля 1818 г. АКАК. Т.VI, Ч.II, 1875, с.49.
- 121 См.: Отношения ген. Ермолова к гр. Нессельроде от 10 января 1820 г. АКАК. Т.VI. Ч.II, с.11.
  - 122 Феодальные отношения в Лагестане.... с.237.
- 123 См.: Обращение ген. Ермолова Каракайтагскому народу от 26 января 1820 г. АКАК. Т.VI. Ч.II, с.63.

- 124 Предписание ген. Ермолова ген.-м. барону Вреде от 24 июня 1820 г. АКАК. Т.VI. Ч.И. с.65.
  - ¹²⁵ AKAK, T.III, 1869, c.385.
- 126 См.: Бакиханов Аббас-Кули-Ага «Кудси». Гюлистан-Ирам, с.146; Козубский Е.И. История города Дербента, с.139.
  - 127 AKAK. T.III, c.440.
  - 128 История Дагестана. Т.П. с.66.
  - 129 AKAK. T.VI. Y.II. c.75.
- 130 См.: Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории Южного Дагестана, с.199.
  - 131 Феодальные отношения в Дагестане..., с.244.
  - 132 AKAK. T.VIII, 1881, c.474.
- 133 Памятная книжка Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1895, с.38; Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории Южного Дагестана, с.229.
  - 134 См.: История Дагестана..., т.II, с.119—123.
- 135 Дубровин Н. История войны..., т.І, кн.1, с.604; см. также: Феодальные отношения в Дагестане..., с.183.
  - 136 Дубровин Н. История войны..., т.І, кн.1, с.604.
- 137 Записка о правах беков, агаларов, наибов и пр.... AKAK. T.VIII, 1881, л.469—470.
  - 138 Там же, с.475.
- 139 Серебров А.Г. Историко-этнографическое описание Дагестана. 1796 г. ИГЭД, с.181.
  - 140 Дубровин Н. История войны..., т.І, кн.2, с.390.
  - 141 Козубский Е.И. История города Дербента, с.138.
  - 142 Гербер И.-Г. Описание стран и народов..., с.83.
  - 143 Тихонов Д.И. Описание Северного Дагестана. 1746 г., с.134.
- 144 Торнау Ф.Ф. Сведения о беках Каспийской области. ЦГИА Грузии. Ф.2, оп.1, д.767, л.23.
  - 145 Гидулянов П.В. Сословно-поземельный вопрос.... с.30—31.
  - 146 ЦГА Лагестана. Ф.2, оп.3, д.139а, л.7.
- 147 См., например: Высочайшая грамота ген.-л. Мехти-шахмалу Тарковскому от 10 сент. 1806 г. — АКАК, Т.ІІІ, 1869, с.385.
  - 148 ЦГИА Грузии. Ф.2, оп.1, д.7767, л.7.
  - ¹⁴⁹ Там же.
  - 150 Дубровин Н. История войны..., т.I, кн.2, с.391.
  - 151 Феодальные отношения в Дагестане..., с.186.
  - 152 ЦГА Дагестана. Ф.2, оп.1, д.77а, л.11.
  - 153 ПГА Лагестана, Ф.150, оп.1, д.46, д.2.
- 154 Ср. место аудиенции у султана Турции в прошлом. Исследователь этнической истории турок Д.Е.Еремеев считает, что этот термин существует со времен «кочевого быта тюрок, когда знатные люди племени встречались сначала у входа в шатер племенного вождя, а затем уже входили внутрь». По мнению автора, «название (но в арабско-персидском оформлении) перешло впоследствии и к османам, у которых правительство именовалось Баб-ы-Али (Высокая Порта, Высокая дверь) (Еремеев Д.Е. Этногенез турок. М., 1971, с.81; см.также: Эмин Ф.А. Краткое описание древнейшего и новейшего состояния Оттоманской Порты. М., 1828, с.85).
- 155 Феодальные отношения в Дагестане..., с.184; Комиссия по разбору сословно-поземельных прав туземного населения Южного Дагестана. ЦГА Лагестана. Ф.150, оп.1, д.46, л.2.

- 156 Объяснительная записка к проекту основного положения о поземельном устройстве жителей Южного Дагестана. 1874. ЦГА Дагестана. Ф.150, оп.1, д.7, л.8.
- 157 О рабстве в Дагестане см.: Освобождение бесправных рабов в Дагестане. ССКГ. Вып.І, 1868; Рамазанов Х.Х. К вопросу о рабстве в Дагестане. Ученые записки ИИЯЛ. Т.Х. Махачкала, 1961, с.155—167; Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй..., с.115—117; Гаджиева С.Ш. Кумыки. М., 1961, с.115—117; Шихсаидов А.Р. Дагестан в Х—ХІУ вв. Махачкала, 1975, с.156—158.
- 158 *Лобанов-Ростовский М.Б.* Кумыки, их нравы, обычаи и законы. Кавказ. 1846, № 37, 38.
  - 159 Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. Т.І. М., 1890, с.226.
- 160 Неверовский А.А. Краткий исторический взгляд на Северный Дагестан в топографическом и статистическом отношениях. Военный журнал. СПб., 1847. № 5, с.27.
- 161 См.: Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории Южного Дагестана, с.156—158.
- 162 Цит. по: *Караулов Н.А.* Сведения арабских географов IX—X веков по Р.Х. о Кавказе, Армении и Азербайджане. СМОМПК. Вып.38, 1908, с.88.
- 163 Цит. по: Миклухо-Маклай Н.Д. Географические сочинения XIII в. на персидском языке. УЗИВАН. Т.ІХ, 1958, с.200.
- 164 См.: Бартольд В.В. Место Прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Сочинения. Т.И. М., 1963, с.681.
- 165 Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X—XI веков. М., 1963, с.167.
  - 166 Стрейс Я.Я. Три путешествия. M., 1935, с.236.
- 167 Рапорт ген.-м. Вельяминова барону Розену от 28 апреля 1837 г. № 905. АКАК. Т.VIII, 1881, с.832—833; Освобождение бесправных рабов в Дагестане. ССКГ. Вып.I, 1868, с.49.
- 168 Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906, с.487.
- 169 О работорговле в Кизляре см.: *Шидловский Ю.* Записки о Кизляре. Журнал Министерства внутренних дел. СПб., 1843, ч.IV, с.179.
  - 170 Броневский С. Новейшие географические..., т.І, с.313.
  - ¹⁷¹ Там же. с.313—314.
- 172 [Шихалиев Д.-М.] Кумык. Рассказ кумыка о кумыках. Кавказ. 1848, № 39—51.
  - 173 Рамазанов Х.Х. К вопросу о рабстве в Дагестане, с.167.
- 174 Списки населенных мест. Сборник статистических сведений о Кавказе. Т.І. Тифлис, 1869, с.83.
- 175 Дагестанская область. Свод статистических данных о населении Закавказского края, извлеченных из посемейных списков 1886 г. Тифлис, 1893.
  - 176 Там же
  - 177 Освобождение бесправных рабов в Дагестане, с.52.
- 178 Там же, с.52; Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе, с.52; Гидулянов П.В. Сословно-поземельный вопрос..., с.84.
- 179 По определению И.П.Петрушевского, в Азербайджане «раийятами» называлось податное сословие, и в узком смысле это понятие означало «государственного крестьянина-земледельца», а также распространялось «на крестьян частновладельческих». «Неджбером» здесь крестьянина называли в связи с его занятием сельским хозяйством. В других же азербайджанских

- районах данный термин в форме «раджбар» применялся по отношению к крепостному крестьянину. См.: Петрушевский И.П. Очерки по истории..., с.259.
  - 180 ЦГА Дагестана. Ф.3, оп.2, д.143а, л.25—26.
- 181 См.: Феодальные отношения в Дагестане..., с.32; *Магомедов Р.М.* Общественно-экономический и политический строй..., с.228.
- 182 Феодальные отношения в Дагестане..., с.150; см. также: Пацхверов Д. Сословно-поземельный вопрос в Дагестане и учреждение крестьянских установлений в Дагестанской области. Дагестанские областные ведомости. 1916. № 36.
  - 183 ЦГА Дагестана. Ф.2, оп.3, д.143e, л.25.
  - 184 Cm.: Феодальные отношения в Дагестане..., с.317—318, 334, 335.
  - 185 _{Там же.}
  - 186 Феодальные отношения в Дагестане..., с.331.
  - 187 Там же. с.172.
  - 188 Там же, с.172—173.
  - 189 Феодальные отношения в Дагестане..., с.32.
- 190 Петухов П. Очерки Кайтаго-Табасаранского округа. Кавказ. 1867, № 16.
  - 191 Cm.: Феодальные отношения в Дагестане..., с.133—134, 192.
- 192 Капан здесь мера веса, равная около 3 пудов зерна. См.: ЦГА Дагестана. Ф.150, оп.1, д.1, л.19.
  - 193 ЦГА Дагестана. Ф.15, оп.1, д.18, л.6.
  - 194 Там же, л.7.
  - 195 Там же, л.8.
  - 196 Феодальные отношения в Лагестане.... с.192.
  - ¹⁹⁷ Там же.
  - 198 ЦГА Дагестана. Ф.150, оп.1, д.18, л.8.
  - 199 Подробнее см.: Феодальные отношения в Дагестане..., с.195.
- 200 Там же; ЦГА Дагестана. Ф.150, оп.1, д.18, л.1, .; РФ ИИЯЛ. Ф.1, д.196, л.11—12, 16—17.
  - 201 Феодальные отношения в Дагестане..., с.152.
  - 202 Tam же. c.268-269.
  - 203 Там же, с.210.
- 204 См.: Кавказский календарь на 1890 г. Отд. II. Тифлис, 1899, с.34; Нахшунов И.Р. Экономические последствия присоединения Дагестана к России. Махачкала, 1956, с.70.
- 205 ЦГА Дагестана. Ф.80, оп.3, д.6. л.2—3; ф.2, оп.3, д.143, л.153; Нахшунов И.Р. Экономические последствия..., с.70; Гаджиева С.Ш. Дагестанские терекеменцы..., с.127—128.
  - 206 ЦГА Дагестана. Ф.2, оп.2, д.179, л.14; Ф.150, оп.1, д.1, л.77—78.
  - 207 Там же, ф.2, оп.1, д.123, л.10.
  - 208 Дубровин Н. История войны..., т.I, кн.2, с.390.
  - 209 Гидулянов П.В. Сословно-поземельный вопрос..., № 2, с.69—70.
  - 210 Феодальные отношения в Лагестане.... с.156.
- 211 См.: ЦГА Дагестана. Ф.2, оп.3, д.143, л.153; Ф.80, оп.3, д.18, л.8; д.6, л.2—4; Нахшунов И.Р. Экономические последствия..., с.70; Гаджиева С.Ш. Дагестанские терекеменцы..., с.127—128.
- 212 Переписка с комиссией по окончанию сословно-поземельного вопроса в частях Кавказского края. ЦГА Дагестана. Ф.2, оп.3, д.143, л.16.
  - 213 Дубровин Н. История войны..., т.I, кн.2, с.390.

- 214 Петрушевский И.П. Очерки по истории..., с.75.
- 215 Феодальные отношения в Дагестане..., с.149.
- 216 Tam же. c.111-114.
- 217 Дагь-ек (перс. букв. «одна десятая часть»), в некоторых обществах еще называлась «душалык»; см. ЦГА Дагестана, Ф.2, оп.3, д.139а, л.12.
  - 218 Капан пшеницы мера веса, равная примерно 3—3,5 пуда.
  - 219 Феодальные отношения в Дагестане..., с.112—113.
  - 220 Там же, с.111—117.
  - 221 Там же, с.158.
  - 222 Там же, с.111.
  - ²²³ Там же. с.115.
  - 224 Там же, с.113.
  - 225 Там же, с.312.
  - 226 Там же, с.113. Харман ток.
  - 227 Там же. Казма землянка. Чалу плетень.
  - 228 Там же. с.112. Хорал большой мешок.
  - ²²⁹ Там же, с.113—114.
  - 230 Там же.
- 231 С упразднением Дербентского ханства управление Улусским магалом русская администрация передала шамхалу Тарковскому Абу-Муслиму.
  - 232 ЦГА Дагестана. Ф.2, оп.3, д.140a, л.36.
  - 233 Там же, л.64.
  - 234 Там же.
  - 235 AKAK, T.VI. 4.II, 1875, c.67.
- 236 Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. Ч.І. СПб., 1869, с.95.
  - 237 См. подробнее: Гаджиева С.Ш. Дагестанские терекеменцы...
  - 238 Феолальные отношения в Дагестане..., с.33.
  - 239 Там же, с.111-114.
  - 240 Там же. с.34.
  - ²⁴¹ Там же, с.32—34.

  - ²⁴² Там же, с.34.
  - 243 Там же, с.33.
  - 244 Там же.
  - 245 Там же. с.206—207; *Гаджиева С.Ш.* Очерки истории..., с.80.
  - ²⁴⁶ Феолальные отношения в Дагестане, с.206—207.
  - 247 Там же. с.111—112.
  - 248 Там же, с.207.
  - ²⁴⁹ См. там же, с.107.

  - ²⁵⁰ Там же.
  - 251 Чапар гонец.
  - 252 Феодальные отношения в Дагестане..., с.107.
  - 253 Там же, с.304.
- 254 Таблица составлена нами по архивным данным, см.: ЦГА Лагестана. Ф.150, оп.1, д.1, л.26-27.
- 255 Записка о сословно-поземельном строе в Северном и Южном Табасаране. 1869 г. — ЦГА Дагестана. Ф.150, оп.1, д.1, л.24; Феодальные отношения в Дагестане..., с.159.
  - 256 Феодальные отношения в Лагестане.... с.159.

- 257 Там же.
- 258 Записка о сословно-поземельном строе в Северном и Южном Табасаране. 1869 г., л.25; Феодальные отношения в Дагестане.... с.160.
  - 259 ЦГИА Грузии. Ф.2. оп.1. п.2561, л.1.
  - 260 там же.
  - 261 ЦГА Дагестана. Ф.160, оп.1, д.7, л.8.
  - 262 Феодальные отношения в Пагестане... с.311—312.
  - 263 Там же. с.312.
- 264 Субай мололой холостой мужчина, очевилно, человек, не имеющий собственного скота.
- 265 См.: Решение Кайтаго-Табасаранского окружного суда от 6 окт. 1882 г. — ЦГА Дагестана. Ф.150, оп.1, д.18, л.4.
  - 266 там же.
  - 267 См.: РФ ИИЯЛ. Ф.1. оп.1. д.165. д.128—129.
  - 268 Tam we.
  - 269 Паихверов Л. Сословно-поземельный вопрос в Лагестане.... № 35.
  - ²⁷⁰ Там же.
- 271 Переписка с наместником на Кавказе о зависимых отношениях раят к бекам (1910 г.). — ЦГА Дагестана. Ф.2, оп.3, д.187а, л.3.
  - 272 Феодальные отношения в Дагестане..., с.311.
  - 273 Там же. с.312: ЦГА Лагестана. Ф.90, оп.2, д.30, л.92.
  - 274 См.: Феодальные отношения в Лагестане.... с.255—260.
  - 275 ПГА Лагестана. Ф.2. оп.3, д.139, д.20.
- 277 Там же, л.21. О крестьянских выступлениях в Дагестане в изучаемое время см.: Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй..., с.296; Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории Южного Дагестана, с.166; Умаханов М.-С.К. Побеги..., с.38.
  - 278 ПГИА Грузии. Ф.2, оп.1, д.2296, л.1.
  - 279 ПГА Лагестана. Ф.2, оп.1, д.139а, л.199.
  - 280 Феодальные отношения в Дагестане..., с.385.
  - 281 ПГА Лагестана. Ф.90, оп.2, д.28, д.2; Ф.2, оп.3, д.142г, д.187—188.
  - 282 Там же, ф.2, оп.3, д.139, л.21.
  - 283 Там же, л.3.
  - 284 Там же, ф.90, оп.2, д.28, л.2.
  - 285 Там же, ф.2, оп.3, д.139е, л.224.
  - 286 там же. л.199.
  - 287 Феодальные отношения в Дагестане..., с.257.
  - 288 Там же. с.258.
  - 289 Там же. с.385.
  - ²⁹⁰ Там же. с.259.
  - ²⁹¹ Там же.
  - ²⁹² Там же.
  - 293 Там же.

- 294 Земельные отношения в дореволюционном Дагестане. Красный архив. 1936, № 6, с.115; см. также: Феодальные отношения в Дагестане..., с.310.
- 295 Пацхверов Д. Сословно-поземельный вопрос в Дагестане..., № 36; см. также: Феодальные отношения в Дагестане..., с.310.
  - 296 Пацхверов Д. Сословно-поземельный вопрос в Дагестане..., № 35.
  - 297 Феодальные отношения в Дагестане..., с.386—391.
  - 298 Там же, с.387.
  - 299 Земельные отношения в дореволюционном Дагестане, с.389—390.
  - 300 Пацхверов Д. Сословно-поземельный вопрос в Дагестане..., № 35.
  - 301 Феодальные отношения в Дагестане..., с.389—390.
  - 302 Там же. с.388.

Глава VI

ОБЩЕСТВЕННЫЙ БЫТ

Сельская община. Тухум

Как уже отмечалось, в XIX — начале XX в. для азербайджанцев Дагестана был характерен сравнительно развитой феодальный строй. Вместе с тем во всем укладе их жизни сохранялись и пережитки ранних форм общественных отношений, которые своеобразно сочетались не только с феодальными, но и со складывавщимися капиталистическими отношениями.

Важнейшей социальной организацией, регулирующей многостороннюю внутреннюю деятельность (хозяйственные, административные и другие отношения) жителей села, была прежде всего территориальная, или сельская, община — джамаат.

Сельская община азербайджанцев в изучаемый период коренным образом отличалась от своей предшественницы — родовой общины, поскольку определяющими для нее стали не родственные, а классовые отношения. Община оказалась довольно устойчивой организацией, и даже в изучаемый период ее роль была достаточно ощутима. Эта устойчивость обусловливалась главным образом спецификой организации производства, сохранением общественной формы землепользования и искусственного орошения, требующих усилий труда целого коллектива. Роль общины оставалась значительной и в культурно-идеологической сфере жизни, в регулировании кровнородственных и соседских отношений.

Тухум. Община-джамаат включала все взрослое население, большие и малые семьи, объединяемые в родственные группы, – каум и урлуг (в некоторых обществах — гуламат). В записке о сословно-поземельном строе в Кайтаге применительно к Терекеме отмечалось: «Тухум после семейства составляет первую ступень общественных связей, а потому жители каждого селения как отдельной общины подразделяются на несколько тухумов»¹.

Тухум у азербайджанцев изучаемого района — это круг родственников по отцу, относящих себя к общему, сохраняющемуся в памяти предку. Известно, что еще задолго до исследуемого периода тухум претерпевает глубокие социально-экономические изменения, перестает быть обладателем общей для всех своих членов собственности на средства производства.

Экономическое неравенство и социальная дифференциация создавали отношения господства и зависимости, порождая противоречия коренных интересов членов тухума, способствовали распаду демократической формы управления. Следует отметить и тот факт, что кровнородственные связи расшатывались политикой феодальных правителей, совершавших неоднократные перемещения населения с места на место. В изучаемое время не только село в целом, но и отдельные его кварталы не имели кровнородственного принципа поселения. Пожалуй, этим можно объяснить тот факт, что многие азербайджанцы, даже из числа знатоков своей истории, не сохранили в памяти даже предания о своем родоначальнике. И тем не менее тухумная солидарность и родственные связи сохранялись здесь сравнительно устойчиво. Они проявлялись как в идеологическом единстве, так и в практике разносторонней взаимопомощи.

Количество тухумов в рассматриваемое время было различным. Наряду с большими экономически сильными тухумами существовали и малочисленные и слабые. Первые нередко диктовали вторым свою волю, формируя в собственных интересах общественное мнение. Принадлежность к крупному и влиятельному тухуму считалась престижной и обеспечивала каждому из его членов надежную опору и защиту.

Тухумы обычно носили имя одного из предков, как правило наиболее известного по роду своей деятельности и происхождению. М.М.Ковалевский в этой связи писал: «Не все роды (т.е. тухумы. — $C.\Gamma$.) носят генетические наименования, многие принимают те или иные прозвища, смотря по характеру их занятий или по месту происхождения» ^{2} . При этом он указывал, что «особенно часты такие случаи в Нижнем Табасаране» ^{3} , т.е. в изучаемых нами азербайджанских обществах.

Старшее поколение жителей до недавнего времени помнило и иные названия тухумных групп, очевидно позднего происхождения. Так, в селении Хучни исстари известны тухумы Оргамлар, Лакан, Косалар, Агабайлар, Карчаглар, Гъаналар, Моллалар. Часть этих названий объяснению не поддается. Согласно преданию, название «Косалар», например, сохранилось от какого-то предка, который имел редкую бороду («коса»); название «Моллалар» объясняется якобы тем, что муллы обычно выбирались (или назначались) из членов этого тухума. Предки тухума Оргамлар («тулупщики»), несомненно, занимались изготовлением шуб-накидок.

В селении Рукель сохранились такие названия тухумов, как Араджи, Гырымлар, Барайлар и Шихлар. Слово «Араджи», судя по данным информаторов, свидетельствует о его турецком происхождении. Турки якобы появились здесь как миссионеры, открыли школы при мечетях и стали проповедовать ислам. По свидетельству наших же информаторов, в связи с этим тухум

еще в начале XX в. имел ряд привилегий. Его члены, в частности, освобождались от половины садака — налога, собираемого в пользу бедных. Эта льгота не распространялась даже на тухум шейхов-шихлар (святых), предки которых, как религиозные деятели, согласно устной традиции, переселились из Ширвана (селение Шихларкент). Происхождение названия «Гырымлар» жители селения не помнят, но существует поверье, согласно которому если гырымец задумал устроить свадьбу или другое торжество, то жди ухудшения погоды. Наиболее крупным среди тухумов Рукеля считался Барайлар, об истории которого не сохранилось никаких сведений.

В селении Ерси существовали такие тухумы, как Макълер, Къутдилер, Чарпулар, Моллалар, Эскерлер, Ахмедлер, Къахерлер, Такабийлер, Ахунлар, Лезгюлер, Фарслар. Наши информаторы об их происхождении ничего не знают, поскольку ни одного предания не сохранилось.

В селении Мугарты было два магала-тухума — Верхний и Нижний. В Верхнем, как свидетельствуют информаторы, жили шейхи, и считалось, что они — выходцы из Шама (Сирии). Нижний тухум известен под названием «Гуртлар» («Волки»). По преданию, в нем жила очень бедная семья, возглавлявшаяся женщиной. Семья существовала охотой. Однажды младший сын воротился с охоты поздней ночью. Мать спросила сына: «А балам не учун сен беле гедж гелдинг?» («О, сын, почему ты так поздно вернулся?») Сын ответил, что за это время он объездил семь селений и потому опоздал. Мать обрадовалась быстроте и ловкости сына и сказала: «О мой волчонок, ты был в семи селениях?» После этого за братьями и их потомством будто бы осталось прозвище «гуртлар».

Особым авторитетом и влиянием в тухуме пользовались его старшие представители, умудренные жизненным опытом аг сакаллар, годжалар. К ним приходили за советом рядовые члены тухума. Осуществляя функции наставников, советников и даже судей в своем кругу, они опирались на знание обычаев и традиций народа. Те же старейшины нередко разбирали разного рода межтухумные конфликты и сообща выносили решения. В отдельных селениях (Рукель, Гимейди и др.) еще недавно сохранялись следы тухумных захоронений на кладбищах гебирлер. Такие участки кладбищ назывались по тухумам.

Сельское управление. Как было отмечено выше, сельская община объединяла все село, все группы населения. Члены джамаата были связаны между собой взаимными правами и обязанностями, выступали как одно целое во всех событиях повседневной жизни. В общем пользовании общины находились леса, выгоны, а в ряде мест (магал Терекеме и др.) и пахотные участки.

Сельская община была многофункциональной организацией. Она регулировала все вопросы, связанные с общественной и

экономической жизнью: с сельскохозяйственными работами, земле- и водопользованием, строительством мостов, дорог, содержанием культовых сооружений, а также соблюдением обрядов, ритуалов, праздников и т.п. В компетенцию общины входили вопросы обороны села, магала, отношения с соседними обществами. Община оказывала упорное сопротивление захватам феодалами общиных земель. Единство членов общины помогало крестьянам в борьбе против произвола феодалов и обеспечивало им определенную социальную защиту.

Сельская община имела свои органы управления. Среди них особую роль играло народное собрание меджлис, йыгынчаг, на котором решались важнейшие вопросы хозяйственной и общественной деятельности ее членов. Селениями, как уже отмечалось, управляли беки. Поэтому роль общины в решении многих принципиально важных вопросов была номинальной. Бек опирался на общинную верхушку и всемерно защишал ее экономические и правовые интересы, поддерживал ее авторитет в глазах простых общинников. По особо важным делам собирался сельский сход, в котором участвовало все взрослое мужское население. Эти собрания, как правило, происходили у главной мечети села или в помещении ханской (бекской) канцелярии диванхана. Кроме общесельских нередко созывались и сходы жителей квартала, где обсуждались вопросы, касавшиеся уже непосредственно их самих. (Отметим, что квартальные сходы широко практиковались в Дербенте, где возможности для сбора общегородских сходов были ограничены большим числом жителей.) В сходе формально могли участвовать все мужчины, достигшие совершеннолетия. Однако, как правило, присутствовали только главы семейств, а при решении важных вопросов свою волю всегда проводили феодалы, опираясь на влиятельные слои сельского общества.

Общинную администрацию представляли поставленные беками старшины кевха, сборщик бекских податей дарга и избираемый народом глашатай, он же обычно судебный исполнитель, чауш или мангуш.

В состав управленческого аппарата входили также кадий (гази) и мулла. Немаловажную роль в общественных делах играли старики-аксакалы, или гарты. Кроме того, каждое сельское общество выбирало из своей среды и сельских стражей тургаклар, или гурухчулар.

Кевха и дарга⁴ назначались из числа влиятельных лиц. Если кевха был старшиной села, то дарга непосредственно управлял имением феодала. По сообщению Н.Ф.Дубровина, например, на должность дарга у азербайджанцев феодалы выдвигали особо отличаемых ими лиц, «которых они желали вознаградить»⁵. В ряде обществ в их пользу шла даже специальная подать дарга пай, или даргалык («доля дарги»). Иногда бывало и так, что бек оставлял в пользу своего дарги причитающуюся ему ренту от

жителей того или иного подвластного ему общества или его части. Дарга определял размеры ренты с обществ или раятов и собирал эту ренту.

Бывали случаи, когда кевха и дарга сохраняли за собой свои должности в течение многих лет. Так, в селении Ерси Кайтаго-Табасаранского округа многие годы бессменно старшиной был его житель по имени Саид. Его всю жизнь называли кевха Саид, а его тухум — Кевха Саидлар. По сохранившемуся преданию, в селении Белиджи Дербентского уезда более 40 лет функции кевхи выполнял Азимов Гаджи-Азим. За многолетнюю службу областная администрация его даже наградила.

Тургаков общество избирало обычно весной из числа опытных, энергичных крестьян чаще сроком на один год. Нередко тургаков, зарекомендовавших себя положительно, могли оставлять в течение многих лет. В ряде случаев тургачную повинность справляли в порядке очередности. Число тургаков зависело от величины села и его земельного фонда. Обычно в джамаате функционировало от двух до шести тургаков, а в таких крупных селениях, как Ерси, Марага, — до 10 человек.

Тургаки внимательно следили за тем, чтобы не допускать потрав общественных посевов. Для этого они объезжали посевы и сенокосные участки и в случае обнаружения потравы скот перегоняли в специальный загон чалы или в какой-нибудь двор. Они вместе с кевхой брали с хозяев скота штраф в пользу пострадавшего и администрации, исходя из нанесенного ущерба. «Если кто-нибудь пускал свой скот на чужую пастьбу или сады, — говорится в "Сведениях о Кайтаге...", — обязанность тургаков — захватить скот и держать его у себя до тех пор, пока хозяин скота не уплатит штраф за потраву» 6.

Обязанности тургаков были намного шире, чем только охрана посевов или покосов. Они наблюдали и за порядком в общественных местах, например за тем, чтобы канлы (убийца) вовремя покинул селение, а также чтобы раньше назначенного срока отдельные хозяева не начинали сбор фруктов, марены и т.д.

Чауш являлся как бы посыльным при старшине, при сельском диванхане. Он объявлял распоряжения бека, кевхи, дарги, созывал односельчан на сход, приводил вместе с тургаками в исполнение решения суда, особенно касающиеся взимания штрафов⁷.

Общинное руководство содержалось, как правило, на средства джамаата и при распределении земли и воды пользовалось определенными льготами. За свою службу оно получало плату зерном или деньгами из штрафных сумм и освобождалось от податей и повинностей в пользу бека (хана, кадия) и казны, от строительных работ по сооружению и ремонту оросительных каналов, мостов, дорог и т.д. Кроме того, каждое крестьянское хозяйство выделяло для них по 2—3 сабу зерна. За счет штрафных сумм оплачивался и труд чауша. Чаушем обычно

нанимался бедный раят. Судя по источникам, «две части штрафных получали тургаки, а третью — мангуши»⁸, т.е. чауши. В некоторых обществах, там, где сохранялись земельные переделы, в качестве вознаграждения труда чауша ему выделяли участок чауш ер. В селении Дели-Чобан, например, его участок вспахивали всем миром.

На общинном сходе выбирали и пастухов нахырчылар. В селе обычно трудилось по три—шесть пастухов. Число их зависело от величины села и поголовья скота. В большом селении каждый квартал имел отдельное стадо и своих пастухов. Кроме того, за счет общества нанимались муллы и кадии. Число мулл зависело от количества сельских мечетей. Что касается кадия, то в каждом селении он был только один. Небольшие два-три общества обслуживал один кадий. Кроме контроля за деятельностью религиозных учреждений он должен был вести судопроизводство по шариату, по делам, «касающимся наследований, завещаний об опеке, возглавлял письмоводство... и метрик...» 9.

Сельский суд. Большую роль в жизни общества играл сельский суд мехкеме, чара, шаро, диван. Суд основывался на двух источниках права: на адатах — обычном праве и шариате — системе мусульманского права. Основную роль в судебной практике играли феодальные адаты. По ним разбирались дела об убийствах, ранениях, избиениях, ложной присяге, воровстве, поджоге, исковые дела и пр., а по шариату — дела, касающиеся семейных и наследственных отношений (раздел имущества, завещание, опека, развод и др.).

В качестве судьи по адатным делам выступал обычно сам старшина с участием двух-трех и более опытных и влиятельных гартов, или аксакалов, а по шариатским — кадий. Все члены суда нередко назывались еще диван-беги. При разделе семейного имущества между наследниками кадий получал определенную его часть или крупный подарок, при оформлении брака — также материальное или денежное вознаграждение. В важных случаях дела в суде рассматривались под непосредственным председательством самого феодального владетеля (хана, бека, кадия).

В равнинной, раятской части Табасарана, по свидетельству И.Н.Березина, в первой половине XIX в. судья, кадий при разбирательстве дел получал от вора (кроме удовлетворения иска пострадавшего) специальное вознаграждение, а от убийцы — четвертую часть уплачиваемой пени — кровных денег¹⁰. Относительно той же части Табасарана, по архивным документам, датированным 1867 г., говорится уже определенно: «В раятской Табасарании... сами беки производили суд и расправу, брали штраф от 1 до 3 быков или буйволов, смотря по степени виновности, но всегда шкуру скота, хотя бы за маловажное преступление»¹¹. В «Адатах Кайтагского уцмийства» также содержится статья, где отмечается: «Уцмий обязан зассдать в диване (в суде) ежелневно и разбирать жалобы...»¹². Эта статья.

очевидно, отражает требования обществ, предъявляемых верховному правителю.

Существовал у азербайджанцев и третейский суд, когда дела решались с помощью посредников, избранных тяжущимися сторонами. При этом решения суда в раятских селениях окончательно утверждались самим управляющим беком. Судьи выслушивали как истца, так и ответчика. В судебной практике большую роль обычно играли шахидлер — свидетели, которые, как правило, подтверждали свои показания клятвенными заверениями — анд ичмек («говорить только правду»). Их число зависело от сложности разбираемого дела, стоимости иска. В Кайтаге и Табасаране, например, свидетели в делах об убийстве давали присягу с семью своими родственниками¹³. Бывали случаи, когда подозреваемый в преступлении мог очиститься присягой 40 родственников¹⁴.

Существовала присяга двух видов: 1) именем бога (по шариату), на Коране, 2) хатын-талаг, или кебин-талаг, которую могли дать только женатые мужчины и лишь в критических ситуациях. Если устанавливалось, что присяга хатын-талаг была ложной, присягавший вынужден был развестись со своей женой¹⁵. За ложную присягу именем бога суд налагал большой штраф. Единожды уличенный в ложной присяге больше не допускался «ни в свидетели, ни в соприсягатели»¹⁶. Сельские суды кроме взыскания убытков в пользу выигравшего дело могли налагать на лицо, признанное виновным, штраф в пользу общественной казны, подвергать его аресту на семь дней или использовать на общественных работах в течение нескольких дней.

После упразднения ханской власти в управлении сельской общиной и судопроизводством произошли определенные изменения. С образованием Дагестанской области (1860 г.) по всему Дагестану вступает в полную силу система «военно-народного управления», которая отвечала всем требованиям царского колониального режима и национального угнетения. Эта форма управления, хотя и была введена в качестве временной меры, продолжала существовать вплоть до свержения царизма.

Управление возглавлял начальник области. Он командовал войсками области на правах корпусного командира. В сфере же гражданского управления он имел права генерал-губернатора, т.е. выполнял и военные и гражданские функции. Военная администрация опиралась отчасти на местную феодальную и узденскую знать.

Дагестанская область была разделена на четыре военных отдела — Северный, Средний, Верхний и Южный Дагестан и два гражданских управления: Дербентское градоначальство (вместе с Улусским магалом) и управление портовым городом Петровском. Военные отделы, в свою очередь, делились на округа. Было создано окружное управление и в Кайтаге вместе с

Табасараном, т.е. на основе бывшего Кайтагского уцмийства в обеих частях Табасарана (бывших владений майсума и кадия Табасаранских). Таким образом, был образован Кайтаго-Табасаранский округ с центром в селении Маджалис.

Согласно инструкции для окружных начальников, утвержденной генерал-фельдмаршалом князем Барятинским 23 марта 1860 г., округом управлял начальник, назначаемый из числа царских офицеров. Он находился в «непосредственном подчинении командующего войсками» и был обязан «последнему полной отчетностью во всех действиях»¹⁷. Для его конвоя и для исполнения разных поручений по полицейской части в распоряжение начальника округа выделялись «милицонеры, состоящие на казенном довольстве». Для этой цели использовались и местные офицеры. В ведении начальника округа находились военные и гражданские управления. В их обязанность входили наблюдение за окружным судом, состоящим из депутатов, кадия и письмоводителя, раскладка натуральных и денежных повинностей, исправное содержание дорог, разрешение гражданских исков и тяжб, возникавших между жителями округа на сумму до 100 руб. и т.д. Начальник округа имел право наказывать лиц «простого звания» розгами (от 10 до 100 ударов) и подвергать аресту от 1 до 3 месяцев 18. Начальнику округа, согласно инструкции, утвержденной князем Барятинским, вменялось в обязанность «иметь самые точные сведения о всех лицах в округе, которые по положению своему могут иметь особое влияние на народ... об удалении из округа тех, кои вредны по своему влиянию, руководствуясь особо изданными ему на сей предмет правилами» 19.

Кайтаго-Табасаранский округ, как и другие округа в Дагестане, был разделен на наибства (позднее — на участки), включавшие в свой состав низовые сельские управления. Начальники участков (наибы), как отмечал Е.И.Козубский, пользовались «распорядительной и военной властью», назначались «из туземцев, известных своей преданностью» царскому режиму, «знанием нравов и обычаев населения наибства» 20. Одной из обязанностей наиба являлось и «наблюдение за настроением населения» 21. Вскоре после ликвидации ханств в Дагестане была осуществлена реформа сельского управления (август 1868 г.) 22. Согласно реформе, сельское общество составляли жители одного селения, постоянно в нем проживающие. Управляли селом старшина, кадий, гарты (аксакалы), сельские судьи. По-прежнему определенную роль продолжали играть чауши и тургаки.

Прежние функции, хотя в несколько ограниченных формах, продолжал выполнять и сельский сход. По новому положению в нем участвовал один из старших членов «каждого отдельного семейства»²³. Сход обсуждал вопросы землепользования, водопользования, выбора должностных лиц, распределения повинностей, наложения штрафов, наблюдения за правильным расходо-

ванием общественных средств, содержания сирот, бедных стариков, жалобы сельчан и т.д. Недовольные решением сельского схода обращались к окружному начальнику, но только через начальника участка. По существу, всеми делами общества теперь управлял старшина. Только он мог созвать народ на сход²⁴. Лица, организовавшие собрания без его ведома, несли ответственность. На должности сельских старшин и их помощников, кадия, судьи подбирались лица «политически благонадежные». заслуживающие доверия военного начальника. Именно поэтому эти должности утверждались не только начальником округа, но нередко даже начальником отдела Южного Дагестана. Неудивительно, что выборы в сельские управления являлись только формальной акцией, за которой скрывалась политика колониального режима. Не случайно, авторы проекта «Положения о сельском управлении в Дагестане» полагали ввиду большой роли сельских старшин и их помощников на местах проведение их выборов на сходах делом «преждевременным и опасным» 25.

Сельский старшина должен был исполнять все требования окружного и участкового начальника, объяснять их распоряжения населению, безотлагательно докладывать начальнику о «преступлениях и беспорядках», имевших место в селении, а также о «распространителях между жителями вредных для общественного спокойствия слухов»²⁶.

Старшина должен был обеспечить выплату податей и выполнение повинностей, как казенных, так и общественных, взимание штрафов за проступки, приводить в исполнение приговоры сельского схода и решения окружных и сельских судов. Старшина как главное административное лицо в селении должен был всячески содействовать «безопасности следованию через территорию села воинских частей и других лиц» 27, следить за исправным и своевременным исполнением всеми сельскими должностными лицами своих обязанностей.

Сельскому старшине предоставлялось право за маловажные проступки (появление в мечети во время богослужения в неопрятном виде, ссоры, драки, непочитание сельских властей, пьянство и т.д.) подвергать виновных выполнению общественных работ «на время до двух дней или денежному взысканию до одного рубля или арссту не более двух дней» 28. За свою службу сельский старшина получал от общества «вознаграждение хлебом, скотом или деньгами в количестве, определенном начальником округа» 29.

После ликвидации ханств некоторым изменениям подвергается и организация судопроизводства в Дагестане³⁰. В состав сельского суда входили кадий и два-три депутата, избиравшиеся сельским сходом на три года. По «Положению о сельских обществах» судья и кадий утверждались начальником отдела области по представлению начальника округа. Суд разбирал дела по шариату и по адату, споры между раятами при иске не свыше

50 руб., дела по мелким преступлениям, «ссоры и недоразумения между супругами, родителями и детьми»³¹ и т.д. На кадии же лежали обязанности разбора дел по шариату, надзор за соблюдением религиозных обрядов, за нравственностью мулл, за порядком в школах при мечетях, ведение книги записей актов брака, рождения, смерти, раздела имущества между наследниками и др.³². Сельский суд мог приговорить виновных к штрафу или принудительным работам, к аресту на шесть-семь суток. Однако эту меру он не мог «применять к бекам и к лицам, имеющим офицерские чины, знаки отличия и состоящим на царской службе»³³. Он также не имел права разбирать дела между беками или между ними и крестьянами «без добровольного согласия бека»³⁴. Подобные дела являлись компетенцией окружных судов и высшей инстанции — Дагестанского областного суда.

Кайтаго-Табасаранский суд, который разбирал те же вопросы, что и сельский суд, только в масштабе округа, заседал под председательством начальника округа или его заместителя. В его состав входили также по одному депутату от каждого наибства (участка), т.е. четыре депутата, как отмечалось в «Отчете начальника Дагестанской области», «самые именитые и сведущие туземцы, издавна пользующиеся в народе авторитетом»³⁵, а пятый депутат — от местных беков. Интересно отметить, что в 1901 г., когда проводились выборы депутата от бекского сословия в Кайтаго-Табасаранский окружной суд, из 26 беков-избирателей баллотировались 4 (Абдулмалил-бек Талгатбек оглы Уцмиев, Казанов-бек Агабек оглы Табасаранский. Мирза-бек Ибах-бек оглы Уцмиев, Ахмад-хан-бек Бейбала-бек оглы). Большинством голосов был избран Мирза-бек Ибах-бек оглы Уцмиев из селения Чумли³⁶. В 1914 г. 17 беков избрали депутатом в тот же окружной суд Паша-бека Касум-бек оглы Табасаранского из селения Рукель 37.

Кроме того, в состав суда входил и кадий «по назначению начальника округа»³⁸. При суде был еще письмоводитель, он же переводчик. Разбор дел как в сельском, так и в окружном суде производился устно, и велась только книга записей жалоб и состоявшихся по ним решений³⁹. Решения же на суде принимались большинством голосов.

Судопроизводство в округе, как и повсеместно в Дагестане, велось в основном на русском языке. Свои показания жалобщики давали через переводчика. Равным образом свои прошения в суд они были вынуждены переводить на русский язык, что было крайне затруднительно в условиях дореволюционного Дагестана, когда русскую грамоту знали лишь единицы. Нередко решение всецело зависело от воли и желания председателя суда, т.е. начальника округа.

И в самом судопроизводстве было много неразберихи, путаницы, особенно при использовании адатов. Отсутствие в послед-

них точных и регламентированных положений предоставляло широкие возможности для необъективного разбирательства дел. К тому же народный суд еще продолжал разбирать дела по стародавним адатам, без учета социально-экономических, политических изменений, происходивших в обществе в тот период. Многие жалобы раят лежали в суде годами, намеренно не допускались до суда или, как было отмечено, решались начальником округа самолично.

Еще в 70-х годах XIX в. главнокомандующий гражданской частью на Кавказе князь Дондуков-Корсаков отмечал неудовлетворительное состояние судопроизводства в крае. В частности. он писал, что игнорирование особенностей довело здесь судебные учреждения до такого положения, в котором, по общему признанию, они не могут быть оставлены, так как в настоящем виде они «не удовлетворяют ни потребности власти, ни нужды населения и отталкивают иноплеменников, вместо того, чтобы привязывать их к государству» 40. В этой связи он предлагал открыть новые «судебно-мировые участки с таким расчетом, чтобы расстояние отдельных населенных пунктов от центров мирового разбирательства не превышало 25 верст; назначить на должность мировых судей и их помощников, заведующими особыми участками, лиц, по возможности знающих господствующий на участке язык, но не связанных ни имущественными, ни родственными интересами с той или иной местностью, в которой призваны действовать» 41, и т.д.

Несколько позже, в 1885 г., в своем письме начальникам округов начальник Дагестанской области князь Чавчавадзе писал: «Некоторые окружные начальники принимают к своему личному рассмотрению и решают дела, подлежащие рассмотрению окружных судов, и определяют такие взыскания и штрафы, на которые не имеют никакого права, и тем выходят из пределов предоставленной им власти. Подобный порядок может возбудить основательный ропот и особенно не может быть допущен в Дагестанской области, где население привыкло к коллегиальному суду, а на всякое единоличное решение дела окружным начальником смотрит как на произвол» 42. Однако состояние дел в судебных учреждениях продолжало оставаться прежним.

Высшей судебной инстанцией по отношению к окружным судам являлся народный суд Дагестанской области. Последний состоял из семи депутатов от округов и двух кадиев. Депутаты и кадии назначались начальником области (с 1883 г. — губернатором) из почетных лиц. Надо отметить, что царская администрация в Дагестане особую бдительность проявляла при подборе кадия, как и вообще в управление духовенства из мусульман: «Все кадии должны быть утверждены правительством и обязаны присягою в добросовестном отправлении их должностей и укреплении народа в верности правительству. Назначение их

зависит от избрания областного начальника и утверждения главнокомандующего» ⁴³. Председателем Дагестанского народного суда являлся помощник начальника области, или помощник губернатора, или другое особое лицо «по выбору командующего войсками с утверждением наместника на Кавказе» ⁴⁴.

Надо отметить, что царские власти, проявляя особую щепетильность при подборе служителей культа из числа мусульман, относились к ним вместе с тем с явным недоверием. Так, глава дербентского мусульманского шиитского духовенства, кадий, избирался жителями города и должен был утверждаться «в должности правительством» В 1848 г. после смерти ахунда Моллы Мурадхана горожане избрали кадием Аджи Моллу Садыха, которого утвердил на этой должности князь Воронцов 6.

Недоверчивое отношение русской администрации особенно наглядно прослеживается на примере дербентского главного кадия. Так, 29 марта 1913 г. мусульмане шиитского толка Дербента на своем сходе у соборной мечети (Джума-мечеть) избрали на вакантную должность главного кадия по Дербентскому духовному шиитскому управлению Ага Сеида Гамза Ага оглы Сеид Мир Мавсум-заде. Тут же духовное шиитское управление возбудило ходатайство перед военным губернатором Дагестанской области об утверждении его в этой должности. Губернатор Лагестанской области, в свою очередь, письмом от 20 ноября того же года направляет его в Закавказское шиитское управление в Тифлисе для сдачи экзаменов на звание ахунда. Однако шиитское управление, прежде чем допустить такос испытание, обращается к губернатору Дагестанской области с просьбой представить документы: 1) о рождении, 2) о происхождении, 3) о политической благонадежности. Лишь после получения свидетельств о его благонадежности и социальной принадлежности Ага Сеид Гамза Ага оглы Мир-Мавсум-заде был подвергнут испытанию по установленной программе и показал блестящие знания по всем предметам⁴⁷. По результатам всех этих данных он был признан «духовным правителем, достойным звания ахунда» 48.

И даже после этого, прежде чем быть назначенным на указанную должность, Мавсум-заде 19 декабря того же года дал следующую подписку властям: «Я не принадлежал ни к каким правительствам, недозволенным обществам или учениям, както: мюридизму и другим, под какими бы они названиями ни существовали, и что впредь к оным принадлежать не буду, в чем подписываюсь» ⁴⁹.

Несколько слов о дербентском самоуправлении. Дербент, как известно, делился на кварталы, которые возглавляли выборные старосты. Жители каждого квартала совместно решали свои внутренние вопросы, сообща следили за порядком, за чистотой улиц, за состоянием водопроводов, каналов, за содержанием и ремонтом общественных зданий (бань, мечетей, школ и др.),

несли определенные расходы по обеспечению их надлежащего состояния. Наем квартального пастуха, подметальщика улиц, а также мулл для квартальной мечети, распределение между бедными благотворительных сборов при мечетях и другие вопросы решались квартальной администрацией. В необходимых случаях староста собирал всех домовладельцев на общественный сход, на котором и решались неотложные вопросы жизни квартала, связанные и с сельскохозяйственными работами, и с культурой, и состоянием улиц и др.

/ В конце XIX в. в градоначальстве Дербента возник вопрос о введении городского общественного самоуправления. В 1896 г. было избрано 15 уполномоченных (на первые четыре года), среди них чиновники, в том числе два азербайджанца — Г.М.Ахундов и Г.Садыков⁵⁰. Среди членов избранного в 1900 г. нового состава городского самоуправления (их также было 15 человек) насчитывалось уже семь азербайджанцев: М.Хадырбеков, Г.Векилов, М.Абдурагимов, А.Мирзабеков, А.-П.Ильяс-бек оглы, К.-М.Гайдаров, М.-А.Гамзаев. В 1900 г. городским головой был избран Касумбск Минатулла-бск оглы Гайдаров, уроженец Дербента, окончивший Бакинское реальное училище⁵¹. На следующих выборах (1904 г.) он был избран на второй срок.

Члены общественного самоуправления города Дербента несли многосторонние обязанности. Они занимались городским хозяйством, землями города, рыбными и нефтяными промыслами, вопросами просвещения, здравоохранения и др. Основным источником доходов города был арендный доход с рыбных промыслов, расположенных на Каспии между реками Рубас и Дарвагчай⁵².

Таким образом, во второй половине XIX — начале XX в. наблюдается ряд преобразований в общественно-политической жизни населения Дагестана, в том числе и азербайджанцев. Новые формы управления давали возможность укреплять колониальную политику царизма, а также активно служили интересам эксплуататорских классов в Дагестане. Но в то же время единые органы управления диктовали распространение единых законов судопроизводства и общественного самоуправления на всей территории Дагестана, что не могло не оказывать положительное влияние на общественный быт и уклад жизни населения. Новая судебная система способствовала ослаблению патриархально-родовых пережитков и в какой-то мере усилению «охраны жизни и имущества со стороны органов власти»⁵³. Если прежде воля хана, бека, кадия в решениях суда, да и в других общественно-экономических и политических вопросах являлась окончательной, то, согласно новым административным и судебным реформам, крестьянам-раятам предоставлялось право, хотя и ограниченное, обжаловать решение в вышестоящих органах и в суде. Вспомним, к примеру, судопроизводство в Дербентском ханстве, где хан пользовался неограниченными правами, или же слова А.П.Ермолова, который, хотя и сам был известен как жестокий администратор, говорил: «Все подвиги мои состоят в том, чтобы воспрепятствовать какому-нибудь хану по произволу его резать нос и уши, который в образе мыслей своем не допускает существования власти, если она не сопровождаема истреблением и кровопролитием»⁵⁴.

Новые судебные реформы если и преследовали цель защитить интересы царизма и местной феодальной верхушки, все же оказали положительное влияние на развитие общественной жизни народа, на изменение архаических сторон общественного быта. Под влиянием изменений в социально-политической жизни и под воздействием новых правовых воззрений постепенно утрачивают свою силу и отдельные устаревшие нормы адатов, что также не могло не вызвать определенные сдвиги в бытовом укладе населения.

Одной из традиционных сторон общественного быта была широко распространенная взаимопомощь кёмек. Члены общества оказывали помощь друг другу при сельскохозяйственных работах, при строительстве дома, в устройстве семейных торжеств, похоронно-поминальных ритуалов и т.д. В одних случаях (пахота, жатва и т.д.) хозяин сам приглашал односельчан на помощь, в других (особенно когда человек попадал в тяжелое положение) сельчане шли к нуждающемуся без приглашения, сами без промедления предлагали свои услуги.

Оказывая помощь всем, кто попадал в беду, крестьянин, в свою очередь, в случае нужды мог рассчитывать на действенную помощь своих односельчан. Взаимопомощь особенно была развита внутри родственных групп — тухумов. Поэтому обычай взаимопомощи являлся одним из необходимых, регулирующих общественную жизнь людей социальных факторов, без которого не могла нормально просуществовать ни одна семья. Следует отметить, что взаимопомощь, как и другие формы тухумной и соседской солидарности, проявлялись значительно шире в сельской местности. В городе же процесс социального расслоения неизбежно разрушал эту одну из лучших народных традиций.

Другим древнейшим обычаем общественного быта, сохранившимся до XX в., правда в очень трансформированном виде, была кровная месть. «Умышленное убийство, — писал о Дербенте применительно к первой половине XIX в. И.Н.Березин, — наказывается смертью — "кисас". Из этого исключаются дети, сумасшедшие и слабоумные старики, а также свободные мусульмане, когда убит невольник или данник, отцы и господа» 55.

И тем не менее задолго до изучаемого периода этот обычай из правила непременно равного возмездия по принципу «кровь за кровь» превратился в ограниченную норму, свелся к требованию выкупа за осквернение и преступление и высылке убийцы. При этом кровная месть в большинстве случаев не только

заменялась выкупом, но и в конечном счете завершалась примирением сторон. Действовавшие еще в XVIII—XIX вв. адаты Северного Табасарана, в частности, гласили: «Если кто убъет коголибо, то во время оплакивания тела (яса) немедленно почетные старшины магала, собравшись и рассмотрев обстоятельства преступления, назначают трех человек в ганлы (убийцу и двух ближайших родственников), а остальные обязаны прочесть молитву — "Фатиха". Спустя несколько дней вновь собираются эти же старшины, штрафуют убийцу шестью штуками рогатого скота и при этом освобождают из-под крови одного из назначенных трех канлы» 56. Если убийца отказывался от «штрафа» в размере шести голов скота или их стоимости, «то дом его предавался огню» 57.

После совершения убийства все члены тухума убийцы скрывались в каком-нибудь безопасном доме (чаще у влиятельного лица — кевхи, дарги и т.д.) во избежание быть убитыми. Сам убийца (баш-ганлы) и один из его родственников (мал-ганлы), а иногда два-три родственника немедленно покидали аул. Мал-ганлы предоставлялось право просить родственников убитого «освободить его из-под крови». За это он платил от 50 до 100 руб. Что касается убийцы, то он в течение нескольких дней прятался в каком-нибудь доме с охраной, а потом по решению адатного суда уходил («выходил в ганлы») в одно из влиятельных отдаленных обществ под покровительство его джамаата.

Срок пребывания в ганлы определялся тем же судом по степени тяжести вины.

Сразу же после совершения убийства джамаат принимал меры предупреждения возможности открытой вражды с кровопролитием между двумя тухумами — жертвы и убийцы.

Согласно адатам, сельское общество устраивало для враждующих сторон обряд лицезрения юз гёрен. Этот акт еще в 60-х годах XIX в. был подробно описан А.В.Комаровым⁵⁹. Суть его заключалась в том, что в день убийства, еще до похорон убитого по настоянию почетных аксакалов оба тухума (тухум убийцы и тухум убитого) должны были выйти на улицу и постоять на определенном расстоянии друг от друга. Между ними становились почетные старики села, кадий, мулла, нередко и сам бек. Они давали враждующим сторонам наставления, объясняли, что в этом деле виноват один убийца и он понесет строгое наказание, а остальные его родственники не виноваты, примирение же в данном случае — богоугодное дело. Они просили потерпевших не преследовать невинных людей. При этом читалась «Фатиха». Этим актом завершалась вся церемония «лицезрения», которая означала прекращение кровной мести родственниками убитого родственникам убийцы. В тот же день родственники убийцы вносили в пользу семьи убитого специальную плату къан пулы («кровные деньги»), алым.

В некоторых обществах, по данным того же А.В.Комарова, эта плата равнялась 6 руб. и быку⁶⁰. За убийство же с корыстной целью, например за убийство по подкупу или в целях ограбления, которое называлось гара ган («черная кровь»), сторона убийцы платила «в 7 и 14 раз больше против положенного за убийство обыкновенное»⁶¹.

По истечении срока ссылки родственники убийцы старались вернуть его в родной дом. Для этого требовалось согласие родственников убитого на примирение. Осуществить это примирение сразу удавалось далеко не всегда, особенно если убитый был из большого и влиятельного тухума. Предварительным условием для примирения сторон являлось полное материальное возмещение, т.е. внесение семьей убийцы семье убитого цены крови в полном объеме (ган пулы). В Кайтаге и Табасаране, где проживала значительная часть изучаемых нами азербайджанцев, эта плата составляла от 50 до 500 руб. 62.

В основном обряды примирения у азербайджанцев были сходными с обрядами соседних народов. Обряд чаше всего происходил у Джума-мечети, обставлялся подчеркнуто торжественно, со строгим соблюдением этикета. При этом присутствовало почти все взрослое население общества, но на определенном расстоянии от места примирения. И здесь, как и в предварительном обряде «лицезрения», большую роль играли аксакалы и духовные лица (мулла и кадий). Начинался обряд с того, что убийцу, чаще в нижней одежде, без головного убора, босого, с опущенной головой и с отросшей боролой, с саваном кафан на шее, вели к тухуму убитого. Убийца обходил на четвереньках всех родственников своей жертвы: сперва подходил к самому старшему, падал ниц перед ним, произнося слова: «Меним ганым сизе халал олсун, истесениз оълдюрюн, истесениз кечин» («Пусть моя кровь будет дозволена вам, хотите убейте, хотите простите»). Потом он обходил остальных, не исключая и самых младших. По адату, старший тухума от имени всех сородичей должен был высказать свою волю, обычно произнося: «Прощаем», «Встань». Иногда он примирение закреплял рукопожатием с убийцей.

В селении Сабнава, согласно данным информаторов, старший тухума убитого при примирении, кроме того, проводил рукой по голове убийцы, и если действительно склонен был примириться, произносил слова: «Ты с сегодняшнего дня мой сын» (или «наш сын»). Этот щедрый жест называли здесь эль чекмек («рукой проводить»). Вполне вероятно, что акт прощения убийцы и признания его своим сородичем был характерен и для других обществ в прошлом. Обряд завершал кадий чтением той же первой суры Корана.

В честь примирения сторона убийцы устраивала богатое угощение с приглашением всех родственников-мужчин убитого. После этого тухумы убийцы и убитого вступали как бы в

родство, называли друг друга ган гардашлар («кровные братья») или ганын багышлаянлар («простившие кровь»), оказывали друг другу постоянную поддержку. Безупречное соблюдение знаков внимания особенно требовалось со стороны тухума убийцы. Более того, для полного устранения неприязненных отношений, для закрепления мира и дружбы тухум убийцы обязан был по первому требованию выдать замуж одну из своих дочерей за представителя пострадавшего рода. Такую девушку называли ган ерине верилен гыз («девушка, выданная взамен крови»). Возможно, последнее представляло собой проявление существовавшей в отдаленном прошлом платы за кровь люльми. платы «головами». Ведь известно, что в соседнем Южном Табасаране в отдаленном прошлом в цену крови входили «б девиц» 63. Данный порядок в известной мере перекликается и с существовавшим еще в XVIII—XIX вв. у ряда народов Дагестана (кумыки, рутульцы, часть даргинцев и др.) преимущественным правом пострадавшей стороны потребовать невесту из родственной группы убийцы.

Однако не всегда примирение давало желаемые результаты, являлось долговечным. Известны факты, когда дети убитого не прощали къанлы и всегда были готовы отомстить ему при удобном случае. В результате оказывались убитыми с той и с другой стороны по нескольку человек.

Композиции взимались также за нанесение ранений, увечий и т.п. Так, в Северном Табасаране, если раненый лишался руки, ноги или глаза, он получал «удовлетворение за полкрови» 64. Если кто ранил кого-либо, то был «обязан пригласить врача (джараха)», который во время оказываемой помощи жил «на всем довольствии виновного, определял стоимость лечения, назначал сумму, причитающуюся ему от виновного». При этом лекарь получал треть суммы, а две трети получал раненый 65. Кроме того, виновный платил в пользу общества штраф. Такие штрафы, и довольно значительные, платили также убийцы. Но этими штрафами пользовались главным образом представители сельской администрации.

После присоединения Дагестана к России, образования округов, городского управления в Дербенте наказания за преступления, в первую очередь за убийство, ужесточаются. В частности, виновных в умышленном убийстве, как и в убийстве с корыстной целью, стали наказывать высылкой в отдаленные губернии России на большой срок. Примирения сторон по этим видам убийства также стали более затруднительными, «чем по убийствам в ссоре и в драке, неумышленным и случайным» 66. Помимо выкупа с убийцы был узаконен «штраф в общественную казну в сумме 100 рублей» 7. Кроме того, ему на всю жизнь запрещалось носить оружие 68. Проводилась определенная работа и по ослаблению мести за ранее совершенное преступление.

Призывали, «по возможности, покончить старые счеты кровных врагов» ^{69} .

Такие положительные сдвиги, однако, не исключали многочисленных фактов кровомщения. Вплоть до 30-х годов нашего столетия кровная месть и композиции как преступления, составляющие пережитки родового быта, продолжали вносить расстройство в общественную и культурную жизнь народа.

Праздники

В жизни азербайджанцев большую роль играли народные праздники и разного рода увеселения. Одни праздничные обычаи и обряды были связаны с циклом хозяйственных работ, другие — с религиозными верованиями и культами, третьи — с семейными и общественными событиями.

Одним из главных и очень древних народных праздников был праздник Нового года — Навруз байрам или, как его еще называют в народе, Таза ил байрам. Новогодний праздник особенно торжественно отмечался в Дербенте, где было значительным влияние иранской культуры. «Празднование Нового года, — писал С.Броневский, — продолжается пять дней, во время коих забавляются музыкой, гулянием, посещением друг друга, конским ристанием» 70.

Начало праздника приурочивалось ко дню весеннего равноденствия, т.е. к 21-22 марта. К Наврузу повсеместно готовились тщательно и заблаговременно. «Плохо встретишь приход весны — неудачный будет весь год», — говорили азербайджанцы. Они убирали улицы, дворы, шили новую одежду, производили большую стирку, обновляли побелку в доме, запасались необходимыми продуктами для праздничного стола⁷¹. В ряде селений (Рукель и др.) принято было, чтобы в последнюю среду (чершембе) старого года (илин ахыры) женщины ходили в лес за зеленью. Пля праздника хозяйки готовили лучшие традиционные кушанья. В день Навруза люди обменивались поздравлениями, делали визиты друг к другу. Одновременно устраивались общественные гулянья на улицах с музыкой, танцами, песнями. Вечером зажигали на улицах костры, через которые прыгали молодые люди. Большое место отводилось представлениям с участием ряженых. Последние выступали в различных масках, имитирующих козла, быка и других животных. В ряде обществ на празднике устраивались различного рода состязания, конноспортивные игры, скачки. Порою подобные скачки организовывались и местными феодалами, чтобы продемонстрировать силу, ловкость и красоту коней из своих табунов. В день новогоднего праздника люди прибегали и к разным магическим действам, которые, по их убеждению, могли обеспечить для них благополучие и счастье в Новом году. В

селении Рукель, например, в канун праздника женщины и мужчины переворачивали камни. «Для счастья в Новом году, — говорили они, — надо перевернуть 40 камней каждому».

Важное место среди торжеств занимали также такие широко известные религиозные праздники, как гурбан-байрамы (праздник жертвоприношения), орудж-байрамы (праздник по случаю окончания поста — орудж). Гурбан-байрамы приурочен к 10 числу зу-л-хиджжа — двенадцатого месяца арабского лунного календаря.

Очень пышно отмечался орудж-байрамы, который приходился на конец рамазана — девятого месяца лунного календаря. В такой день сельчане ходили друг к другу с поздравлениями, при этом непременно произносились пожелания здоровья, чтобы «бог благосклонно принял его пост». Посещение друг друга являлось сугубо обязательным, особенно по отношению к седобородым старикам-аксакалам, хранителям и знатокам старых традиций.

Днем отдыха азербайджанцы считали пятницу (джума). В этот день мужчины старшего возраста ходили молиться в мечеть и после молитвы там же, во дворе мечети, делились друг с другом новостями и обсуждали свои повседневные проблемы. Большую роль в общественной жизни азербайджанцев играли также еженедельные базары, в частности большой базар в Дербенте. На базарах можно было увидеть выступления канатоходцев из Казикумуха, услышать музыкантов, певцов и острословов из соседних аулов. Таким же многолюдным местом отдыха и общения для мужчин в Дербенте были чайные чайханы, которые охотно посещали как горожане, так и приехавшие сюда по торговым и другим делам сельские жители.

Мужчины, как в городе, так и на селе, время от времени, особенно в длинные зимние вечера, собирались в домах группами (три—пять человек) для отдыха и общения гаф, ихтилат. Компанию обычно составляли люди одного возраста (взрослые мужчины отдельно, молодежь отдельно). Все эти развлекательные формы досуга, разумеется, не были доступны женщинамазербайджанкам, особенно горожанкам, где были довольно ощутимы традиции женского затворничества.

Одним из групповых развлечений азербайджанцев, особенно в феодальной среде, была охота на диких зверей и птицу. Охотились с собаками, иногда и с соколами лачын, ястребами гыргый.

Таким образом, в рассматриваемое время общественная жизнь азербайджанцев Дагестана была разнообразной и определялась как характером существовавших феодальных отношений, так и народными традициями. В управлении делами общества первостепенная роль принадлежала беку и его администрации. Бек пользовался судебным иммунитетом. Адатно-правовые нормы также были насыщены феодальными предписаниями. Однако в общественной жизни народа продолжали сохраняться многие

традиции былых, дофеодальных отношений. В частности, все еще функционировало общественное самоуправление, регулирование отношений между жителями и т.д. Значительной была еще роль тухумов. Безусловно, общественный быт постоянно претерпевал изменения, которые стали более заметны после присоединения Дагестана к России, упразднения ханств и проведения административно-судебных реформ. Несмотря на целый ряд реакционных мер, в целом эти реформы все же оказали положительное влияние на развитие общественного быта народов Дагестана, в том числе и азербайджанцев.

Гостеприимство и куначество

В изучаемое время у азербайджанцев, как и у всех других народов Кавказа, прочно держался один из архаических общественных институтов — институт гостеприимства и тесно связанного с ним куначества. Гостеприимство постепенно подвергалось глубокой трансформации под влиянием изменений социально-экономических и политических условий жизни народов исследуемого района. Вместе с тем, как отмечал известный кавказовед В.К.Гарданов, оно «показало удивительную стойкость в сохранении некоторых своих традиционных черт, связанных с первобытными родовыми и общинными порядками»⁷². По существовавшему обычаю, достаточно было любому, даже совсем незнакомому человеку, который был вынужден остановиться по пути, подойти к какому-либо дому и сказать его обитателям: «Не желают ли хозяева принять гостей», чтобы получить положительный ответ. Отказ в такой услуге рассматривался как неэтичный поступок и вызывал строгое осуждение со стороны окружающих. Какой бы гость ни являлся в дом, его принимали с большим радушием. «Мой дом — твой дом, располагайся как тебе удобно», — говорил глава семьи.

Гостя-незнакомца азербайджанцы называли аллагь верен гонаг («божий гость»). Здесь, как и на всем Кавказе, институт гостеприимства был одним из важнейших каналов общения представителей разных обществ. Много таких гостей из внутреннего Дагестана привлекал, в частности, Терекеменский магал — один из известных районов региона, а также Дербент — торгово-экономический и культурный центр Южного Дагестана. Множество людей приезжало сюда по своим торговым делам (покупать зерно, а также реализовать изделия своих ремесел, домашних промыслов, продукцию животноводства — сыр, мясо, шерсть и т.д.).

В неразрывной связи с гостеприимством, как одно из его последствий, надо рассматривать широко распространенное куначество гонаглыг. Куначество, в отличие от гостеприимства, представляло собой систему постоянных дружеских отношений

между отдельными людьми, проживающими в разных селениях или городах, чаще одного социального ранга. Сущность этого института хорошо охарактеризовал В.К.Гарданов, который, в частности, писал, что благодаря этому обычаю «два лица, принадлежавшие к различным родам и даже племенам или народностям, вступали друг с другом в близкие дружественные отношения и оказывали друг другу в нужных случаях всяческую помощь и защиту»⁷³.

У азербайджанцев, как и у соседних табасаранцев, существовал (да и в наши дни не совсем исчез) обычай, согласно которому хозяин или член его семьи, встретив своего кунака на улице или во дворе дома, сперва должен был ввести его в помещение, предложить ему сесть и лишь после этого приветствовать и обменяться рукопожатием. Если приветствие происходило при встрече вне дома, то это расценивалось как нежелание оказать кунаку гостеприимство. Как только гость спешивался с лошади, забота о нем и его коне переходила в руки хозяина и его детей. Характеризуя гостеприимство в Кайтаге (сюда входила и часть азербайджанских земель), П.Петухов описал момент встречи гостя: «Лошадь его торопливо принимается кем-нибудь из молодежи, хозяин же снимает с гостя ружье, ведет его в комнату и угощает, чем может» 74.

В честь кунаков (особенно приезжавших из дальних земель) в богатых и знатных домах Дербента, а также в селениях устраивались большие торжества с приглашением музыкантов, ашугов, знатоков старины, обычаев народа. Окружал гостя своим вниманием не только хозяин дома, но и вся его мужская родня.

В честь приезда кунака в доме хозяина собирали многочисленную родню, которая при необходимости поддерживала семью и материально. Узами куначества азербайджанцы были связаны с жителями не только в пределах этнической территории, но и с жителями Табасарана, Кайтага, Кумыкии, всего Южного Дагестана и т.д. Кунаки посещали друг друга не только по необходимости, по важным событиям, но и для приятного времяпрепровождения, для отдыха и дружеского общения. Богатые азербайджанцы имели специальные гостиные, которые они обставляли в пышном восточном стиле, с коврами на полу и на стенах, увешанных дорогим оружием, с парчовыми портьерами на дверях. Постепенно в гостиные богачей, особенно дербентских, проникали фабричная мебель и европейская обстановка.

Разумеется, в гостиных богачей принимался не каждый путник, например бедняк, а лишь известные люди своего же социального круга. Что же касается бедных путников, то они обычно останавливались в домах таких же рядовых общинников, как и сами, где для них создавались по возможности хорошие условия. Спросить гостя, зачем он приехал и куда держит путь,

считалось неприличным. Рассказать об этом, согласно этикету, должен был сам гость. Семья принимала активное участие в осуществлении всех замыслов гостя, помогала ему в покупке или в продаже товаров либо в прямом обмене. И, конечно, хозяин должен был защищать интересы своего гостя даже ценой своего здоровья или жизни. Обиду, нанесенную гостю или кунаку, он воспринимал как личную. «Честь кунака — моя честь», — утверждали азербайджанцы. Оставлять своего кунака одного без особых на то причин считалось предосудительным. «Для каждого хозяина дома считается оскорблением, если приезжавший из другой деревни его кунак не остановится в его доме, а заедет на ночлег к другому»⁷⁵, — отмечается в «Адатах Дагестанской области и Закатальского округа».

Если в ауле проживало несколько кунаков, то один из них считался главным. Обычно это был кунак отца или деда. Приличие требовало, чтобы приезжий первый визит нанес именно ему, а потом уже остальным.

Если гость считал неудобным обременять первого кунака долгим своим пребыванием в его доме, он мог перейти к другим кунакам, но соблюдая необходимый такт и этикет. Окруженный всеобщим вниманием, гость, однако, должен был строго соблюдать правила этикета, без дела не задерживаться, не злоупотреблять заботой хозяина. Весьма ценилось умение гостя подобающим образом вести себя во время трапезы и беседы.

У азербайджанцев, как и у ряда других народов Дагестана, женщины в кунацкую не заходили. В силу специфики семейного быта азербайджанцев обслуживание стола при госте всецело находилось в руках мужчин. Женщины должны были готовить угощение и в крайнем случае донести его до дверей гостиной, накрывать же на стол, приглашать к столу гостей было делом хозяина дома, а в его отсутствие — другого родственника.

Трансформируясь в условиях феодального строя, гостеприимство становилось одной из форм эксплуатации крестьянства. Это наглядно иллюстрируют, например, адаты, применяемые по отношению к раятам. Достаточно отметить, что эти адаты содержали специальный пункт об угощении раятами «бекских кунаков» 76. При этом нукеры останавливались отдельно от бека — в домах других раят. Раяты должны были «по очереди... кормить их лошадей и их на все время нахождения их в деревне. Пользуясь этим обычаем, феодальные владетели отправляли в Терекеменский магал погостить и своих гостей на все время их пребывания» 77.

Кунаки нередко обменивались и подарками, обычно личными вещами, чаще — оружием, каракулевыми шапками. Постепенно в условиях феодального строя Дагестана, как и на всем Кавказе, гостеприимство и куначество теряли многие свои традиционные черты, приспосабливаясь ко времени, порядкам, перестраивались «на феодальный лап» 78.

- ¹ Феодальные отношения в Дагестане. XIX начало XX в. Архивные документы. Сост., предисл. и примеч. X.-М.Хашаева. М., 1969, с.187, примеч. 2.
  - ² Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. Т.Н. М., 1890, с.149.
  - ³ Там же.
- ⁴ Дарга монгольский термин (от слова «даруга»), известный со времен монголов (см.: Владимирцов В.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934, с.140, 160, 166; Петрушевский И.П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI начале XIX в. Л., 1949, с.280). В Азербайджане в XVI XVIII вв. дарга финансовый чиновник или управляющий деревней или кочевьем.
- ⁵ Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. Т.І. Кн.2. СПб., 1871, с.396.
- 6 Сведения о Кайтаге, собранные по некоторым данным. Памятники обычного права Дагестана. XVII XIX вв. М., 1965, с.22.
- 7 Интересно заметить, что в Турции чауши еще в начале XIX в. являлись довольно знатными персонами, государственными мужами. Они делились на три разряда: буюк чауш (старший чауш), орта чауш (средний чауш) и кучук чауш (младший чауш). Буюк чауш имел примерно «ранг генерал-майора, а те два бригадные». Это были военные чины, «зависимые от янычар агасы» (см.: Эмин Ф.А. Краткое описание древнейшего и новейшего состояния Оттоманской Порты. М., 1828, с.38).
  - ⁸ Сведения о Кайтаге..., с.22—23.
  - 9 Памятная книжка Дагестанской области. Темир-хан-Шура, 1895, с.23.
  - 10 Березин И. Путешествие по Востоку. Т.І. Казань, 1849, с.186.
- 11 Сотников. Сведения о Табасарани. Памятники обычного права Дагестана. М., 1965, с.48, примеч.3.
- 12 Постановления Кайтагского уцмия Рустем-хана. Из истории права народов Дагестана. Сост. А.С.Омаров. Махачкала, 1868, с.193.
- 13 Комаров А.В. Адаты и судопроизводство по ним. ССКГ. Вып.І. Тифлис, 1868, с.14; Полевой материал (селение Дели-Чобан).
  - 14 Полевой материал (селение Белиджи).
  - 15 Комаров А.В. Адаты и судопроизводство по ним, с.19.
- 16 Адаты Дагестанской области и Закатальского округа. Сост И.Я.Сандрыгайло. Тифлис, 1899, с.14.
  - 17 Cm.: AKAK. T.XII, 1904, c.1192-1193.
  - 18 История Дагестана. Т.И. М., 1968, с.121.
  - ¹⁹ AKAK, T.XII, 1904, c.1192—1193.
  - 20 Памятная книжка Дагестанской области, с.23.
  - 21 ЦГИА Грузии. Ф.231, оп.1, д.8, л.8—10.
  - 22 См. подробнее: История Дагестана. Т.И, с.119-126.
  - 23 ЦГА Лагестана. Ф.2. оп.5, д.1, л.29—30.
  - ²⁴ Там же, л.30.
- 25 См.: Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961, с.68—69.
  - 26 ПГА Лагестана. Ф.2, оп.5, д.1, л.35.
  - ² Там же. л.37
- 28 Временные правила, данные в руководство окружным и сельским судам, учрежденным при управлениях Дагестанской области (1868 г.). ЦГА Дагестана. Ф.2, оп.5, д.1, с.36.
  - ²⁹ AKAK. T.XI, 1988, c.700.

- 30 См. подробнее: Омаров А.С. Изменения в праве и суде после присоединения Дагестана к России. Ученые записки ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Т.ХХ. Махачкала, 1970 (Серия общественных наук), с.186—204; История Дагестана. Т.ІІ, с.123—126.
- 31 Сабанаев П.Ф. Горские суды Дагестанской области. Журнал Министерства юстиции. СПб., 1895, № 9, с.98.
- 32 Временные правила..., с.38—39; см. также: Мнение начальника Дагестанскогой области по проекту положения об управлении Закавказского мусульманского духовенства (1868 г.). ЦГИА Грузии. Ф.5, д.7828, л.4.
  - 33 История Дагестана. Т.И. с.125—126.
  - ³⁴ Там же. с.126.
- 35 Отчет начальника Дагестанской области за 1861 г. ЦГА Дагестана. Ф.126, оп.2, д.71, л.50—52.
  - 36 ЦГА Дагестана. Ф.2, оп.3, д.18, л.11.
  - ³⁷ Там же, д.55, л.231.
  - 38 Сабанаев П.Ф. Горские суды Дагестанской области, с.98.
  - 39 Памятная книжка Дагестанской области, с.25.
  - ⁴⁰ ЦГИА Грузии. Ф.12, on.2, д.891, д.1.
  - ⁴¹ Там же, л.89.
  - 42 ЦГА Дагестана. Ф.2, oп.2, д.3, л.19.
  - **43** ЦГИА Грузии. Ф.2, оп.1, д.9152, л.26.
  - 44 См.: Памятная книжка Дагестанской области, с.25.
  - 45 ЦГИА Грузии. Ф.2, oп.1, д.6933, л.7.
  - 46 Козубский Е.И. История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906, с.302.
  - ⁴⁷ Там же. с.302—303.
  - 48 ЦГА Дагестана. Ф.2, оп.2, д.236, л.8—10, 18.
  - 49 Там же, л.19; Козубский Е.И. История города Пербента, с.248.
  - 50 См.: Козубский Е.И. История города Дербента, с.318.
  - ⁵¹ Tam же, с.330.
  - 52 ЦГА Дагестана. Ф.2, оп.3, д.24, л.1—2.
  - 53 Омаров А.С. Изменения в праве.... с.203.
  - 54 Цит. по: Козубский Е.И. История города Дербента, с.137.
  - 55 Березин И. Путеществие по Дагестану и Закавказью. Казань, 1849, с.196.
- 56 Адаты Дагестанской области и Закатальского округа. Тифлис, 1899, с.543.
  - ⁵⁷ Там же.
  - ⁵⁸ Там же, с.544.
  - 59 См.: Комаров А.В. Адаты и судопроизводство по ним, с.26.
  - ⁶⁰ Там же, с.31.
  - 61 Там же.
  - ⁶² Там же, с.32.
  - 63 Там же.
  - 64 Адаты Дагестанской области и Закатальского округа, с.547.
  - 65 Там же.
  - 66 Комаров А.В. Адаты и судопроизводство по ним, с.46.
  - 67 ПГА Лагестана. Ф72, оп.4, д.17, л.2.
  - 68 Tal We
  - 69 Комаров А.В. Адаты и судопроизводство по ним, с.47.

- 70 Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч.П. М., 1823, с.461.
  - 71 Подробнее см. гл.III, раздел «Народный календарь».
  - 72 Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов. М., 1967, с.290.
  - ⁷³ Там же. с.308.
- 74 Петухов П. Очерки Кайтаго-Табасаранского округа. Кавказ. 1867, № 13.
  - 75 Адаты Дагестанской области и Закатальского округа, с.620.
- 76 Записка о сословно-поземельном строе в Северном и Южном Табасаране. 1869. ЦГА Лагестана. Ф.150, оп.1, д.5, д.24.
  - ⁷⁷ Там же.
  - 78 Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов, с.321.

Электронная библиотека Института истории, археологии и этнографии Дагестанского ФИЦ РАН

instituteofhistory.ru

Глава VII

СЕМЬЯ И СЕМЕЙНЫЙ БЫТ

Семья

Для периода XIX — начала XX в. у дагестанских азербайджанцев более типичными были малые семьи, состоящие из двух и реже — трех поколений (простые и сложные) хизан, кюлфет, аиле. Вместе с тем в их семейном быту сохранялся ряд черт большой патриархальной семьи.

Для характеристики малой и большой неразделенной семьи беюк кюлфет, или агъыр кюлфет, агъыр хизан мы пользовались преимущественно двумя источниками: данными посемейной переписи населения 1886 г. Кайтаго-Табасаранского округа, а также материалами наших этнографических исследований — информацией, полученной от старейших сельских жителей, в памяти которых сохранились сведения о существовавших при их жизни (в начале XX в.) больших патриархальных семьях. В качестве дополнительных источников нами были использованы сведения, встречающиеся в специальной литературе о семье. Эти последние источники крайне ограниченны и фрагментарны. Перепись 1886 г., к сожалению, не везде зафиксировала полный состав семьи. В ряде случаев она не включала данные о женщинах, об их семейном положении и др.

Сопоставляя данные посемейных списков 1886 г. с полученными от информаторов сведениями о степени бытования неразделенных семей у азербайджанцев, мы обнаруживаем значительные расхождения. Судя по сведениям информаторов, в конце XIX — начале XX в. большие семьи были еще широко распространены. Архивные же документы (посемейные списки и др.), напротив, свидетельствуют, что неразделенная семья в этот период занимала второстепенное место. По-видимому, экономические интересы семьи (в частности, переделы общественных земель по дымам) приводили к тому, что живущих одним хозяйством женатых сыновей хозяйства представляли перед официальной администрацией как отдельные семейные ячейки. Кое-какие неточности могли допустить и иногда допускали и наши информаторы. В частности, характеристику патронимии они могли ошибочно перенести на характеристику неразде-

ленной или сложной семьи. Тем не менее оба источника являются при характеристике типов семьи наиболее значимыми.

Обратимся к данным посемейных списков 1886 г. По данным переписи, в селении Гимейди Кайтаго-Табасаранского округа числилось всего 152 семьи. Из них неразделенными, имсвшими общее хозяйство, общий бюджет и котел, можно было считать 29 семей (т.е. 19,8%), в том числе трехпоколенными (родители, сыновья и внуки) — 2, двухпоколенными (родители и женатые сыновья) — 27, 15 двухпоколенных семей представляли собой семьи братьев — родных и двоюродных¹. Подавляющее же большинство семей были малыми. В селении Рукель того же округа насчитывалось 262 семьи. Из них неразделенными были 33 семьи (13,1%), в том числе трехпоколенная 1 семья, а 32 семьи составляли двухпоколенные и однопоколенные семьи. Среди неразделенных семей 22 семьи являлись семьями братьев. И здесь подавляющее большинство семей было малыми.

В селении Мугарты было 126 семей, из них неразделенными являлись 44 (36,3%), в том числе трехпоколенными — 7, двух-поколенными и однопоколенными — 40 семей, среди которых 20 были братскими², остальные семьи — малыми.

В селении Дарваг по этим спискам насчитывалось 158 семей, из них неразделенных — 39 $(24,6\%)^3$.

В селении Ерси проживало 142 семьи, из них неразделенных — 28 (20%). Из неразделенных трехпоколенными были 6, остальные — двух- или однопоколенными⁴. Почти аналогичная картина характерна и для других изученных нами поселений.

Таким образом, в изучаемое время у дагестанских азербайджанцев преобладали простые, или малые, семьи. В то же время кое-где и неразделенные семьи играли определенную роль в жизни общества.

На один азербайджанский дым, по данным тех же посемейных списков, приходилось в среднем 5,5 человека, в том числе: в селении Гимейди — 5,5, в селении Цанак — 6, в селении Рукель — 4,5, в селении Мугарты — 5,4, в селении Кемах — 5,8, в селении Дарваг — 5, в селении Ерси — 5, в селении Арак — 6,9 человека. Почти такие же данные о структуре и численном составе семей дают материалы посемейных списков и в других обществах. Семьи из 20—25 человек были редким исключением.

Для иллюстрации численного и поколенного состава, а также имущественного положения неразделенных семей у азербайджанцев начала XX в. приведем данные наших полевых этнографических исследований.

В селении Мугарты Дербентского района, например, перед революцией бытовала неразделенная семья Абдурахмана и Суны. У них были сыновья Дашдемир, Абдулла, Хидирбег, Фейзулла и Минатулла. У Дашдемира семья состояла из жены Хадижат и сыновей Мирдана и Алимурзы, у Абдуллы — из

жены Гюльзаман и сыновей Султанахмеда. Зейнуллы и дочери Нене, у Хидирбега — из жены Мерзи и сыновей Султанбега, Гайдарбега, Халилбега и Агамагомеда, у Фейзуллы — из жены Гюльханум, сына Алахьяра и дочерей Суну и Углалгерек, у Минатуллы — из жены Гюльзаман и детей Абдурахмана и Халиля. Все они жили в одном большом доме, имели общую усадьбу. Каждый брат с семьей имел отдельную комнату. Центром хозяйственной жизни семьи служила большая закрытая веранда на втором этаже гьайат, где все собирались, делали домашнюю работу, питались, решали повседневные вопросы. здесь же нередко принимали и гостей. Семья жила дружно, все доходы распределяли по справедливости в интересах всех домочадцев. Основой жизнеобеспечения семьи были земля, скот и другие виды имущества, которые находились в общем владении. Семья имела 10—12 га земли в местности Ниджаридере. На этом участке находились и пашни, и сенокосные участки. Выгоны для скота были общественные. Семья владела 4 быками, 4-5 (иногда и 6-7) коровами, 20-25 овцами. Землю пахали легким плугом хиш, в который впрягали пару быков. Абдурахман, отец семейства, был строг, распоряжался всеми делами семьи. Ходила молва, что свекор даже распоряжался имуществом женщин, бил своих снох. Жена Абдурахмана, Суна, не имела никакой власти, хотя и держала у себя ключи от кладовых. Абдурахман сам продавал излишки зерна, сам покупал все необходимое для семьи и отдельно для каждого члена семейного коллектива.

Сыновья Абдурахмана разделились только после смерти своего отца в 30-х годах, в период колхозного движения. Сперва выделились старшие, а потом распалась и вся семья⁵.

В селении Бильгади того же района в начале XX в. неразделенной была и семья братьев Амирали и Мирзы. У них были жены и взрослые сыновья. У Амирали — три женатых сына и их дети, у Мирзы — пять сыновей, из которых трое старших были женаты и имели детей. Каждая брачная пара имела отдельную комнату. Отдельные комнаты занимали и родители. Работали и ели обычно в общем большом помещении гьаят, находивщемся в центре жилых комнат. В целом семья насчитывала 20 человек.

В последний период существования неразделенной семьи в ней было пять женатых сыновей — Гасрет, Нефтулла, Мамедали, Мамед, Лачин.

Мамедали имел сыновсй Фатали, Гайдарали, Агарза и дочь Гейбат, Нефтулла — сына Гаджи-Мурада и дочь Набат, Гасрет — сына Саадуллу (наш информатор) и дочь Телмир, Мамед — сыновей Алимердена и Мамеда и дочерей Габибат и Гюрмет, Лачин — сыновей Гаджи и Серхара. Семья имела свои мюльки (когда-то очищенные от кустарников), сад, пахотные земли, сенокосные участки, владела двумя двухэтажными

домами из восьми жилых комнат. Сыновья имели по комнате, которые назывались по их же именам: Нефтулланын отагьы, Саадулланын отагыы, Мамедин отагыы и т.д. В нижнем этаже помещался скот. Двор гьаят был маленький. Летом скот держали во дворе, зимой же его перегоняли на зимние пастбиша, где имелись специальные помещения для скота. В хозяйстве было 4 буйвола, 4 коровы, 50 овец. Семья владела пашней, с которой получала 20 сабу (т.е. 25 пудов) зерна, сенокосный участок, с которого имела 5-6 арб сена. На сенокосном участке росли также и фруктовые деревья, в основном грушевые (сорта нар-армуд, ахмед-кади, абас-беги и др.). Фрукты частично продавались в свежем и сушеном виде на рынке. Так как в плуг здесь запрягали три-четыре пары волов, а семья имела лишь четыре буйвола, она обычно вступала на время полевых работ в супрягу ормаг, т.е. объединялась с другой семьей, имеющей также трех-четырех буйволов. Все виды хозяйственной деятельности и доходы находились под контролем старшего брата Амирали, а после его смерти — Мирзы. Для трапезы взрослые мужчины устраивались отдельно, в комнате Амирали, женщины с детьми — в общей проходной комнате. По достижению 15летнего возраста юноши присоединялись на время трапезы к мужчинам. Как правило, жидкая или полужидкая пища подавалась из расчета одной большой глиняной чаши на четыре человека. Ели, следовательно, разбившись на группы с учетом возрастных различий. Таким же образом организовывалась трапеза и у женщин. Подростки чаще составляли отдельный круг рядом с женшинами.

В семье существовало определенное разделение труда. Старшая женщина месила тесто, пекла хлеб, остальные носили воду, доили коров, выполняли работы в поле, ухаживали за скотом. Окончательно семья распалась на малые семьи в 30-х годах, когда братья построили собственные дома, разделили имущество и стали главами отдельных малых семей⁶.

Судя по полевому этнографическому материалу, в изучаемое время большесемейные традиции более устойчиво сохранялись на равнинной части территории расселения азербайджанцев, в том числе и в Терекеменском магале. Это, пожалуй, объяснялось особенностями ведения здесь земледелия, характером обработки земли тяжелым плугом, требовавшим усилий большого коллектива, характером орошения и т.д.⁷.

Мы уже отмечали, что многие из больших семей в изучаемое время находились на грани распада. Более того, некоторые из них представляли собой, как указывают другие авторы применительно к областям северокавказского региона⁸, промежуточные, переходные формы между большой и малой семьей. Это было своеобразное сочетание общей собственности большой семьи и собственности малых отдельных семей (отдельные виды личных заработков, приданое снох, оружие мужчин и т.д.).

Разложение натурального хозяйства, вызревание и развитие капиталистических отношений постепенно приводили к окончательному распаду больших семей в азербайджанском селе. Неразделенные семьи в рассматриваемое время были характерны преимущественно для зажиточной части сельского общества, для экономически крепких хозяйств.

Среди сохранившихся в рассматриваемый период неразделенных семей наблюдались как отцовские (преимущественно), когда во главе семьи стоял отец, так и братские (реже), когда семью возглавлял один из братьев (обычно старший).

И в большой, и в малой семье царили патриархальные традиции. Там и тут семью, как правило, возглавлял старший мужчина — отец или старший из братьев. Однако уже случалось, что старший брат уступал роль главы семейства другому брату, ссылаясь на отсутствие у него самого «данных руководителя». Большую роль, иногда в качестве главы семьи, а чаще в качестве помощницы мужа и распорядительницы домашних работ, играла и женщина-мать. В отсутствие мужа она руководила хозяйством, опираясь на помощь старшего сына. Глава семейства лично выполнял самые ответственные функции. Он должен был умело направлять всю деятельность семьи. распределять работу между ее членами в зависимости от их пола, возраста, способностей и навыков, вести хозяйство так, чтобы оно обеспечивало семью необходимыми материальными средствами. Поэтому старший заботился о своевременной и качественной пахоте, о севе, поливе посевов, уборке, молотьбе хлебов, о хорошем содержании скота, и т.д. По его усмотрению реализовались излишки производимой в хозяйстве продукции, приобреталось недостающее. Большое значение глава семьи и его помощница придавали регулированию отношений между членами своей семейной ячейки, микроклимату в ней. Многие возникающие в повседневной жизни проблемы глава семьи решал сам, другие — с участием своей помощницы.

По существовавшему разделению труда мужчины выполняли почти все полевые работы. Пахота, сев, полив, жатва, молотьба, доставка обмолоченного урожая, сенокос и др. были обязанностью мужчин. На долю мужчин падали также уход за скотом, заготовка и перевозка топлива и сена, содержание в должном состоянии сельскохозяйственных орудий, содержание в порядке помещений для скота, помол зерна на мельнице и многие другие хозяйственные функции.

Женщины занимались многочисленными домашними делами: приготовление пищи, доением коров и буйволиц, переработкой продуктов животноводства, обмазкой и уборкой дома, стиркой, починкой и шитьем одежды, доставкой воды из родника, а также отдельными видами домашних промыслов. Большое место среди обязанностей женщин занимал уход за детьми.

Разделение труда между мужчинами и женщинами было строго нормированным. Азербайджанская женщина никогда не управляла волами, запряженными в арбу, не носила сена и не жала хлеба. Равным образом ни при каких обстоятельствах мужчина-азербайджанец не должен был ходить за водой с кувшином, доить корову, ухаживать за малолетними детьми и т.д.

Если сравнить характер и содержание труда женщины и мужчины, то можно сделать вывод, что мужчинам приходилось намного тяжелее, чем женщинам. Более того, трудовое положение азербайджанки было несравненно легче трудового положения дагестанской горской женщины, на плечи которой ложились многие виды и основных полевых работ (жатва, покос и т.д.).

Помимо четкого распределения трудовых обязанностей в зависимости от пола у азербайджанцев столь же строго распределялись обязанности в зависимости от возраста. Самые ответственные работы (пахота, полив, сев и др.) выполняли опытные работники, молодые же люди осуществляли вспомогательные работы и обрабатывали участки, требующие значительной физической силы, а не высокой квалификации и большого опыта. Однако это не исключало того, что многие работы мужчины делали совместно, кооперируя свои трудовые усилия.

Среди женской части семьи также существовало традиционное разделение труда. Контроль за ним осуществляла старшая женщина, обычно жена главы семьи. Наиболее ответственные работы она поручала старшим снохам, второстепенные, хотя и трудоемкие, — остальным женщинам. Свекровь гайын ана, если она была трудоспособна, тоже принимала участие в хозяйственной деятельности, показывала пример трудолюбия и аккуратности. Если же свекровь была уже нетрудоспособна, она только распоряжалась, контролировала деятельность домашних и ухаживала за детьми. Все поручения старшей снохи выполнялись беспрекословно.

Являясь хозяйкой дома, свекровь безраздельно распоряжалась запасами продуктов, держала у себя ключи от кладовых. Под особым контролем старшей женщины находилась кладовая арт эв, где хранились вяленое мясо, сыр, масло, мед и другие припасы.

Отметим, что многоженство (двоеженство) развито не было. Правда, некоторые богатые азербайджанцы, особенно горожане, имели по две жены, одна из них (обычно первая) являлась распорядительницей в доме. Что же касается феодалов, то такие, как уцмий Кайтагский, кадий Табасаранский, хан Дербентский, а также беки, имели по нескольку жен, а некоторые (уцмий, дербентский хан) — даже гаремы с представительницами разных национальностей. Так, согласно сведениям, сообщаемым А.Г.Серебровым, служившим приставом при дербентском хане в конце XVIII в., дербентский Фатали-хан имел

«многих законных и посторонних жен... но по смерти остались только четыре жены» 9. П.Г.Бутков о владетелях Дербентского ханства писал: «Жен по закону могут иметь до четырех, а наложниц по состоянию», а наложница, родившая ребенка, «поступает в класс жен» 10. По свидетельству нашего информатора Абдина Зулфукарова (1874 г.р.), жителя Дербента, у Амирчопана Джамаловича Уцмиева в начале XX в. было 12 жен, которые жили в двух особняках, расположенных на определенном расстоянии друг от друга (один у Джарчы-капы — у северных ворот, другой у Баят-капы и Орта-капы — у южных ворот). Информатор хорошо знал внутреннюю жизнь семьи Уцмиева, так как долгие годы работал у него фаэтонщиком.

В неразделенных семьях обычно старшая сноха становилась помощницей матери семейства, а равно и доверенным ее лицом, фактически управляющей от ее имени делами дома.

Право контроля, формы обращения старшей с ее подчиненными, конечно, менялись по мере того, как семья в своем развитии переходила от одного типа к другому (от большой к малой семье и т.д.).

В малых семьях отношения между свекровью и невесткой становились более тесными и более доверительными, поскольку они повседневно нуждались в помощи друг друга и лучше знали друг друга. Более того, в такого типа семьях отсутствовало четкое разделение труда между женщинами. Труд становился полностью взаимозаменяемым. И тем не менее основная тяжесть домашней работы и здесь лежала на молодой, физически здоровой женщине.

Как в большой, так и в малой семье молодые женщины должны были соблюдать обычай яшмаг тутан, т.е. когда общались с мужчинами, родственниками и неродственниками, то прикрывали нос и рот концом платка. Этот обычай соблюдался азербайджанками Дагестана довольно строго. Почитание старших было настолько высоким, что молодые женщины соблюдали данный обычай и по отношению к женщинам пожилого возраста. Молодые при старших никогда не должны были громко разговаривать.

Женатых сыновей семья обычно выделяла в самостоятельное хозяйство, чаще по воле главы семейства. Еще М.М.Ковалевский отмечал, что при наличии нескольких сыновей «отец делает между ними раздел имущества при жизни. При этом разделе принимается в расчет, какие сыновья уже женаты, а какие еще холостые, какие дочери замужем, а какие еще в девицах, у кого из сыновей родители выбирают свое будущее местожительство и кто должен похоронить их в случае смерти. Холостым сыновьям делается надбавок, облегчающий им вступление в брак; незамужним девушкам полагается приданое» 11.

Сроки проживания сыновей в общем хозяйстве отца были разные и зависели от многих обстоятельств, в том числе от

микроклимата семьи, от отношений между членами семейного коллектива, от стремлений развить хозяйственную инициативу молодых и т.д. Если семья жила дружно, то молодых обычно не отделяли долго, иногда в течение 10-15 и даже 20 лет. По словам старейшей жительницы селения Мугарты Таким Гаджиалиевой (1900 г.р.), «сыновей без особых причин не выделяли в самостоятельные хозяйства. Пока старшие, т.е. родители, были живы, дети (ушаглары), внуки (неволери), правнуки (нетижелери), внуки внуков (кючюк бечелери) жили вместе, имели общий котел, общую кассу»¹². Если же в семье не ладили, особенно снохи, отец старался отделить женатых сыновей в самостоятельные хозяйства пораньше. Когда семья сильно разрасталась и глава семьи имел намерение выделить когонибудь или всех женатых сыновей, он говорил: «Котел не выдерживает», но умалчивал часто о конфликте в семье, так как общественное мнение относилось отрицательно к разделам.

Выделяя сына в самостоятельную ячейку, отец старался обеспечить его всем необходимым: давал участок земли, скот, орудия труда, транспортные средства и т.д. Первое время отцовская семья материально и морально поддерживала молодую семью сына, пока его хозяйство не становилось крепким.

В семьях азербайджанцев последовательно вырабатывалась установка на труд, на дисциплину, на своевременное включение в трудовые процессы подростков. Недаром азербайджанцы говорили: «Аиле хошбэхтилийин ачарыдыр» («Семья является ключом счастья»). В семейном воспитании большое значение придавалось усвоению различных аспектов этикета, в том числе и застольного. Младшим не полагалось садиться за трапезу раньше старших, начинать есть, пока старший (старшая) не скажет: «Кушайте», садиться на место, предназначенное для старших, разговаривать во время еды без особой надобности. Трапезу члены малой семьи осуществляли одновременно, но при гостях в первую очередь кормили мужчин, а потом женщины ели вместе с детьми. В неразделенных же семьях трапеза семейных пар организовывалась по-разному: в одних семьях сначала ели все взрослые мужчины во главе с отцом — главой семьи, потом дети и в последнюю очередь женщины (мать. снохи, девушки и т.д.), в других - каждая семейная пара ела отдельно: глава семьи со своей женой, сыновья со своими женами и детьми. Практиковался и такой порядок, согласно которому старшая посылала еду в комнаты сыновей и каждый из них ел с женой и детьми. В целом же разновременный прием пиши в семье без особой причины не одобрядся.

Любая трапеза, особенно вечерняя, которая считалась основной, завершалась, по издавна установившемуся обычаю, пожеланиями хорошего урожая, изобилия, счастья семье, выздоровления больным, доброго самочувствия здоровым. Такие пожелания, которые произносил старший (старшая), вни-

мательно выслушивались всеми и имели большое воспитательное значение.

Немаловажное значение азербайджанская семья придавала физическому, трудовому и нравственному воспитанию детей и подростков. Физическую закалку дети и подростки получали как в процессе участия в трудовой деятельности семьи, так и во время детских игр, юношеских состязаний (бег, метание камня, скачки на лошадях, борьба и т.д.). Мальчиков постепенно приучали к мужским видам труда: пасти скот, ухаживать за ним (раздавать корм, водить на водопой), охранять огороды и бахчи, возить с поля на арбе урожай, рубить дрова для отопления помещений и приготовления пищи, выполнять и другие несложные работы (вместе со старшими) и т.д. Особое внимание уделялось верховой езде, уходу за лошадью (мыть ее на речке, протирать, массажировать специальной железной щеткой, кормить, поить и т.д.). Мальчики ходили, особенно в вечерние часы, по разным поручениям в другие семьи, являясь как бы «связными». При этом преследовалась цель: научить подростков и юношей переносить трудности, воспитать у них выдержку и закалку. Такие «уроки» начинались с простейших поручений и завершались выработкой навыков самостоятельной работы. Руководили этим взрослые мужчины.

Девочки учились у старших женщин стирать, убирать помещения, месить тесно, печь хлеб, готовить еду, шить, вышивать, а также помогали матери ухаживать за маленькими детьми. Когда матери укладывали малышей в люльки, дети постарше качали их, пели колыбельные песни и выходили погулять с ними на улицу (несли на спине особым образом привязанными или на руках).

Хозяйственные обязанности девочек особенно возрастали в малой семье, где они порою являлись сдинственными помощницами матери в домашних делах. Если девочка росла аккуратной, трудолюбивой, мать приобретала репутацию хорошей воспитательницы. Часто соседи любили сравнивать дочь с матерью и говорили, что «дочь точно как мать» или же «будет как мать». Если же мать была плохой хозяйкой и воспитательницей, просчеты в поведении девушки объясняли недостатками матери. В девочках воспитывали скромность, трудолюбие, умение соблюдать этикет.

Таким образом, азербайджанцы придавали большое значение воспитанию детей в семье. По мере возможности каждому подростку отводился определенный участок работы с учетом его способностей и навыков.

Лучшим средством передачи положительных традиций являлся личный пример старших.

Согласно распространенной норме, совершеннолетние дети во всех тяжелых работах были обязаны заменить отца (сын) и мать (дочь). Если при взрослом сыне пожилой отец выполнял не

соответствующую его возрасту и положению работу, общественное мнение осуждало сына. Однако в крестьянской семье такие факты встречались крайне редко.

С самого раннего детства девочек и мальчиков приучали уважать старших, проявлять доброту. Большое место в семейной педагогике занимало знание адатов, связанных с поведением в обществе, нормами общения с соседями и родственниками. Стремление выполнить просьбу соседа, пожилого односельчанина или родственника, умение оказывать им знаки внимания считались одним из результатов хорошего воспитания в семье. Примером для детей и подростков служили отношения взрослых членов семьи друг с другом, с детьми, со старшими и т.д.

Всему этому должны были учить и учили детей и подростков старшие члены семьи, и прежде всего его глава. В семейном кругу нередко разбирались и обсуждались как положительные, так и отрицательные стороны поведения детей и подростков. Что же касается фактов отклонения от норм поведения взрослых членов семьи, то они разбирались в узком кругу старших.

В долгие зимние вечера было принято собираться всей семьей вокруг очага для беседы. Старики вспоминали героические поступки предков, исторические сказания, рассказывали сказки, задавали молодежи загадки, знакомили с народными притчами, пословицами, поговорками. Такие вечера, тем более в условиях отсутствия школ и других культурно-просветительных учреждений, оказывали на молодежь большое нравственное воздействие, формировали у них установки на самостоятельный труд, на благородные поступки, на бескорыстную дружбу, преданную любовь, взаимопомощь.

Нравственные установки, которые у молодежи вырабатывались в процессе общей деятельности с родителями и родственниками, закреплялись, таким образом, во время совместного семейного досуга, участия в семейных обрядах и церемониях.

Пожеланиями обставлялось любое более или менее значительное действие крестьян: начало и конец трудовых процессов, свадьбу, рождение ребенка, наречение имени, болезнь и выздоровление домочадцев, прием гостя и др.

Семья придавала большое значение доброжелательному и доверительному общению не только в кругу семьи, но и с родственниками, соседями, кунаками.

Можно без преувеличения сделать вывод о том, что семейные нормы азербайджанцев были направлены на общение с широким кругом лиц. Поэтому выделившиеся малые семьи сохраняли между собой устойчивые связи и помогали друг другу во всех хозяйственных и домашних делах. Кроме того, у азербайджанцев существовали и различные формы искусственного родства: усыновление, побратимство и др., в богатых семьях, особенно в феодальной среде, — отдача в другие дома малолетних детей на воспитание эмчек и т.д.

Влияние общества на образ жизни семьи было многосторонним и постоянным. Большое значение оно имело и в деле осуществления семьей своих воспитательных функций. Известно, например, что летом и зимой дети немало времени проводили вместе в играх на улице, во дворе. Всякая их ссора, обида друг на друга происходили на глазах у взрослых. Каждый очевидец имел право вмешаться в их спор, сделать замечание виновнику. Обычно такое вмешательство «посторонних» воспринималось семьей с благодарностью и рассматривалось как помощь в воспитательном процессе.

Семья должна была воспитывать у своих членов, в том числе у детей, подростков, честность, правдивость, правильные взгляды на мир, на общество и т.д. Дети, особенно мальчики, в течение нескольких лет посещали начальные школы при мечетях, где, к сожалению, все обучение сводилось лишь к приобретению навыков чтения Корана. Подросткам, как и старшим, вменялось в обязанность вовремя совершать пятикратную молитву намаз. Для этого они должны были знать наизусть определенные суры Корана. Все члены семьи участвовали в проведении праздников и совершений обрядов, предписываемых религией, в том числе соблюдение поста ураза.

Разводы в азербайджанских семьях являлись редким исключением. Случались же они преимущественно по инициативе мужа. «Муж имеет право во всякое время дать развод своей жене» 13, — гласили адаты Северного Табасарана, на территории которого проживали и азербайджанцы. Однако основным мотивом для расторжения брака являлась бездетность жены. Оформлялись разводы по нормам адата и шариата. В случае развода муж обязан был выдать жене кебинные деньги и возвратить все, что она принесла в качестве приданого 14 из отцовского дома. Известны, правда, редкие случаи, когда женщина по своей инициативе требовала развода. Это чаще всего происходило тогда, когда муж брал в дом вторую жену или же (реже) имел невыносимый характер. Приниженное положение женщины в семье и в обществе, как правило, не позволяло ей пользоваться и этими ограниченными правами. Как бы трудно ни было женщине в семье мужа, каким бы тяжелым характером он ни обладал, она должна была терпеть, уживаться и приноравливаться к нему, целиком и полностью подчиняться порядкам в семье. Кроме того, женщина не могла пойти и на потерю детей, так как при разводе дети, по существовавшим патриархальным порядкам, должны были всегда оставаться с отцом.

* * *

Таким образом, данные переписи 1886 г., а также наши полевые исследования позволяют заключить, что задолго до изучаемого нами времени соотношение удельного веса больших и малых семей изменилось в пользу последних. Надо полагать, что особенно участился распад больших семей в пореформенный период в процессе общего социально-экономического развития азербайджанского общества и окончательного разложения натурального хозяйства. Постепенно дробились и сохранившиеся к этому времени неразделенные семьи, принципиально отличавшиеся от больших семей более раннего периода.

Малые семьи в этот период включали в свой состав преимущественно два поколения — супругов и их детей. Однако в ряде случаев, как это видно из данных той же переписи 1886 г., в них входил и кто-нибудь из близких родственников: один или оба родителя, неженатый брат или незамужняя сестра, лядя и т.д.

Межличностные отношения в семье были проникнуты патриархальным духом. Женщины беспрекословно повиновались мужчинам, младшие — старшим, а все вместе — главе семейства, который обладал почти неограниченной властью. Репутация семьи всецело зависела от соблюдения норм адата. Особенно угнетена была женщина. Ни адаты, ни шариат не признавали ее равноправия с мужчиной.

Малая семья, как и большая, была многофункциональной социальной группой: осуществляла большую хозяйственную деятельность, продолжала род, воспитывала детей и т.п. Семейное воспитание в крестьянской семье непосредственно дополнялось общественным.

Приведенные материалы позволяют сделать вывод о том, что все обычаи и обряды, соблюдаемые и большой и малой семьей, были пронизаны элементами народной педагогики.

Семейные обычаи и обряды

Брачный выбор. Сватовство, обручение и свадьба. Как и все народы Дагестана, дагестанские азербайджанцы большое значение придавали женитьбе сына или замужеству дочери. Выбор невесты или жениха являлся серьезным и ответственным делом. Им занималась не только семья, но и широкий круг родственников, а также уважаемые соседи и друзья.

При оценке личных качеств невесты или жениха принимались во внимание их трудолюбие, сдержанность, знание этикета и, что особенно было важно для девушки, бережливость. Не меньшее значение имели престиж родни и наличие влиятельных родственников. Требовалось, кроме того, чтобы молодые люди, особенно невеста, были физически крепкими, способными иметь здоровое потомство.

Прежде чем начать сватовство, мать юноши наблюдала за поведением девушки, ее умением работать, быть бережливой, старалась составить себе представление и о других личных

качествах будущей жены сына. Неудивительно, что с такой практикой выбора невесты связано много народных преданий. В одном из них, бытовавшем почти у всех народов Дагестана, в том числе и у азербайджанцев данной группы, например, говорится, что, когда мать искала своему сыну хорошую, бережливую девушку, она пошла в дом одной красивой девушки и спросила: «Нет ли у вас сухого теста, прилипшего к корыту, где месят муку?» Та ответила утвердительно и спросила, сколько надо ей такого теста. «На один чурек», — ответила женщина. Тогда девушка, выскоблив теста больше чем на один чурек, отдала его просительнице. «Из нее не выйдет хозяйка», — подумала мать юноши и, поблагодарив за услугу, пошла к другой. На такую же просьбу та ответила, что в ее корыте не бывает прилипшего теста. «Вот та, какую я ищу», — подумала мать и, поблагодарив, пошла домой, чтобы послать сватов.

Многое зависело и от отзывов соседей девушки. Недаром в народе говорили: «Къомшусу яхшы олса, кечел гыз да эре гедер» («Если сосед добрый, и паршивая девушка выйдет замуж»).

Нижней возрастной гранью вступления в брак, или минимальным брачным возрастом, здесь считалось совершеннолетие, которое наступало, согласно адату, к 15 годам. Фактически же преобладающий брачный возраст для девушки колебался от 15 до 20 лет, а для юноши — от 15 до 22—25 лет.

Браки заключались, как правило, внутри селения. Межаульные и тем более межнациональные браки были редким исключением.

Молодые люди в сельской местности знакомились на свадьбах, в поле (во время сенокоса, на прополке, жатве и т.д.), у родственников, куда хотя бы издали поглядеть на девушек специально отправлялись юноши, которым иногда удавалось обмениваться с ними несколькими фразами. В ряде селений (Хучни, Арак и др.) девушки и юноши вместе отправлялись за серой глиной гёк шире для обмазки полов. Здесь юноши забирались в шахты, выносили оттуда глину, а девушки набирали ее в мешочки и несли домой. По пути молодые люди во время отдыха организовывали танцы, веселились, знакомились, завязывали дружбу. Удобным местом для близкого знакомства молодежи были и сады, когда шла массовая уборка черешни и фруктов.

Кроме того, в отдельных сельских обществах молодежь встречалась во время так называемого девичника гызлар геджеси, устраиваемого в доме невесты перед выходом ее замуж. Этот вечер, пожалуй, наиболее интересно организовывался в селении Ерси и в соседних селениях. На девичник здесь приглашались и девушки и юноши. Девушки чистили орехи для свадебной халвы; поэтому и вечер в некоторых обществах назывался гоз гыран («ломание орехов»). В это время молодые веселились, пели песни, танцевали, объяснялись прямо или косвенно в

любви, выбирали себе невест, высказывали взаимные упреки на недостаток внимания со стороны друг друга. Кульминационный момент наступал, когда в комнате на несколько минут тушили свет чыраг сёндюрен («тушение светильника»). В прошлом, по преданию, это длилось 1—2 часа. Этот обычай информаторы объясняют желанием юношей и девушек, пользуясь случаем, подойти друг к другу, пожать руку, обнять, поцеловать любимых, что в другое время было совершенно невозможно¹⁵.

Намного сложнее было встречаться девушкам и юношам в Дербенте. Полевыми работами горожане занимались спавнительно мало, а девушка-горожанка в силу специфики домашнего быта в поле ходила только в исключительных случаях. Даже на свальбе девушки веселились без юношей. Да и на улицу совершеннолетние девушки выходили, как и все женщины, только в чадрах. По этому поводу еще в середине XIX в. И.Н.Березин писал: «Мужчины и женщины в Дербенте довольно хороши собой: женшины ходят здесь уже под покрывалом, и желающие лично убедиться в дербентской красоте должны, как и я, по вечерам дазать на кровлю или сидеть у дербентских фонтанов, куда приходят толпами дербентские девицы и девочки за водой с кувшинами на головах»¹⁶. В таких условиях юноши, как правило, часто женились на девушках, которых они ни разу не видели, только по рекомендации родных. Как утверждают представители старшего поколения (об этом сохранилось немало преданий), родители могли показать сватам жениха одну дочь, а выдать замуж совершенно другую, менее или совсем непривлекательную.

Браки заключались, как правило, по сговору. Азербайджанцы практиковали сговор совершеннолетних (в подавляющем большинстве случаев) и малолетних (редко). В отличие от обычного обручения нишанламаг¹⁷, сговор назывался ад эйлемек. Встречался, хотя и очень редко, сговор детей еще в колыбельном возрасте, который назывался бешик кертме («метка на люльке») или гюбек кесме (букв. «резать пуповину»). Девушка, просватанная таким образом, называлась гюбек кесме гыз («девочка с отрезанной пуповиной»), при этом называлось и имя того, кому она была просватана.

Исследователь адатов горцев А.В.Комаров писал о Дагестане, что здесь «весьма распространен обычай сговаривать детей, даже вскоре после рождения; при этом обыкновенно отец мальчика дает в виде залога какую-нибудь вещь отцу девочки, и малолетние уже считаются с этого времени женихом и невестой» 18. Согласно нашим полевым данным, в изучаемое время сговор малолетних детей встречался лишь в исключительных случаях. В основе такого сговора лежала тесная дружба двух семей, а иногда опасение, что эту девочку могут просватать за другого. В отдельных случаях, судя по сведениям информаторов, еще в конце XIX — начале XX в. в подобных случаях действительно

делали метку на люльке и девочки и мальчика. Но позже этот обряд при таком сватовстве не стал соблюдаться. Засватав, таким образом, малолетнюю, семья мальчика время от времени делала ей подарки (обычно перед большими календарными праздниками), посылала в дом богатое угощение. Однако, став взрослыми, сговоренные далеко не всегда безропотно покорялись решению родителей, что приводило к разладу отношений между двумя семьями.

Другой особенностью традиционного брака у азербайджанцев, как и у любого другого из народов Дагестана, был брак, встречавшийся, правда иногда, с большой возрастной разницей между богатым женихом 40—60 лет и бедной невестой (и, наоборот, бедным женихом, почти подростком, и богатой невестой, намного старше его).

Так или иначе, браки молодежи заключались преимущественно по воле родителей. Юноша иногда мог объявить своему близкому другу или родственнику, на ком он желает жениться, и даже добивался этого, для девушки же самостоятельный выбор был почти полностью исключен. Она тоже могла доверить тайну своей любви близкой подруге, но последняя не могла ничем помочь. Правда, порою интересы обеих сторон совпадали, и юноша имел реальные возможности отстоять не только свои интересы, но и интересы своей любимой.

«Браки зависят от воли родителей и только в некоторых случаях от согласия жениха» 19, — писал об азербайджанцах Н.Ф.Дубровин.

В Дербенте (среди шиитов) еще в XIX в. практиковался такой архаический вид брака, как сыйгьа. Это был так называемый временный брак²⁰, который заключался преимущественно между на какой-то срок прибывавшими в Дербент торговыми, мастеровыми людьми и др. и незамужними горожанками. Брак оформлялся местным ахундом или муллой на определенный срок. На наличие временного брака в Дербенте еще в конце XVIII в. обратил внимание А.Г.Серебров: «Второй свадебный обряд... временный, или иногдашний. Обряд сего последнего состоит в том, что жених, пришед к духовной особе. объявляет имя и желание невесты. О сем чинят справку. Потом. по прочтении краткой молитвы, сим кончится сей брак. Если сия родит детей или каким-нибудь случаем пожелает муж ее иметь настоящей женой, то должен о том паки объявить духовной особе, а сия вновь довершит молитвой»²¹. Появление этой формы брака здесь пока что трудно объяснить. Имели место, хотя и очень редко, факты выдачи девушки за мужа ее умершей сестры (сорорат), а также случаи женитьбы на вдове умершего старшего брата (левират). Семья после смерти женатого сына могла оставить его вдову для неженатого сына, иногда лаже для сына 8-10-летнего возраста, и по достижении 15 лет заключить с ней кебинный брак. Но такие браки почти всегда

кончались тем, что молодой человек женился потом на другой, молодой девушке, а первая жена в лучшем случае оставалась в доме в качестве главной хозяйки.

Следует отметить, что азербайджанцы, так же как и другие народы, вообще осуждали, если женщина выходила замуж несколько раз. Говорят, что такой женщине кто-то задал вопрос: «Сколько раз вы выходили замуж?», — и она будто бы подсчитала своих бывших мужей: «Али, Вали, Пирвали, ону он дан горали, Алмасатан, гоз сатан, рагъматлык сенин атанз» (т.е. «Али, Вали, Пирвали, а до них еще десять, продавец яблок, продавец орехов и, царство ему небесное, твой отец»). Это была насмешка над женщиной, которая часто расторгала брак.

Свадьбе молодых почти всегда предшествовали сватовство и обручение. Сговоренной девушка могла оставаться обычно дватри месяца, а иногда и более года.

Сначала в дом девушки неофициально ходила мать юноши «разведывать» обстановку. В качестве официального свата эльчи семья жениха посылала уважаемого, влиятельного человека, обязательно мужчину. Согласно выработанным веками этическим нормам, семья девушки сразу согласия не давала, даже если она с радостью готова была дать его. Родители, например, ссылались на неожиданность предложения, на необходимость его обсудить в кругу близких, на неподготовленность дочери к браку и т.д.

Поэтому сваты посещали семью девушки два-три раза и более и только после этого получали окончательный ответ — положительный или отрицательный. Окончательный ответ назывался сёз кесен или сёз алан. Бывали случаи, когда сваты приходили от семьи, с которой семье девушки не хотелось иметь ничего общего. Но и в этом случае соблюдалась церемония приема сватов, хотя последние сразу могли почувствовать, что их предложение, по существу, отвергнуто. При положительном решении дела со сватовством стороны поздравляли друг друга и договаривались об основных свадебных платежах.

Думается, что свадебные платежи дагестанских азербайджанцев в прошлом в основном были однотипны с платежами других азербайджанцев и только постепенно, под влиянием нового этнического окружения, подверглись определенным изменениям. В этом отношении интересны сведения, встречающиеся в письменных источниках.

Так, в 1890 г. газета «Каспий» применительно к азербайджанцам в целом отмечала, что они калым за девушку платили лошадьми, буйволами, быками, коровами, овцами и деньгами²². «Кроме этого выкупа, — указывалось в газете, — существует еще выкуп под названием "сют пули"... количество коего определяется от 50 до 100 руб., смотря по состоятельности жениха. Эти деньги поступали полностью в пользу матери за то молоко своей собственной груди, которым она вскормила и вспоила свою дочь... Затем существует еще третий выкуп, именуемый по-татарски (т.е. по-азербайджански. — $C.\Gamma$.) "капи пули"... Этот выкуп берется во время самой свадьбы тогда, когда невесту хотят увезти в дом жениха». Церемония получения этого выкупа описана следующим образом: «Брат, преградив у дверей невесты дорогу, не пускает ее, держит как бы в плену до тех пор, пока не дадут родственники жениха порядочный бахшиш» ^{23} .

Со временем эти платежи у азербайджанцев несколько трансформировались, сохранившись в значительно измененном виде. Но даже эти изменения позволяют в какой-то мере воспроизвести прошлое.

Среди свадебных платежей в изучаемое время особое место занимал кебин гьак, или кебин кесен («цена брака») — сумма денег, которую жених, по шариату, должен был выделить будущей жене в качестве гарантированного материального обеспечения на случай развода с ней или ее вдовства. «Муж платит за жену кебин — уцмий и простой поселянин»²⁴, гласят, напримет адаты Кайтагского уцмийства, действовавшие еще в начале XIX в. Размеры кебина, как и других платежей, точно определены не были и зависели от социального и материального положения обеих сторон. Принимались во внимание личные качества невесты, в частности, ее красота, а также число претендентов на ее руку. «Вообще же. — писал А.В.Комаров, — наблюдается, что невеста получала кебин-хакк не менее того, который получила ее мать при выходе в замужество за ее отца»²⁵. Обычно же размер кебина за девушку по адатам колебался в пределах от 15 до 40 руб., а за вдову или разведенную — от 5 до 20 руб. 26. В качестве кебина выделяли скот, предметы домашней обстановки, деньги и т.д. Обычай передачи вещей в качестве кебина в некоторых сельских обществах (Мугарты и др.) назывался ведж. Чаще всего условленная сумма становилась долгом мужа жене и просто записывалась в брачное свидетельство, составляемое ахундом или муллой при двух свидетелях сторон во время акта бракосочетания. «Кебин-хакк большею частью не отдается невесте... а вносится в брачное условие и взыскивается с мужа, когда он дает развод жене или после его смерти»²⁷, — отмечал А.В.Комаров.

Среди более значительных брачных платежей, которые также обговаривались при сватовстве, был калым, называемый здесь чаще *ёл-пули* («дорожные деньги»). Размеры *ёл-пули* также не были точно определены, а зависели от обоюдного согласия. По адатным нормам, *ёл-пули* составляли от 100 до 400 руб. серебром²⁸. Для малообеспеченных семей сумма могла быть и менее 25—30 руб.

В отличие от кебин-гъак, всегда принадлежавшего выходившей замуж девушке, ёл-пули чаще всего поступали в распоряжение ее семьи и могли быть израсходованы по ее усмотрению. В несколько меньшем размере платился или вовсе не платился калым при обменном браке баша-баш («голова на голову»). Сущность его заключалась в том, что договаривались две семьи об обмене невестами для своих сыновей²⁹.

Судя по некоторым письменным источникам, в 70-х годах XIX в. обычай взимания ёл-пули официально был отменен администрацией Кайтаго-Табасаранского округа³⁰, хотя фактически продолжал существовать еще долго, но в трансформированном виде: обычно в счет ёл-пули давали зерно, скот, масло, рис, сахар и предметы домашней обстановки (ковры, постельные принадлежности и т.д.), а в некоторых сельских обществах (Хучни и др.) и садовые деревья.

Были браки и без выкупа: в случае долгой болезни девочки родители давали клятву, что ее выдадут замуж без ёл-пули и кебина, если только она поправится от недуга. Такая девушка называлась садагьалы гыз.

Какие же расходы несла сторона невесты? Она много средств затрачивала на приданое джигиз. В приданое входили ковры, паласы, постельные принадлежности, посуда и другая утварь, сундук и другое имущество. Землю в счет приданого в рядовых крестьянских семьях не выделяли. Многие предметы, составляющие приданое, особенно ковры, мать начинала собирать для дочери задолго до ее совершеннолетия. Деятельное участие в комплектовании приданого принимали и родственники девушки, которые старались восполнить недостающие предметы подарками. В ряде обществ предгорья был еще обычай гыртал йыгьан, или юн йыгьан («собирать шерсть»), согласно которому при подготовке приданого семья невесты посылала девочек по домам родственников, которые отдавали им по клочку шерсти для матрацев и больших подушек для невесты.

Согласовав с помощью сватов вопросы, которые могли возникнуть в процессе сговора и организации свадьбы, семья жениха посылала, обычно вечером, своих представителей (дватри человека) для официального оформления помолвки адэйлемек («назвать»). При этом в дом девушки обязательно вносили кольцо (чаще серебряное), шелковый платок и 2—3 руб. серебряных денег. Принято было организовывать по этому случаю обильное угощение, как в доме невесты, так и в доме жениха, для всех родственников и гостей. После этого девушку называли уьзуьк тахан гыз («девушка, надевшая кольцо») или же адагъланан гыз («засватанная или обрученная девушка; девушка, у которой определен жених»).

Бывало, что акт обручения совершали на свадьбе какого-либо родственника, при всем народе. В таких случаях стороны об этом договаривались заранее. Обычно девушку приглашал на танец кто-нибудь из родственников предполагаемого жениха или сам жених. Затем в круг выходила родственница жениха (мать,

тетя, сестра), накидывала на голову танцующей шелковый платок и надевала ей на палец кольцо. В богатых семьях при таком обручении нередко надевали на девушку еще серебряный пояс. После этого девушка считалась засватанной и начинала оказывать установленные знаки внимания семье жениха.

Видимо, надевание на невесту серебряного пояса являлось старой традицией азербайджанцев этого региона. Не случайно, как нам кажется, свадебная песня родни жениха содержит такие слова:

Биз гелмишик гелине, гелине, Кемер вурун белине, белине, Гелинин инже бели, Дюшсюн улан элине. Мы пришли к невесте, к невесте, Наденьте на нее пояс. Пусть тонкий стан невесты окажется в объятиях юноши.

Надо отметить, что традиция публичного опоясывания засватанной в одних случаях треугольным платком, а в других — серебряным поясом на свадьбе была характерна для всех азербайджанцев. Этот акт, по всей вероятности, означал, что девушка теперь принадлежит определенному лицу.

Со времени официальной помолвки стороны называли друг друга кудалар³¹ и становились как бы родственниками. С этого дня для сговоренной (частично и для жениха) начиналось время избегания гизленмек, гачмаг. Невеста избегала всех старших родственников жениха, а также своих родственников старшего возраста. На улицу она выходила, прикрывая платком рот, щеки, нос так, что можно было видеть лишь глаза³², и при встрече с родней жениха убегала, уходила с их пути.

Жених также старался не попадаться на глаза старшим родственникам невесты. Когда все же они встречались ему на пути, он стремился как можно быстрее исчезнуть. Но если обстоятельства требовали, жених активно помогал семье невесты: ходил в лес заготавливать дрова, в поле косить сено вместе с отцом и братьями невесты, но все это делал обычно молча, не вступая ни с кем в разговор.

Подобным образом поступала и невеста. Встретив, например, у родника мать или тетю жениха, она должна была наполнить водой их кувшины, а встретив кого-нибудь из них с тяжелой ношей, отнести ее к их дому, но тоже молча.

Согласно этикету, жених не должен был видеться со своей избранницей, кроме как на свадьбе, в общем кругу женщин. Только в магале Терекеме жених мог тайком вместе с другом посещать свою невесту. Такое посещение называлось пенджерее геле («идет к окну»). Его визит обставлялся торжественно, сопровождался обменом подарками. Думается, что и в других азербайджанских сельских обществах в какой-то форме допускалось тайное свидание жениха с невестой. Это подтверждают котя бы девичьи песни:

Кючелере су сепмишем, Яр геленде тоз олмасын.

Гъеле гелсин, гъеле гетсин Арамызда сёз олмасын. Я побрызгала водой улицы, Чтобы не было пыли, когда ко мне придет жених. Пусть так придет и так уйдет, Лишь бы не было между нами обиды.

Кроме того, жених время от времени посылал своей невесте тоже тайно от других, мелкие подарки углан пай (чулки, духи, платочки и т.д.).

Вслед за официальным сватовством и обручением женская родня жениха (мать, сестра и др.) наносила визит невесте, принося с собой *ширинлик* (всевозможные сладости: халву, пахлаву, конфеты, кишмиш). Такой визит назывался куда капысы («двери сватов»). В свою очередь, они в ответ также получали подарки.

Через несколько недель или месяцев (в зависимости от материальных возможностей) семья жениха посылала невесте определенные подарки: один-два комплекта одежды, обувь, сладости. Этот акт назывался биринчи нишан или кичик нишан («первый нишан», «маленький нишан»). Примерно за месяц до свадьбы в дом невесты торжественно несли основную часть калыма. Этот взнос в счет обусловленного ранее калыма назывался экинчи нишан, бёюк нишан («второй нишан», «большой нишан»). Большой нишан обычно составляли несколько отрезов на одежду, нарядные шелковые платки (в богатых семьях атлас, харашал, назмази), обувь (гырмызы чарык — чувяки из красного сафьяна, нарядные, вышитые башмаки сагры башмаг, купленные на дербентском рынке), ткани на одеяло, матрацы, подушки. Среди вещей находился и мешочек с хной, которая шла на окраску волос и ногтей невесты. Часть калыма, отправляемого женихом, составляли продукты: мешок муки, 7—11 кг масла, пуд риса, яйца, куры и т.д., а также обязательно баран, по возможности белый, на шее которого обычно завязывали красную косынку. Барана было принято посылать отдельно, уже накануне свадьбы. В некоторых сельских обществах эти дары жениха по-старому назывались ёлпули, а приобретенные на рынке вещи базарлыг.

Из продуктов, присланных из дома жениха, семья невесты готовила разные печенья, в том числе слоеные калачики шура гугал (100—200 штук), которые предназначались для свадебных подарков родне жениха.

После второго, большого нишана в доме невесты собирались ее близкие родственницы и родственницы жениха для кройки и шитья свадебного наряда невесты. Это называлось палтар-кесен («кройка одежды») и отмечалось как небольшая свадьба кичик той. Обряд кройки, как правило, символически, совершала представительница дома жениха: она брала один из отрезов на платье и делала с краю ткани надрез гайчи гоя, читая при этом молитву — одну из мусульманских формул — и высказывая

лучшие пожелания невесте. Затем, положив поверх этого отреза серебряный рубль, она отдавала все отрезы ткани другим женщинам уже действительно для кройки и шитья. Шитье одежды сопровождалось угощением. Подруги невесты нередко устраивали танцы, пели песни.

Таким образом, подготовка свадебных подарков со стороны жениха, составляющих, по существу, калым (иногда и кебин), их доставка в дом невесты, кройка и шитье свадебной одежды занимали период от сватовства до самой свадьбы. С момента, когда девушка считалась засватанной, семья жениха оказывала ей знаки внимания: периодически посылала подарки, редкие кушанья, мясо, фрукты. Если у родственников девушки бывала свадьба и засватанная выходила танцевать, со всех сторон ее окружала родня жениха, хлопала (даже нагнувшись к ногам) и устраивала в ее честь гьашабаш — широкое одаривание ее деньгами. Деньги либо «кидали» ей на голову во время танца, либо, чаще, передавали через мангуша (глашатая), тут же объявляя имя того, кто делал гъашабаш, сколько денег он дарит. Деньги брала сопровождавшая невесту родственница.

После большого нишана стороны начинали готовиться уже к свадьбе, назначали определенный день, как правило четверг (хамис гуьн), считавшийся в народе счастливым днем. В течение последних предсвадебных дней совершался религиозный обряд бракосочетания неках. Его еще называли кебин кесе. Обряд совершался ахундом или муллой с участием представителей сторон (по два представителя с каждой стороны), но без самих брачащихся. Акт заключения брака происходил при закрытых дверях, тайно, так как верили в то, что злые люди могут помешать браку, прибегнув к колдовству.

За день до свадьбы в доме невесты устраивали девичник гызлар геджеси. Об этом частично было уже сказано при описании встреч молодежи. Отметим лишь, что на девичнике присутствовали сама невеста, ее близкие подруги, приглашенные родственники жениха (сам же жених не должен был участвовать). Всех их угощали, они пели песни, танцевали, играли на музыкальных инструментах. Во время этого торжества в селении Зидьян, например, родня жениха составляла один ряд, а родня невесты — другой, располагаясь друг против друга. Стороны вступали в поэтический диалог.

Сторона жениха:

Биз бу гызы диндирмее гелмишик, Гызлар гедже кечирмее гелмишик.

Мы пришли, чтобы поговорить с девушкой, Мы пришли, чтобы провести девичник.

Или:

Биз Тебризе гедерик, Тебриз аты минерик —

Мы поедем в Тебриз, Сядем на тебризского коня. Биз бу гызы апарык, Верин гызы, верин гызы. Мы эту девушку заберем, Дайте девушку, дайте девушку.

Этим как бы подчеркивалось, что сторона жениха согласна выполнить любые условия, лишь бы заполучить невесту. Сторона невесты:

Бизин гызымыз адахлуду, Алхынасы яхылыпды. Кызыл уызуыг тахылыпды. Хали часын къутармая.

Дочка наша обручена.
Она уже покрасилась хной.
Она надела золотое кольцо.
Но пока она не завершит ткать
ковер

Биз сизе гыз вермерик.

Мы ее вам не отдадим.

Или:

Биз сизе гыз вермерик, Къыйык (палас) гутармая, Биз сизе гыз вермерик. Пока она не закончит Свой сумаг (палас), Мы вам девушку не выдадим.

Сторона жениха:

Къуда, гелмишик сизе, Гъуърмет эйлейин бизе. Бучагъажан сизе эди. Сабагъ арарак бизе. Мы пришли к вам как сваты, Окажите нам уважение. До сих пор она была у вас, Завтра мы ее заберем к нам.

Сторона невесты:

Гед, бажи, узатарам, Тахтуву безетерем Тахтув сене мубарек Гюль киби безетерем. Иди, сестра, я тебя проведу, Украшу твое ложе, Поздравлю тебя с ложем, Пусть оно будет как цветок.

Сестра жениха:

Гел, бажи, сегълугъы инен Гюль апар ягълугъы инен, Сени гелин ийлерик, Къардашын сагълугъу инен Къар ягыр, галын олар, Кёйчек гыз гелин олар

Шагай к нам с цветами, Мы принимаем тебя в невестки, На радость нашему брату. Снег идет беспрерывно, Красивая девушка становится невестой.

Иди, сестра, жизнерадостной,

Кёйчек гызын дердинден Яд углан дели олар. Любовь к красавице Сводит юношу с ума.

Подруги невесты:

Гандалач гаралыпдыр Ярпагы саралыпдыр Бурдан геден бажымын, Уъреги даралыпдыр. Плоды бузины почернели, Листья пожелтели, У уходящей от нас сестры Защемило сердце.

Песни сторон, особенно стороны невесты, содержали также шутки, юмор. Так, подруги невесты могли петь:

Пенджеремиз деринди, Су гоймагъа серинди.

Окно у нас высокое, Можно поставить воду, как на холодок. Бизин кёйчек гызымыз Яман ере гелинди⁵⁵. Наша красивая дочь Попадает в худое место.

Пели в этот вечер и лирические песни. Главным образом о любви.

Веселились молодые люди в гыз геджеси до поздней ночи, иногда даже до утра. Юноши играли на сазе, девушки — на бубне. В этот вечер две близкие подруги невесты уллу гызлар торжественно красили се голову и ногти хной. Жениху не полагалось присутствовать на «вечере девушек», но друзья иногда его приводили, нарядив в чабанскую одежду, в большую папаху под видом чабана-кунака.

В Дербенте предсвадебные торжества, а отчасти и сами свадьбы проходили совершенно по-иному. За два дня до свадьбы невесту водили в девичью баню гызлар гьамами; в богатых семьях для посздки туда нанимали фаэтон. Для этой цели семья жениха на целый день арендовала баню. Стены и пол ее отдельных помещений украшали коврами. Затем зажигали разноцветные свечи шам и старинные лампы с шаровидными абажурами шар лампа, или гарпуз лампа, из домов жениха и невесты приносили сладости, чай, фрукты. Невесту в баню сопровождали ее наставница енге, подруги, родственницы жениха. Принято было мыться в легкой нижней одежде. Подруги купали невесту и мылись сами. Перед тем как завершить обряд купания, на голову невесте торжественно выливали кружку кислого молока. Этим же молоком мочили свои косы и ее подруги, веря, что та, которая намажет больше волосы, скорее выйдет замуж.

Нарядив невесту в свадебный костюм и окружив ее со всех сторон, участницы церемонии пели ей величальные песни:

Ай чини — чини гелин, Чини гюгерчин гелин Гелинлер арасында, Гъамындан кёйчек гелин Анам-баджым — гыз гелин; Эли-аягъы дюз, гелин. Едди угъул истерем Бирдже дана гыз, гелин.

Нежная, как фарфор, невеста, Похожая на голубку. Среди всех невест Самая красивая невеста. Сестра моя, мать моя, невеста, Руки, ноги безупречные, невеста, Хотим, чтобы ты имела Семерых сыновей и одну дочь.

Пели и другие песни. Танцевали обычно под бубен, или отбивая ритм на перевернутом тазе, или просто хлопая в ладоши.

Здесь, в Дербенте, на второй день устраивали хна геджеси («вечер хны»), который напоминал гызлар геджеси в сельской местности. По этому случаю также собирались подруги невесты, родственницы жениха, иногда приглашались и музыканты. Пели песни, танцевали, угощались легкой едой, в основном сладостями и чаем. Сторона жениха шла в дом невесты с подарками от жениха. Она же приносила хну, сладости, свечи и некоторыс подарки. Девушки наряжали подругу в свадебную одежду, сшитую из тканей, присланных женихом, и в таком убранстве

приводили в общую комнату, где играли и пели приглашенные музыканты и певицы.

Певец, играя на бубне, обычно мог петь:

Гъаджа гедер гъаджиларын гъаджысы, Ширин олар аджыларын аджысы. Бизе халат версин угълан баджысы Ай гыз, сенин тоюнг муъбарек олсун!

В паломничество отправится настоящий хаджи, Самое горькое иногда покажется сладким, Пусть нам преподнесет халат сестра жениха, Да будет счастливой свадьба твоя, девушка!

Певец повторял эти слова, называя по очереди и других родственниц, которые могли вознаградить его и музыкантов. Все присутствующие женщины делали им подарки (шарфами, носовыми платками, деньгами и т.д.). Когда посторонние расходились и оставался лишь узкий круг родственниц, девушки красили хной голову, пальцы невесты и ее подруг и пели:

Ай гелин, джан, гелин! Тоюнг муьбарек, гелин! Агь эллере алван хна, Яхдынг, муьбарек, гелин! Ай, невеста, дорогая невеста! Со свадьбой тебя, невеста! Ты покрыла белые руки алой хной, Со свадьбой тебя, невеста!

Один из вариантов старой свадьбы в Дербенте хорошо описал Э.Эйхвальд (первая половина XIX в.). Приведем текст его ценного и сегодня наблюдения. Ритуал описан довольно подробно. хотя не для всех горожан он был обычен: «У дербентских татар существовали некоторые своеобразные свадебные обычаи. Если отец видит своего сына выросшим, зрелым юношей, то мать отправляется в знакомые ей дома в поисках невесты. Если одна из дочерей этих домов ей понравится, то она поручает отцу сказать сыну, что он подыскал для него невесту. За это сын, конечно, должен благодарить отца, так как далее он более не имеет свободы выбора. В случае, если сын находится в плохих отношениях с отцом невесты, он просит своего отца найти ему другую невесту, но это бывает крайне редко. Если же он согласен с отцом, то посылает одного из друзей сватом к отцу невесты, которого об этом предварительно извещает. Сват стоит перед воротами, во дворе появляется невеста; татарин сватает ее за своего друга. Она отвечает: "Я согласна, если того желает мой отец, захочет он бросить меня в костер, я должна повиноваться". Затем татарин идет к отцу и договаривается о (калыме) цене за невесту, так как жених должен сначала выкупить у отца свою избранницу за 500 дукатов, иногда больше этой суммы, иногда меньше. После договоренности о цене жених и невеста засватаны. Жених не должен, однако, видеть свою невесту, если даже он будет 5 или 10 лет ее женихом. Но он обязан содержать ее, одаривать подарками, при этом не бывать в ее доме и даже не проходить рядом. А в случае, если он позднее откажется от нес, то заплаченные за нее деньги и все подарки будут для него потеряны. В Персии³⁴ большой доход получают те, у кого много дочерей, только они одни могут содержать родителей, так как за них платят большой калым.

Вечером за день перед свадьбой невесту закутывают покрывалом и несколько женщин ведут ее в баню, чаще на осле (осел в Дербенте обычное вьючное животное). В бане все тело³⁵ ее окрашивают в красный цвет — любимый у персов. Эта вечеринка перед свадьбой — большой праздник.

На следующий день, в первой половине дня, заключается брак (опять-таки жених не видит невесту). Все это происходит в доме невесты. Вечером приход невесты в дом жениха — большой праздник, как и за день до этого вечеринка.

Мы сами присутствовали на таком празднике: я и моя жена. Это было в доме жениха часов в 10 вечера. Мы поднялись по каменной лестнице и увидели пожилых мужчин, которые были заняты молитвой. Моя жена прошла в женскую комнату, а я должен был подняться еще наверх по узкой лестнице, которая привсла меня в маленькую комнату, где хозяин радушно встретил и пригласил сесть.

Рядом сидели два русских офицера, грузин и татарин, и еще здесь был один армянин — переводчик. Заиграла музыка. Играли два музыканта: один на барабане, другой на флейте. Тот, что был с барабаном, прыгал по комнате, как заяц, получая время от времени пинок от перса, который тоже здесь находился, и делал все возможное, чтобы развеселить присутствующих. Это были свадебные танцы и музыка.

Отсюда меня повели в комнату жениха, которая была очень красиво убрана. Тут на полу лежали роскошные ковры, мягкие подушки по сторонам маленькой и низкой комнатки. Оконные занавеси — турецкие шали были вышиты золотом, большое количество зеркал, наверху на полке фарфоровая посуда. Здесь сидел богато одетый жених, лет девятнадцати, его кафтан сверкал золотом и серебром, остальные вещи на нем были из прекрасного шелка. Он сидел рядом с отцом, спокойный, погруженный в свои мысли. Только с позволения отца он мог говорить, что вообще бывает очень редко. Мне он вовсе не отвечал, поскольку в присутствии отца не решался произнести ни слова. Как только отец вышел, лицо его оживилось, он заговорил весело с двумя своими друзьями, закурил трубку, которую сразу же отложил при появлении отца. В присутствии отца он сегодня не должен был даже есть.

Нам принесли ужин, жена моя тоже была приглашена, так как татарки не должны были есть.

Нам часто приходилось попадать на богатые ужины и обеды, однако здесь весь свадебный ужин состоял из одного блюда — персидского плова (вареный рис с бараньим мясом). К нему был подан соус (жирный соус). Гости ели руками (пальцами) по-

персидски, нам же дали маленькие деревянные ложки. После еды каждому дали выпить вина из чайной чашки. Поужинав, жена моя ушла к татарским женщинам посмотреть, как они танцуют. Сначала танцевали две девочки, и танец они исполняли не столько ногами, сколько руками и головой. Это был даже не танец, а игра-пантомима. При этом равномерно звучали удары турецкого барабана. Выходили все новые и новые танцовщицы, показывали свое искусство танца.

Вскоре многие мужчины отправились за невестой, так как она все еще находилась в родительском доме.

Две подруги сопровождают ее из дома. Как только она приближается к дому жениха, он незаметно покидает общество и уединяется в комнате, где позже встретит невесту. Невесту же приводят в покои (невесты), где ее встречают женщины. Комната эта так же богато убрана, как и комната жениха. Женщины окружают невесту в этой маленькой комнате. Невеста (не старше 15 лет), закутанная с головы до ног в покрывало, неподвижно стоит у стены. Она очень богато наряжена, ее покрывало, так же как и другие вещи и даже рубашка, сшито из тончайшего шелка и отделано золотом. На голове серебряная пряжка, придерживающая покрывало, на груди алмазы и драгоценные камни. С нее снимают драгоценности, стараясь оставить лицо закрытым.

Сегодня ночью, после раздевания, она впервые увидит жениха. Три дня проведут они вдвоем, запертые в комнате, еду им будут приносить. На третий день последнее празднество показ невесты. Собираются женщины часов в 11 в доме молодоженов. С невесты снимают покрывало.

Отец жениха еще долгое время не видит невесту. Он увидит ее тогда, когда пригласит ее с сыном к себе. При этом молодая жена не смеет разговаривать сама, а коротко отвечает на вопросы: "Да" или "Нет". Все это объясняется ревностью, которая здесь велика, долгое время длится установление отношений между нею и свекром» ³⁶.

Возвращаясь к нашей теме, отметим, что утром (после девичника на селе и «вечера хны» в Дербенте) начиналась свадьба в доме жениха — большая, в доме невесты — более скромная. На свадьбу приглашались все родственники, друзья, соседи. В дом жениха, а иногда и невесты приглашались музыканты и певцы. Особенно многолюдно устраивались сельские свадьбы.

Основными музыкальными инструментами на азербайджанской свадьбе были две зурны и барабан. На некоторых свадьбах играли также на кеманче, сазе, дэфе и др. Не все сельские общества имели своих музыкантов и певцов. В таких случаях приглашали их из селений Бильгади, Дюбек, Ерси и др., где жили прославленные музыканты и певцы. Свадьба шла обычно два дня, но наиболее ярко она проходила с утра до вечера второго дня, когда к дому жениха стекался народ. Большое

место на свадьбе занимали танцы. Играли самые различные танцевальные мелодии: агъыр гьава, узун дере (медленные, плавные танцы), къайтагъы — быстрый танец (один из видов лезгинки), шалаху, джейраны, къазахи и др.

Свадебным весельем в доме жениха руководил один из почитаемых, авторитетных людей, остроумный человек, хорощо знающий обычаи и нравы своего народа. В одних аудах он именовался тамадой, в других — ханом или даже шахом. Нередко вместо одного тамады за длинный стол сажали целую группу (человек семь-восемь) почетных гостей, именуя их шахами шахлар или ханами ханлар. Хан или шах имел пвух помощников — нукеров, а также чауща (глашатая) и так называемого джаллата (палача). Кроме того, около хана восседал дилмадж (переводчик), через которого он «общался с народом». Нукеры помогали хану осуществлять свои «полномочия», «палач» наказывал «неугодных» ему людей, «нарушавших» порядок на торжествах (не исключалось даже телесное «наказание» — символические палочные удары по спине). Хан наказывал даже жениха. Его, например, могли специально вывести, закрыть зимой в холодном помещении без верхней теплой одежды. Бывали случаи (в селении Ерси), когда по воле хана «виновному» жениху строили домик из снега — кума и сажали его туда часа на два. Освобождая того или иного от наказания, тамада мог «виновному» приказать, чтобы он взамен привел живого барана или принес поднос с различными яствами и т.д. Особое место среди свадебных персонажей занимал чауш. Большой шутник, умеющий развлекать и забавлять гостей. создавать на свадьбе комедийные ситуации, чауш в то же время являлся деловым, внушающим доверие человеком. В число свадебных персонажей входили и два друга жениха — гиев гардашлары (в Дербенте — согдаш и солдаш). Один из них должен был быть постарше жениха и женатый, а другой — молодой и холостой. Старший постоянно находился при женихе (в дни свадьбы он именовался бег, т.е. князь), он охранял жениха, ибо того могли «украсть», оштрафовать, снять шапку и даже побить. Младший же выполнял разные поручения, приглашал джамаат на свальбу и т.л.

Для увеселения публики на сельских свадьбах выступали и ряженые и шуты *оюн обазлар*. Они надевали на себя большие шубы, большие папахи, войлочные маски и т.д.

Хан или шах со своими нукерами и переводчиком занимал на свадьбе самое почетное место, которое украшали коврами. Для них ставили большой стол, рядом укрепляли ветку или крону небольшого дерева шахтабагь, убранную разноцветными шелковыми платками келагай азербайджанского производства, сладостями, фруктами и т.д. По обычаю, такое «деревце» охранял джаллат («палач»). Если кто осмеливался снять с шехтабагьа что-нибудь из яств (а это устраивали специально), то

его ловили и подвергали штрафу. Один за другим на ханский стол доставлялись подносы от родственниц жениха с разными кушаньями и напитками. Бозбаш и плов ставили на стол и из свадебных котлов, одинаково угощали всех участников торжества. Хану должен был прислуживать самый уважаемый человек.

Как мы уже отмечали выше, большое место на свадьбе занимали танцы. На сельской свадьбе были обычны парные танцы — танцевали юноши с девушками. Причем танцевать с тем или иным парнем (часто выполняя особые поручения юношей) девушку приглашал чауш с помощью специальной палочки. Через чауша юноши передавали девушкам деньги (знак внимания). Получив от танцора деньги, чауш объявлял, что такой-то сделал ашабаш такой-то девушке в такой-то сумме, и передавал ей эти деньги либо через сидящую рядом с ней женщину, либо сам тут же завязывал эти деньги в угол ее платка.

В Дербенте свадебные увеселения женщин и мужчин проходили в отдельных помещениях. Мужчины танцевали с мужчинами попарно или в одиночку, женщины — с женщинами, что, по всей вероятности, объясняется более устойчивым сохранением здесь пережитков замкнутого патриархально-феодального быта мусульманского Востока. Свадьба в доме жениха в городе называлась углан тойы, а в доме невесты — гыз тойы. Женщины приходили на той в чадрах и, только устроившись в помещении, снимали их³⁷.

На многие городские и сельские свадьбы, как было сказано выше, приглашались певцы-ашуги, и своими ашугами славились особенно Бильгади и Ерси. Их также приглашали из Кубы. В своих выступлениях ашуги использовали и собственные сочинения, и произведения поэтов. Многие из них хорошо знали такие достаны, как «Шах Исмаил», «Аслы ве Керем», «Кёр оглы» и др. Нередко слушатели сами заказывали спеть и свои любимые песни из ашугской поэзии.

В разгар свадебного торжества, в одних местах под вечер, в других — еще позже, почти все участники свадьбы вместе с музыкантами отправлялись за невестой (в сельской местности обычно женщины пешком, мужчины — на лошадях). Для невесты была приготовлена арба с высоким плетеным навесом йылдырах, сверху покрытым ковром. В селении Рукель в свадебную арбу волов не запрягали, а ее тянули два молодых родственника жениха. Таким же образом они везли арбу и на обратном пути, посадив «туда невесту» и двух представителей ее дома — наставницу и «возницу» джилавдара (мальчика лет 8—10). В доме невесты, пока ее неторопливо наряжали в свадебную одежду, укутывали в покрывало, завязывали поясомплатком, женщины, пришедшие за ней, а также ее подруги пели

в ее честь свадебные песни. Здесь же высказывались наказы в адрес семьи жениха. Начинали обычно посланцы жениха:

Гелинин адамлары Кызылгюле долансын. Къудалара гелмишик. Аягымыз ярашсын. Мал алмагьа гелмишик, Шал алмагъа гелмишик Тез-тез олун, гудалар,

Къызы апармагьа гелмишик Биз гелминик геджеди, Сагъатыныз нечеди? Угълан хабар алады,

Гелин ханым неджеди? Атлар егъерленипди, Минмагъын истееди Къыз атасын эвинлен

Кёчмегин истееди Эвлери даш уьстеди,

Гелин къумач уьстеди. Сиз бизе тапшурмайын,

Гьеледе баш уьстеди.

Родственники невесты Пусть будут подобны розе. Мы пришли в дом сватов,

Пусть наш приход будет в добрый час.

Мы пришли за добром, Пришли за платками. Поторопитесь, сваты!

Мы пришли забрать девушку.

Мы пришли ночью, Посмотрите, который час. Парень спрашивает:

Как себя чувствует ханым-невеста?

Кони оседланы. Ждут всадников.

Девушка из отцовского дома

Хочет перебраться. Дом жениха на скале,

Невеста будет восседать в богатстве.

Не стоит нас просить,

Собирайтесь, вся родня,

Льется вода из желобов.

Не торопись, дорогой юноша.

Иди, сестра, проведу тебя.

Уберу твое свадебное ложе.

Невеста уже отправляется в путь.

Не давайте ее увезти.

Запрягаются арбы,

И так она всеми нами уважаема.

Сторона невесты в ответ пела:

Гелдилер апармагьа, Уъреклер къупармагъа,

Пришли, чтобы увести девушку, Пришли, чтобы вырвать ее из наших сердец,

Йыгъилын, къавум-къардаш! Къоймайын апармагьа. Арабалар къоща вар, Навурчалар дашавар. Телесме, джаван угълан, Гелин ёла дуьше вар. Гед бажим, узатырам Тахтуву безетирем

Тахтув сене мюбарек, Ай кимик узатырам. Истеканын агь олсун Ичи долу ягь олсун. Сенки геден гедесен,

Сенин узун агь олсун. Сизин угълан, бизин къыз, Бири ай, бири улдуз.

Угълана хабар верин Элинде гюль, гелир къыз. Гёг ерлер, гёгем ерлер,

Гёгерсин гёгем ерлер. Сенден ядигар къалсын, Аягьын деген ерлер.

Поздравлю тебя с ложем, Провожу, как луну. Пусть чиста будет твоя чаша. Пусть она будет полна масла. Раз уже ты уходишь. Пусть удачной будет твоя жизнь. Ваш сын, наша дочь. Один — месяц, другая — звезда. Сообщите юноше: Идет к нему девушка с цветком в руке. Зеленые поляны, зеленые луга, Пусть зеленеют зеленые луга.

Пусть на память от тебя останутся

Места, где ступали твои ноги.

Давая наказ родне жениха, подруги пели:

Чайдаки билав дашлар, Гёзлерден ахар яшлар. Бажими яхшы сахлайын, Речные камни.

Из глаз моих текут слезы. Позаботьтесь о моей сестре. Янындаки ёлдашлар. Гелини инжитмейин Инжитлиги дюзельмейин. Элине суьбуьрке верип, Гьаяты сулпуьртмейин.

Ее окружающие друзья. Не мучайте невесту, Не умножайте ее беспокойство. Не заставляйте подметать

Веником двор.

Как мы уже отмечали, не все песни, исполняемые во время этой встречи двух сторон, были величальными или хвалебными, содержали пожелания. Пели и шуточные песни с насмешками в адрес друг друга:

А бажи, гетме бизден, Сестра, не покидай нас, Къар ягъыр дагъдан, дуьзден, Ильчинин бойну сынсын Сени айыран бизден. Яслугь уьзи къмомызы. Сиз не таныдыз бизи? Гиявун адамлары. Гьамысы итин къызы. Ягънш ягъды, сюпюрюн,

Снег сыплет с гор и долин. Пусть сломает себе шею сваха, Которая разлучает нас с тобой. Наволочка красная. Как вы узнали нас? Все подственницы жениха --

Собачьи дочери. Дождь пошел, подметите

Агь эвлерин дамларын. Крыши белых домов, Ахур уьсте багьлайын, Привяжите всех родственников жениха

Гиявун адамларын. К кормушке для скота.

Бывало, что для сатирических песен даже приглашали острословов со стороны.

Бичующая ирония чаще всего направлялась против матери жениха. Ее девушки считали основной виновницей разлуки невесты с подругами:

Атылды, Гюлгёз³⁸ Къара къуртдур, Гюлгёз Эве къонагь геленде Малкамутдур, Гюлгёз Ашагьа югур, юхары югур, Хемирин итлер ийсин Генеде югьур, Гюлгёз³⁹.

Спрыгнула Гюлгёз, Черный волк, Гюлгёз. Когда гость приходит в дом, Ведьмой выглядит Гюлгёз. Беги вниз, беги вверх, Пусть твое тесто съедят собаки. Заново замеси, Гюлгёз.

Так пели ерсинские девушки — подруги невесты о ее свекрови. Подруги не забывали задеть и жениха невесты:

Къыз, сени, къынча сени, Сыгъарлар кюнче сени. О кюнчдеки шахмар илан, Къурхарык, санджар сени. Тебя, девушка, молоденькую, Поставят в угол тебя. Находящаяся там гюрза, Боимся, ужалит тебя.

В некоторых селениях (Бильгади, Гимейди, Кемах и др.) братья не разрешали увозить сестру, пока не получали от шафера жениха вознаграждения къазагьлугъ. В селении же Зидьян был обычай, согласно которому послы жениха должны были выдержать испытание: сбить с высокого дерева камышовую палочку гьавакъ своим оружием.

Девушка часто рыдала, думая о расставании с родительским домом, особенно если она выходила за нелюбимого. Подруги старались ее успокоить:

Артувда диба дюшек, Утстювде хара юргьан. Янувда джаван угълан. Ягълама, къыз, ягълама.

Под тобой будет матрас из парчи, Укроешься шелковым одеялом. Рядом с тобой будет джигит, Не плачь, девушка, не плачь.

Обычно невесту выводил из дома и сажал на арбу дядя по материнской линии или по отцу. Перед этим он совершал обряд эль чекен, или башына эль вуран (т.е. гладил рукой по голове) и говорил напутственное слово: «Дочка, будь счастлива и радостна».

В селении Ерси одна из старших родственниц перед проводами невесты брала чурек и разламывала его на две части в знак ее ухода из родной семьи — айрулугъ и, обращаясь к новобрачной, высказывала пожелания счастья в новой семье. Не забывала она и о пожелании иметь сыновей и дочерей.

Отметим, что обряд разламывания чурека, символизирующий уход из дома, от родного очага, одного из членов семьи, совершался и при выделении женатого сына, когда он становился на самостоятельное веление хозяйства.

Невесту выводили из дома в свадебном наряде, закрыв лицо вуалью или тонким шелковым платком дувагъ красного или белого цвета, но перед этим енге допускала к невесте послов жениха, требуя выкупа къапы кесен пули в размере 2—3 рублей. В одних селениях выводить невесту из помещения и сажать ее на арбу, держа с двух сторон, было обязанностью братьев, а в других — обязанностью послов жениха. С невестой же на арбе, как уже говорилось, устраивалась сопровождающая ее енге — наставница, тетя или другая замужняя женшина. На этой же арбе ехал и джилавдар, роль его заключалась в получении подарка в доме жениха. Из девушек невесту сопровождали две старшие из них — уллу къызлар, а на других арбах остальные подруги (в ряде селений из ее подруг никто не сопровождал). На специальную арбу складывали все приданое невесты: ковры, постель, посуду и другую утварь — словом все, что могло пригодиться ей в новом хозяйстве. Иногда невеста оставляла родителям пустой дом. В народе существовало даже такое изречение:

Эв сюпюрюп хали серер угълан анасы,

С женитьбой сына имущество приобретает мать юноши, С сожалением смотрит вслед

Далынжа баха къалар къызын анасы.

С сожалением смотрит вслед невесте мать дочери.

Если невеста переезжала в другой аул, молодежь ее села преграждала дорогу *ёл кесе* и требовала «выкуп». Откупался,

причем обычно разными печеньями, жареными курами, шафер жениха гиев къардашы или кто-то из его родственников.

Свадебное шествие и по пути в дом жениха сопровождалось музыкой, танцами, песнями. Мужчины ехали на лошадях, женщины шли за арбой невесты, рядом с музыкантами. С приближением поезда невесты к дому жениха свадебная суета еще более усиливалась. Все выходили встречать невесту. Тут же родственницы жениха пели песни в честь невесты:

Хош гелдин, бизин гелин. Иймели уьзюм, гелин. Сене гюмюш ярашмаз, Тахарик къызыл гелин. Бу эвлер узун олсун Асылып уъзюм олсун. Бунда гелен гелиннин Оьморю узун олсун.

Добро пожаловать, наша невеста, Достойная есть виноград, невеста. Серебро тебе не подойдет, Украсим тебя золотом. Пусть эти дома будут длинными, Пусть виноградники богато распустятся. У невесты, пришедшей сюда, Пусть жизнь будет долгой.

Однако не все песни были дружественными. Иногда в них сторона жениха задевала родственниц невесты, особенно ее наставницу енге:

Гелин гелди, тюнюрюн, Донгуз башы биширин. Енге ондан иймесе, Вуруп башын дюшюрюн. Прибыла невеста, помогите ей сойти, Сварите голову кабана (для енге), Если енге не поест, Отрубите ей голову.

Нередко высмеивали и семью невесты за то, что она взяла большой калым, сама же снабдила невесту бедным приданым.

Приглашать невесту в дом выходил отец жениха или другой какой-то близкий родственник. Но енге и джилавдар не разрешали ей сойти с арбы, пока они не получали вознаграждения енге пайы (в одних местах) или джилавдар пайы (в других). В дом, в специальную комнату гелин эв, невесту вели уже мать, сестры и другие родственницы жениха. Сохранялся старый обычай скотоводческих народов, согласно которому перед невестой, как и перед любым дорогим гостем, клали баранью шкуру. Случалось, что у дверей комнаты невесты клали буйволиную шкуру. Это символизировало пожелание ей обеспеченной жизни.

В знак пожелания хорошей, обеспеченной жизни совершался и такой обряд. Мать жениха окунала палец в мед, а затем совала его невесте в рот. Если она вовремя не успевала это сделать, подруги невесты в шутку начинали петь:

Гелин гелди, бал бармагы гелмеди, Къайын анасы яман олды, вермеди. Невеста прибыла, но пальца с медом не было. Свекровь плохая, не исполнила этот обряд.

Невеста, в свою очередь, обычно везла с собой из дома графин с подслащенной водой *щербетом*, который должны были попробовать все родственницы жениха. По представлению

народа, это способствовало установлению добрых отношений между молодой и семьей ее мужа.

Невесту в доме жениха устраивали в углу комнаты кюндж, за занавеской, с ней рядом должна была находиться и енге, причем все время стоять. Если енге позволяла себе сесть, то ее штрафовали; в таких случаях она откупалась сладостями.

Через некоторое время невесту выводили во двор танцевать. По традиции сперва с ней танцевал брат жениха, потом другие родственники, сменяя друг друга. Все родственники дарили ей деньги. Это называлось гелине ашабаш. Кое-кто из родственников выходил в круг не танцевать, а дать невесте деньги. Невеста танцевала с закрытым лицом, в дуваге. Принято было выводить танцевать и родителей жениха — отца и мать вместе. В селении Мугарты в шутку во время танца обычно ставили на спину матери корзину для навоза. Этот акт символизировал, что с приходом невесты участь ее будет нелегкой.

Вслед за невестой из ее дома на свадьбу посылали на подносе специально сшитый для жениха наряд. Прежде чем вручить его жениху, представительница невесты выходила в круг танцевать с подносом, а после демонстрации наряда отправлялась в тот дом гиев сохлаян эв, где на время свадьбы остановился жених. Там друзья наряжали жениха (надевали на него бешмет, черкеску, сапоги и т.д.) и таким образом одетого вечером приводили к невесте. В селениях Ерси, Зиль и др. жених должен был танцевать, прежде чем войти к невесте. Во время танца все родственники дарили деньги и ему, причем принято было опускать их через ворот рубахи. Отметим, что одаривание жениха свадебной одеждой было характерно и для ряда других народов Дагестана⁴⁰.

Как мы уже упомянули выше, на большие свадьбы приглашались певцы-ашуги. Они выступали как непосредственно на свадьбе, так и в кругу жениха, который поселялся в другом доме⁴¹ на два-три дня. Хозяин дома (дядя, зять, друг) для друзей жениха устраивал богатое угощение. Ашуги играли на сазе и пели любимые народные песни. В своих стихах они высказывали лучшие пожелания жениху, его семье, поздравляли с браком. Этот акт назывался гиев безетмек (возносит хвалу жениху). Традиционная часть стихотворного обращения к жениху на свадьбе обычно включала в себя следующие строки:

Гияв, сенин тахтын мюбарек олсун,

Сен оласан едди угъул атасы.

Чагъыр, гелсин, бу гиявун атасын, Атасы гёрмесин угъул ярасын.

Чагъыр, гелсин, бу гиявун анасын, Анасы гёрмесин угъул гарасын. Жених, да будет благословенным твой тахт⁴², Чтобы ты стал отцом семерых сыновей. Пригласите сюда отца жениха, Пусть отец никогда не увидит несчастья сына. Пригласите сюда мать жениха, Пусть мать никогда не наденет траур по сыну.

Чагъыр, гелсин, бу гиявун бажысын, Бажысы гёрмесин гардаш ажысын. Гияв, сенин тахтын муьбарак олсун Элин, обан, дос-къардашын вар

Пусть она никогда не увидит горя брата. Жених, да будет счастливым твой тахт,

Пригласите сюла сестру жениха,

Пусть будут счастливы твой народ, твой очаг, твоя родня.

Ашуги не только пели свои песни, а также песни других певцов, но и вступали между собой в поэтическое состязание, задавали друг другу сложные загадки. Кто не мог их разгадать, признавал себя побежденным и уступал свой музыкальный инструмент саз победителю.

Большое место в свадебном церемониале занимали денежные и вещевые сборы. Все гости шли на свальбу с подарками. Близкие родственники, как правило, брали на себя часть расходов по организации свадебного торжества (доставляли муку, рис, масло, овец для убоя), принимали у себя часть гостей из других аулов. Заранее определялось, кто из родственников и сколько человек будет устраивать у себя на ночь. Таких родственников называли гонак сахлаянлар («те, у кого гости останавливаются»). Гости, особенно родственники, дарили деньги невесте, когда она танцевала, музыкантам, приглашенным на свадьбу, и даже жениху. Кульминационным моментом торжества в доме, где останавливался жених, в обществах магала Терекеме, например, была традиционная церемония одаривания жениха деньгами. Обычно в комнате, где находился жених, один из родственников держал поднос, на который все присутствовавшие бросали деньги для жениха. Эту церемонию обычно начинала родная сестра жениха, которая его обнимала, а потом передавала определенную сумму денег. За нею следовали другие родственники в зависимости от степени родства и материальных возможностей. Этот обряд завершался танцем жениха, который назывался гиев ойнатан.

Поздно ночью жениха, одетого в костюм, присланный из дома невесты, его шафер приводил к невесте. И здесь не обходилось без платежа: жених за право войти к невесте должен был дать деньги — тахт пули в размере 3—5 руб. Но перед этим в некоторых местах мать жениха приходила к невесте и совершала обряд дуваг ачан (поднятия лицевого платочка и одаривания ее деньгами). Жених же при своем появлении совсем снимал с невесты этот лицевой платок дуваг, а также специальный «пояс» или треугольный платок, который завязывали поверх ее брачного костюма.

В Дербенте существовал обычай, согласно которому жених при встрече с новобрачной наступал ей на правую ногу. По мнению информаторов, это делалось с целью вызвать невесту на разговор. Нам же кажется, что этот обряд символизировал утверждение власти молодого мужа над женой, точно так же

как он в момент приближения невесты к воротам специально поднимался на высокий навес и таким образом оказывался выше своей будущей жены. Это напоминает нам сохранившийся до недавнего времени в ряде лезгинских селений обычай, согласно которому новобрачные в эту ночь старались (как он, так и она) положить свой головной убор (папаху, платок) поверх головного убора другого (другой).

После первой брачной ночи в свадебную комнату с поздравлениями приходили друзья жениха, которых он должен был щедро угощать, но уже тем, что привезла в своем сундуке молодая (куры, слоеные чурски, халва и т.д.). Если же друзья замечали скупость у своего товарища, они его штрафовали. И здесь не обходилось без одаривания новобрачных. Каждый, кто угощался из сундука невесты, должен был положить на поднос деньги. Этот обычай назывался гиев пайы («пай новобрачного»).

Утром, на третий день свадьбы, для невесты совершался обряд уьз ачан («открывание лица»), а вслед за ним обряд приглашения ее в общую семейную комнату. Там ей открывали лицо перед родней мужа. Молодая брызгала им на руки, особенно свекру, розовую воду, одеколон или духи. Все одаривали ее деньгами, отрезами, платками, а самые близкие — скотом, садовыми деревьями и т.д.

С обрядом открывания лица и одариванием деньгами был связан и обычай открывания сундука молодой и раздача подарков джегиз родне мужа. Эту функцию выполняла енге — представительница дома молодой.

Подарками служили новые платки, чайные полотенца, шелковые плетеные гашники, мелкие переметные сумки, кисеты для табака, бухчи для женских мелочей, детские шапочки из дорогих тканей и т.д. При раздаче подарков енге учитывала степень родства, характер и объем услуг со стороны членов родственной группы жениха и т.д. Раздачу подарков енге нередко поручала свекрови молодой, поскольку та лучше знала участие каждой семьи своих родственников в свадебном торжестве, но даже в этом случае енге должна была лично выделить самый большой подарок домашним.

Важным этапом брачной церемонии и приобщения молодой к хозяйственной жизни в доме мужа был и вывод ее за водой сува чыхаран, в одних местах через неделю (Гимейди, Кемах), в других — через два-три месяца после свадьбы (Хучни, Рукель, Бильгади и др.). Молодая жена в своем свадебном наряде шла в сопровождении родственниц мужа. У источника жительницы Хучни, например, соблюдали такой обряд: одна из подруг молодой наполняла кувшинчик водой и выливала ее на ноги новобрачной. В этот момент все участники церемониала громко кричали: «Етти угълан, етти къыз» («Семеро сыновей, семеро дочерей»), а затем восклицали: «Амин». Это было пожелание в адрес молодой иметь много детей. При этом не было ни музыки.

ни песен, ни танцев. Старшая родственница от имени новобрачной раздавала всем участницам шествия и встречным сладости (конфеты, кишмиш и др.) и слоеные чуреки. Только после такого торжественного вывода за водой молодая имела право показываться людям на улице, общаться с посторонними, хотя и в крайних случаях. Свекровь учила невестку, с кем и в какой степени надо соблюдать обычай избегания, перед кем можно ходить открыто, не прикрывая лицо платком, а перед кем нельзя.

Последним, пожалуй, актом, связанным с заключением брака, являлось первое посещение молодой женщиной дома своих родителей. Инициатива приглашения в данном случае исходила от ее родителей. Вместе с дочерью приглашались и свекровь, сноха и др. Свекровь при этом должна была готовить для дома родителей невесты соответствующие подарки. Отец молодой, в свою очередь, делал дочери по возможности большой подарок корову или телку, овцу, в предгорных селениях — фруктовое дерево.

Обычая какое-то время оставаться в доме родителей не было, молодая в тот же день вместе со всеми возвращалась в дом мужа. А вот в селении Хучни дочь могла погостить у родителей четыре-пять дней. За это время ее приглашали погостить и другие ее родственники.

Семья мужа старалась как можно быстрее приобщить молодую к существующим в доме порядкам, к трудовой деятельности. Азербайджанцы руководствовались народной мудростью: «Ушагьы къуннагьдан, гелини дувагьдан» («Ребенка надо приучать к порядкам, воспитывать с пеленок, невестку — когда она еще в брачном покрывале»).

Существует предание относительно одного анекдотического случая о приобщении невестки к семейным порядкам и работе. Привели невестку в дом. Родители юноши видят, что она сидит сложа руки, не участвует в домашних делах. Старики думали, думали и придумали: на виду молодой отец вышел подметать двор, вслед за ним вышла мать и инсценировала попытку отнять у мужа веник, ссылаясь на то, что это не мужская работа. Пока они «спорили», кому эту работу делать, с верхнего этажа показалась молодая и сказала старикам: «Не спорьте, вы мне мешаете отдыхать. Я сейчас установлю между вами очередь: один день ты будешь подметать, - сказала она, показав рукой на отца, — а другой день ты», — обращаясь к матери. Так семья ничему и не научила жену сына, которая не собиралась участвовать в хозяйственных делах семьи мужа. Когда сноха неаккуратна, неповоротлива, азербайджанцы говорят: «Гелин дурды, дам йыхды» («Сноха встала с места и крышу развалила»).

В доме мужа молодая должна была, согласно обычаю, соблюдать многочисленные ограничения и запреты. Среди них

важное место занимали ограничения, известные в специальной литературе под названием обычаев избегания гизленмек («прятаться»). Например, молодая женщина перед старшими в течение нескольких лет должна была закрывать платком рот и нос яшмаг вуруп, низко опускать платок на лоб, по существу оставляя открытыми лишь глаза. Среди этих ограничений особое место занимал запрет непосредственного обращения к свекру и к свекрови. Такое могло продолжаться до самой их смерти. Молодая без особой надобности не должна была обращаться к другим старшим родственникам с вопросами, а на их вопросы ей следовало отвечать лаконично, стараться меньше попадаться им на глаза. Молодой же муж прекращал избегать родственников жены через два-три месяца.

Представляет интерес порядок, согласно которому молодой муж после брачной ночи должен был неотлучно сидеть в своей свадебной комнате рядом с женой в течение двух-трех дней. Данный обряд в народе объясняют якобы знаком внимания к старшим. Нам думается, что этот обычай несколько иного происхождения, а может быть, это «отсиживание» было связано со страхом жениха перед сверстниками, имевшими некогда право претендовать на руку его избранницы 43. С историей ранних форм брака, пожалуй, связан и обычай, согласно которому новобрачная в течение трех дней пользовалась пищей, которую ей специально доставляли из родительского дома. В общей связи с отношениями с родительским домом, т.е. пережитками ранних форм брака, с матрилокальным брачным поселением мы склонны рассматривать и обряжение жениха в одеяние, приготовленное в доме невесты. В целом в свадебных обычаях и обрядах азербайджанцев Лагестана в изучаемое время сохранялось немало интересных явлений, уходящих своими корнями в древнейшие пласты истории семьи и брака и в той или иной мере проливающих свет на многовековой путь их эволюции.

Обычаи и обряды, связанные с рождением и воспитанием детей

Одним из больших и важных событий в семье азербайджанца было рождение ребенка. Радуясь этому, в семье всегда вспоминали пословицы: «Эвимин ярашыгьы ушаг, сюфремин ярашыгьы гонак» («Украшение моего дома — ребенок, украшение моего стола — гость»); «Девлетде деве ширин, эвлетде неве ширин» («В богатстве ценен верблюд, в семье — внук»). Многодетность рассматривалась как признак семейного благополучия и счастья. Среди снох ильтин большим почетом пользовалась та, у которой было много детей, особенно мальчиков. Семья, как правило, из боязни «сглаза» старалась не говорить посторонним о своем численном составе, и особенно о мужской ее части.

Пожелания молодоженам иметь много детей, и прежде всего мальчиков, высказывались с первых же дней их супружеской жизни. На обеспечение многодетности был направлен ряд специальных обрядов и магических приемов (осыпание невесты зерном в доме жениха, приподнимание мальчиком лицевого платка невесты в ряде сельских обществ и др.). Рождение детей, особенно мальчиков, отмечалось всегда торжественно. Если хотели сделать человеку приятное, ему всегда желали сына.

В ответ на оказанную молодым женатым человеком услугу люди, особенно пожилые женщины, обычно говорили: «Пусть жена родит тебе сына», а если обращались с добрыми словами к молодой женщине, говорили: «Да родится у тебя сын». В благословениях, в фольклоре чаще всего говорилось о семи сыновьях:

Гияв, сенин тахтын мюбарек олсун, Сен оласан едди угъул атасы.

•Жених, да будет благословенным брачное ложе, Чтобы ты стал отцом семерых сыновей».

— пел обычно ашуг на свадьбе, обращаясь к жениху.

Бездетность женщины рассматривалась как большое несчастье. Чтобы избавить ее и всю семью от этого бедствия, прибегали к лекарственным травам, пользовались имеющимися местными серными источниками и грязями (Каякент, Берикей и др.). На источниках с древнейших времен сооружались водоемы, выложенные каменными плитами, используемые в лечебных целях, в том числе и для лечения женских болезней. Одновременно сохранялась вера в знахарские методы лечения, основанные на иррациональных, магических приемах.

Весь цикл — от первых дней беременности до родов должен был оставаться тайной для родственников. Женщина старалась скрыть свою беременность от окружающих, особенно от старших, и доверяла эту тайну кому-нибудь из невесток, которые также тайно сообщали об этом свекрови. С этого момента свекровь освобождала ее от тяжелых работ, от лишних волнений, старалась получше кормить.

Считалось, что если беременная женщина испытывает потребность в той или иной пище и не удовлетворяет это свое желание, то на теле ребенка могут появиться родимые пятна.

Рожала женщина в доме мужа (все мужчины в этот день уходили из дома) с помощью бабки-повитухи эбечи хатын, гюбек кесен или мамасы хатын («женщина, исполняющая роль матери»).

О реальной медицинской помощи роженице в условиях того периода не могло быть и речи. Во всех районах Дагестана в 1913 г. насчитывалось лишь 15 врачей, 54 фельдшера и не было ни одной акушерки. В изучаемом микрорегионе (без Дербента) фельдшерский пункт функционировал лишь в селении Ерси⁴⁴. Фельдшерскими пунктами ведали исключительно мужчины.

Поэтому женщины туда не обращались. Но в каждом селении были женщины, обладающие практическим опытом приема родов. Их приглашали на помощь с появлением у женщины первых признаков родов. За свой труд они получали определенное вознаграждение, чаще зерном, овчинами, деньгами и т.д. Повитуха, принимавшая роды, считалась как бы второй матерью и всегда пользовалась вниманием со стороны семьи, детей, которых она принимала. Принято было приглашать одну и ту же повитуху, если при ней первые роды проходили удачно. При трудных родах приглашали женщину, более известную своим искусством в этой области. Она поправляла плод, массировала живот роженицы, заставляла ее ходить по комнате, дуть в сосуд с узким горлышком; роженицу качали на ковре, заставляли тянуть веревку, подвязанную к потолочным жердям. При трудных родах, бывало, прибегали к магическим средствам: к больной приводили гнедую лошадь и давали ей ячмень в подоле платья роженицы. Часто приносили искупительную жертву: вокруг головы роженицы обносили сосуд с зерном или отрез ткани и дарили их бедной женщине. Согласно поверью, необходимо было тщательно охранять помещение, где происходили роды, чтобы уберечь роженицу от влияния «дурного глаза», «вредоносных сил». Считалось, что недоброжелательницы с помощью особых магических приемов могут навредить роженице и будущему младенцу. Поэтому в комнате в качестве оберегов почти всегда держали что-нибудь из золотых украшений, ртуть, а у входа — железные предметы (топор, лемех плуга, очажную цепь и т.д.). Было поверье о существовании особой «нечистой силы» — демона-албасты.

Мать при родах дочери у азербайджанцев, точно так же как у ряда соседних народов, не присутствовала. Получив радостное известие о благополучном рождении ребенка, она отправлялась к дочери с праздничным кушаньем. Она не покидала дочь в течение шести-семи дней и брала на себя все основные заботы по уходу за младенцем и роженицей. Если в семье были помощницы, роженица не дотрагивалась в течение 40 дней до котла с пищей, до теста, не пекла хлеб, не носила воду, почти не участвовала в домашних работах.

Примерно через неделю после рождения ребенка торжественно укладывали в люльку и нарекали ему имя. На это торжество приглашались только женщины из родственных и соседних домов, которые приходили обязательно с подарками. Если рождался первенец и ему давали имя умершего члена семьи, то на торжество наречения имени приглашались и мужчины-родственники.

Перед обрядом наречения ребенка обряжали в нарядную одежду. После торжественного объявления имени его укладывали в разукрашенную люльку. Всю эту процедуру обычно выполняла старшая в роде многодетная женщина. Иногда право

на наречение предоставлялось бабке-повитухе. Было принято покричать ребенку имя в ухо. Чаще всего ему давали имя умершего родственника. Провозглашая имя ребенка, женщина как бы обращалась к покойному (или покойнице) со словами: «Твое имя дали этому младенцу, приди и благослови его». Одновременно «для души покойного» раздавали какое-нибудь лакомство (халву, слоеные чуреки и т.д.). В таких случаях долго еще при обращении к ребенку (да и к подростку) в семье к нему обращались так же, как к умершему родственнику, чье имя было дано новорожденному (новорожденной), — дада (отец), даи (дядя), агаси (дядя), эми (дядя по отцу), баба (дедушка), аба (бабушка) и др. В особых случаях называли и именами живых, особенно друзей, кунаков. Если кто-нибудь из друзей, близких, знакомых давал свое имя ребенку, он становился как бы родственником.

Согласно преданию, в дарватском бетском доме при наречении ребенка зажигали несколько свечей по числу умерщих родственников и каждой свече давали имя того или иного покойника. Новорожденного называли именем того, чья свеча гасла первой.

Если в семье дети умирали один за другим, то следующему новорожденному мальчику давали имя «Яшар» («Останется живым», «Будет жить»). В целях предотвратить смерть выполняли и другие обряды. Так, «для спасения жизни» мальчику шили куртку из разных кусков ткани, собранных из 40 домов. Если в течение 40 дней после рождения ребенок (или мать ребенка) чем-нибудь заболевали, то чаще всего это объясняли проявлением особого недуга гырх. Чтобы исцелить заболевшего от этого недуга, собирали у односельчан 40 ключей от 40 замков и три раза опускали в воду, в особую медную чашу, на дне и стенках которой были вычеканены молитвенные изречения. Затем эту воду грели и в ней купали больного (больную). При этом произносили: «От собак ли, кошек ли, от человека ли, пусть уйдет твоя болезнь так, как я на тебя лью эту воду».

Такой прием назывался гырх тёке. К нему, но уже с помощью горячих угольков прибегали, если подозревали кого-то в «сглазе». При этом в воду опускали каждый уголек отдельно, называя его тем или иным именем из подозреваемых в «порче»: Айшанын гёзю, Разиянын гёзю и т.д. (глаза Айши, глаза Разии и т.д.). Потом этой водой смачивали лицо больного (более подробно см. о лечении «сглаза»).

Когда дети умирали один за другим, азербайджанцы иногда прибегали и к такому приему: перед наступлением шиитского траурного церемониала по случаю гибели в битве при Кербеле (680 г.) сына четвертого халифа Али, Хусейна, ребенку шили черный халат. Этот обычай назывался гатыл гара. Ребенка держали в такой одежде 40 дней. Хотя обряд и заканчивался

снятием этой черной одежды, но в течение пяти-шести лет перед трауром гатыл он, как правило, повторялся.

Если дети в семье умирали часто, то в качестве оберега было принято вдевать мальчику в право ухо серьгу сыргьа.

В целях предотвратить болезнь или «порчу» было принято новорожденному мальчику оставлять косичку кекил, которую он носил до семи лет. По истечении этого срока кекил отрезали и устраивали по этому поводу специальные торжества кекил той. В назначенный для торжества час нарядно одетого мальчика выводили на середину двора, сажали на коврик, потом каждый из родственников по очереди подходил к нему и бросал на заранее приготовленный для этого поднос деньги. Затем один из старших родственников, обычно дядя по отцу или по матери, торжественно отрезал кекил.

Этот обряд, который, по-видимому, в прошлом был связан не только с отрезанием кекила, но и с благополучно достигнутым семилетним возрастом ребенка, сопровождался богатым угощением для всей родни. Богатые сельчане, организуя кекил той, резали одну-две головы крупного рогатого скота. Определенными торжествами сопровождался и обряд снятия серьги у мальчика по истечении пяти—семи лет.

Почти все дети азербайджанцев носили амулеты против «дурного глаза», чертей и других «нечистых сил». В качестве оберегов к детской одежде пришивали написанные муллами молитвы, завернутые и зашитые в материю в форме треугольника (питик) или четырехугольника (гьейкал). На детской одежде часто можно было увидеть бусины — сердоликовые, агатовые, нефритовые, раковины каури, когти рыси, которым приписывалась магическая сила лечения от многих заболеваний, от «сглаза» и т.д.

В прошлом азербайджанцы, как и их соседи, понятия не имели о прививках от оспы и вообще не прибегали к современным методам лечения натуральной оспы, что, вероятно, отчасти объясняется верой в предопределение Всевышнего.

В рассматриваемое время азербайджанцы детям, как правило, давали мусульманские имена: мальчикам — Шафи, Али-Мердан, Музафар, Казанфар, Ахмед, Мамед, Исмаил, Керим, Рамазан, Абдусамед, Хамза и др., девочкам — Айша, Зейнаб, Кавсар, Фатма, Эмина, Хадижа, Мерзи, Гурият и др. Близнецов-мальчиков нередко называли Хасан и Хусейн — именами особо почитаемых шиитами детей зятя Мухаммада. Широкос распространение имели и исконно народные имена: для мальчиков — Пулатхан, Баба, Ага-бала, Мирза-бала, Кафлан, Арсланбек, для девочек — Анакызы, Гебеккыз, Оглангерек, Кызтаман, Якут, Гюльханым и др. Если женщина рожала несколько девочек подряд, то последней давали имя Оглан-герек (Нужен сын), Кызтаман (Хватит девочек) или Оглан-беги (Мальчиккнязь) и др.

Как отмечалось, обряд торжественного укладывания ребенка в люльку совершался через неделю после его рождения. Продолжительность использования люльки, равно как и кормление детей грудью, зависело от разных обстоятельств, но чаще этот период продолжался до полутора-двух лет. Длительная лактация, как и у многих других народов, отчасти объяснялась желанием подольше не забеременеть снова. Если беременность все же наступала, кормление ребенка грудью могло прекратиться и раньше.

Укладывая детей спать, женщины (обычно бабушка) пели им колыбельные песни лайлалар, или бешик магьналар («песни люльки»). Каждая взрослая женщина хорошо знала традиционные колыбельные песни. Кроме того, многие женщины, особенно старшего возраста, умели слагать их сами. В колыбельных песнях отражались надежды семьи, связанные с воспитанием хороших детей, трудолюбивых, добрых, полезных для общества.

У всех азербайджанцев довольно популярными были, например, такие песни:

Лайла, балам, лайла⁴⁵. «Лайла», педим ятынджа.

Гызыл гюле батынджа, Джаным джазана гелди, Сен гьасиле чатынджа «Лайла», десем ятарсан чб Гъызыл гюле батарсан, Къызыл гюлер ичинде, Ширин юху тапарсан. Лайла, бюлбюлюм, лайла, Бугъда сюнбюлюм, лайла, Эвде къызыл гюлюм, лайла... «Лайла», дедим уджадан

Сесин гелир баджадан, Сени аллагь сахласын. Чечекден, къызылджадан. Лайла, бешигим, лайла, Эвим, эшигим, лайла. Балама къурбан серчелер

Балам не вахт динджелер? Балама къурбан иланлар, Балам не вахт дил анлар? Балама къурбан къозулар,

Балам не вахт дюз ойнар?

Баю-бай, дитя, баю-бай, Спела тебе «баю-бай», как только

Ты лег, Пока тебя сон не взял в свои объятия. Сколько же мне придется вынести, Пока тебя поставлю на ноги: Когда ты ляжешь, я спою «баю-бай». Будешь утопать в розах. В красных розах Ты найдешь сладкий сон. Спи, мой соловей, спи. Спи, мой пшеничный колосок, спи. Цветок моего дома, спи. Я сказала тебе «баю-бай» в полный

Я слышу твой голос из комнаты, Пусть бог тебя убережет — От оспы и кори. Баю-бай, моя колыбель, баю-бай, Мой дом, мой порог, баю-бай Пусть жертвами ради моего ребенка станут воробы.

Когда же мое дитя уснет? Пусть жертвами станут змеи. Когда мой ребенок начнет говорить? Пусть жертвами станут ягнята ради моего ребенка.

ради моего ребенка. Когда мой ребенок научится ходить?

Если у ребенка умирали родители и его брали на воспитание родственники, в колыбельных песнях пелось:

Ана сютюнден доймаян бала, лайла,

Не успевший насытиться материнским молоком, дитя, баю-бай,

Ана эппегин имеен бала, лайла, Ана гуллугъун гёрмеен бала, лайла Атасысын (анасынын) палтарын геймеен бала, лайла.

Не успевший поесть материнского хлеба, дитя, баю-бай, Не познавший материнской заботы дитя, баю-бай, Кому не суждено носить родительские одежды, дитя, баю-бай.

В песне выражалась в поэтической форме печаль по поводу того, что по злой воле судьбы ребенок не мог познать заботы родителей. Зато в этих же песнях с гордостью подчеркивалось счастье ребенка, у которого живут и здравствуют родители и другие близкие родственники:

Лайла, балам, лайла, Гёзел балам, лайла, Аталу-аналу балам, лайла, Къоша дайылы балам, лайла. Ятса юхулу балам, лайла.

Дуранда ойнама истеен балам, Кёрпе къозум, лайла. Баю-бай, дитя, баю-бай, Прекрасное дитя, баю-бай. Имеющее отца и мать, баю-бай. Имеющее двух дядей, дитя, баю-бай. Дитя, которое засыпает, как ляжет, баю-бай. Любящее играть, дитя, баю-бай.

Мой кудрявый ягненок, баю-бай.

По истечении двух-трех, а иногда и пяти-шести лет мальчику делали обрезание сюннет. Обряд обычно совершался в весенний период мастерами уста, как правило без соблюдения санитарно-гигиенических требований. Бывали случаи, когда от кровотечения некоторые дети умирали. В случае благополучного исхода многие семьи, особенно состоятельные, устраивали торжество сюннет той с музыкой, с приглашением родственников и соседей, которые обычно приносили мальчику подарки. В Дербенте во время акта обрезания мальчика должен был держать один из горожан или сельчан, не обязательно родственник, он назывался кирве. После завершения обряда отец мальчика и кирве обменивались рукопожатиями, а исполнитель обряда сюннетчи должен был над их скрещенными руками сполоснуть окровавленный нож. После этого обряда отец ребенка и кирве называли друг друга ган къардаш (кровными братьями). Поэтому мальчик, став вэрослым, не мог жениться на дочери своего кирве.

Дети, особенно мальчики, много времени проводили в играх. Мальчики играли в прятки, жмурки, волчок и др., девочки — в основном в куклы. Мальчики участвовали в состязаниях в беге, скачках, метании камней, в стрельбе из лука, катались на горных лыжах. Девочки тоже увлекались массовыми играми, танцами и др. Примерно шести-семи лет воспитание мальчиков становилось обязанностью главным образом старших в семье мужчин: деда, отца, братьев. Воспитанием же девочек всецело занимались женщины.

Начиная с 7—8-летнего возраста, а иногда и старшего состоятельные родители определяли своих детей, чаще сыновей, в

начальные духовные школы при мечетях, где они в течение 3—5 лет обучались читать Коран и писать по-арабски. Другое образование сельские жители своим детям обычно не давали. Только отдельным семьям, как правило из состоятельной части населения, представлялась возможность обучать своих детей в существовавших тогда немногочисленных общеобразовательных школах. Для всех азербайджанцев, проживавших в сельской местности, в 1913 г., например, функционировали две двухклассные школы (в селении Великент и Ерси), в которых обучалось всего 47 учеников. Среди них не было ни одной девочки⁴⁷. Правда, несколько лучше обстояло дело в Дербенте, где было несколько школ, а среди учащихся 514 девушек. Но это были в основном дети зажиточных горожан и не только азербайджанцев. Основную часть учащихся этих школ составляли армяне, русские, евреи и представители других национальностей.

Как мы уже отмечали в разделе «Семья», азербайджанцы с раннего возраста приучали детей к сельскохозяйственному труду, труду по дому. При этом по мере взросления детей их хозяйственные функции усложнялись. Мальчики-подростки начинали участвовать во всех мужских работах: пасли телят и ягнят, водили скот на водопой (особенно зимой), отправлялись в ночное. Любимым делом подростков был уход за лошадьми.

Девочки становились постоянными помощницами матерей, которые обучали их разным хозяйственным навыкам: стирке белья, уборке помещений, двора, приготовлению пищи, выпечке клеба и др. Обмазка, побелка дома, доставка воды из родника также были обязанностями исключительно подросших дочерей. Они же помогали матерям в уходе за младшими детьми и их воспитании. Приобщались дети и к общественному быту, а также культовой жизни. Они принимали активное участие в обрядах вызывания дождя, солнца, а также во всех праздниках и церемониях, во время которых учились общению со взрослыми и правилам общественного этикета.

Похоронные обычаи, обряды и причитания

Похоронные обряды азербайджанцев рассматриваемого района мало чем отличались от похоронных обрядов других народов, исповедующих ислам. Среди азербайджанцев учитывалась следующая возрастная классификация: детство, юношество, зрелость и старость. Но, кроме того, в народе наиболее важными этапами жизни человека признавали рождение, женитьбу (замужество) и смерть.

Тяжело больного родственника окружали неусыпным вниманием и заботой. Потеряв уверенность, что больной поправится, родичи очень деликатно спрашивали у него последнюю волю. Когда больному становилось совсем плохо, к нему приглашали

человека, умеющего читать Коран, который обычно читал над ним суру «Ясин». Женщины и мужчины садились вокруг его постели, близкие — у изголовья.

Когда наступала смерть, покойника обмывали (мужчины — мужчину, женщины — женщину). Для этого за плату специально приглашали людей, имеющих специальные навыки. В Дербенте они именовались мурдушур, а в сельской местности — юван адам. После этого умершего облачали в саван саритер, кефин или кафан (три—семь слоев белой материи).

В среде шиитов Дербента был обычай, согласно которому тело умершего тут же выносили во двор и там обмывали.

Всюду было принято мыть пол и нижнюю часть стен комнаты, в которой умер человек. Этот обычай был связан с представлением о том, что ангел смерти Азраил, придя за душой умирающего, перерезает ему горло и кровью может забрызгать стены. Примечательно, что, когда умирал мужчина дважды женатый, ему делали кефин в два раза толще, а когда трижды женатый — в три раза толще обычного. То же самое распространялось и на женщин. Перед тем как завернуть в саван, на умершего (особенно на умершую) обычно надевали новую нательную одежду — длинную рубаху и штаны ахирам палтар. Женщине расчесывали волосы и надевали на голову платок и чалму. Когда умирала молодая женщина или девушка, ее облачали в нарядную одежду, надевали украшения.

Похороны, как правило, устраивали в день смерти. Если же смерть наступила во второй половине дня, после заката солнца, умершего (умершую) хоронили утром следующего дня. В некоторых селениях (Хучни и др.) умерших, за исключением детей, хоронили на второй день, — как полагают жители, для того, чтобы успели собрать всех родственников. На кладбище покойника несли головой вперед на носилках джиназа и только мужчины. Чем больше было сопровождавших покойника родственников и друзей, тем чаще менялись люди, которые несли носилки. Участие женщин в выносе тела умершего и в погребальном обряде на кладбище не допускалось.

Хоронили покойника в могиле без гроба. Могильная яма, ориентированная с запада на восток, делилась как бы на два отсека: один представлял собой узкую нишу — подбой, куда помещали покойного на правом боку, лицом к Мекке, т.е. к югу (къыбла). Сверху ниша перекрывалась дубовыми досками, уложенными наклонно, чтобы предохранить могилу от влаги. Другой же отсек оставался пустым. Могила затем засыпалась землей и имела полусферическую форму, с которой легко стекала дождевая вода.

У изголовья покойного вертикально ставили толстую дубовую доску или каменную плиту, которую состоятельные люди затем заменяли постоянным памятником из тесаного камня.

Участникам похоронного обряда на кладбище раздавали либо деньги, либо (чаще) куски шелковой материи. Тот, кто получал кусок такой ткани, должен был четырежды прочитать 112-ю суру Корана.

Возвращаясь с кладбища, родственники шли в дом умершего с криком и плачем, а навстречу им, также плача, выходили женшины.

Церемонии, связанные с похоронами и массовым оплакиванием яс, продолжались обычно пять дней: четыре дня подряд и один день в пятницу — «джума». Все эти дни односельчане, а в ряде случаев и жители соседних селений группами шли к семье умершего с соболезнованиями. В течение этого времени родственники-мужчины с утра до вечера находились во дворе и принимали соболезнования. Место, где они размещались, называлось тазият (араб. «утешение»). С приходом каждой новой группы людей все родственники (кроме стариков) должны были встать и таким образом принять их соболезнования.

Старший из пришедшей группы при этом сначала говорил добрые слова в адрес умершего, а потом произносил «Фатиху», и все читали первую суру Корана как заупокойную молитву по умершему. Отсюда и само название посещения мужчинами дома покойного (алгьама гедир — «идет на алгьам»). Посещение же женщинами семьи покойного называлось яс или гайгырыш (яса гедир, гайгырыша гедир — «идет на оплакивание», «идет выражать соболезнования»).

Церемония оплакивания проходила всегда в помещении. Родственницы занимали ряд направо от входной двери ашагъа баш, остальные размещались на свободных местах юхарыбаш. Сестра, тетя, жена умершего должны были сидеть у самой двери, на виду у всех, так, чтобы посещающие сразу могли подойти к ним.

Оплакивание сопровождалось горестными причитаниями. Они не только были выражением скорби по умершему, но и нередко являлись предсказанием судьбы его осиротевшим детям, вдове, матери, сестре и др. В собственно азербайджанских селениях плачи обычно не сопровождались стихами, пением на известную грустную мелодию, а выражались горестными словами. Жена покойного, например, могла причитать:

Бахсуз вахта эвим йыхылды. Бу етимлери мен неже сахлайым? Булара ким бахажагды? Булара агьадж, одун ким вережекди? (Безвременно разрушился мой дом. Как я буду воспитывать теперь этих сирот? Кто будет о них заботиться? Кто их обеспечит дровами для топки?). Или: о дочери

Джан балам, ширин, балам, Джан агъ дивагъа салынан, Агъ эви агълай къалан, балам. Жизнь моя, сладость моя, дочь. Оказавшаяся в белом саване дочь моя, У которой светлый дом окутан в печаль, моя дочь. Хиналы бармагъ тутмаян, балам, Полтарлары багълы къалан,

Балалары агълая къалан, балам
Гелин олуп гуьвенмеен, балам,
Къара сачын къара ерде чюрютен, балам⁴⁸,
Алчагъда бешик къоймаян,
Гьюндюрде лелю асмаян,

Дуньяя пай салмаян балам.

Не успевшая покрыть свои пальцы свадебной хной, дочь моя, У которой наряды остались завязанными в узле, дочь моя, Оставившая плачущими своих детей, дочь моя, Не успевшая увидеть счастья замужества, дочь моя, У которой будет гнить черная коса в сырой земле, дочь моя, Не успевшая колыбель на пол поставить, Не успевшая прикрепить люльку к потолку.

Не оставившая после себя ничего (никого).

Похоронный обряд и причитания более пышно обставлялись в богатых семьях, особенно когда умирали беки и члены их семьи. Для этого обычно специально приглашали профессиональных плакальщиков. «Над умершими, если плачущих мало, — писал А.Г.Серебров, — за стыд поставляется, но, однако же, в таком случае нанимают посуточно до погребения тела. Сие чинят в достаточном доме» 49.

Менее эмоциональным был обряд оплакивания умерших в престарелом возрасте. Плачи-причитания носили сравнительно спокойный характер. В них выражалось в основном горе по случаю потери мудрого советчика. Большой эмоциональностью отличался обряд оплакивания человека, который умер насильственной смертью. Женщины оплакивали его очень громко, подвергая себя при этом тяжелому истязанию. В причитаниях в этом случае отводилось большое место проклятиям в адрес убийцы и его семьи.

Значительную часть похоронных обычаев и обрядов составляли поминальные обряды. Полагалось кормить приходивших на соболезнование односельчан в первый и третий день после похорон, а гостей из других аулов — все пять дней. Участников обряда из других аулов приглашали на трапезы и другие семьи, чаще соседи умершего. Принято было устраивать поминки и на 40-й день къырхин бураха, и на годовщину смерти илин синдире. Многие устраивали поминки и на 52-й день после смерти. Обрядовыми блюдами считались бозбаш, плов и халва.

Траур по умершим соблюдали члены семьи и патронимической группы от одного года до пяти лет, а дальние родственники — до 40 дней. На 40-й день мужчины в доме умершего совершали обряд бритья бороды сакьал кесе. Женщины соблюдали траур строже и дольше. Близкие родственницы и жена первое время траура носили одежду более темную, а затем — несколько светлее (серый, коричневый и другие цвета). Кроме того, взрослые женщины семьи, а также тети (если они

были молодыми) в течение определенного времени не выходили днем за ворота своего дома. Мужчины же носили обычную одежду, но не яркую и могли находиться вне дома. Однако в течение 40 дней (а пожилые даже до года) они не брили бороды, не посещали свадеб и других торжеств и праздников, не ездили на лошади по аулу (т.е. на виду у людей).

Следует отметить, что в организации похорон и поминок принимали участие не только родственники, но и почти все односельчане. Они окружали семью покойного всесторонней заботой, неукоснительно оказывали ей помощь и поддержку. Родственники сообща принимали на себя посильные материальные расходы, добиваясь, чтобы семья не делала долгов.

Каждое селение (или группа селений) имело свое кладбище гэбирлер, гэбиристан, расположенное недалеко от жилых кварталов. По истечении определенного времени (состоятельные люди на 40-й день ко дню къырх вере) ставили умершему памятник даш басдыран, высокую каменную стелу. На лицевой стороне ее арабским шрифтом делалась надпись, содержащая имя умершего и его отца, дату смерти, а также отдельные изречения из Корана.

Богатые семьи обе стороны стелы покрывали орнаментом растительного и геометрического характера, а также обрамляли могилу массивными плитами. Менее состоятельные семьи обычно сооружали только ограду чербенд из дерева или ограничивались надмогильной плитой.

В целом похоронный обряд азербайджанцев Дагестана отражал древнейшие религиозные воззрения народа, на которые постепенно наслаивались исламские представления. Его основу составлял культ предков. Важнейшей составной частью похоронных обрядов являлись причитания, которые воспроизводили наиболее выразительные черты характера покойного, горе, пережитое и предстоящее пережить семейно-родственной группе в связи с его кончиной. В силу этого они имели большое воспитательное значение.

. . .

Как явствует из сказанного выше, традиционный семейный быт дагестанских азербайджанцев не был единообразным. Особенно много локальных особенностей имели семейные обычаи и обряды тех групп населения, которые находились в тесных этнокультурных контактах с соседними народами. В своей же основе уклад семейной жизни азербайджанцев этого микрорегиона был однотипным с семейным укладом всего азербайджанского народа, частью которого они являются.

Будучи важным социальным институтом и составным элементом сложной структуры общества, семья постоянно испытывала влияние общего социально-экономического и культурного развития последнего. В то же время, хотя уклад семейной жизни в целом соответствовал господствующим в крае феодальным и развивающимся капиталистическим отношениям, в нем сохранился ряд пережиточных форм, генетически связанных с более ранними периодами истории.

Основной формой семьи у азербайджанцев, как и у соседних с ними народов, в изучаемое время была малая семья, котя наряду с ней продолжали бытовать (в пережиточном виде) и неразделенные семьи с общинно-групповым характером про-изводства и потребления. Такую семью обычно возглавлял старший мужчина, а в его отсутствие — мать или один из сыновей. В семье господствовали патриархальные начала, полное подчинение младших старшим; семейная собственность находилась в ведении отца семейства, старшего мужчины. Ему принадлежала главная роль в решении всех домашних вопросов, в том числе вопросов брака, развода и т.д.

Положение женщины являлось приниженным, она должна была во всем подчиняться воле мужа, а ее деятельность в основном ограничивалась кругом домашних забот. Одной из главных функций семьи было продолжение рода и воспитание детей. С раннего возраста семья приучала детей к посильному для них труду, а подростков вовлекала во все хозяйственные дела и заботы семьи. Большое значение в воспитательном процессе играли установки семьи на формирование характера и интересов детей и подростков. Азербайджанцы, как и соседние народы, имели богатые семейно-бытовые традиции брачносемейного, детского и похоронно-поминального цикла, в которых отразились особенности их этнического и социально-экономического развития.

- 12 Записано в 1986 г. в селении Мугарты Дербентского района.
- 13 Адаты Дагестанской области и Закатальского округа. Сост. И.Я.Сандрыгайло. Тифлис, 1899, с.560.
  - 14 Там же.
- 15 Полевые материалы автора 1976 г. Записано в 1976 г. в селении Ерси Табасаранского района от нескольких информаторов.
- 16 Березин И. Путешествие по Дагестану и Закавказью. Т.І. Казань, 1849, с.162.
  - 17 Нишан букв. «метка», «отметина», в данном случае «помолвка».
- 18 Комаров А.В. Адаты и судопроизводство по ним. ССКГ. Вып.І. Тифлис, 1868, с.51.
- 19 Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. Т.І. Кн.2. СПб., 1871, с.372.
- ^{20} О временном браке подробнее см.: *Керимов Г.М.* Шариат и его социальная сущность. М., 1978, с.95, 100.
  - 21 Серебров А.Г. Историко-этнографическое описание Дагестана, с.175.
  - ²² Как женятся мусульмане. Каспий, 1890, № 181.
  - ²³ Там же
- 24 См.: Сборник адатов Кайтага и Табасарана. Из истории права народов Дагестана. Сост. А.С.Омаров. Махачкала, 1968, с.146.
  - 25 Комаров А.В. Адаты и судопроизводство по ним, с.52.
  - 26 Адаты Дагестанской области и Закатальского округа, с.560.
- 27 Комаров А.В. Адаты и судопроизводство по ним, с.52; см. также: Адаты Дагестанской области и Закатальского округа, с.560.
  - 28 Адаты Дагестанской области и Закатальского округа, с.560.
  - ²⁹ Там же. с.31, 539.
  - 30 Там же, с.558.
  - 31 «Куда» на тюркских языках «сват».
- 32 Был обычай *ашмаг тута*, согласно которому и молодые женщины закрывали таким образом лицо перед старшими родственниками мужа. Засватанные же девушки, как правило, танцевали на свадьбе, набросив на голову маленькую келагай (тонкий шелковый платок) поверх обычного платка.
- 33 Записано в 1987 г. в селении Ерси Табасаранского района от Гюльшад Ахмедовой, 1910 г.р.
  - 34 В данном случае имеется в виду Дербент.
  - 35 Автор здесь ошибается, ибо хной красили лишь волосы, ногти рук и ног.
- 36 Eichwald E. Reise auf dem Caspischen Meere und dem Caucasus. Bd.1. Stuttgart und Tubingen, 1834, c.105—110.
- 37 Судя по полевому материалу, мужчины и женщины стали танцевать вместе только начиная с 1938 г. (записано в Дербенте в 1972 г. от Аливсета Алиева, 1894 г.р.).
- ^{38} В данном случае Гюлгез имя матери жениха. Могли быть и другие имена (Патима, Амина и др.).
  - 39 Записано в селении Ерси Табасаранского района (1976 г.).
- 40 См.: *Гаджиева С.Ш.* Семья и брак у народов Дагестана в XIX начале XX в. М., 1985, с.175.
- 41 Только в Дербенте жених переселялся в другой дом через два-три дня после прибытия невесты. Еще перед входом невесты во двор он поднимался на второй этаж дома или на крышу, чтобы этим обеспечить себе господство над женой, быть выше своей жены.

¹ ЦГА Дагестана. Ф.21, оп.5, д.11, л.237—292.

² Там же, л.635—721.

³ Там же, л.359—422.

⁴ Там же, л.1—53.

⁵ Записано в 1986 г. в селении Мугарты Дербентского района от Курбановой Субхани (внучки Абдуллы), 1913 г.р.

⁶ Записано в 1986 г. в селении Митаги от Савдуллы Гасратова, 1905 г.р. О порядках в данной братской семье он, в свою очередь, много слышал от отца Гасрата. Сведения Савдуллы Гасратова были значительно расширены информацией Алирова Агамиры, 1904 г.р.

⁷ О формах и составе семьи у терекеменцев см.: Гаджиева С.Ш. Дагестанские терекеменцы. XIX — начало XX в. М., 1990, с.154—158.

⁸ См.: Смирнова Я.С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. М., 1983, с.27, 29.

⁹ Серебров А.Г. Историко-этнографическое описание Дагестана. — ИГЭД, с.188; Бутков П.Г. Выдержки из «Проекта отчета о персидской экспедиции в виде писем». — ИГЭД, с.206, см. также с.207.

¹⁰ Бутков П.Г. Выдержки из..., с.206.

¹¹ Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. Т.П. М., 1890, с.204.

- 42 Тахт (трон) в данном случае брачное ложе молодых. В первую брачную ночь им стелили высокую постель из двух-трех больших, набитых шерстью толстых матрацев, большой подушки, одеяла и т.п. После благополучной первой брачной ночи гости поздравляли молодых и даже их родственников словами: «Тахтувуз муьбарак олсун» («Да будет благополучно ваше брачное ложе»).
- 43 Об аналогичных явлениях у других народов Дагестана см.: Гаджиева С.Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX начале XX в., с.239—246.
  - 44 См.: Обзор Дагестанской области за 1913 г. Темир-Хан-Шура, 1914, с.45.
  - 45 Лайла-бай-бай, дитя бай-бай.
- 46 Вариант этой песни под названием «Татарские тексты» был записан со слов уроженца г.Нухи А.Эфендиева (1891 г.р.) А.Калашевым; см.: СМОМПК. Вып. XVIII, 1894, с.37—39.
  - 47 Обзор Дагестанской области за 1913 г., с.57.
  - 48 Записано в селении Ерси в 1987 г. от Ахмедовой Гюльшад, 1910 г.р.
  - 49 Серебров А.Г. Историко-этнографическое описание Дагестана, с.176.

Глава VIII

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

Народное образование

По данным всеобщей переписи населения 1897 г., удельный вес грамотности среди жителей Дагестанской области равнялся $9.3\%^1$, а по Кайтаго-Табасаранскому округу, где жила часть азербайджанцев, он составлял лишь 6.1% и по городу Дербенту — $11.2\%^2$. Причем Дербент среди других городов области занимал последнее место (например, Темир-Хан-Шура — 44.8%, Петровск — $42\%^3$). Почти поголовно неграмотными были женщины (женщины, умеющие писать и читать, составляли лищь 2.5% от их общего числа).

Народное образование в дореволюционном Дагестане было представлено главным образом школами при мечетях (мектеб) и медресе. Наряду с ними имелось небольшое количество и русских светских школ. Религиозные начальные школы мектебы создавались почти при всех мечетях. В крупных селениях, где функционировали по три-четыре мечети и более (кафедральная джума и квартальные), существовало столько же школ при мечетях. В 1913 г. в округах области насчитывалось всего 766 начальных школ при мечетях, в которых училось 6727 детей (6014 мальчиков и 713 девочек) 4. Мектебы при мечетях были повсеместно и у азербайджанцев. В Дербенте в том же. 1913 г. насчитывалось 10 школ при мечетях, где обучалось 270 детей, в том числе 40 девочек⁵. Кое-где имело место раздельное обучение мальчиков и девочек. В школах для девочек обычно преподавали женщины, как правило жены мулл, кадиев и других духовных лиц. Богатые родители, особенно среди горожан. для обучения Корану нанимали для своих дочерей специальных учителей, известных своими знаниями и благоналежностью. Некоторые муллы открывали мектебы и у себя дома и занимались с 10-20 учениками и более. В Дербенте в 1835 г., по данным Е.И.Козубского, одних только незарегистрированных (открытых без разрешения властей) частных начальных школ было 14 (с 347 учащимися)6. И в домашних школах основной контингент обучающихся составляли мальчики. Обучение Корану признавалось богоугодным делом, хотя практически курс

295

чтения и этой священной книги мусульман мало кто из девочек проходил до конца. К тому же получаемые учащимися школ знания были довольно поверхностными. От детей требовалось только уметь механически читать Коран, содержание которого они совершенно не понимали⁷. Отдельные небольшие суры Корана они должны были знать наизусть. Это были в основном суры, используемые в обрядовых целях. Годы пребывания учеников в мектебах всецело зависели от их способностей и прилежания. Нередко рядом с детьми 7—8 лет можно было видеть подростков 12—13 лет. Несмотря на то что полавляющее большинство этих школ низшей ступени давало знаний весьма мало, некоторая часть учащихся оканчивала их успешно. Эта часть учеников, как тогда принято было говорить, подававшая надежды «на арабскую ученость», имела шансы (чаще по рекомендации своего учителя) продолжить образование в религиозной школе — медресе.

Хотя школы при мечетях формально считались бесплатными, родители учащихся, да и общество в целом платили за обучение — чаще всего натурой. Кроме того, эти школы содержались и за счет закята, предписанного шариатом налога для благотворительных нужд. Тем не менее многие мектебы влачили жалкое существование. Дети обычно сидели вдоль одной стены. поджав под себя ноги, кто на подушке, кто на войлочной подстилке, которые они приносили из дома. Свои Кораны они ставили на длинную узкую доску, расположенную перед ними вдоль стены. В общей сложности занятия в мечети длились 5—6 часов с перерывами, во время которых дети отправлялись с кувшинчиками за водой к роднику и домой на обед. Как мы отмечали выше, в мектебах в роли учителей выступали муллы. Большинство из них не имели даже минимальной педагогической подготовки, не располагали никакими знаниями, кроме чтения Корана. Все же среди духовных лиц были и грамотные по тем временам люди, которые часто выполняли свои обязанности и к которым зачастую население обращалось с просьбами о составлении различного рода прошений в адрес администрации, деловых писем и т.п. Школы, которыми они руководили, выгодно отличались от других.

В Дербенте, а также в отдельных наиболее крупных селениях имелись средние конфессиональные мусульманские школы — медресе. Учащиеся медресе изучали арабский (в некоторых персидский) язык, богословие и законоведение, логику, историю, арифметику, географию, медицину, знакомились с литературой на арабском и персидском языках. Материальной базой этих школ служили вакуфные земли общества, часть закята, пожертвования граждан. В отдельных случаях крупные медресе (особенно в Дербенте) получали небольшие субсидии от администрации (в Дербенте от городского управления). Наиболее крупное медресе, здание которого сохранилось и по сей день.

функционировало еще в начале XX в. (1917—1918 гг.) при дербентской Джума-мечети. В XIII в. известный арабский географ Закария ал-Казвини писал, что в Дербенте «много башен, у каждой из которых — медресе для тех, кто поблизости и занимается религиозными науками» в. «В Дербенте, в Шемахе и Баку, — отмечал С.Броневский, — есть школы, в коих преподают уроки арабского и персидского языка по правилам грамматики. Сим последним языком, называемым фарс, говорят только городские жители и грамотные чиновники; общенародный язык есть татарский, разделяемый на многие диалекты. Чтение ал-Корана и толкование оного вменяется сколько в обязанность ревностного мусульманина, столько же и в похвалу его учености...» Медресе в основном готовили служителей культа, лиц, которые могли занимать должности муллы, кадия и др.

Основываясь на данных камерального описания 1832 г., Е.И.Козубский сообщает следующие сведения о численности учителей и учащихся в Дербенте: «Из духовенства 14 чел. обучают более 250 мальчиков, в том числе из бекского сословия — 25, из купеческого — 70, из простого — 130 и из духовного — 25» 10. Очевидно, это были сведения об официально функционировавших школах, без учета учащихся, получающих образование на дому.

Отдельные выпускники местных медресе, совершенствуя свои знания, становились известными учеными, знатоками арабского и персидского языков, астрономии, богословия. Для продолжения учебы они отправлялись в Бухару, Дамаск, Багдад, Александрию, Каир и другие центры мусульманской образованности, где существовали прославленные школы высшего типа. Там они получали возможность приобщиться к арабомусульманской культуре и через нее к культурным достижениям многих других народов мира¹¹. Да и сам Дербент в середине XIX в. являлся не только одним из крупных торговоэкономических и политических центров на Кавказе, но и одним из очагов культурной жизни, тесно связанным с культурными центрами Ближнего и Среднего Востока. В результате изучения только некоторых арабоязычных письменных источников — биографических словарей отдельных средневековых авторов исследователям удалось выявить «имена около двух десятков выходцев из Дербента, получивших признание образованных кругов стран халифата как знатоки хадисов, факихи и адибы» 12, работавших в Дербенте и далеко за его пределами, представлявших тогда многие отрасли средневековой науки. В одной из статей Якута сообщается о Хакиме ибн Ибрахим ибн Хаким ал-Лакзи ал-Хунлики ад-Дербенди (ум. в 1144 г.), который был «шафинтским факихом (законоведом), достойным, авторитетным, изучал мусульманское право в Багдаде» у известного на всем мусульманском Востоке ученого ал-Газали, «слушал много хадисов. Он жил в Бухаре вплоть до самой смерти в шабане 538 года» ^{13} .

В Дагестан довольно рано проник и суфизм. В XI в. Абубакар Мухаммад б.Муса б.ал-Фарадж Дербентский написал книгу о суфизме и суфиях «Райхан ал-хакаик ва бустан ад-дакаик» («Базилик истин и сад тонкостей»). Трактат дает яркое представление об идеологической, социальной и культурной жизни Дагестана XI в. 14.

В энциклопедическом словаре Якута приводятся сведения и о другом выходце из Дербента — Мусе б.Йусуф б.ал-Хусайн ал-Лакзи Абу Абдаллахе, известном больше под именем Хасан ад-Дербенди (начало XII в.?). В статье отмечается, что Хасан ад-Дербенди «был знающим, правдивым факихом, достойным, благопристойным, молчаливым»¹⁵.

В словаре Якута и в других источниках содержатся сведения еще об одном выходце из Дербента — Абу-л-Валиде ал-Хасане ибн Мухаммеде ибн Али ад-Дербенди (ум. в 1063 г.). Судя по источникам, ал-Хасан обучался во многих центрах «арабомусульманской образованности» 16. Он побывал в Багдаде, Дамаске, Александрии, Балхе, Нишапуре, Герате, Басре, Хамадане, «где слушал хадисы от ученых богословов» 17.

Итак, некоторые дербентцы, чтобы получить хорошее образование, ездили в далекие страны Арабского Востока. Как местные медресе, так и медресе высшего типа в целом основывались на средневековой системе обучения. Тем не менее эти учебные заведения при всех своих недостатках сыграли определенную роль в распространении грамотности, в развитии культуры, науки и в конечном счете в подготовке местной интеллигенции. Именно через тех, кто оканчивал эти школы, в тот период главным образом шло, хотя и медленно, формирование прослойки грамотных людей, знающих кроме основ мусульманского законоведения и его обрядов литературу, историю, философию и др. Особый расцвет местной литературы на арабском языке, как отмечают исследователи, падает на XVIII—XIX вв. 18.

После присоединения Дагестана к России система образования претерпела определенные изменения. Наряду с арабскими конфессиональными школами стали основываться и русские светские учебные заведения¹⁹. Так, в 1913 г. в Дагестане насчитывалось 84 школы, из которых 31 — в городах и 53 — в округах²⁰. В 1837 г. в Дербенте было открыто уездное училище. Это было первое русское светское учебное заведение не только на территории расселения азербайджанцев, но и во всем Дагестане. Вопрос об открытии этого училища был поднят кавказской администрацией еще в 1828 г., потом в 1829 г., в 1834 г. и, наконец, решен в 1837 г. В первый год в нем обучалось лишь 35 человек. Это были дети дворян, беков и чиновников (14 человек) и богатых горожан (21 человек). Постепенно его деятельность расширилась. Целью уезлных училищ, в том числе и

дербентского, в тот период было: «1) образование детей... дворян и чиновников для государственной службы в низших управлениях вообще; 2) предоставление детям лиц городского сословия и других свободных состояний средств к приобретению необходимых для них познаний и 3) приготовление детей как высшего, так и прочих свободных состояний к поступлению в гимназии»²¹.

Училище состояло из трех классов, из которых первый был подготовительным. Наряду с другими общеобразовательными предметами и законоучением в училище преподавались азербайджанский и армянский языки, причем азербайджанский язык был обязательным для всех учеников, а армянский — только для армян. В число общеобразовательных предметов был включен и «краткий курс местной истории» 22.

Чуть позже в Дербенте было открыто мусульманское училище, куда принимались дети мусульман со всего Дагестана, вначале рассчитанное на 32 юноши. При официальном открытии училища присутствовали наместник Кавказа князь М.С.Воронцов с супругой и около 100 приглашенных из разных районов Дагестана, «в числе которых находились высшие и известные духовные лица» 23. Открытие училища началось по мусульманскому обряду — чтением молитвы. С речью выступил глава дербентских мусульман-суннитов Халил-Эфенди. В училище был «на должность главного учителя приглашен дженгутайский житель Айгун кади, который считался одним из первейших ученых мулл во всем Дагестане» 24. Кроме жителей Дербента здесь обучались юноши из табасаранских, кумыкских, даргинских обществ.

В организации мусульманских училищ, в том числе и дербентского, принимал участие известный русский ориенталист Н.В.Ханыков. С его участием разрабатывались программы и учебные планы этих школ.

Не лишены интереса сведения, приводимые Е.И.Козубским по поводу отношения азербайджанского населения города к открываемому уездному училищу. Еще в 1835 г. комендант Дербента Г.Аджиев объявил жителям о готовившемся открытии школы. «На собрании родителей, — пишет Е.И.Козубский, изъявили желание отдать в училище только два человека: Неджеф Кулибек Хадырбек оглы, сына Гасана, лет 11, поручик Хаджи Касим-бек Гейдаров, сына Ниматуллу, 8 лет; остальные же отказались под предлогом несостоятельности, а некоторые отозвались, что... отладут детей своих тогда, когда увидят успех в обучении сыновей своих единоверцев»²⁵. Однако постепенно число учащихся-азербайджанцев и других мусульман росло. Так, в 1848 г. в училище обучалось уже 57 человек, из них 21 мусульманин, в 1888 г. — 108 человек, из которых 25 мусульман, в 1893 г. — 135 учеников, в том числе 29 мусульман ^{26} . Постепенно открывались в городе и другие школы. По данным

12*

1913 г., в Дербенте насчитывалось уже 11 школ с 1656 учащимися²⁷. Это были: реальное училище, основанное в 1902 г., в котором обучалось 426 учащихся; женская гимназия, основанная в 1902 г., с 278 учащимися; училище, открытое в 1838 г. и реорганизованное в 1877 г. и в 1898 г., со 133 учащимися; женское двухклассное училище, основанное в 1898 г., со 135 учащимися; мужское одноклассное училище, основанное в 1904 г., с 75 учащимися; русско-татарское одноклассное училище, основанное в 1902 г., в котором обучалось 37 человек; русско-еврейское одноклассное училище, основанное в 1913 г., со 150 учащимися; железнодорожное двухклассное училище, основанное в 1904 г., с 205 учащимися; православная церковноприходская школа, основанная в 1893 г., с 60 учащимися; армяно-григорианская церковная школа, основанная в 1905 г., которую посещал 61 ученик; железнодорожное двухклассное училище, основанное в 1903 г., с 205 учащимися; школа садоводства, основанная в 1902 г., где обучалось 278 человек. Всего учебой в этих школах было охвачено 1823 человека²⁸.

Особое значение для рассматриваемого региона имело открытие названной выше школы садоводства в Дербенте — в центре виноградарства, садоводства и виноделия. В своем хозяйстве перед Министерством земледелия о необходимости такой школы в городе дербентское общественное управление отмечало, что открытие ее «является одною из наисущественнейших необходимостей, так как горожане, владея винограднофруктовыми садами площадью около 2000 десятин... не имеют в своей среде не только опытных ученых-садоводов, но даже сколько-нибудь подготовленных садовников, отчего и садоводство в Дербенте не могло быть до сего времени поставлено на ту степень развития, какую оно должно иметь»²⁹. В школу принимались мальчики не моложе 12-14 лет, способные к физическому труду, с образованием не ниже начальных народных училищ³⁰. Первым директором школы стал А.П.Макаренко, а почетным попечителем школы был избран известный общественный деятель Касум-бек Гайдаров³¹.

Все школы финансировались в основном городским общественным управлением. В 1905 г., например, из бюджета города было израсходовано на нужды образования 43 839 руб. 32.

Из городского бюджета выделялись средства на именные стипендии. Так, для реального училища была учреждена одна стипендия в сумме 150 руб. в год имени бывшего городского старосты Касум-бека Гайдарова «в знак признательности г.Дербента за труды его и энергию в деле учреждения училища» 33. Первым, удостоившимся этой стипендии в 1904 г., стал ученик 3-го класса Мехтибек Мамедбеков 34. Как отмечалось в протоколе заседания уполномоченных общественного управления города, М.Магомедбеков был «бедным, скромным, прилежным воспитанником» 35. Городским общественным управлением Дер-

бента в 1903 г. были учреждены три стипендии имени Петра I в размере 120 руб. каждая. В 1905 г. стипендиатами были утверждены: в реальном училище — Джевадбек Зейналбеков (о нем в характеристике отмечалось: «бедный и достойный»), в городском училище — М.Русанов и в женской гимназии — А.Асрианц³⁶.

Однако по тем или иным обстоятельствам далеко не все дети могли учиться в школе. Особенно трудным был доступ из-за высокой платы в реальное училище. «Много мы ходатайствовали, — писали жители Дербента в ноябре 1909 г. директору училища, — об открытии в нашем городе какого-нибудь среднего учебного заведения, где мы могли бы воспитывать своих детей, так как посылать их в другие города для многих из нас было недоступно по материальным условиям... В настоящее время плату за обучение повысили до 40 рублей в год, чем лишили возможности большинство из нас — со скудным материальным обеспечением — дать своим детям желательное образование, предоставив училище в распоряжение лиц более зажиточных, в большинстве даже богатых» 37.

Значительно хуже обстояло дело с обучением детей в сельской местности. Мы выше отмечали, что в округах Дагестана в 1913 г. насчитывалось всего лишь 53 сельские школы. Первое одноклассное училище на территории азербайджанцев было открыто в селении Ерси в 1904 г. В нем в 1913 г. обучалось только 24 человека. Другие две школы, Великентское и Марагинское одноклассные училища, в которых обучалось по 23 ученика в каждой, были открыты лишь в 1913 г. Во всех этих трех школах обучалось только 70 детей, к тому же среди них не было ни одной девочки³⁸.

Понятно, что такое незначительное число учащихся не могло изменить плачевное состояние народного образования в исследуемом районе.

В 1885 г. в своем письме к начальникам округов начальник области князь Чавчавадзе писал, что население Дагестана не решается «далеко отправлять своих детей, но охотно будет отдавать их в сельские школы, в чем я убедился при посещении существующих в Южном Дагестане... сельских школ, куда местные мусульмане, не стесняясь, отдают своих детей. В этих школах я заметил отрадное явление, что сами дети охотно и с успехом посещают школы» 39. В то же время начальник области констатировал, что некоторые из учащихся сельских школ «заявляли просьбу об отправлении их в другие учебные заведения» 40.

Наука и литература

Отдельным азербайджанцам — выпускникам местных школ, особенно городских, удавалось, хотя и очень редко, поступать в учебные заведения Баку, Тифлиса, Ставрополя, Петербурга,

Москвы⁴¹. К сожалению, мы имеем мало сведений об образованных представителях народа того времени, особенно из сельской местности.

Говоря об ученых Дербента, правда в отдаленном прошлом, следует упомянуть историка конца XI — начала XII в., анонимного автора «Тарих Баб ал-абваб», который оставил «весьма важные сведения» по истории этого города. По словам В.Ф.Минорского, автор при составлении своего труда «использовал некоторые местные хроники, имевшиеся в Арране, Ширване и ал-Бабе, и дополнил их с помощью местных знатоков... приводит много тщательно собранных дат, часто сопровождая их краткими заметками... В других местах описываются яркие эпизоды, поразившие воображение современников» 42. Так писал известный востоковед В.Ф.Минорский об этом удивительно интересном авторе «Тарих Баб ал-абваб». Думается, что были и другие ученые и мыслители из числа представителей региона исследуемого района, сведений о которых мы пока еще не имеем.

Е.И.Козубский оставил нам некоторые сведения о более или менее известных ученых Дербента второй половины XIX — начала XX в. 43. По его данным, частично дополненным новыми источниками, в то время в Дербенте были известны Фейзулла Ахунд, богослов (вторая половина XIX в.); Яхья Ахунд (ум. в конце XIX в.), богослов, писал о пророках и сочинял проповеди: Мирза Керим бек Шуайб (ум. в 1895 г.) писал на азербайджанском языке о шахсей-вахсее и оставил в рукописи исторические рассказы: Мирза Джабраил, по прозвищу Супехри (ум. в 1902 г.), его труд «Мулкахат Дербенд-наме» («Добавление к Дербенд-наме») представляет обзор политических событий в Дагестане за трехсотлетний период — от 1502 до 1813 г.⁴⁴. Е.И.Козубский сообщает также о Мирзе Магомеде Наги⁴⁵ (ум. в 1897 г.). Он оставил ряд трудов (в том числе книги о нравственности), религиозные драмы, касиды (посвящения в стихотворной форме). Автор истории города Дербента называет Али Ахунда (дата смерти неизвестна); ученого богослова XIX в. Мудлу Ахунда Ибн Абида (вторая половина XIX в.): ученого богослова и астронома 46; врача-ученого Мирзу Магомеда Казима (конец XIX — начало XX в.), который «обучался медицинским наукам в Ардебиле и Казвине».

Старшее поколение дербентцев называет в числе поэтов города Мирзу Семендера (ум. в 20-х годах нашего столетия), Наги Мирзу (ум. в 1913 г.) с псевдонимом Зовги («Стремление»), поэта-богослова. Его стихи религиозного содержания и сегодня широко используются верующими при отправлении религиозных обрядов.

Особос место среди ученых занимает выдающийся историквостоковед, философ, правовед, уроженец Дербента, профессор Мирза Мухаммед Али Казембек (1802—1870). Он всю свою жизнь посвятил научной и педагогической деятельности в Казанском, а затем Петербургском университете, проработав в общей сложности около 50 лет⁴⁷.

М.Казембек «был избран членом-корреспондентом Петербургской Академии наук, действительным членом Британского Королевского азиатского общества, членом Копенгагенского Королевского общества, членом северных антиквариев, ординарным членом Азиатского общества в Париже, членом-корреспондентом Американского общества ориенталистов в Бостоне, членом Американского философского общества и членом Германского общества ориенталистов в Берлине» Казембек трижды получал Демидовскую премию Академии наук. Его труды «История семи планет», «О взятии Астрахани в 1660 г.», «Мюридизм и Шамиль», «Баб и бабиды» и др. представляют собой значительный вклад в науку⁴⁹.

Вот что писал тогда о перешедшем на кафедру персидской словесности Петербургского университета Казембеке известный ученый-востоковед В.В.Григорьев: на кафедру персидской словесности «явилась одна из замечательных в настоящее время личностей не только у нас, но и в целой Европе — азиатец с глубоким мусульманским образованием, соединивший в себе основательное знакомство с ученостью европейской, владевший одинаково свободно как арабским, персидским и турецким, так и английским, французским и русским и на всех шести языках писавший и печатавший» 50.

Выдающийся ученый-востоковед В.В.Бартольд отмечает: «Сенковский и Казембек своими лекциями создали русское востоковедение; почти все русские ориенталисты последующих поколений были учениками одного из этих ученых или учениками их учеников»⁵¹.

Огромная заслуга принадлежит Мирзе Али Казембеку в издании в 1851 г. на высокопрофессиональном уровне широко известной в научном мире исторической хроники XVII в. «Дербенд-наме» с обстоятельным предисловием и комментариями⁵². Высоко оценивая данный труд, дагестанские востоковеды М.-С.Саидов и А.Р.Шихсаидов отмечают, что это «наиболее полное издание (турецкий текст, английский перевод) на уровне современной автору науки»⁵³. М.А.Казембек при издании «Дербенднаме» пользовался турецкими списками и двумя персидскими⁵⁴. Казембек датирует хронику концом XVI в. и делает заключение о написании оригинала на турецком языке, хотя, как утверждают теперь исследователи, турецкий текст оказался переводом с персидского⁵⁵.

Рукопись «Дербенд-наме», по крайней мере один из ее списков, задолго до издания ее Казембеком была известна многим дербентским любителям истории края. Вот что написал по этому поводу в Предисловии к «Дербенд-наме» сам Казембек: «Когда я был мальчиком 14 лет, я хорошо помню, как совместное чтение "Дербенд-наме", сопровождавшееся поясне-

ниями и замечаниями, занимало в течение нескольких дней внимание маленького кружка любознательных и полуцивилизованных молодых людей Дербенда, которые — и это делает им честь — проводили скучные часы зимних вечеров, собираясь вместе и забавляясь чтением древних рукописей, популярных рассказов, повестей и литературных вымыслов относительно древностей Азии, деяний древних героев и подвигов знаменитых искателей приключений» 56.

Другим видным ученым, занимавшимся изучением исторических источников о Дербенте и сопредельных территориях. оставившим нам рукописный труд на персидском языке также под названием «Лербенд-наме», был Мирза Хайдар Визиров⁵⁷. Круг затрагиваемых автором вопросов был довольно широк. Он также обобщил доступные ему сведения из арабо- и персоязычных источников. Сам автор признает: «Перечитав все известные мне книги и нашедши их согласными между собой, я извлек из них то, что по своему разумению нашел правдоподобным». Что касается разделов, освещающих события первой половины XIX в., то, как полагают исследователи, они написаны по личным наблюдениям самого Мирзы Хайдара Визирова 58. Автор затрагивает вопросы, связанные с основанием Дербента, строительством его оборонительных сооружений. Нарин-калы, правлением Сефевидов, пребыванием Петра I в Дербенте и т.д. Интересные сведения приводит он и об этническом составе жителей Дербента в его время (о племенах микры, румия, баят, курчи), переселенных сюда разными правителями Ирана и Ширвана.

Йзвестный востоковед И.Н.Березин, посетивший Дербент в середине XIX в., отмечал, что «ученые в городе не редкость...». «Из числа их, — писал он, — я посетил покойного корреспондента Казанского университета муллу Таги и Мирзу Хайдара: эти два светила дербентской премудрости враждовали друг с другом во всех ученых вопросах, и каждый из них имел свою толпу поклонников. Мулла Таги был болен и с трудом мог говорить, однако я заметил в нем гораздо больше критической учености, нежели в Мирзе Хайдаре» 59.

С 1846 по 1866 г. в астраханской мужской гимназии учителем персидского языка работал уроженец Дербента Садык-бек Аджи Джафаров. По рекомендации своего земляка профессора М.Казембека он был подвергнут при испытательном комитете Казанского университета экзаменам, которые успешно выдержал, и был утвержден учителем арабского и персидского языков⁶⁰.

Большой популярностью среди дербентцев и во всем исследуемом районе пользовался широко образованный генераллейтенант Бала Киши Алибекович Араблинский. Окончив кадетский корпус в Петербурге, Араблинский долгое время находился на военной службе и ушел на пенсию бригалным командиром 61

21-й пехотной дивизии (умер в Дербенте в 1902 г., похоронен в Верхнем магале). Дочь его была замужем за бакинским миллионером Тагиевым. Имя генерала Араблинского увековечено в названии железнодорожной станции Араблинская южнее Дербента.

В XVIII—XIX вв. наблюдаются становление и развитие местного художественного творчества. Опираясь на устное народное творчество и поэтическое наследие выдающихся азербайджанских поэтов и прозаиков — Хагани, Низами Гянджеви, Физули, Вагифа, Видади и многих других, азербайджанские поэты и мыслители изучаемого региона создавали свои гуманистические произведения, в которых глубоко отразились думы и чаяния народа.

Мы имеем сведения, хотя и довольно скудные, о жизни и творчестве некоторых поэтов — уроженцев Дербента и окружающих его азербайджанских селений. Баят Аббас — поэт XVI в., родился в пригороде Дербента (теперь юго-запад города). Данные о его жизни и деятельности до нас не дошли, но произведения его еще в XVII в., как полагают исследователи, были известны далеко за пределами Дербента 2. Согласно М.Ярахмедову, составителю сборника «Дары Дагестана», он прекрасно знал восточную литературу и оставил два рукописных сборника стихов, один из которых сохранился в личном архиве дагестанского ученого Г.Алкадари 3. М.Ярахмедов включил в сборник четыре лирических стихотворения поэта: «Халларын» («Твои родники»), «Гелир» («Подходит»), «Дердими» («Мое горе»), «Седаланмасын» («Пусть не звучит») 64.

Из поэтов Дербента XVII в. до нас дошли сведения лишь о Мехсуме Дербенди и Диляфруз Пери. О Мехсуме сведения весьма скудны. Некоторые его произведения сохранились в личном архиве педагога и журналиста из селения Великент Пербентского района, страстного собирателя и хранителя произведений азербайджанских поэтов и народного творчества К.Киласова (ум. в 1983 г.). К сожалению, в указанный сборник «Дары Дагестана» включили лишь одно произведение поэта — «Аныбдыр» («Преодоление») 65. Поэтесса Диляфруз Пери родилась в состоятельной семье, получила хорошее для своего времени образование, создавала прекрасные лирические произведения, некоторые из них стали восприниматься как часть устного народного творчества. Основные произведения Диляфруз Пери хранятся в «адмазном фонде» Азербайджана (№ Б-1251). в архиве К.Киласова. Этими источниками и пользовался составитель названного выше сборника, поместив в него два ее наиболее известных произвеления — «Ичинде» («Внутри») и «Назлы дилбар» («Капризная красавица») 66.

Особое место в литературе азербайджанцев Дагестана второй половины XVIII — начала XIX в. занимает творчество замечательной поэтессы Зернигар-ханум из Дербента (1722—1770).

Зернигар (Зарнигар) Гаджи Якуб кызы родилась в семье купца и была единственной дочерью. Отец дал ей прекрасное для того времени образование. Знала она несколько языков⁶⁷. С раннего детства Зернигар проявила большой интерес к игре на сазе и пению. Вскоре она стала и признанным мастером (устадом) поэтического слова и прославилась за пределами Дербента. Многие сватали ее, но она всегда стояла на том, что выйдет замуж только за того, кто ее победит на поэтическом турнире. Согласно преданиям, Зернигар на этих творческих состязаниях одержала победу над 39 ашугами.

Только ашугу Валеху, приехавшему из селения Гюляби (Нагорный Карабах), удалось победить прославленную поэтессу. Верная своему слову, Зернигар-ханум выходит за Валеха замуж, уезжает с ним в его родное селение и живет там до конца жизни. Согласно существующим сведениям, на могильном камне Зернигар-ханум, похороненной в селении Салам-Тепеси, высе-

чены такие слова:

Вэфа-и ешгде дюз илгар мэнэм, Садиги-ашигэ вэфадар мэнэм, Мэкани Дербендем, оьврэти Валех, Сораги дастанлы Зернигар мэнэм.

Страстной любви самая преданная я, Преданному ашугу самая преданная я, Уроженка из Дербента я, жена Валеха я. Известная своим дастаном Зернигар — это я.

Многие ее дастаны, особенно «Валех и Зернигар» и «Талех и правда», отражающие жизнь поэтессы, и сегодня на устах ашугов. Отдельные произведения сохранились в личных архивах Ахмеда Тахир Эфенди-заде и Киласа Киласова. Два ее произведения «Гел» («Приди») и дастан «Дегишмелер» («Поэтическое состязание Зернигар с Валехом»), помещены в названном выше сборнике «Дары Дагестана» 68. Творческое наследие Зернигар, как и других азербайджанцев изучаемого региона, ждет своих собирателей и исследователей.

Из поэтов XVIII в. широкой известностью пользовался Фатали Великентский. Родился он в селении Великент (совр. Дербентский район) в бедной крестьянской семье. Получив начальное образование в мектебе, он поступил в медресе в Дербенте, где с усердием изучал арабский и персидский языки. Фатали известен в народе как знаток азербайджанской и вообще восточной литературы. К сожалению, нам точно неизвестны годы его жизни, творчества и смерти. Некоторые его произведения хранятся у его земляка Гани Киласова. «Дары Дагестана» знакомят нас с двумя стихотворениями поэта — «Гелир» («Идет») и «Дейирлер» («Говорят») 69.

Среди поэтов XIX — начала XX в. известны также Джамал и Крым-хан из Дели-Чобана, Халид из Карадаглы (1822 г.р.), Килас Магомед Али оглу (1837 г.р.), Ахмед из Гимейди (1868 г.р., умер примерно в 1930 г.) и др. О Джамале из Дели-Чобана достоверных сведений почти не сохранилось. В том же сборнике «Дары Дагестана» опубликовано одно его стихотворение — «Юры» («Иди»). Халид из Карадаглы — поэт-сатирик. Отец мечтал дать сыну духовное образование, однако Халид, окончив медресе, не захотел стать духовным лицом и посвятил себя поэтическому творчеству. В своих сатирических произведениях он бичевал социальные пороки общества, феодальную эксплуатацию. Как гласит народная молва, в 1875 г. поэт за свои идеи тайно был убит по наущению беков уцмийского рода. Его произведения частично находятся в личном архиве Киласа Киласова. Составитель сборника «Дары Дагестана» М.Ярахмедов поместил три стихотворения поэта: «Олсун» («Пусть будет»), «Эйлер» («Сделают»), «Дуьшубдюр» («Доведено»).

Ахмед из Гимейди — лирик и сатирик — начальное образование получил в своем селении (очевидно, в мектебе), потом учился в медресе и в уездном училище в Дербенте. Некоторые из его произведений сохранил в своем домашнем архиве Ахмед Тахир Эфенди-заде. Сборник «Дары Дагестана» знакомит нас с тремя его стихотворениями: «Сычанлар» («Мыши»), «Намердин» («Неверный»), «Муздур иле маладарын сюхбети» («Разговор белняка с богачом») 70.

О поэте-лирике Крым-хане из Дели-Чобана у нас нет письменных сведений, но его произведения хорошо сохранились в народной памяти, и сегодня их поют ашуги.

Это далеко не полный перечень сведений о представителях творческой интеллигенции азербайджанцев изучаемого региона. К сожалению, пока что их творчество не только в прошлом, но и в наше время не стало предметом глубокого исследования⁷¹.

У азербайджанцев Южного Дагестана развивалось также и театральное искусство. В Дербенте, в частности, функционировали театральные кружки. Сюда время от времени из Баку, Гянджи и других городов приезжали драматические труппы. Они ставили пьесы «Аршын Мал алан», «Лейла и Меджнун», «Аслы и Керим», «Тахир и Зухра» и другие пьесы по мотивам дастанов, а также пьесы главным образом на семейно-бытовую и любовную тематику. В конце XIX — начале XX в. Дербент являлся в этом регионе основным центром театральной жизни.

В заключение отметим, что в дореволюционное время у азербайджанцев рассматриваемого района, как и у других народов Дагестана, несмотря на усилия небольшой группы просветителей, образование пробивало себе дорогу крайне медленно. Еще хуже обстояло дело с научными знаниями, так как на этом пути препятствиями были неграмотность основной массы населения, социальный гнет, отсутствие условий для образования и научного творчества.

Устное народное творчество

В культурной жизни азербайджанцев исследуемого района важную роль играло устное поэтическое творчество, в котором в многогранной и яркой форме отразились история самого народа, его опыт духовного развития, экономические связи с соседними народами и широким тюркоязычным миром. В условиях того периода роль устного творчества в культурной жизни Дагестана трудно переоценить. Его значение в жизни населения становится особенно понятным, если учесть, что грамотные люди среди населения даже в начале нынешнего века не превышали 9—10%. Неудивительно, что в это время устное поэтическое творчество народа являлось одним из главных источников информации и средством удовлетворения культурно-эстетических потребностей людей.

Устное творчество азербайджанцев, формировавшееся в течение многих веков, отличается большим жанровым разнообразием. В этой сокровищнице творчества народа широко представлены трудовые, лирические и обрядовые песни, сказки, легенды, народные героико-эпические поэмы, пословицы и поговорки, анекдоты и т.д.

В сокровищнице устного творчества азербайджанцев, в том числе проживающих в Южном Дагестане, большое место занимали народные сказки нагыллар⁷², для которых были характерны простота сюжета и обязательный нравственный подтекст. Азербайджанский народ создал множество сказок, в том числе фантастических, юмористических, детских, сказок о животных и др.

Основной направленностью сказок является торжество справедливости, добра над злом, вера в победу правого дела. В сказке, как часто и в реальной жизни, победа достигается необычайно трудно. Однако всегда после больших испытаний, героизма персонажей все трудности преодолеваются. Герои сказок наделяются лучшими человеческими качествами: храбростью, добротой, честностью, выносливостью, находчивостью и т.п.

Героям фантастических сказок, чтобы достичь цели, иногда приходится отправляться в «далекие страны, в заколдованные и неприступные места, в фантастический и покрытый непроницаемым мраком мир»⁷³. Они подвергаются страшным испытаниям, сражаются с дивами, драконами и другими сказочными чудовищами, символизирующими могучие силы природы.

В сказках азербайджанцев изучаемого района и всего азербайджанского народа для воссоздания образа героя широко использовались гиперболы, сравнения и другие художественные средства. Во многих волшебных сказках происходят удивительные превращения: змей становится прекрасным юношей, птицы и лягушки — красавицами-девушками, гребешок — дремучим лесом и т.д. Во многих сказках участвуют великаны девлер,

драконы аждаха, а также кони, собаки, голуби. Если первые стараются причинить герою зло, вторые, как верные друзья, спешат ему на помощь, помогают победить зло. Особенно значительна у азербайджанцев роль постоянного спутника героя — коня.

Во многих сказках, особенно детских, героями выступают такие животные, как заяц, медведь, еж, волк, лиса и др. При этом в одних сказках действуют только звери, в других — звери и люди одновременно. Лиса обычно олицетворяет хитрость и ловкость (эти качества лисы заключены в ее хвосте, говорится в народе). В этом отношении весьма показательна распространенная сказка «Лиса и рыбак», где лиса, напросившись сесть в арбу рыбака, выбрасывает на дорогу весь его улов, а сама потихоньку соскакивает с арбы, чтобы собрать рыбу. Особую роль в сказках играют волк и медведь. Если первый рисуется коварным, но глупым хищником (в сказках «Волк и лиса», «Волк и ягненок», «Волк и буйвол»), то второй — добрым, сильным, но часто ленивым, доверчивым зверем (сказка «Медведь и лиса» и др.). Иногда лиса играет и положительную роль. Так, в сказке «Плешивый» она помогает бедному плешивому молодому человеку жениться на ханской дочери. Однако такая трактовка образа лисы встречается редко. Обычно лиса выступает хитрой и коварной хищницей, волк - почти всегда глупым, но сильным, а медведь — глупым, но добрым и даже сильным животным. У азербайджанцев Южного Дагестана. как и у их соседей кумыков, среди детей была весьма популярна сказка «Волк, овца, лошадь и буйвол». Чаще ее рассказывали своим внукам бабушки. Мы приведем, хотя и сокращенно, ее содержание.

Волк был голоден. Он вышел поохотиться, надеясь найти жертву. Волк встретил ягненка. Волк ему говорит: «Сейчас я тебя съем». Ягненок ему отвечает: «Зачем ты будешь меня есть. мое сырое мясо, разреши, я пойду и принесу огонь и соль. сделаешь хороший шашлык». Глупый волк поверил и отпустил ягненка. Ждет, ждет, нет ягненка. Волк пошел дальше искать себе пищу, на этот раз ему попалась овца. Волк и ей говорит: «Я тебя съем». Овца в ответ: «Дай мне сперва поиграть, попрыгать, порезвиться, потом съещь». Волк поверил и отпустил ее. Ждет волк овцу, она не возвращается. Идет он дальше, видит, на лугу пасется козел. Волк подходит к нему и говорит: «Я тебя съем». Козел отвечает: «У меня есть товарищи, разреши, я их тоже приведу, потом съещь». Волк отпускает его и ждет, но и козел исчезает. Голодный волк все бродит и наконец встречает буйвола. Обрадованный волк подходит к нему и говорит: «Я тебя съем». Буйвол отвечает: «Я согласен, но только я очень грязный, дай только ополоснусь в луже, куда приятнее полакомиться чистым мясом». Волк ему разрешает лечь в лужу. Но буйвол из воды не выходит, а волк идет дальше и, наконец, видит, что в поле пасется лошадь. Хищник к ней тоже обращается со словами: «Я тебя съем». Умная лошадь: «Мать моя спрятала письмо в моем копыте, что она там написала, почитай сперва, а потом съешь». Волк соглашается. Лошадь поднимает копыто и ударяет волка по голове. Волк падает. Потом побитый и голодный глупый волк встает и, поднявшись на холм, причитает:

Гетдим, гёрдюм бир гозу Йый, галсын эки бойнузы Нейней эдинь от инен дузы. Ай кёпек углу курду? Гетдим, гёрдюм бир гоюн. Ней-ней эдинь сюн-моюн, Йый ону къалсын къуруджа

Ай кёпек углу гурду! Гетдим, гёрдюм бир кечи, Йый оьзюню, галсын эки къычы (какиши) Нейней эдин экини-уьчуь? Ай кёпек углу гурду. Гетдим, гёрдюм бир гамыш, Йый гарнын олсун доймыш Не эдейдин кюлмыш

Ай кёпек углу гурду! Гетдим, гёрдюм бирде ат Йый ону янында ят Нейней эдин онун малыны дарт Гьинди оьл, кёпек углу гурды!

Шел и встретил ягненка, Ел бы, чтобы остались одни рожки. И зачем нужны были огонь и соль? Ой, проклятый, глупый волк! Шел и встретил овцу, Зачем тебе игры? Съел бы, чтобы остался голый скелет. Ой, проклятый, глупый волк! Шел и встретил я козу, Съел бы, чтобы остались ножки.

Зачем тебе еще две или три? Ой, проклятый, глупый волк! Шел и встретил буйвола, Съел бы и стал бы сыт. Зачем тебе нужно было его чистить мыть)? Ой, проклятый, глупый волк! Шел и встретил я коня, Съел бы и лег бы отдыхать. Зачем тебе было снимать его подкову?

Теперь подыхай, проклятый, глупый волк!

Таким образом, волк в азербайджанских сказках, как и в сказках многих других народов, сильный, но глупый хищник, которого умный может победить.

Особый тип сказок составляют так называемые бытовые сказки. Они отличаются тонким юмором, многообразием тематического круга и острым социальным содержанием. В яркой художественной форме в этих сказках изображаются быт народа, семейные и общественные отношения, нормы повседневного поведения. Таковы предания и сказки «Свекровь и ловкие снохи», «Жадный муж и хитрая жена», «Экономный муж и белоручка жена» и др. Эти и другие сказки и предания нравоучительны и преследуют серьезные воспитательные цели. Многие сказки и предания этого жанра рисуют отношения богача и бедного крестьянина. Они содержат обличительную сатиру. направленную против социального неравенства в обществе. Как бы хитро и коварно ни поступал богач, в сказке моральную победу в их конфликтах одерживает трудовой человек. Народтворец в таких сказках широко прибегает к сатирическим и юмористическим средствам.

Значительное место в устном поэтическом творчестве азербайджанцев, в том числе и дагестанских, занимают пастаны исторические, героико-эпические и любовно-романтические произвеления. Ластаны отличаются не только жанровым многообразием. но и высоким художественным совершенством. Не случайно отдельные произведения этого замечательного жанра, в частности такие как «Китаби дедем Коркут» («Книга моего деда Коркута»), «Кёр-оглы», «Ашиг-Гариб», «Асли и Керем», «Шах Исмаил», «Аббас и Гюльгез» и др. привлекали и продолжают привлекать внимание исследователей 74. Первое место среди них по праву занимает монументальная поэма «Кёр-оглы». вобравшая в себя лучшие образцы народной поэзии и героических мелодий. Различные варианты этого фольклорно-эпического наследия бытуют и у многих других народов Средней и Передней Азии, Афганистана, не исключая в этом плане и носителей кавказско-иберийских языков Кавказа⁷⁵, свидетельствуя о сильнейших процессах взаимопроникновения культур. обусловленных всеми видами межэтнических, в том числе глубоких, древнейших связей.

Характеризуя ареал распространения этих памятников народного творчества, известный исследователь эпоса Х.Г.Короглы указывает на роль генетических связей и контактов народов широких регионов. Он пишет, что дастаны «многими своими деталями восходят к известному эпосу "Книга моего деда Коркута", являющемуся общим культурным памятником азербайджанцев, туркмен и турок, в этногенезе которых большую роль сыграли огузские племена» 76.

Знаменитую «Книгу моего деда Коркута» исследователи рассматривают как «выдающийся памятник средневекового огузского героического эпоса»⁷⁷. «Книга...» является «записью и литературной обработкой эпических сказаний, слагавшихся и передававшихся народами в рамках творческой устно-поэтической традиции на протяжении многих веков, с IX до XV в.»⁷⁸.

Известный исследователь тюркского эпоса В.М.Жирмунский считает, что устно-поэтическое оформление, которое в дальнейшем легло в основу «Книги...», происходило «в племенной среде ак-коюнлу, в период политической гегемонии и военной экспансии баяндуров, то есть примерно с середины XIV в. до половины XV в.»⁷⁹.

В этом плане, особенно в связи с изучением азербайджанцев исследуемого района, заслуживают внимания сведения автора XVII в. Адама Олеария о пещере в окрестностях Дербента, где он видел гробницу «имама Курхуда», которая служила местом культа, а в качестве хранительницы «гроба сидела старуха» Вто лишний раз свидетельствует о бытовании эпоса о «Книге...» и среди тюркского населения Южного Дагестана.

Пожалуй, из жанра дастанов — богатого и многообразного фольклорно-эпического наследия азербайджанского народа —

наиболее популярным произведением среди азербайджанцев Дагестана было и остается «Кёр-оглы». Это грандиозное по своему объему творение, имеющее богатую художественную ценность, представляет своего рода летопись. В дастане «Кёр-оглы» нашли яркое художественное отражение исторические события из жизни народа, его нравы и обычаи, лучшие качества духовной жизни, его непримиримая борьба против иноземных завоевателей. Имя «Кёр-оглы» — олицетворение отваги и рыцарской доблести, благородства и ненависти к врагам.

Дастаны знало, разумеется, не все азербайджанское сельское население. Но отдельные их отрывки распространялись из уст в уста и среди широких масс, даже у соседних кумыков. Популяризаторами «Кёр-оглы» и других героико-эпических и романтических произведений выступали ашыги — народные певцы, солисты и исполнители музыки на сазе⁸¹.

Ашыги. Среди ашыгов различались пэшакэр ашыг и устад ашыг. Устад ашыг обычно пел собственные произведения и поэтому котировался очень высоко, не только как исполнитель, но и как поэт, композитор. Пэшакэр ашыг чаще исполнял литературно-музыкальные произведение других авторов и ашыгов и отрывки из дастанов или просто народные песни халк махналары и т.п.

Еще в конце XIX — начале XX в. исполнителями ашыгской поэзии ашыг махналары являлись многие азербайджанские поэты. Среди населения изучаемого региона большой популярностью пользовались ашыги Гонагбек, Тагир-бек, Таймирза (селение Бильгади), Халил (селение Джалган), Алихан (селение Салик), Эфенди Гара Гарип, Мемирза Арслан (по прозвищу Эбе — «Уважаемый»), Ахмед (селение Гимейди), Мирзабек, Шахбан, Агабек, Алибек, Балай, Эмир (селение Великент), Эльхан, Нурмагомед, Агашерип, Абдулкадыр (селение Дели-Чобан), Алибек (селение Падар), Халил (селение Карадаглы) и др.

На большие торжества состоятельные семьи иногда приглашали известных ашыгов из Кубы, Гянджи, Сальян и других мест Азербайджана. Многие из ашыгов знали и исполняли отрывки из таких известных произведений, как «Книга моего деда Коркута», «Кёр-оглы», «Ашиг-Гариб», «Асли и Керем», «Алихан и Пери» и др., а также мугамы — крупные вокальноинструментальные произведения.

Когда ашыги пели и играли на сазе, они привлекали огромное внимание слушателей. Такие приятные встречи, слушание известных народных произведений обычно называли десгах. На торжественных вечерах ашыги-певцы вступали в музыкальнопоэтические состязания, дейишме, гьуджат. Поэтические споры ашыгов на предмет, кто кого победит, обычно назывались бенд ачмаг (примерно «кто откроет замок»). Исследователь ашыгского искусства азербайджанцев Э.Эльдарова так описывает дейишме: «Один из ашыгов исполняет песню под аккомпанемент саза, затем то же самое декламирует, предлагает другому баглама (вопросы, загадки). Второй ашыг должен придерживаться того же правила, то есть, пользуясь тем же напевом и той же поэтической формой, не нарушая размера стиха, разгадать загадку, предложить, в свою очередь, другую. Состязание продолжается до тех пор, пока один из ашыгов, не сумев разгадать загадку, признает себя побежденным» Судая по сообщениям старейших информаторов, ценителей ашыгской песни, а также встречающимся в литературе сведениям, существовал обычай, согласно которому побежденный певец уступал свой саз победителю состязания. В своих домах богатые азербайджанцы на свадьбах или на других торжественных вечерах порою давали победителям состязания дорогостоящие призы. Такими жестами особенно отличался терекеменский бек, помещик Амирчопан Джамалович Уцмиев (умер в 1916 г.).

Характеризуя ашыгство у азербайджанцев, следует отметить, что оно было одной из форм перехода от фольклора к литературе на родном языке.

Пожалуй, наиболее значительным и распространенным жанром устного творчества являлась бытовая поэзия, в которой видное место занимали календарные и свадебные песни, частушки, колыбельные песни, причитания и др. Мы их в основном охарактеризовали в разделах «Хозяйственная деятельность», «Семья и семейный быт». Большой и разнообразный раздел музыкального фольклора составляют песни, связанные с народными обычаями и обрядами.

Едва ли найдется другой жанр фольклора, который отличался (отличается и сегодня) таким многообразием формы и содержания, как гошмалар и баяты — нечто вроде русских частушек или кумыкских сарынов. Они являлись насущной потребностью каждого человека, его поэтического восприятия. Частушки пели люди по всякому поводу: в процессе земледельческого и животноводческого труда, выполняя различные работы по дому, в радости и печали, а особенно молодые влюбленные люди, когда они скучали друг о друге, изливали горе, описывали разлуку с любимым.

Девушка о любимом поет:

Гёгерсин сен гелен ерлер, Гюль, будагь эген ерлер — Сенден мене ядыгар, Аягъын деген ерлер — Бахчалар бары-бары, Бахчада гёрдюм яры. Сорушдум дердин-гъалын, Агълады ахы-зары. Тут агъаджи боюнда, Тут йимедим доюнджа, Яры хелветде гердюм, Данышмадым доюнджа.

Пусть зазеленеют поля, куда ты ступал, Места, где растут деревья и цветы, Пусть останутся на память о тебе места, Где ступала твоя нога. Садов вокруг полным-полно, В саду я видела возлюбленного. Спросила о его настроении, А он горько заплакал. Строен, как тутовое дерево, Не успела насытиться тутом. Любимого увидела наедине, Но не успела вдоволь поговорить.

Чай къырагьы самурсагь, Сары кейнек джаным сагь. Сахлады атам-анам, Апарды бир гъурумсагь. Чай чай уьстен асдым, Чардахдан къовум асдым. Джан бирчекли достум, Мен не дедим ки сен кюсдюн. Самовара от салмышам, Истекана къанд салмышам. Ярым гедиб тек къалмышам, Не шириндир ярын сезю. Эшитмишем таза палтар алмышсан, Эйниве гиймемиш лака салмышсан

Мени гоюб башгьа гызы

Вефасыз ярым, вефасыз!

алмышсан

На берегу реки чеснок, Желтое платье, здоровое тело. Вырастили отец и мать, Увез один негодяй. Я ставила чай за чаем, Повесила дыню на шалаше. Мой милый дружок, Что я сказала, что ты обиделся? Я поставила самовар, В стакан положила сахар, Любимый ушел, одна осталась, Как сладко слово любимого! Дошло до меня, что ты купил новый костюм, Не успел надеть, уже испачкал.

Меня оставив, другую взял,

Неверный ты мой, неверный!

Особую группу составляли шуточные, сатирические песни, высмеивающие отрицательные черты в характерс отдельных лиц, бичующие их пороки. Такие песни-шутки часто исполнялись на свадьбах и других торжествах, обычно в форме песендиалогов между двумя лицами, как правило мужчинами. Исполнители их использовали известные в народе частушки такого жанра, а также собственные импровизации. Согласно обычаю, состязающиеся не должны были обижаться друг на друга. Но тот же обычай требовал, чтобы сатира и юмор при всех обстоятельствах облекались в приличную форму, не доходили до оскорблений.

Надо отметить, что многие популярные образцы юмора и сатиры, в том числе творения острословов, приписывались известному на всем мусульманском Востоке легендарному Молле Насреддину. Популярность афоризмов и острот, связанных с его именем, создали в народе убеждение, что он, Насреддин, — реально существовавшая личность.

У азербайджанцев региона были популярны такие загадки *тапмаджалар*. Тапмаджалар, как было сказано, часто использовались и ашыгами на свадьбах и других состязаниях *дейишме*.

Так, один задает вопрос:

- О недирки гёкден ере салланар?
   (Что с неба свисает?)
  - Другой отвечает:
- О дурки гёкден ере салланар ягыш.
   (С неба свисает дождь.)
  - Или вопрос:
- О недирки гьер не версенг алланар?
   (Кто всему верит?)

(Всему верит ребенок.)
Вопрос:

О ушагъдыр гъер не версенг алланар — ушаг.

- О недирки уч айажан не эли ёх, не аягы?
   (Кто до трех месяцев не имеет ни рук, ни ног?)

  Ответ:
- О къулбагъадыр уч айдан сонра эли де вар, аягы да.
   (Это тот, у которого через три месяца появляются и руки и ноги, лягушка.)

Вопрос:

Ответ:

- Бир уьзю вар дёрт гёзю.
   (Одно лицо четыре глаза.)
   Ответ:
- Год и его времена.

Bonpoc:

- Мен бахырам, олар къачыр.
   (Я смотрю, они убегают.)
   Ответ:
- Къулагълар.(Уши.)

Еще более используемым жанром народного творчества были пословицы и поговорки *аталар сёзлери*. Выражая мудрость, житейский опыт, этические нормы целых поколений народа, они и сегодня звучат по-современному, продолжают нести огромную воспитательную и нравственную нагрузку.

Вот несколько примеров:

Сабур эден сююнер,

Телесен, дююнер,

(Кто проявит сдержанность — возрадуется,

Кто поторопится — пожалеет, т.е. «терпение — золото».)

Март чыхды — дерд чыхды.

(Март прошел, и горе прошло.)

Ат оленде — ите байрамды.

(Конь подох — собакам праздник.)

Къыйын гермеен динчлиги билмез.

(Кто не испытал труда, тот не узнает цену отдыха.)

Арпа эппегим олсун, дузлу сувум, динч кулагынм.

(Пусть будет у меня ячменный хлеб и соленая вода, но зато покой на душе.)

Ким хали салар, озю отурар.

(Что постелит, на то и сядет.)

Телесен су дерьяя чатмас.

(Тише едешь — дальше будешь.)

Тохун аждан не хэбэри вар.

(Сытый голодного не разумеет.)

Эшек хурманын дадын не билсин?

(Откуда ослу знать вкус финика?)

Гьар кишинин бир дерди, бегирманчынын су дерди.

(У каждого свои заботы, а у мельника забота — вода.)

Зер гадырын зергар билер.

(Цену драгоценности знает ювелир.)

Сёз вар бал гетирир

Сёз вар багаль гетирир.

(Есть форма обращения, которая может принести радость, есть форма обращения, которая может принести ссору.)

Анасы дейени алма,

Гомшу дейени гойма.

(Бери не ту девушку, которую мать хвалит,

Бери ту, которую соседи хвалят.)

Яхшы гомшу узаг къовумдан яхшыдыр.

(Добрый сосед лучше далекого родственника.)

Гьар шейин тазасы, достун кегьнеси.

(Вещь новая, друг старый — лучше всего.)

Досту бед гюнде сына.

(Друг познается в беде.)

Чагъыран ере гет, эринме, чагъырмаян ере гетме, гёруьнме.

(Куда зовут, иди, не ленись, куда не зовут, не ходи, не показывайся.)

Достуна сыры сайлеме, достун да досту вар.

(Не доверяй тайну даже другу, у друга тоже есть друг.)

Не текерсен къабына, о чыхар къашыгъына.

(Что нальешь в сосуд, то и зачерпнешь ложкой.)

Башгъасына къою къазан, оьзю душер ора.

(Кто другому яму копает, сам в нее может угодить.)

Юз оълч — бир бич.

(Сто раз отмерь, один раз отрежь.)

Касыбын саджы ахырда къызар.

(У бедняжки печь накаляется, когда нечего печь, т.е. очень поздно.)

Айрана гелмегин недир, габи гизлетмегин недир?

(Если пришел за айраном, зачем прятать сосуд?)

Аты миленде сюрер.

(Когда сидишь на коне, можешь скакать.)

Багъда олан, уьзуьм иер.

(Кто находится в саду, тот и будет есть виноград.)

Юн учун геден, къмрхылып къайытды.

(Пошел за шерстью, вернулся постриженным.)

Демири къызанда дегер.

(Куй железо, пока горячо.)

Анасына бах гызын ал, къырагъына бах безин ал.

(Берешь дочь, смотри, какова мать, берешь бязь, смотри, какая кайма.)

Къоншуя уьмюд олан, шамсыз ятар.

(Будешь надеяться на соседа, можешь остаться без свечки.)
Оьзгенин атына минен, палчыкъда дюшер.
(Кто сядет на чужого коня, сойдет посреди лужи.)
Гызыма дейим, гелин эшитсин.
(Скажу дочери, пусть услышит невестка.)
Гюлме къоншуна, гелер башына.
(Не смейся над соседом, сам можешь оказаться в его

положении.)

Таким образом, многообразное устно-поэтическое творчество азербайджанцев исследуемого района, как и всего азербайджанского народа, обладало высокими художественно-эстетическими достоинствами и, несомненно, играло важную роль в их культурной жизни, своеобразно отображало их исторические судьбы, их чаяния и надежды. В устно-поэтическом творчестве азербайджанского народа (и прежде всего в дастанах) нетрудно проследить и линию историко-культурных связей с широким кругом других этнических общностей, в частности тюркоязычного мира.

Народная медицина и здравоохранение

Народная медицина в жизни населения изучаемого района играла важнейшую роль. Дагестан с давних времен был известен своими врачевателями-хакимами⁸³. Слава об отдельных лекарях этого края распространялась далеко за пределами их аулов. Не случайно с 30-х годов XIX в. русское командование при формировании войсковых частей «приглашало местных хакимов в качестве полковых и дивизионных лекарей»⁸⁴. Местные способы лечения ран кавказскими лекарями получили высокую оценку знаменитого русского хирурга Н.И.Пирогова⁸⁵. Отдельные дагестанские лекари в своей врачебной практике пользовались рецептурными справочниками прославленной восточной медицины, изданными на персидском, арабском, турецком и других языках, широко применяли рекомендуемые в них лекарственные растения, способы лечения различных болезней.

Отмечая, что восточная медицина у кавказских горцев была известна под общим названием арабской медицины, работавший во второй половине XIX в. главным хирургом тифлисской городской больницы И.И.Минкевич писал: «Несомненно, что Кавказ и теперь еще остается во многих отношениях под влиянием... арабской медицины... Под именем арабской медицины должно разуметь греко-римскую медицину с примесью учений египетских и индийских и того, что гений арабский по своему свойству выработал и прибавил к прежним учениям. Арабы передали потомству прежде существовавшую медицину. Она была, так

сказать, передаточной, с прибавлением сведений научных, истекавших из трудов арабских врачей, отличавшихся своею наблюдательностью, практикой и умственными занятиями»⁸⁶.

Таким образом, под восточной или арабской медициной понималась медицина многих стран Востока. В то же время в узкой среде местных лекарей большой популярностью пользовался известный во всем Закавказье двухтомный медицинский сборник «Карабадин», «содержащий весьма большой материал по народной медицине»⁸⁷. Дагестанские врачеватели были не только знакомы с переводными на местные языки лечебниками, «но и сами создавали труды по различным областям медицины»⁸⁸. «Существовали целые семьи, — пишет исследователь народной медицины в Дагестане Р.Ш.Аликишев, — народных лекарей (хакимов), серьезно, любовно занимающихся медицинской профессией. Хакимы оказывали действительную помощь больным, постепенно завоевывали симпатии населения»⁸⁹. Наиболее опытные из них производили и такие сложные операции, как трепанацию черепа, извлечение мочевых камней и др.⁹⁰.

Искусными лекарями (джеррах, хаким, уста) славились и азербайджанцы изучаемого региона. Среди них наиболее знающими были лекари Дербента, культурные связи жителей которого с Востоком имели многовековую историю.

Арсенал используемых местными хакимами лекарственных средств был разнообразным. Они не только знали лечебные свойства многих растений, но и владели искусными приемами массажа, кровопускания, лечения теплом, горячим песком, морскими, серными горячими ваннами и грязями.

Опытные врачеватели легко диагностировали ангину, стоматит, воспаление легких, оспу, грипп, малярию, дизентерию, чесотку, искусно вправляли вывихи, лечили переломы и многие другие заболевания. В своей практике они широко использовали целебные средства крапивы (гижитган), чебреца (кеклик оту), мяты (пурна), шиповника (ит бурну), зверобоя (сари бичан), мать-и-мачехи (ара бачаны), душицы (къыныг), подорожника (дамар ярпагъы), конского щавеля (ат гулагъы), обычного щавеля (гузу гулагы), плодов барбариса (дзиринг мейыси), кизила (чум), семян тыквы (габаг туму), орехов (гоз), тута (особенно черного), сушеной груши, кураги. На лечение от разных болезней шли полынь (ювшан), гармала, или «могильник» (узерлик) и другие листья разных растений (лопух, персиковое, айвовое и другие деревья), а от многих заболеваний — чеснок и лук. «Могильник», например, бросали в костер, через который прыгали, полагая, что огнем можно усилить очищение человека от болезней и недугов. Его поджигали и дымом окуривали жилые помещения, в основном в целях дезинфекции.

В качестве лечебных средств широко применялись и продукты животного происхождения: козий и барсучий жир, курдючное сало, масло, молоко (особенно буйволиное), мед, воск, а

из минеральных — поваренную соль и квасцы. При изготовлении лекарственных средств использовались красные кораллы, фарфор, натуральный шелк и т.д.

Лекарства изготовлялись как для внутреннего, так и для наружного применения. Последние использовались для лечения ран, кожных заболеваний и растирания тела.

Заготавливали лекарственные растения и минералы обычно лекари сами, при этом совершив намаз и прочитав молитву (суру из Корана). Принято было еще и хвалить растение, называя его лечебным средством от многих болезней. Благодаря многолетнему опыту лекари знали, в какое время года (весной, летом) какие лекарственные травы и цветы следует собирать, а также как максимально сохранять в них лечебные свойства. Так, «могильник» собирали в последнюю неделю лунного года, перед 20 марта, чебрец — до его цветения, до весенних громов, конский щавель — пока он еще молод и т.д. При этом каждый год запасы лекарственных трав обновляли, зная, что свеже-заготовленные растения обладают более действенными лечебными свойствами.

Из лечебных трав лекари делали порошки, отвары, кашицы. Многие травы, используемые для внутреннего употребления, смешивали с медом. Старожилы Дербента рассказывают о травнике Аскере Гусен оглы Бабаеве, который каждый год, начиная с ранней весны, собирал в поле лекарственные растения и сушил их в проветриваемом помещении. Более того, им была создана специальная аптека, где можно было приобрести необходимые лекарства. Аскер Гусен-ага был известен как лучший лекарь во всей округе. В каждом ауле, естественно, были и свои травники и лекари. Своими знаниями они делились с людьми, щедро и безвозмездно снабжали их лечебными средствами. В то же время некоторые известные лекари в целях сохранения за собой особого престижа в лечении больных состав и способы изготовления лекарств держали в секрете.

Особой популярностью среди азербайджанцев исследуемого района пользовались хакимы сыныгъчы (костоправы), которых по сравнению с травниками было значительно меньше.

При переломах и вывихах сопоставляли (или, как говорится в народе, «ставили на место») переломанные участки костей и вправляли вывихи суставов, пользуясь ручным методом вытяжения конечностей. Сыныгъчы лечили раны (удаляли из них гной и омертвевшие участки ткани и т.д.), переломы, вывихи и другие травмы. При переломе или вывихе после предварительного сопоставления накладывали фиксирующую повязку, используя тесто, приготовленное из муки и яичного белка. На эту повязку дополнительно с двух (или со всех) сторон накладывали тонкие дощечки, которые обматывали полоской ткани. Нередко для этой же цели использовали и лубок. Такой «футляр» охватывал

поврежденный участок конечностей, создавая неподвижность. Эти способы фиксации назывались тахталамаг.

Для лечения растяжений связок применялись массаж (оькелемек) и тепловые процедуры: ванны, припарки из отрубей или лекарственных трав.

В некоторых случаях места ушиба конечностей окутывали теплой шкурой только что зарезанного барана.

При ушибе грудной клетки и переломах ребер накладывали специальные повязки из теста с примесью яичного белка. Такой способ лечения назывался джириш вурмаг.

В конце XIX — начале XX в. наиболее известными костоправами были Абдулкадыр Курбанов, Сулейман Мамедов (селение Марага), Джамал Алиев (селение Хели-Пенжи), Аскер Бабаев, Небиюлла Самедов (Дербент), Уста Махмуд, Уста Мирзахан (магал Терекеме) и др.

Надо отметить, что некоторые хакимы считались универсалами, умеющими лечить все болезни: например, к таким лекарям относили Небиюллу Самедова. Согласно сведениям аксакалов Дербента, он вправлял вывихи, лечил переломы костей, готовил всевозможные лекарства из трав, широко применял кровопускание при лечении больных.

Кровопускание практиковалось при высоком давлении, а также при воспалении простудного характера союх ситалджан. В этих случаях делали надрез или в области виска, лба, затылка, или в подъязычной области. В ряде обществ, по народным представлениям, нельзя было пускать кровь во вторник (нас гюн), так как этот день считался несчастливым. В этот день, по народным поверьям, даже кабан в лес не заходит, боясь несчастливого случая.

Для кровопускания азербайджанцы часто использовали и пиявок зели, собирая их в определенных местах водоемов. Чаще их применяли при лечении от головной боли и при покраснении глаз, а также при тяжести и отечности ног. Ставили пиявки и при лечении геморроя. Лечением геморроя славились, например, несколько женщин из села Сабнава, расположенного недалеко от Дербента. Помимо лечения пиявками на геморройных узлах они делали несколько маленьких надрезов, выдавливали кровь, а затем туда вводили шарики, приготовленные из лечебных трав и меда.

Лучшим периодом использования пиявок считалась весна ган гайнаян заман (время, когда «закипает кровь»).

Ангину бугъаз гелиме лечили солью. Обычно лекарь давил на воспаленные гланды больного двумя мокрыми, предварительно опущенными в соль пальцами и таким образом выдавливал гной и очищал гланды.

При простудах ставили банки *бести*, используя для этого небольшой глиняный сосуд, широко практиковали растирание спины *оьвхаламаг*. Массаж умели делать почти все — и мужчины и женщины. Однако при тяжелых заболеваниях приглашали признанных массажистов.

Люди заболевали не только от переохлаждения тела, но и от его перегрева, когда долго работали в поле во время жары исти дегенде (солнечный удар). Лекарь в таких случаях использовал в качестве лечебного средства кислое молоко или айран с добавлением раствора квасцов зег и размельченной травы мериям нухуту. Намазав этой смесью все тело, больного укладывали на 1—2 часа в теплую постель, чтобы он основательно пропотел. При этом нередко на матрац стелили слой бузины кандалаш, обладавшей, как считалось, также лечебными свойствами.

Азербайджанские лекари при лечении заболевания почек применяли *гизиллик* — тонкую пленку из желудка курицы, которую, предварительно высушив и измельчив, смешивали с медом и через сутки давали больному.

Специальной областью врачевания было извлечение застрявших в горле у детей (порою и у взрослых) фруктовых семечек, косточек, кусочков яблока и других остатков пищи чоп. При этом лекари пользовались разными приемами: вдуванием воздуха в нос, удалением или проталкиванием пальцами застрявших в горле плотных частиц. Искусные лекари чопчы были далеко не в каждом селении. К ним привозили пострадавших даже из отдаленных мест. Далеко за пределами магала Терекеме, например, шла слава о женщине по имени Саят из селения Берикей, которую так и называли Чопчы.

В лечебной практике, особенно при лечении ран, переломов, поясничного радикулита, панариция и других заболеваний, в народе применяли как успокоительные, отвлекающие средства музыку, танцы, песни и особенно фольклорные произведения. Еще в середине XIX в., обращая внимание на этот способ лечения больного, особенно молодого, П.Попов писал: «У горцев существует еще престранный обычай, к тяжело больному товарищу своему, в особенности с переломом кости, собирают они из аула молодых девиц и мужчин; те и другие садятся возленего vis-a-vis, начинают петь, плясать и вообще предаваться разным невинным играм, чтобы развеселить больного...» Далее автор отмечал, что лекари Кавказа умели останавливать кровотечение, извлекать из раны «посторонние тела», применять средства, способствующие быстрому заживлению раны 92.

Разумеется, многие операции, особенно при лечении ран, лекари производили примитивным способом. Но при всем этом настоящие хакимы старались делать все, что, по их мнению, обеспечивало стерильность.

Особую категорию народных врачевателей составляли повитухи эбечи-хатун. Это была весьма распространенная и древняя профессия. В каждом селении родовспоможением занимались несколько женщин. Исследователи справедливо отмечают, что повивальное дело являлось «постоянной заботой человечества на

протяжении всей истории, и повивальное искусство было у всех народов» 93. Эбечи руководствовались многолетним опытом и навыками искусства, переходившими из поколения в поколение, оказывая роженицам посильную помощь, наблюдая за состоянием их здоровья и после родов в течение 7—10 дней. Примечательно, что в некоторых селениях эбечи во время родов, приняв ребенка, укладывали его в деревянное решето с мягким плетением из камыша. При трудных родах они применяли массаж, поправляли плод. Эбечи при бесплодии старались лечить женщин тепловыми процедурами, паром, образующимся при нагревании лекарственных трав, рекомендовали грязи.

Своим искусством оказания помощи роженицам в конце XIX — начале XX в. в Дербенте, например, славились Молла Фатма-ханым и Дусти-ханым, в Мараге — эбечи Рукият и др.

Большое значение придавалось общению врачевательницы с больной, ее положительному психологическому воздействию, умению внушить веру в положительный исход болезни⁹⁴.

«Теперь более и более выясняется, — писал в конце XIX в. И.И.Пантюхов, — влияние на человечество, особенно страждущее, внушения, самовнушения и гипноза... Этого обыкновенно достаточно для облегчения болезни или для того, чтобы пациент с надеждой ожидал естественного окончания ее» 95. Однако неграмотные, не имеющие представления об анатомии и физиологии человека повитухи были бессильны перед многими осложнениями, связанными с родами. Не случайно во время и после родов умирали многие роженицы, погибали новорожденные.

Одной из самых древних областей народной медицины, пожалуй, являлось лечение больных водами горячих источников. Ими пользовались преимущественно страдающие ревматизмом, заболеваниями суставов, кожными, женскими и другими болезнями. Рядом с Терекеме были расположены известные не только в Южном, но и во всем Дагестане Кайтагские минеральные воды, точнее, горячие серные источники — Истису и грязи — Липсиз.

Русский чиновник, в прошлом участник посольства А.П.Ермолова в Персию, А.Соколов в 1848 г. отмечал что севернее Дербента, между Каякентом и Берикеем, «находятся два обильных горячих серных источника... коих температура равняется 36°... Целебность этих вод многократно была испытана русскими врачами и признана "полезной преимущественно в разных видах ломоты, во многих родах сифилической болезни... в геморроидных припадках", что привозимые сюда из госпиталей люди "возвращались отсюда с большим облегчением"» 96. Здесь посетители из ближайших сел отгораживали каменными плитами небольшие водоемы и использовали их как ванны. Грязевые же, бьющие горячими ключами озера были окружены небольшими кустарниками и зарослями камыша. Больные принимали воды и грязи, обычно сидя.

Лечебные свойства этих источников, естественно, привлекали много больных. В 1899 г., например, по далеко не полным данным, эти воды и грязи посетили 5479 человек⁹⁷. Однако никакого медицинского контроля за больными, принимавшими ванны и грязи, не было. Нередко сюда приезжали люди, которым лечение в этих источниках было противопоказано. Бывали случаи, когда лиц с сердечно-сосудистыми заболеваниями вытаскивали из ванн и грязей без сознания и чуть ли не при смерти.

С образованием Кайтаго-Табасаранского округа для оказания медицинской помощи больным и «оказания рационального способа пользования водами и грязями» эти источники иногда, в сезон наплыва людей, «посещали окружной врач и фельдшер» 98.

При характеристике территории, где располагались эти источники, в «Обзоре Дагестанской области за 1889 год» отмечалось: «Местность источников и грязей безводна и почти лишена растительности. Летом — зной... Лечебный сезон начинается с 1 мая и продолжается до половины июня, когда зной, масса появляющихся комаров и мошек и лихорадки делают пребывание людей почти невозможным» ⁹⁹. По этим причинам азербайджанцы, как и их соседи — кумыки, табасаранцы, лезгины и др., посещавшие «горячие воды» и грязи, начинали лечебный сезон обычно в апреле и прекращали до начала самого жаркого периода.

Строительство первых лечебных и жилых помещений на этих источниках было начато при А.П.Ермолове. Как видно из докладной записки генерал-майора Граббе графу Паскевичу от 24 декабря 1829 г., по указанию А.П.Ермолова было построено лечебное помещение с ваннами и бассейнами, «очищены источники, поставлены водопроводные трубы» 100, начато строительство дома для посетителей. Для временного пребывания людей были сооружены девять плетеных балаганов, крытых камышом. Для этого строительства было ассигновано 1792 руб. серебром, которые были переданы в распоряжение кавказской администрации 101.

Однако сравнительно скоро работы по благоустройству источников были приостановлены ввиду ряда непредвиденных обстоятельств, в том числе из-за начавшейся в 1828 г. русскотурецкой войны.

В 1860 г. Кайтагские минеральные воды и грязи посетил и исследовал их целебные свойства известный геолог, «магистр формации» Г.В.Абих¹⁰².

В 1893 г. на территории источников функционировал лишь один дом «с 6 в нем номерами» для размещения приезжающих больных, 2 флигеля с 5 ваннами и 1 флигель для сторожа¹⁰³. Этот жилой дом был предназначен только для начальства. Приезжавшие из окрестных сел больные, как правило, довольствовались неприхотливыми шалашами, возведенными собственными силами.

В 1893 г. Кайтагские минеральные воды были переданы в распоряжение управления государственных имуществ Бакинской губернии и Дагестанской области, которое, в свою очередь, сдавало их в аренду частным предпринимателям. Однако арендаторы никаких работ по благоустройству этого уникального природного памятника не производили, а то, что было построено ранее, с каждым годом разрушалось и приходило в ветхость 104. Позднее на базе этих минеральных источников — вод и грязей — был создан широко известный в Дагестане и далеко за его пределами современный курорт «Каякентские горячие источники».

Большое значение азербайджанские народные целители придавали диете больных. Первое место среди продуктов, используемых при многих болезнях, занимали свежее и кислое молоко. чай с лекарственными травами (мята, чебрец, плоды барбариса, шиповника, душица и др.), фруктовые соки и сиропы (виноградный, арбузный, гранатовый). Кроме того, многие заболевания лечили медом. С малых лет детям прививались гигиенические навыки. Так, перед едой и после еды принято мыть руки. В гостиных, где присутствовали посторонние люди, один из членов семьи подходил ко всем перед и после еды с кувшином и тазиком, предлагая им сполоснуть руки. Более того, в четверг (перед пятницей, которая считалась праздничной) в семье устраивали банный день. В сельской местности мылись над большим тазом. В Дербенте были хорошо оборудованные для своего времени общегородские бани. Специальная городская баня функционировала и для женщин. Все это играло определенную роль в поддержании гигиены жителей. В условиях тесных магалов жители города старались максимально и рационально использовать все имеющиеся возможности санитарии (водоснабжение, канализация и т.д.). Однако это удавалось далеко не каждой семье.

Развитие народной медицины не исключало того, что местные врачеватели были беспомощны в лечении многих болезней. В регионе свирепствовала малярия гыздырма, безгек, титретме, которая нередко сопровождалась серьезными осложнениями. Были почти неизлечимы в тех условиях болезни глаз, желудка, желудочно-кишечного тракта, а также парша, туберкулез в разных его проявлениях, грибковые заболевания. Беспомощным оказывалось население и перед различными эпидемиями заразных заболеваний (перед тифом, холерой, корью, натуральной оспой и т.д.), вспышки которых буквально «косили» людей. Неудивительно, что в этих условиях процветало знахарство 105.

Наряду с эмпирическими знаниями, основанными на многовековом опыте народа, порою применялись и магические средства — заклинания, заговоры, нашептывания, с помощью которых, как полагали, можно изгнать «злых духов», избавить от «сглаза» и т.д. Нередко лечебной практикой занимались люди, далекие от истинной народной медицины, не говоря уже о хорошем знании человеческого организма и психологии больного. Некоторые из таких знахарей истинно полагали, что они что-то знают и могут помочь человеку избавиться от болезни. Другие же рассматривали свою деятельность только как источник наживы, сознательно прибегали к обману, который сплошь и рядом приводил больных к инвалидности и преждевременной смерти.

Причинами многих заболеваний, в том числе центральной нервной системы (паралич, эпилепсия и др.), знахари считали «порчу» («сглаз») или «удар нечистой силы» (джинн, шайтан и т.п.).

По словам исследователя Г.К.Гусейнова, приступая к «лечению» больного, такой знахарь часто применял «впечатляющие действия», например, «заговоры, причитания, нашептывания, изгнания из тела больного злых духов ударами по барабану или домашней утвари деревянными или металлическими предметами, выстрелом из оружия... впадением в религиозный экстаз...» 106.

Особую область их врачевания составляло лечение от «сглаза». Имелся целый перечень средств, применение которых, по представлениям знахарей, должно было избавить больных от этого недуга.

Особенно большое значение придавали железу. «Так как большая часть болезней, — утверждал Г.Ф. Чурсин о Кавказе в целом, — согласно примитивным воззрениям, является результатом деятельности злых духов или влияния дурного глаза и чар, естественно, что лечение должно состоять в изгнании злых духов, в разрушении чар и порчи. А так как в народном понимании утвердился взгляд, что злые духи боятся железа, то к помощи железа и прибегают иногда для предупреждения и лечения болезней» 107. Автор также отмечает особую роль иглы против «нечистой силы». «У кавказских народов, — констатирует он далее, - существует множество рассказов о том, как ловкие люди ловили злых духов, воткнув им в тело иголку. Черт или иной нечистый дух не смеет прикоснуться к иголкс. чтобы вытащить ее, и становится послушным рабом человека» 108. Подобные рассказы были распространены и среди населения изучаемой территории.

К югу от селения Дарваг расположены два родника. Один из них был исстари известен как родник от «сглаза» гёз булаг, второй — как родник от малярии гыздырма булаг. Когда знахарь ставил диагноз «сглазили», больного везли к первому роднику и купали в нем. У жителей района широкой известностью пользовался источник Гёз-су, расположенный на территории селения Башлы, у р.Башлы-озень, и используемый для лечения от «сглаза».

В некоторых селениях (Дарваг, Арак, Ерси и др.), объясняя нелуг больных детей «сглазом», «лечили» их таким способом: лепили из теста маленькие шарики гегел и, называя имя подозреваемого виновника «сглаза» (говорили «глаз такой-то»), бросали по одному шарику в огонь. Если случайно шарик, чьим именем он был назван, лопался, то это считалось подтвержлением подозрения. Затем все побывавшие в огне шарики растворяли в воде и эту воду давали пить больному, обмывая ею ero лицо, руки и уши, приговаривая: «Пусть это будет для тебя лечением», «Пусть это будет тебе мальгамом» (бальзамом). Кроме того, старались украдкой заполучить лоскуток от одежды подозреваемого, сжечь его, а пепел растворить в воде и это дать выпить больному. Бывало и так, что больного ребенка вели прямо к подозреваемому в «сглазе» (чаще подозревали людей с голубыми глазами геггез), и тот должен был смазать своей слюной лицо ребенка. Когда трудно было подозревать кого-либо конкретно, знахарка говорила: «Как знать, какая рыба в океане сглазила, ведь в нем рыбы много». Применяли и общие слова: «От собаки ли, от птицы ли, от человека ли, от шайтана ли, пусть все отступят от тебя».

Верили, что «сглазить» можно не только людей, но и скот, урожай, сад, дом, двор и т.д. Поэтому везде развешивали талисманы, обрызгивали водой из источника Гёз-су, на полях и в садах помещали черепа лошадей.

Труднопреодолимым бедствием здесь, как и во всем приморском Дагестане, являлась малярия, которую называли «болотной лихорадкой». Чуть ли не каждый второй житель этого региона был ею поражен. П.Ф.Колоколов в 1831 г. отмечал: «В Нижнем Табасаране (т.е. у азербайджанцев. — $C.\Gamma$.) лихорадочные болезни иногда бывают в высшем градусе и большей частью в летнее время» 109. Вот что писал о больших плантациях чалтыка в приморской части Южного Дагестана Г.Ю.Сухоцкий, служивший в конце 60-х годов окружным медиком Кайтаго-Табасаранского округа: «Последние, занимая немалое пространство и требуя огромного количества воды, дают местности характер болотистый, заражая воздух испарениями гниющих растений (malaria), и поэтому живущие здесь страдают перемежающимися лихорадками, осложненными расстройством пищеварительных органов, слизистыми и кровавыми поносами и, вследствие влияния высокой температуры лета, различными накожными болезнями» 110.

Малярия особенно свирепствовала среди жителей Терекеменского магала. Здесь из р.Уллучай брали начало многие оросительные каналы. Вокруг них образовались болота с камышами, стоячие воды. В летнее время они служили «очень удобной почвой для развития малярийных комаров, известных здесь под названием "узун бурун"»¹¹¹. Зарастали камышами и заболачивались территории и вокруг участков рисосеяния, ям, зали-

ваемых для ловли диких уток. Практически почти все население магала было заражено малярией с приступами сильной лихорадки.

В качестве средства лечения больного малярией использовался толченый чеснок, разбавленный уксусом. Его принимали утром натощак. Однако по совету знахарей, чаще всего во время приступа лихорадки, больного окунали в холодную воду (родник) и держали, «пока не перестанет бить озноб». Потом его вытаскивали из воды, помещали в теплую постель и давали горячий чай. Истощенный долгой болезнью человек нередко в результате такой процедуры получал воспаление легких, почек и другие серьезные заболевания. Первостепенную роль в лечении малярии таким способом отводили упомянутому выше роднику Мака булаг у селения Великент, куда привозили больных из многих аулов округа. В исследуемом районе был известен и другой способ лечения малярии.

При длительном заболевании человека малярией с приступами лихорадки по ночам семья посылала вечером детей под окна четырех-семи домов односельчан. Дети должны были кричать, изменив свои голоса: «Чем лечить ночную лихорадку?» («Гече гыздырмая не дарман?»). Хозяева домов называли наугад продукты или готовые кушанья (например, вареники из тыквы и крапивы, хинкал со свежей бараниной, шашлык, плов и т.д.), которые, по их мнению, обладали каким-то лечебным свойством. При этом требовалось, чтобы ответ был мгновенным 112. Иногда какая-нибудь хозяйка в шутку называла труднодоставаемый продукт питания (зимой — арбуз, дыню, виноград, летом — лед и т.д.), что вызывало много хлопот для семьи больного. В некоторых обществах в домах, под чьи окна приходили дети, должны были находиться мужчины, носившие, например, имена Магомед-Али, Магомед-Вели, Магомед-Наджи и т.д.

При заболевании малярией, особенно подростков, нередко обращались к помощи сельского муллы, который делал больному «кольцо» из хлопчатобумажной или шелковой пряжи с пятьюсемью узлами в разных местах: мулла над каждым узлом читал молитву, обычно первую суру Корана.

В селении Дели-Чобан, например при воспалении мочевого пузыря больного водили вокруг холма, который был известен у местного населения под названием «Сийдик тепе» («Мочевой холм»).

Одно из хронических заболеваний детей, а также молодых женщин, у которых долгое время не было детей, было известно под названием гырх. Чтобы вылечить больного (больную) от гырха, брали металлический замок, роговую расческу, панцирь черепахи, складывали их в редкое сито и, держа его над головой больного, лили через него воду. При этом воду через сито было принято пропускать трижды: в среду, в субботу и в следующую

среду. «Лечащая» женщина читала строку из Корана: «Бисмилляхи-р-ахмани-р-рахим» («Во имя Аллаха, милостивого и милосердного»), затем перечисляла всех тех, от кого могла быть болезнь: «От шайтана, джинна, собаки, от врага, друга, кошки, от мертвеца, живого человека, лошади». После такой процедуры больной, по представлениям знахаря, мог рассчитывать на выздоровление. Много сходных приемов практиковалось и при «лечении других болезней». Приведенного достаточно для вывода о том, что народная медицина тесно переплеталась с магическими приемами, с различного рода заклинаниями. Однако сама народная медицина, ее рациональные средства приносили больным большую пользу.

Научная медицина начала проникать в Дагестан с 30-х годов XIX в., после его присоединения к России. Первые лечебные учреждения (госпитали) создавались в расквартированных в области русских войсковых частей, в городах Дербенте, Темир-Хан-Шуре, Петровске, слободке Хасав-Юрт и др.

Надо сказать, что в первое время к рекомендациям русских врачей население относилось с большой осторожностью. «Прежде, в 1860—1861 гт., — писал Г.Сухоцкий о населении Кайтаго-Табасаранского округа, — ни один туземец, особенно бек, не принимал предлагаемого лекарства до тех пор, пока я или состоящий при мне фельдшер не отведаем в присутствии их предлагаемого средства; в случае же нежелания нашего отведать предлагаемый порошок передается на усмотрение целой сходки поселян, которая в азиатских аулах всегда готова среди аула на каком-нибудь камне или под навесом у мечети...»¹¹³. Такая предосторожность предпринималась, надо полагать, во избежание отравления. Согласно этому автору, со временем отношение менялось, постепенно местные жители охотно стали выслушивать и «наставления и советы касательно гигиены и лечения болезней...», с доверием «принимали предлагаемые лекарства»¹¹⁴.

По данным Е.И.Козубского, первый лекарь был утвержден для Дербента в 1830 г. в период правления Паскевича на Кавказе. В 1834 г. сюда же была направлена акушерка Анна Иванова, окончившая московский «повивальный» институт¹¹⁵.

В первое время и в Дербенте единственным «врачебным заведением... был военный местный лазарет» 116. В 1884 г., например, был он рассчитан на 60 мест. При наличии свободных мест в госпиталь принимались больные из числа горожан. В 1893 г. врачебной помощью госпиталя пользовались из горожан 182 человека, а в 1894 г. — 120 человек 117. Что же касается больниц, их вовсе не было ни в городе, ни тем более в сельской местности. В «Докладе главного управления наместника кавказского кн. Барятинского» от 18 апреля 1860 г., в частности, отмечается: «Гражданских больниц нет, аптек также нет. Лекарства в Дербенте получаются из военной аптеки» 118. При таком состоянии

дел неудивительно, что в городе «почти ежегодно» вспыхивали эпидемии¹¹⁹, и не только в городе. Как видно из официального донесения начальника Нижне-Кайтагского участка за время с 8 по 15 сентября 1902 г. от вспышек натуральной оспы заболели 44 и за это же время умерли 28 человек 120. Неграмотное население долго еще не понимало значения предохранительных прививок от оспы и потому зачастую категорически отказывалось от них. «От прививки детям предохранительной оспы, писал в 1903 г. дагестанскому областному врачу кайтаго-табасаранский окружной врач, - местные жители положительно отказываются... вообще не признают современных мер лечения натуральной оспы, что, вероятно, объясняется верой населения в предопределение всевышнего: что послано аллахом, того ничем нельзя предупредить» 121. Надо сказать, что и сеть врачебных учреждений росла в Дагестане очень медленно, и помощь, оказываемая населению, была минимальной. В 1913 г. в области по гражданскому веломству насчитывалось всего 38 врачей, 98 фельдшеров, 32 повивальные бабки (акушерки), 5 зубных врачей, 14 фармацевтов и 23 оспопрививателя 122. На весь Кайтаго-Табасаранский округ, например, было всего 2 сельских врача (в селениях Маджалис и Каякент), каждый из них заведовал больницей на 6 коек. На территории же азербайджанских селений функционировал один фельдшерский пункт с амбулаторией (в селении Ерси) 123.

Относительно лучше обстояло дело в Дербенте, где, по данным того же года, функционировали 2 больницы: городская Александринская больница на 30 коек и больница Владикавказской железной дороги на 50 коек 124. Медицинский персонал составляли 3 врача, 3 фельдшера, 1 акушерка 125.

Такой малочисленный состав медицинских работников не мог существенно повлиять на улучшение здравоохранения. Значительная часть жителей, особенно сельских, по-прежнему была лишена какой-бы то ни было медицинской помощи. На самом низком уровне находилось медицинское обслуживание женщин. так как в районах женщин-врачей, как правило, не было. В этой связи определенный интерес представляют сообщения официальных органов. «Отсутствие в медицинском персонале женщин, - отмечалось, в частности, в "Обзоре о состоянии Дагестанской области за 1896 г.", - весьма вредно отражается на народном здравии, ибо женская половина сельского населения, вследствие туземных обычаев и предписаний, исповедуемой населением мусульманской религии, лишена возможности не только подвергать себя медицинскому осмотру, производимому мужчиной, но даже обращаться к врачу-мужчине в случае болезни за советом. По этой причине в отчетном году, как и до этого времени, туземки не получали врачебной помощи» 126.

В этих условиях смертность среди женщин, особенно рожениц, была велика. Тяжелые материальные условия также

позволяли далеко не всем пользоваться услугами профессиональных врачей и медицинских учреждений. В этом отношении показательно обращение 232 жителей Дербента в городское общественное управление, в котором отмечалось: «Большинство горожан города Дербента, будучи крайне стеснено в материальном отношении, настолько бедно, что при разных более или менее серьезных заболеваниях и недомоганиях положительно не в состоянии обращаться к местным врачам за подачей врачебной помощи. Такое ненормальное явление... имеет прямым последствием увеличение с каждым годом числа безвременно погибающих горожан, не имеющих возможности по бедности платить доктору за визит и особо еще извозчику за провоз его и также и за лекарство, прописанное больному по рецепту врача, что в общей сложности может составить сумму от 4 до 5 рублей» 127. Отмечая, что «бедняк, с трудом зарабатывающий дневное пропитание, не может при всем своем желании пригласить врача к своему больному», автор статьи высказывает пожелание, чтобы «город содержал одного специального врача, обязанного при надобности бесплатно посещать на дому намеченных по особому списку больных из неимущего класса городского населения» 128.

Не лучше обстояло дело и с обеспечением лекарствами, в том числе от малярии. Как известно, единственным средством против малярии, которое использовали в то время, был солянокислый хинин. При этом, как отмечали военный губернатор Дагестана и областной врач в письме в «Кавказский комитет по борьбе с малярией» от 10 июля 1914 г., его могли «приобрести едва ли 10% всех сельчан, нуждающихся в хинизации» 129. В отношении же осушения болот — источников многих болезней (организации правильного землепользования, водопользования и т.д.) местные органы власти ничего существенного не предпринимали и предпринимать не собирались.

Таким образом, основным источником медицинских знаний оставался практический народный опыт, который накапливался в течение веков. Во многих сельских обществах были свои врачеватели, повитухи, которые перенимали опыт предыдущих поколений и, развивая уже известные, применяли его в своей практической работе. К ним люди обращались со своими разными недугами со всей округи. Одни из них имели определенные знания в области хирургии, другие — значительный опыт использования лекарственных растений. Многие народные лекари имели свои бесценные фармакологические хранилища — «лесные аптеки», в которые ежегодно поступали свежие лечебные средства, умело собранные ими самими.

К большому сожалению, многое из того опыта, из тех запасов знаний бесследно исчезло из практики врачевания, ушло вместе с самими народными врачевателями, не доставшись новому поколению. Не последнюю роль здесь сыграло офи-

циальное огульное отрицание народной медицины — бесценного и культурного наследия народа.

Помощь существовавших в тот период официальных медицинских учреждений была незначительна, хотя надо признать, что немногочисленные представители дореволюционной медицины все же сыграли большую роль как в оказании помощи тяжелобольным, так и в осуществлении профилактических мер и распространении среди населения зачатков научно-медицинских знаний.

После революции в Дагестане началась большая работа по организации здравоохранения и подготовке кадров профессиональных врачей и научных работников из среды местного населения. Уже в 1920 г. «отдел здравоохранения Дагестанского ревкома обсудил вопрос об организации медицинских пунктов» 130. Указав на «полное отсутствие... в округах области приспособленных для учреждения больниц помещений, больничного имущества, аптечного инвентаря и т.д., власти постановили для начала организовать в каждом округе больницу на 10 коек, рассмотреть вопрос о штатах в них» 131. В районах, где свирепствовала малярия, в том числе Дербентском, были созданы специальные противомалярийные станции, санитарно-эпидемические отряды.

В 1924 г. в Дагестане был открыт Тропический и санитарнобактериологический институт¹³². В результате разносторонней работы, проведенной в республике за кратчайший срок, малярия была в основном ликвидирована.

Религиозные представления и культы

Азербайджанцы Дагестана исповедуют ислам. Распространение ислама (VII—XV вв.), как известно, явилось одним из важнейших последствий арабского завоевания в Азербайджане 133 и в Дагестане 134. Ислам содействовал и проникновению в исследуемый район арабского языка, культуры, элементов мусульманской мифологии и т.п.

Наряду с исламом суннитского толка среди некоторой части азербайджанского населения, особенно среди жителей Дербента, был распространен и ислам шиитского толка¹³⁵, что объяснялось историческими и этнокультурными связями населения с Ираном. Судя по имеющимся литературным данным, проникновение шиизма в Южный Дагестан, в частности в Дербент и его окрестности, относится к началу XVI в. и связано с именем персидского шаха Исмаила, который в 1509 г., «взяв город приступом... силою заставил жителей суннитов шафи сделаться шиитами»¹³⁶ или, «овладев Ганжею, Карабахом, южной частью Шеки, Ширваном, Баку и Дербентом... стал распространять в этих провинциях учения Алия»¹³⁷. Трудно судить о былом соот-

ношении шиитов и суннитов в рассматриваемом регионе. Но, по имеющимся письменным сведениям, в XVIII — первой половине XIX в. подавляющее большинство мусульман Дербента составляли уже шииты. Из мусульман города принадлежало «к секте сунны не более 1/10, а прочие — шии». Сунниты имели «1 эфендия и 9 мулл», а шииты «3 ахундов и 34 мулл» 138, — отмечалось в «Обозрениях российских владений за Кавказом» в 1836 г. «Народонаселение Дербента, — писал побывавший в городе известный востоковед И.Н.Березин, — состоит преимущественно из мусульман шиитского учения и ставит город в неприязненные отношения с горами. Суннитов, носящих здесь название "микилляров", очень немного» 139. А.В.Комаров в 70-х годах также сообщал, что «шииты составляют большинство жителей Дербента» 140.

Ислам, как известно, налагал на своих последователей обязанности, регламентирующие все стороны жизни верующих: мировоззрение, быт, семейно-правовые нормы и др. Мусульмане должны были исполнять в сутки пять обязательных молитв намаз, строго соблюдать пост ураза в течение целого месяца, исправно платить предписанный Кораном благотворительный налог закят в размере десятой части урожая или другого дохода. Закят шел на содержание сирот, вдов, неимущих, а также на нужды культовых учреждений, на содержание обслуживающего их персонала (мулл, мутаалимов и других служителей культа). «Сбор этот, — писал А.А.Неверовский о поступлениях в мечеть из закята, — делился муллой на три пая: один он берет себе, а остальные два должен раздать бедным, вдовам и сиротам. Кроме того, каждый дом дает мулле по 1, по 2 и даже по 3 рубля в год, смотря по состоянию» 141.

Часть закята использовалась на содержание учащихся высших мусульманских школ медресе и т.д. Ислам предусматривал, кроме того, добровольные пожертвования (садака), а также рекомендовал добровольные необязательные молитвы и посты до и после месяца рамазана.

Закят и садака представляли собой акции милосердия со стороны более или менее имущих членов общества по отношению к неимущим, нуждающимся в помощи. В результате всех видов пожертвований создавался общественный фонд помощи (главным образом при мечетях). В мечетях как за поступлением, так и за справедливым распределением пожертвований среди нуждающихся следили особые попечительские советы, состоявшие из наиболее уважаемых членов религиозной общины. Надо отметить, что многие мечети имели в своем распоряжении и вакуфные земли, которые они обычно сдавали в аренду и получали определенный доход. Этот доход, как и закят, шел на благотворительные цели, на помощь бедным и на содержание мектебов, медресе и т.д. В 1836 г., например, в Дербенте функционировало 17 мечетей. В пользу главной мече-

ти кроме приношений от народа поступали «доходы с бани, соляного озера, 15 лавок, были еще две мечети, владеющие 6-ю лавками» 142. Как сообщает Е.И.Козубский, доход от дербентских мечетей в 1880 г. в денежном выражении составлял 1676 руб. Это были поступления от вакуфных пахотных земель, покосных угодий, соляных озер, бани, лавок и т.д. 143. Всей этой собственностью, а также закятными и другими благотворительными пожертвованиями в Дербенте, как и в сельской местности, распоряжался попечительский совет.

Следует отметить, что в рассматриваемое время, когда отсутствовала государственная помощь, такие благотворительные акты, акты милосердия верующих людей имели громадное значение. Именно этим, пожалуй, в значительной мере можно объяснить отсутствие в селениях исследуемого района нищих, просящих по дворам милостыню. Безусловно, большую роль играла и постоянная помощь, оказываемая бедным со стороны родственников. Родственная взаимопомощь составляла одну из лучших традиций народа.

Выше отмечалось, что мусульманин ежедневно должен был совершать пятикратный намаз. Наступление времени молитвы специально объявлялось служителем мечети — муллой, или муэдзином, обычно с крыши мечети или с ее минарета. Мужчины старшего возраста, как правило, совершали дневные намазы в мечетях своих кварталов, а молодежь и женщины молились дома. По пятницам же почитаемые старики всего аула собирались в свои Джума-мечети, где обряд моления проводился более торжественно, иногда рассчитанный и на внешний эффект, особенно если в богослужении участвовали высокопоставленные особы, например, шейх-уль-ислам. Джума-мечети, в отличие от квартальных, были убраны коврами, надлежащей утварью, приборами для омовения перед намазом.

По пятницам особенно многолюдно бывало в Джума-мечети Дербента, куда нередко собирались аксакалы и из окрестных селений. Она отличалась от других мечетей округа своими масштабами, архитектурой, богатым убранством.

Первое подробное описание этой мечети оставил нам И.Н.Березин: «Красивый вход в мечеть находится с северной стороны; над дверьми блестит разноцветный стих из Алкурана. Внутренность мечети разделена на три отдела: главный, занимающий почти середину здания, покрыт двумя куполами... В южном конце, прямо против входа, сделан в стене "михраб", означение стороны меккской, а подле стоит "мимбер" — кафедра для эктении и проповедей: эти неизбежные атрибуты мусульманского храма помещаются в зале под главным куполом. Оба боковых отдела тянутся по сторонам центрального зала: они состоят из двух галерей, разделенных рядами толстых каменных столбов, на которые опираются неширокие арки. В каждой галерее находится восемнадцать колонн, арки же идут в три ряда:

мусульмане, для большего эффекта, считают все полуколонны в мечети и говорят, что дербентская "джами" стоит на восьмидесяти столбах. Мечеть сложена из камней довольно больших и хорошо отделанных, а главный купол и своды выведены из мелкого кирпича. В некоторых местах заметны позднейшие поправки и переделки, как внутри, так и снаружи». Он отмечает здесь же, что «с западной стороны примыкает к мечети "такие" — жилище духовенства, построенное также в два яруса с галереей напереди; с северной стороны двор обведен стеной с боковыми воротами, с севера проходит "медресе" — школа, с воротами и с навесом для защиты от зноя и непогоды…»¹⁴⁴. Далее И.Н.Березин отмечает, что ежегодный доход Джума-мечети составлял около 1150 руб. серебром и при ней находились «общественная баня и медресе»¹⁴⁵.

Второе подробное описание дербентской мечети принадлежит Е.И.Козубскому, который почти полностью повторяет данные И.Н.Березина. Однако последнее описание важно нам тем, что свидетельствует о сохранении здания в целости еще в начале XX в. 146. Относительно же медресе, очевидно следуя преданию. распространенному среди дербентцев, Е.И.Козубский пишет: «Основание медресе при мечети заложил ширван шах в 809 г. (1406 г.)», а здание «вновь перестроено при Ших-Али-хане»¹⁴⁷. Историческая хроника «Дербенд-наме» 148, да и народное предание приписывают его строительство Масламе (VIII в.) 149. Вообще же с именем Масламы принято связывать «первые попытки исламизации Дагестана, в частности, Дербента» 150. Тем не менее эта роль нередко приписывается и другому историческому деятелю, более популярному на мусульманском Востоке, — военачальнику периода правления Аббасидов (VIII в.) Абу-Муслиму, хотя, как полагают исследователи, он здесь никогда и не был.

Своими размерами, архитектурным оформлением, богатством убранства также отличались Джума-мечети и в ряде других крупных населенных пунктов — в Дарваге. Мараге, Ерси. Рукеле и др. Все же наиболее значительной и древней являлась мечеть Дербента. Одним из самых древних сооружений считалось сохранившееся еще и сегодня здание медресе, относимое, как видно из надписей при этой мечети, к XV в. Древними были и многие другие мечети в Дербенте, действовавшие еще в XIX — начале XX в. По поручению коменданта Дербента одним из местных жителей, ученых-арабистов, в 1838 г. были описаны древности города. По его данным, три мечети с куполами, расположенные в третьем, четвертом и седьмом магалах, датируются началом XV в. и основаны ширваншахом Ибрагимом Халилом. В первом магале мечеть с куполом была сооружена (около 1613 г.) иранским шахом Аббасом. По данным того же ученого-арабиста, в XVII—XVIII вв. были построены и другие мечети: одни — с куполами, другие — без них¹⁵¹.

Одни из этих мечетей были суннитскими, другие — шиитскими. В некоторых кварталах функционировало по две мечети. Строительство мечетей приписывается известным в городе частным лицам — бекам и богатым горожанам. Так, судя по описанию того же знатока местной истории, в четвертом магале мечеть была построена Гаджи Мирзой (около 1788 г.), в пятом — Гаджи-беком Курчи (около 1778 г.), в девятом — Гаджи Мани (около 1738 г.), в восьмом магале старое здание мечети (1698 г.) было восстановлено Гаджи-Тагир-беком (около 1790 г.) В четвертом магале мечети были сооружены на пожертвования беков и богатых горожан.

Еще в начале XX в. в Дербенте действовала «Гизлар мечеть» — женская мечеть.

Духовенство, обслуживавшее мечети Дербента, в середине XIX в. было довольно значительным. Одних только мулл насчитывалось 38, шейхов, шеидов, относимых к потомкам пророка Мухаммада, — 64¹⁵³. Немало было лиц, получивших духовное звание хаджи, т.е. совершивших паломничество к святым местам Аравии — в Мекку и Медину.

А.П.Ермолов старался взять под контроль русской администрации молитвенные учреждения, упорядочить их деятельность, а равно и численность при них служителей культа. «В деревнях, где будет большое число дворов, — писал он в своем наставлении главной священной особе Кубинской провинции в 1824 г., — допустить число мечетей в соразмерность, но так, чтобы каждой мечети принадлежало не менее 50 и 60 дворов. В деревнях же, где менее 10 дворов, мечети не иметь. При мечетях, где будут эфенди, не быть муллам, дабы... таковых содержание не обращалось в тягость народу» 154. Однако главнокомандующий не забывал об источниках содержания духовных лиц. «Закят для приличного содержания священных особ. — отмечал он там же, — народ должен доставлять непременно» 155.

Мы выше отмечали, что щиизм был распространен среди значительной части жителей Дербента. Одним из наиболее известных обрядов шиитов являлся обряд шахсей-вахсей (букв. «шах Хусейн», «о Хусейн») — театрализованный религиозный траурный обряд. Траурная процессия проводилась в первые десять дней месяца мухаррам (по шиитскому календарю, в дни ашуры). В эти дни шииты Дербента (иногда с участием и шиитов из селений) устраивали массовые уличные шествия, сопровождавшиеся эмоционально насыщенными театрализованными действиями. Сцены траурного оплакивания Хусейна были внушительными. Участники шествия несли цепи, ножи, кинжалы, которыми наносили себе удары по голове, в грудь, полосовали спины. Нередко шииты города, как и в других регионах распространения шиизма, инсценировали или разыгрывали события далеких времен, тесно связанные с имамом Али, его сыновьями и сподвижниками. Одно из ранних интереснейших

сведений об этих ритуалах в Дербенте в дни мухаррама оставил нам путешественник XVIII в. И.Я.Лерх, лично наблюдавший эти события в городе. «День Гассана и Гуссейна, — писал он, празднуется ежегодно... во всех городах и деревнях с великими обрядами. Они собираются ночью на некоторое место и поют песни, касающиеся до сего происшествия: имеют притом музыку, бьют себя беспрестанно по голым грудям и перепрыгивают через огонь с помощью больших шестов, иные бьют себя саблями и ножами по своим головам, другие стреляют в воздух из ружей или представляют себя печальными и отчаянными; ходят по улицам с факелами и свечами и часто произносят имя Гассана и Гуссейна. Торжество сие продолжается целый месяц. На последней неделе происходит весьма великое волнение, ибо они тогда представляют на приготовленном месте два тела убиенных братьев 156, с окровавленным оружием, и носят оные вкруг с чрезвычайным воплем. У голов сих братьев в двух домиках сидят две плачущие женщины, которые бьют себя по груди и по лицу и часто выходят смотреть, не воскресли ли убиенные тела. В последний день носят вкруг детей, обагренных кровью, которые должны представлять детей умерших и у которых как бы отрублены головы и ноги; показывают также скованных их матерей с несколькими женщинами и их дочерей, в белое платье одетых и подобным образом связанных. Позади печального сего позорища носят они... обнаженные сабли, щиты и луки, сделанные великими варварами, быот и ранят упомянутых пленниц. Сверх того водят лошадей убиенных братьев, израненных во многих местах, в которых вонзены стрелы, переломленные копья и кинжалы, также их оружие, луки, пики, щиты, сабли, которые бывают прикреплены к попонам. Вместо ран обмазывают лошадей кровью. Наконец, ахун говорит речь, и при беспрестанном восклицании имени Гассана и Гуссейна бьют они себя, рубят и режут до крови. Вся толпа с народом входит в мечеть, и там ахун делает поминование и мертвые тела похороняет. Некоторые при сем печальном позорище лишаются жизни. Когда сходятся две сражающиеся стороны, поелику они, подходя друг к другу, должны одна толпа поздравлять другую, но как ни которая не хочет прежде оказать сей чести другой, то начинается сражение. Ежели кто лишается на сем сражении жизни, то сего не взыскивают, думая, что таковые умершие тем скорее и вернее попадут в рай» 157.

Е.И.Козубский, наблюдавший траурную процессию, обряд шахсей-вахсей в Дербенте в конце XIX в., отмечал, что этот церсмониал начинался в 6 часов вечера, продолжался до 11 часов и внушил ему «высокое мнение о набожности дербентских мусульман» 158. В целом же шахсей-вахсей, по сведениям наших информаторов, проводился с 1 по 10 мухаррама. После этого еще 40 дней продолжался траур. Люди одевались в черное, мужчины отпускали бороды, не устраивали никаких торжеств.

Нередко черную одежду къатыл къара в знак шиитского траура надевали и на ребенка, чтобы спасти ему жизнь, вылечить от тяжелой и долгой болезни. Когда в семье подряд умирали дети, то следующему новорожденному каждый год (в зависимости от того, на сколько лет родитель давал обет) перед наступлением траура также надевали такую одежду и снимали ее только по истечении 40 дней.

Шиитская церемония шахсей-вахсей порой имела тяжелые последствия, приводила к кровопролитию, ко многим несчастным случаям для ее участников. Не случайно русская администрация области делала ряд попыток ее запретить.

По данным Е.И.Козубского, 9 сентября 1886 г. представитель Закавказского шинтского духовного управления шейх-уль-ислам обратился к губернатору Дагестанской области с письмом: «Общество мусульман г. Дербента секты шия, в числе 150 человек, прошением 12 истекшего августа просят моего ходатайства о дозволении им в дни магеррама (шахсея) по-прежнему производить траурно-молитвенный обряд в воспоминание убиения третьего имама, сына Алия, Гуссейна и других св. мучеников, но без рубки голов и других частей тела, как оно совершалось ими в прежние времена, а по возможности скромно и нешумно исполнять обряды» 159. Губернатор области приказал объявить жителям города, что они могут провести данный обряд памяти шаша Хусейна, «но им не может быть дозволено совершать разные демонстрации на улицах» 160. Однако еще в начале XX в. шахсей-вахсей продолжал отмечаться во всей своей полноте, сопровождаясь тяжелыми актами массового самоистязания. После траурно-молитвенного акта многие верующие-шииты по-прежнему держали траур, еще в течение 40 дней носили черную одежду, организовывали ритуальные трапезы, слушали рассказы богословов об обстоятельствах гибели Хусейна.

В заключение следует сказать, что культ Али и его сыновей Хасана и Хусейна (наиболее развитой в шиизме) существовал и среди суннитов. Большой популярностью пользовался у всех мусульман и образ дочери Мухаммада — Фатимы.

Выше мы уже отмечали, что азербайджанцы, как и другие верующие-мусульмане, ревностно и с особой торжественностью отмечали традиционные праздники оруджлук байрам и гурбан байрам (праздник жертвоприношения). Первый посвящался окончанию месячного поста ураза, т.е. девятого месяца лунного календаря (рамазана), когда, по представлению верующих, пророку Мухаммаду был ниспослан богом Коран, второй — двенадцатого месяца того же лунного календаря мусульман — девятый день зу-л-хиджжа и связан с легендой о построении Каабы¹⁶¹. В день гурбан байрама верующие по возможности должны были приносить жертвы из расчета овцу на человека или корову (или быка) на семь-десять человек. При этом мясо приносимых в жертву животных полагалось раздавать насе-

лению. Однако далеко не все семьи могли позволить себе такие большие приношения, именно поэтому устанавливалась определенная очередность, кому из членов семьи в каком году выделить для жертвоприношения овцу. Существовало поверье, что жертвенное животное поможет душе жертвователя в «день воскрешения мертвых» перейти через сират копур (сират улмустаким) — прямой мост (тонкий как волос, острый, как лезвие) и попасть в рай.

Перед праздником оружлук байрам, вечером, каждая семья в соответствии с числом ее членов (и даже находившихся в этот вечер гостей) выделяла по одной мерке cax (примерно 2,5 кг) зерна на благотворительные цели. Такая акция называлась сах текмек. Одна часть выделенного раздавалась как закят беднякам и сиротам непосредственно из домов, а другая отправлялась в распоряжение мечети в пользу служителей культа.

Азербайджанцы, как правило состоятельные, в месяц рабиаль-авваль устраивали мавлид в честь рождения пророка Мухаммада. Мавлид в честь пророка многие азербайджанцы устраивали и по случаю благополучного вселения в новый дом (иные даже при закладке его фундамента) или удачного завершения какого-либо задуманного дела, а также при выздоровлении тяжелого больного.

Культовые памятники. В религиозной жизни народа помимо мечетей заметную роль играли и различные культовые памятники исследуемого района, особенно известный комплекс, расположенный в метрах 200—300 от северных крепостных ворот (Кырхлар-капы), на большом старинном кладбище Кырхлар. Возникновение этих могил местные источники и предания связывают с именами арабских шахидов — борцов за мусульманскую веру. Полагают, что здесь захоронены тела 40 мучеников за веру, погибших в борьбе с хазарами¹⁶².

Весьма интересные сведения об этом кладбище сообщает тот же И.Лерх: «По обеим сторонам стен находится множество надгробных камней, из коих иные стоят, а иные лежат; они украшены подписями и цветами, на которых также различные иссечены изображения. Сим по большей части свидетельствуют они о великой своей древности. Около некоторых обведены стены и сделаны своды, в коих лежат особливые роды семейства. а также некоторые святые, а особливо на одном месте, как сказывают, находится оных около 40, куда татары, а особливо их жены в белых покрывалах и с особливыми обрядами ходят во множестве. Но сии прекрасные надгробные камни в 1741 и 1742 годах чудный имели конец, когда шах Надир из Индии возвратился и вознамерился искоренить горных татар. Ибо он на море между городскими стенами построил себе из оных огромные чертоги, в коих случилось мне быть в 1747 году, и прекрасный город тогда весьма опустошен» 163.

В первой половине XIX в. это знаменитое кладбище посетил И.Н.Березин и отметил: «Древние надгробные камни Кырхлара замечательны своей огромностью, как будто под ними покоятся великаны... Число памятников, кажущихся очень древними, меньше сорока, а число всех, в загороженном квадрате находящихся, больше сорока, и поэтому название "кырхлар". Сороковник служит здесь собирателем — неопределенным» 104.

Относительно этнической принадлежности погребенных в Кырхларе, а также о периоде сооружения данного комплекса существуют две версии: как мы отмечали выше, по одной, наиболее известной версии, здесь погребены арабы, погибшие за распространение ислама в борьбе с «неверными» хазарами; по другой — памятник связывают с тюрками-огузами, также погибшими за веру. Наиболее ранние сведения, основанные на народных преданиях о принадлежности Кырхлара тюркам-огузам (XI—XII вв.), оставил А.Олеарий (XVII в.). Он, в частности, писал, что эти памятники «по происхождению из нации "окус", жившей за Эльбрусом» 165. С тюрками-огузами, погибшими за веру, уже в более поздний период связывают эти захоронения также Х.Д.Френ, А.Р.Шихсаидов 166 и др.

Последнюю версию можно считать более убедительной, учитывая, что в тот период (XI—XIII вв.), как полагает А.Р.Шихсаидов, усиливалось значение «тюркского элемента в исламизации» 167. Основанием для заключения о принадлежности комплекса захоронений Кырхлар тюркам А.Р.Шихсаидову, например, послужило изучение надгробий, дат, имен погребенных и другие данные 168. А.Олеарий сообщает, что ту часть, где были погребены «40 князей», персы называют джелтином, а турки и татары — керхляром 169. Возможно, здесь были захоронены и рядовые, а отдельно, за оградой (по выражению И.Н.Березина, «в загороженном квадрате»), — вожди воинов, «князья» 170. Кладбище Кырхлар, как полагают исследователи, являлось суннитским местом жертвопринощений, паломничества людей из разных уголков Дагестана и Закавказья.

Культ Кырхлара для жителей изучаемого района был настолько велик, что кладбище посещали верующие с самыми различными надеждами: чаще всего на исцеление от болезней, бездетные молодые женщины — родить ребенка и т.п. Всс, кто приходил на кладбище, не забывали о благотворительности — приносили и раздавали садака. Отметим также, что в западной части кладбища имеется несколько захоронений позднего периода (XVIII — начало XX в.). Наиболее значительным и известным из этого комплекса захоронений является мавзолей — восьмиугольное каменное сооружение¹⁷¹ с куполом, где покоится жена Фатали-хана, Туту-бике (вернее, Тоту-бике, ум. в 1787 г.). Тут же находится могила ее сына Ахмед-хана, одного из последних правителей Дербента. Второй ее сын, Хасан-хан (ум. в 1802 г.), правивший Дербентом после своего брата Шейх-

Али-хана, также сначала был похоронен здесь, но потом его прах увезли в священный город шиитов Кербелу¹⁷². Рядом находятся и захоронения Хаджи-бека (1783—1784), сына известного Фатах-бека¹⁷³, и кайтагского бека Амирчопана Джамаловича Уцмиева.

По сведениям Е.И.Козубского, кладбище Кырхлар в 1906 г. было несколько благоустроено на средства бакинского промышленника Тагиева. В частности, его обнесли новой оградой и построили молитвенный и караульный домики¹⁷⁴.

Известным и почитаемым местом на изучаемой территории была также гора Дюльдюм-Али, расположенная южнее Дербента¹⁷⁵.

Гора Дюльдюм-Али, как и кладбище Кырхлар, — культовое место, широко посещавшееся местными жителями. Чаще всего сюда приводили молодых женщин, страдающих бесплодием или с больными детьми. «Скала, — писал Е.И.Козубский, — служит местом богомолия, преимущественно женщин, по четвергам, на ней находится несколько люлек, высеченных из камня, в которых кладут детей с надеждой на выздоровление с помощью Али» 176, зятя пророка Мухаммада.

Заслуживает внимания мысль Е.И.Козубского о том, что люлькообразные каменные углубления «некоторые археологи относят к так называемым чашечным камням, имевшим религиозное значение в глубокой древности и игравшим, вероятно, роль при жертвоприношениях» 177.

Почитались и многие могилы, где, по преданию местных жителей, были похоронены известные шейхи, проповедники ислама, борцы за веру. Все они именовались пирами, зияратами.

Наряду с господствующим исламом среди населения продолжали сохраняться пережитки ряда других, более древних религий (языческих верований, зороастризма, христианства и др.) 178. В ряде случаев ислам приспособил их к своим догмам и обрядам.

В древних языческих верованиях значительную роль играли разного рода «природные» божества (плодородия, дождя, воды, солнца, неба), духи (добрые и злые), магия (особенно в сфере взаимоотношений полов).

У азербайджанцев, как и у их соседей, особенно тюркоязычных ¹⁷⁹, существовало, например, представление о таком женском демоне, как албасты (или аланасы, или же просто ал). Этот фантастический образ представляли как лесную или речную женщину с распущенными волосами и большой грудью. Ее груди были настолько велики, что закидывались за плечи. Она постоянно носила ожерелье из бус. Образ албасты сложный и противоречивый. Албасты, обладая свойством перевоплощения, могла превратиться в любое существо. Азербайджанцы, например, считали, что албасты легко может принять облик красного петуха с длинным клювом. Она очень зла и может душить свои жертвы. Особенно она жестока к роженицам: может проникнуть в помещение через дымовую трубу, подойти к ним незаметно, унести плод, внутренности своей жертвы и т.д.

Действиями албасты часто объясняли смерть роженицы. Чтобы обезвредить «нечистую силу», на реке сооружали запруду и посылали туда с кинжалом человека, когда-то совершившего убийство. Последний бил кинжалом по воде и приговаривал: «Ат, говур, апарма; говур, къайтар» («Бросай, нечистая сила; не уноси, нечистая сила, верни»). Сделав несколько ударов по воде, он произносил: «Кесдим, кесдим» («Зарезал, зарезал»). Верили, что если албасты не успела опустить в воду извлеченные внутренности женщины и накормить ими своих детей, то их можно вложить роженице обратно и тем самым спасти ее от смерти.

Иногда в целях спасения роженицы открывали стрельбу из ружья. Если она все же теряла сознание, умирала, женщины поднимали шум, били по медному тазу, опять-таки чтобы запугать албасты, заставить ее убежать.

В селении Хучни Табасаранского района мы записали следующее предание: «Однажды мужчина случайно увидел ал (она была похожа на красного петуха с длинным клювом), моющую речки легкие роженицы. Он подскочил к ней и потребовал немедленно вернуть легкие больной, иначе он разрубит ее на части. Ал испугалась и сказала в ответ: "Я вообще не трогаю того, кому дала клятву, и тебе даю такую клятву оставить роженицу в покос, вернуть ее легкие на место". При этом она добавила: "Если я нарушу клятву, пусть я буду из тех, кто моет челек 180 внутри, а снаружи оставляет грязным. Если я трону твой род, пусть я буду из тех, кто моет ложку внутри и оставляет грязной ручку; пусть буду из тех, кто моет котел внутри, оставив грязным снаружи". Но мужчина потребовал от нее залог. Она дала отрезать один из длинных ногтей, который он принес к себе домой». По другой версии, она дала одну бусину из своего ожерелья, за которой время от времени она к нему приходила.

Существует много преданий о различных других деяниях албасты: о вреде, приносимом ею людям, о ее проделках, обмане, о том, как она, преображаясь в красивую женщину могла заставить себя полюбить, могла прийти и лечь ночью в постель к мужчине, могла сделать богатым любого человека и, наоборот, разорить его, если тот выходил из повиновения.

По сохранившимся поверьям, родник, около которого мужчина застал албасты моющей внутренности роженицы, находится за селом Хапил, и жители окружающих селений сохранили память о нем как о нечистом источнике. Прежде якобы люди избегали брать оттуда воду.

Интересное предание и о демонологическом образе *аюли*, сохранившемся среди азербайджанцев еще в 60-х годах XIX в.

Этому персонажу в народе приписывалась почти такая же роль, как и албасты. Н.Ф.Дубровин писал: «По представлению народа, аюли дряхлая и худая старуха, имеющая способность делаться невидимкою. Ноги ее крючками и навыворот, лицо багровое, волосы рыжые. Она употребляет ужасные средства для того, чтобы усыпить бодрствующих, находящихся у постели больной» 181. Некоторые азербайджанцы представляют ее как огромное чудовище, убивающее и съедающее попавшего ему на пути человека. Надо сказать, что, по народным поверьям, «нечистая сила» чаще охотилась за детьми и больше всего вредила им. Поэтому магические приемы особенно часто имели целью сохранение здоровья и жизни детей.

Если у женщины подряд один за другим умирали дети, то в селении Ерси, например, следующего новорожденного сразу же клали в подол платья другой женщины, и последняя должна была несколько раз прокричать: «Я мать ребенка, а не эта больная женщина». Кроме того, новорожденного трижды выносили и вносили в помещение через ворота или двери. В таких случаях принято было совершать и акты «кражи» детей и «продажи» их родственникам или соседям на определенное время, по истечении которого детей возвращали в семью. Иногда инсценировали возвращение «краденого» или «подаренного» за определенную компенсацию, например, за отруби. Смысл таких приемов заключался в стремлении обмануть «нечистую силу». Аналогичные приемы были известны и в других обществах азербайджанцев, а также у многих народов Дагестана¹⁸² и Кавказа¹⁸³.

Почти все дети против «дурного глаза» носили какие-нибудь талисманы, представляющие собой либо изречения из Корана, зашитые в материю или кожу в виде треугольника или четырехугольника хейхал, либо (чаще) бусы из раковин каури, когти некоторых зверей и птиц (тигра, гиены, рыси, волка, грифа), камешки из Мекки, Медины и других почитаемых мусульманами мест, серебряные монеты и т.д. Верующие полагали, что эти талисманы будут предохранять от «нечистой силы», от «дурного глаза», вылечат от болезни. Талисманы с изречениями из Корана обычно изготовляли муллы.

В качестве амулетов, предохраняющих от «дурного глаза» дом, сад, двор и скот, азербайджанцы, как и соседние народы, на колья заборов вешали черепа лошадей. Выше мы отмечали, что целебная сила приписывалась также могилам, где были похоронены известные проповедники ислама, и особенно могилам Кырхлара.

Народ верил и в существование домового гара-басмыш. Его представляли в разном обличье: буйвола, волка или какого-либо другого представителя животного мира. Считалось, что гара-басмыш мог напасть на любого человека только ночью во время сна, но чаще — на человека со слабым здоровьем. Многие сердечные недомогания азербайджанцы объясняли действием

домового. Так как многие древние верования под влиянием ислама со временем значительно изменились, самым радикальным средством против вредоносных сил считали чтение небольших сур Корана, обычно 112-й. Произносились они, как правило, перед сном.

В засуху и при затемнении луны широко практиковались такие обряды, как поход к родникам в целях «замутить воду». В засуху к водоему несли куклы и купали их в воде, у речки же обливали друг друга водой, переворачивали камни, снимали верхнюю часть намогильного камня «святого» (пир) — «башлу пир» и опускали ее в воду.

В космогонических представлениях народа особое место принадлежало радуге (кек гуршаги, букв. «пояс неба», ок яй — «стрела лука») и грому (кек курултусу). Цвета радуги, по народным представлениям, символизировали разные хлебные злаки. Если на радуге наиболее широкой была полоса красного цвета, считали что будет урожай пшеницы, если желтая — ячменя. Когда гремел гром, то подростков заставляли бить друг друга по животам, приговаривая: «Пусть я буду сыт, пусть наши закрома (кенду) будут полны зерном». При затмении луны стреляли из ружей в небо, били в медные тазы, ломали металлические монеты, которые затем использовали как амулеты, предохраняющие от «порчи». С этой же целью бросали на крышу дома любой другой предмет (шарф, платок), и его считали лечебным средством от семи болезней.

Огромную роль в веровании азербайджанцев играли культ предков и вера в загробную жизнь. Азербайджанцы, как и другие народы, постоянно заботились о своих умерших, в частности, чтобы «души» (джан, рух) покойников не голодали, были довольны заботой о них живых родственников. Люди верили. что души умерших время от времени появляются в домах своих близких (где они обитали при жизни), особенно в тех случаях, когда они (души) голодны. Поэтому каждый раз старшие в семье после еды высказывали пожелания, чтобы покойники (называли их поименно) были сыты. Кроме того, вечером с четверга на пятницу для «кормления» покойников семья специально пекла большой чурек садакъа эппег и горячим раздавала его соседям, а после похорон эту поминальную пищу семья раздавала каждый день в течение 40 дней. При этом принято было по возможности перечислять умерших поименно и завершать это перечисление чтением одной из сур Корана. В канун пятницы каждая семья старалась приготовить ужин получше. Старший в семье после еды обязательно высказывал пожелание, чтобы покойные родственники были сыты, и завершал трапезу чтением небольшого отрывка суры из Корана. Согласно поверью, вечером в четверг умершие родственники посещают свой дом, незримо присутствуют и наблюдают, как живет семья, как она почитает своих покойников. Если же оставить умерших без «кормления»,

то, как полагали, они могут наказать хозяев дома проклятием, навредить дому и будут посещать чужие дома. Не случайно старший при исполнении поминального обряда называл не только имя недавно умершего родственника, но и имена всех покойных данной семьи (а часто и патронимической группы в целом).

Следует отметить, что представления о загробной жизни хотя и возникли в глубокой древности, но позже были признаны исламом и поэтому устойчиво сохранились среди населения.

Объяснения причин землетрясения, дождя, грома, молнии, затмений и многих других явлений природы отражали религиозно-магические представления людей. Некоторые приметы полностью основывались на суевериях. Однако целый ряд примет, передаваемых из поколения в поколение, а также накопленный народом практический опыт сохраняет свое значение еще и сегодня 184.

1 Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. Дагестанская область. СПб., 1905, с.1.

- ² Там же. Подробнее см.: *Каймаразов Г.Ш.* Очерки истории культуры народов Дагестана. М., 1971, с.80, 128; *он же.* К вопросу об уровне грамотности населения дореволюционного Дагестана. Источниковедение истории и культуры народов Дагестана и Северного Кавказа. Тезисы докладов. Махачкала, 1989, с.42—44.
- ³ Первая всеобщая перепись..., с.1. Правда, состояние народного образования в начале XX в. в Дербенте несколько улучшается.
  - 4 Обзор Дагестанской области за 1913 г. Темир-Хан-Шура, 1914, с.60.
  - 5 Tay Wa
  - 6 Козубский Е.И. История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906, с.186.
- ⁷ О примечетских школах см. подробнее: *Селимханов А.Г.* Из истории просвещения в Дагестане в XIX в. Ученые записки Дагестанского государственного женского педагогического института. Махачкала. I—II, 1957.
- ⁸ Цит. по: Шихсаидов А.Р. Закарийа ал-Казвини о Дагестане. Источни-коведение истории досоветского Дагестана. Махачкала, 1987, с.108.
- ^{9} Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч.П. М., 1823, с.459.
  - 10 Козубский Е.И. История города Дербента, с.186.
- 11 Абдуллаев М.А. Мыслители Дагестана XIX— нач. XX в. Махачкала, 1963, с.9.
- 12 Caudos З.А. Сведения арабоязычных биографических сочинений об Абул-Валиде ал-Хасане ибн Мухаммаде ибн Али ад-Дербенди. Источниковедение истории и культуры народов Дагестана и Северного Кавказа. Тезисы докладов. Махачкала, 1989, с.19.
- 13 Цит. по: *Шихсаидов А.Р.* Дагестан в «Словаре стран» Йакута. Тезисы докладов конференции, посвященной итогам географических исследований Дагестана. Махачкала, 1985, с.87, 88.
- 14 Caudos M.-C. Творчество дербентского ученого XI в. Абу Бакра Мухаммада б.Муса ад-Дербенди. РФ ИИЯЛ. Ф.3, оп.1, д.94; он же. Дагестанская литература XVIII—XIX вв. на арабском языке. Труды XXV Международного конгресса востоковедов. Т.II. М., 1963, с.119; Абдуллаев М.А. Важный источник средневекового суфизма. Вопросы философии. 1986, № 7; Шихсаидов А.Р.

средневекового суфизма. — Вопросы философии. 1986, № 7; *Шихсаидов А.Р.* Археографическая работа в Дагестане. — Изучение истории и культуры Дагестана. Археографический аспект. Махачкала, 1988, с.8.

- 15 Шихсаидов А.Р. Дагестан в «Словаре стран» Йакута, с.88.
- 16 Саидов З.А. Сведения арабоязычных биографических сочинений..., с.20.
- 17 Там же. с.19—20.
- 18 Шихсаидов А.Р. Археографическая работа в Дагестане, с.8.
- 19 Подробнее о народном образовании в дореволюционном Дагестане см.: Каймаразов Г.Ш. Очерки истории культуры народов Дагестана. Махачкала, 1971.
  - 20 Обзор Дагестанской области за 1913 г., с.57—58.
  - 21 Козубский Е.И. История города Дербента, с.188.
  - ²² Там же
- 23 См.: Ъ-И. Рассказ грузинки, взятой в плен во время нашествия Ага-Магомеда-хана на Тифлис. Кавказ, 1849, № 25.
- ²⁴ Памятная книжка Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1895, с.199; Каймаразов Г.Ш. Очерки истории культуры народов Дагестана, с.66.
  - 25 Козубский Е.И. История города Дербента, с.187.
  - 26 Там же. с.189.
  - 27 Обзор Дагестанской области за 1913 г., с.56.
  - 28 _{Там же.}
  - 29 Козубский Е.И. История города Дербента, с.432.
  - 30 Там же, с.436.
  - 31 Там же, с.435.
  - 32 Там же, с.451.
- 33 Гайдаров Касум-бек Минатулла-бек оглы (1851 г.р.) уроженец Дербента, сын штабс-капитана милиции, учился в Бакинском реальном училище, занимал разные должности, в том числе городского старосты. Занимался также виноградарством и виноделием, в чем, как отмечает Е.И.Козубский, «достиг значительного успеха» (Козубский Е.И. История города Дербента, с.202). Интересно отозвался о личности К.М.Гайдарова известный французский путешественникархеолог барон де Бей в 1900 г. «Мэр Дербента татарин, цивилизованный современном значении слова, одетый по-европейски, хороший винодел, превосходный администратор, его разговор доказал мне, какие великие качества можно найти у людей его расы» (цит. по: там же, с.202).
  - 34 Козубский Е.И. История города Дербента, с.442.
  - 35 ПГА Дагестана. Ф.2, оп.3, д.201, д.19.
  - 36 Козубский Е.И. История города Дербента, с.443.
  - 37 ЦГА Дагестана. Ф.84, оп.4, д.2, л.152.
  - 38 Обзор Дагестанской области за 1913 г., с.57—58.
  - 39 ЦГА Лагестана. Ф.2, оп.2, д.3, л.121.
  - ⁴⁰ Там же.
- 41 См.: Каймаразов Г.Ш. Очерки истории культуры народов Дагестана, с.139—140.
- 42 Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X—XI веков. М., 1963, с.18.
  - 43 См.: Козубский Е.И. История города Дербента, с.304.
- 44 См. также: Шихсаидов А.Р. Археографическая работа в Дагестане, с.10; Эльязмалары каталогу. Вып.І. Баку, 1963, с.57 (на азерб. яз.).
- 45 Он известен в народе под псевдонимом Гумры (гумры название птицы).

- 46 Козубский Е.И. История города Дербента, с.403.
- 47 О жизни и научной деятельности М.Казембека см.: Козубский Е.И. История города Дербента, с.160; Абдуллаев М.А. Мыслители Дагестана XIX начала XX в. Махачкала, 1963; Рзаев А.К. Мирза Казембек. Баку, 1965; он же. Мухаммед Али Мирза Казем-Бек. Баку, 1981; Казем-Бек М. Избранные произведения. Баку, 1985.
  - 48 Казем-Бек М. Избранные произведения, с.б.
  - ⁴⁹ Там же
- 50 Григорьев В.В. Императорский С.-П. университет в течение первых пятидесяти лет существования. Тип. Безобразова. 1870, с.69.
- 51 Бартольд В.В. Исторические изучения Востока в Европе и в России. Л., 1925, с.283.
- 52 Derbend-Nameh. Translated from a Select Turkish Version and Published with Notes by M.A.Kazem-Beg. SPb., 1851.
- 53 Саидов М.-С., Шихсаидов А.Р. Дербенд-наме (К вопросу об изучении). Восточные источники по истории Дагестана. Махачкала, 1980, с.б.
  - ⁵⁴ Там же, с.19.
  - ⁵⁵ Там же, с.10.
- 56 Derbend-Nameh..., с.437. Цит. по: Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X—XI веков, с.22; см. также: Саидов М.-С., Шихсаидов А.Р. Дербенднаме, с.7.
- 57 См.: Гаджиев В.Г. Дербенд-наме Мирзы-Хайдара Визирова. Вопросы истории Дагестана (досоветский период). Т.П. Махачкала, 1975, с.284—293.
  - 58 Там же, с.286.
  - 59 Березин И. Путешествие по Дагестану и Закавказью. М., 1849, с.161.
- 60 Исторический очерк Астраханской 1-й мужской гимназии за время с 1806 по 1914 г. СПб., с.193; см. также: *Рзаев А.К.* Азербайджанские востоковеды XIX в. Баку, 1986, с.41.
  - 61 См.: Козубский Е.И. История города Дербента, с.445.
  - 62 См.: Дары Дагестана. Баку, 1987, с.11 (на азерб. яз.).
  - 63 Дары Дагестана, с.11.
  - 64 Там же, с.11—13.
  - 65 _{Там же, с.20.}
  - ⁶⁶ Там же, с.18—19.
- 67 О ней подробно см.: Азербайджанские любовные дастаны. Баку, 1979, с.35 (на азерб.яз.); Дары Дагестана, с.26—33; *Аллахманов Махмуд*. Ашуг Зернигар. Женщина Азербайджана, 1988, № 2, с.19 (на азерб.яз.).
  - 68 Дары Дагестана, с.26—28.
  - ⁶⁹ Там же, с.34.
  - 70 Там же, с.35—36.
- 71 Мы должны быть благодарны немногочисленным представителям азербайджанской интеллигенции: Ахмеду Тахир Эфенди-заде, Гани и Киласу Киласовым и др., собравшим и хранившим в своих личных архивах многие произведения вышеназванных поэтов. Большую благодарность заслуживает и составитель сборника «Дары Дагестана» проф.М.Ярахмедов, издавший часть бесценных произведений поэтов этого региона.
- $7^{\dot{2}}$ См.: Азербайджанские сказки. Баку, 1956; Азербайджанские сказки. Баку, 1959.
  - 73 Азербайджанские сказки. Баку, 1959, с.7.
- 74 См.: Тенн С. Кёр-оглу восточный поэт-наездник. Кавказ. 1856, № 21—22, 24, 26—27, 31—34, 36—42; Кёр-оглы. Азербайджанский народный

- рода, Баку, 1954, канд. дис.; Короглу. Баку, 1959; Якубова С. Азербайджанское народное сказание «Ашиг-Гариб». Баку, 1968; Салехов Т.Т. Дастан «Асли и Керем». Баку, 1973, канд. дис.; Набиев А. Образ Кер-оглы в эпосе Кер-оглу. Баку, 1972, канд. дис.; Мурадов М.М. Жанровые и идейно-художественные особенности дастана «Гор-оглы». Таш., 1975, канд. дис.; и др.
- 75 См.: Каррыев Б.А. Эпическое сказание Кероглы у тюркоязычных народов. М., 1968; Короглу Х.Г. Взаимосвязи эпоса народов Средней Азии, Ирана и Азербайджана. М., 1983; Набиев Азад. Взаимосвязи азербайджанского и узбекского фольклора. Баку, 1986, и др.
  - 76 *Короглу Х.Г.* Взаимосвязи эпоса..., с.3, 323.
- 77 См.: Книга моего деда Коркута. Огузский героический эпос. М.—Л., 1962, с.5.
  - 78 Книга мосго деда Коркута..., с.5.
- 79 Жирмунский В.М. Огузский героический эпос и «Книга моего деда Коркута». Книга моего деда Коркута..., с.144.
- 80 Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906, с.490.
- 81 Подробнее об ашыгском творчестве см.: Эльдарова Э. Искусство ашыгов Азербайджана. Баку, 1984; Араслы Г. Ашыгское творчество. Баку, 1980; Акимов М.-И. Азербайджанская ашугская литература. Баку, 1983 (на азерб.яз.); Намазов Г.М. Саз и слово ашыга. Баку, 180 (на азерб.яз.).
  - 82 Эльдарова Э. Искусство ашыгов Азербайджана, с.12—13.
- 83 См.: Аликишиев Р.Ш. Очерки по истории здравоохранения в Дагестане. Махачкала, 1958; Очерки истории хирургии в Дагестане. Махачкала, 1960; Саидов М.-С. Дагестанская литература XVIII—XIX вв. на арабском языке. Труды XXV международного конгресса востоковедов. Т.П. М., 1963, с.120—121; Штанчаев С.Ц. Народные лекари Дагестана в XIX в. Советское народное здравоохранение. 1963, № 7; Егорова В.Л. О народной медицине горцев Дагестана в XIX в. Вопросы истории и этнографии Дагестана. Вып.ПІ. Махачкала, 1972
  - 84 Штанчаев С.Ц. Народные лекари Дагестана в XIX в., с.61.
  - 85 Cm.: Пирогов Н.И. Отчет о путешествии по Кавказу, М., 1852, c.69—71.
- ⁸⁶ Минкевич И.И. Трепанация у кавказских горцев и других различных народов. Медицинский сборник, издаваемый Кавказским медицинским обществом. Тифлис, 1897, № 60, с.5.
  - 87 См.: Азербайджанцы. Народы Кавказа. Т.ІІ. М., 1962, с.142.
- 88 Штанчаев С.И. Народные лекари Дагестана в XIX в., с.59; Саидов М.-С. Дагестанская литература..., с.121.
  - 89 Аликишиев Р.Ш. Очерки по истории здравоохранения в Дагестане, с.20.
- 90 *Минкевич И.И.* Трепанация..., с.5; см. также: *Пантюхов И.И.* Народное врачевание на Кавказе. Кавказ, 1901, № 253.
- 91 Попов П. Лечение ран у кавказских горцев. Военно-медицинский журнал. СПб., 1855, ч.65, № 2; см. также: Народы Грузинской ССР. Народы Кавказа. Т.П. М., 1962, с.336.
  - 92 Попов П. Лечение ран у кавказских горцев, с.45.
- 93 Бромлей Ю.В., Воронов А.А. Народная медицина как предмет этнографических исследований. СЭ, 1976, № 5, с.11.
  - 94 Пантюхов И.И. Народное врачевание на Кавказе.
  - 95 _{Там же.}
- 96 Соколов А. Очерк западного берега Каспийского моря. Кавказ. 1848, № 1.
  - 97 Обзор Дагестанской области за 1898 г. Темир-Хан-Шура, 1900, с.142.

- 98 Там же.
- 99 Там же, с.141—142; см. также: Дагестанский сборник. Вып.І. Темир-Хан-Шура, 1902, с.177.
  - 100 AKAK, T.VII, 1878, c.514.
  - 101 Там же.
- 102 ЦГА Дагестана, Ф.32, оп.3, д.60, л.21; Обзор о состоянии Дагестанской области за 1897 г. Темир-Хан-Шура, 1898, с.67.
  - 103 Дагестанский сборник. Вып.1, с.177.
- 104 ЦГА Дагестана. Ф.32, оп.3, д.60, л.61; Обзор Дагестанской области за 1899 г. Темир-Хан-Шура, 1900, с.141.
- ^{105} О знахарстве в Дагестане см.: Гусейнов Г.К. Лики современного знахарства. Махачкала, 1985.
  - 106 Там же, с.16.
- 107~ Чурсин Г.Ф. Культ железа у кавказских народов. Известия Кавказского археологического института. Т.VI. Тифлис, 1927, с.81.
  - 108 Там же, с.90.
  - 109 Колоколов П.Ф. Описание Табасарана, 1831 г. ИГЭД, с.314.
- 110 Сухоцкий Г. Медико-топографическое описание Кайтаго-Табасаранского округа. Медицинский сборник, издаваемый Кавказским медицинским обществом. Тифлис, 1867, № 3, с.39—40.
  - 111 ЦГА Дагестана. Ф.32, оп.1, д.8, л.102.
- 112 К этому приему при затяжном течении лихорадки прибегали и другие народы. См., например: Анисимов И.Ш. Кавказские евреи. Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее. Вып.3. М., 1888, с.303. Такой же обычай бытовал и у кумыков.
  - 113 Сухоцкий Г. Медико-топографическое описание..., с.46.
  - 114 Там же.
  - 115 Козубский Е.И. История города Дербента, с.145.
  - 116 Там же, с.289.
  - 117 Там же.
  - 118 AKAK. T.XI, 1888, c.442.
  - 119 Козубский Е.И. История города Дербента, с.289.
  - 120 ЦГА Дагестана. Ф.32, оп.3, д.30, л.17.
  - ¹²¹ Там же, л.23—24.
  - 122 Обзор Лагестанской области за 1913 г., с.45.
  - 123 Там же. с.44-45.
  - 124 Там же, с.46—47.
  - 125 Там же, с.44.
  - 126 Обзор Дагестанской области за 1896 г., с.57.
- 127 К вопросу о лечении за счет города бедных горожан. Дагестанские областные ведомости. 1910, № 19.
  - 128 Там же.
  - 129 ЦГА Дагестана. Ф.32, оп.1, д.8, л.101—103.
  - 130 См.: История Лагестана, Т.III. М., 1968, с.188.
  - 131 Там же.
- 132 В 1941 г. он был реорганизован в Институт эпидемиологии, микробиологии и медицинской паразитологии, а в 1952 г. в Дагестанский научно-исследовательский институт производства питательных сред Министерства здравоохранения СССР.

- 133 См.: История Азербайджана. Баку, 1959, с.108—112; *Буниятов З.М.* Азербайджан в VII—IX вв. Баку, 1965; [*Лерх И.*] Известия о втором путешествии доктора и коллежского советника Лерха в Персию от 1746 до 1747 года. Новые ежемесячные сочинения. СПб., 1791, Ч.LXII, август, с.67.
- 134 Шихсаидов А.Р. Ислам в средневековом Дагестане (VII—XV вв.). Махачкала, 1969.
- 135 О религиозных течениях в исламе см.: *Березин И*. Путешествие по..., с.149; *Дубровин Н*. История войны и владычества русских на Кавказе. Т.І. Кн.2. СПб., 1871, с.331—332 и др.
- 136 Пржецлавский П. Воспоминание о блокаде города Дербента в 1831 г. Военный сборник. № 2. СПб., 1864, с.159.
  - 137 Дубровин Н. История войны..., с.333.
  - 138 Обозрение российских владений за Кавказов. Ч.ІV. СПб., 1836, с.167.
  - 139 *Березин И*. Путешествие по..., с.149.
- 140 Комаров А. Народонаселение Дагестанской области. ЭКОИРГО. Кн. 8. Тифлис, 1873, с.26.
- 141 Неверовский А.А. Краткий исторический взгляд на Северный Дагестан в топографическом и статистическом отношениях. Военный журнал. СПб., 1847, № 5, с.25.
  - 142 Обозрение российских владений за Кавказом, ч.IV, с.167.
  - 143 Козубский Е.И. История города Дербента, с.203.
  - 144 *Березин И*. Путешествие по..., с. 142.
  - 145 Там же. с.145.
  - 146 Козубский Е.И. История города Дербента, с.301.
  - 147 Там же, с.302.
- 148 Дербенд-наме. Под ред. М.Алиханова-Аварского. Тифлис, 1898, с.78—79.
  - 149 Березин И. Путешествие по..., с.144.
  - 150 Шихсаидов А.Р. Ислам в средневековом Дагестане (VII XV вв.), с.89.
  - 151 Козубский Е.И. История города Дербента, с.303.
  - 152 Там же.
  - 153 Там же, с.241.
  - 154 AKAK, T.VI. 4.II, 1875, c.109.
  - 155 Там же.
- 156 Речь, разумеется, может идти об имитации тела Хусейна. Причем известно, что Хасан умер своей смертью еще в 661 г. при правлении Му^савии (см.: *Бартольд В.В.* Ислам после пророка. Сочинения. Т.VI. М., 1966, с.108).
  - 157 [Лерх И.] Известия о втором путешествии..., с.79—91.
  - 158 Козубский Е.И. История города Дербента, с.162.
  - 159 Там же. с.293.
  - 160 Там же.
  - 161 Петрушевский И.П. Ислам в Иране в VII—XV вв. Л., 1966, с.78.
- 162 См.: Дербенд-наме, с.68; *Березин И*. Путешествие по..., с.135—140; *Козубский Е.И*. История города Дербента, с.301.
- 163 [Лерх И.] Из путешествия Иоганна Лерха, продолжавшегося от 1733 по 1735 год из Московии до Астрахани, а оттуда по странам, лежащим на западном берегу Каспийского моря. Новые ежемесячные сочинения. СПб., 1790, ч.ХІІІ, январь, с.20.
  - 164 Березин И. Путешествие по..., с.138.
  - 165 Олеарий А. Описание путешествия в Московию.... с.488.

- 166 Френ Х.Д. О надписях города Дербента. Труды и летописи общества истории и древностей российских при Московском университете. Ч.VIII, 1834, с.117; Шихсаидов А.Р. Ислам в средневековом Дагестане (VII—XV вв.), с.146.
  - 167 Шихсандов А.Р. Ислам в соедневековом Лагестане (VII—XV вв.), с.147.
  - 168 Там же.
  - 169 Олеарий А. Описание путешествия в Московию..., с.488.
  - 170 Там же; Березин И. Путешествие по..., с.138.
- 171 Подробнее о мавзолее см.: Хан-Магомедов О.С. Дербент. Горная стена. Муллы Табасарана. М., 1979, с.201.
- 172 Березин И. Путешествие по..., с.139; Родословная ганжинских и кубинских ханов. АКАК. Т.VI. Ч.II, 1875, с.907.
  - 173 Березин И. Путешествие по..., с.139.
  - 174 Козубский Е.И. История города Дербента, с.301.
  - 175 Там же; см. также: Березин И. Путешествие по..., с.140.
  - 176 Козубский Е.И. История города Дербента, с.301.
  - 177 _{Там же.}
  - 178 Азербайджанцы. Народы Кавказа. Т.II. М., 1962, с.141.
- 179 См.: Токарев С.А. Этнография народов СССР. М., 1958, с.192, 344; Гаджиева С.Ш. Кумыки. М., 1961, с.325; Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. М., 1971, с.280. См. также новейшую статью В.Н.Басилова «Албасты» Историко-этнографические исследования по фольклору. Сб. статей памяти С.А.Токарева. М., 1994 (Исследования по фольклору и мифологии Востока).
  - 180 Челек деревянное ведро.
  - 181 Дубровин Н. История войны..., т.І, кн.2, с.379.
- 182 Гаджиева С.Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX— начале XX в. М., 1985, с.281.
  - 183 См.: Чурсин Г.Ф. Очерки по этнологии Кавказа. Тифлис, 1913, с.100.
- 184 О народных приметах азербайджанцев см.: *Гаджиева С.Ш.* Двгествнские терекеменцы. XIX начало XX в. М., 1990, с.195—197.

instituteofhistory.ru

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящем исследовании мы попытались охарактеризовать природно-географические условия района расселения дагестанских азербайджанцев, осветить вопросы их этнического формирования, социально-экономического, культурного развития, общественного и семейного быта в XIX — начале XX в.

Как свидетельствует анализ источников и специальной литературы, многовековой процесс сложения азербайджанской народности, а затем нации, был весьма сложным. Далекими предками азербайджанцев многие ученые считают различные племена, обитавшие здесь с древнейших времен, и прежде всего население Кавказской Албании (собственно албанцы и ираноязычные племена), которые затем смешались с оседавшими здесь в различные исторические периоды тюркоязычными племенами (гуннами, хазарами, огузами, кипчаками и др.).

На этническое формирование дагестанских азербайджанцев, особенности их хозяйственной деятельности, культуры, быта (языка, традиций, общественных отношений и т.д.), а также на антропологическое своеобразие определенное влияние оказали тесные экономические и этнокультурные связи с окружающим населением (кумыками, табасаранцами, кайтагскими даргинцами, лезгинами и др.). В силу этих и других объективных факторов, а также специфических условий развития в иноэтнической среде дагестанские азербайджанцы приобрели ряд отличительных черт в культуре и быту, представляя собой одну из локальных групп азербайджанского этноса.

За свою многовековую историю дагестанские азербайджанцы, как и другие народы исследуемого района, создали развитое многоотраслевое хозяйство (в основном земледельческое), хорошо приспособленные к местным природным условиям сельско-хозяйственные орудия и методы обработки земли. Хозяйственная деятельность народа опиралась на опыт ряда поколений, ориентированный на максимальный учет и использование природно-географических факторов, экологического своеобразия отдельных районов (равнина, предгорье, приморская полоса и т.д.).

В хозяйственной деятельности населения первостепенную роль играло производство зерна. Начиная со второй половины XVIII в. и до 70-х годов XIX в. район расселения азербайджанцев был известен и как центр производства марены. Это еще более втягивало население в сферу торговли и товарообмена.

Материальная культура дагестанских азербайджанцев, будучи частью культуры всего азербайджанского народа, устойчиво сохраняла свою самобытность, хотя, как мы уже отмечали, она испытывала влияние культуры непосредственных соседей — народов Южного Дагестана. Это влияние, разумеется, не было односторонним, ибо соседнее население, в свою очередь, испытывало культурное воздействие азербайджанцев.

В XVIII—XIX вв. на территории расселения азербайджанцев Дагестана существовала довольно развитая социальная структура с ярко выраженными феодальными отношениями в рамках трех государственно-политических образований — Дербентского ханства, Кайтагского уцмийства и Табасаранского кадийства. Во всех этих феодальных владениях наблюдалось четко сложившееся сословное деление общества. Почти повсеместно развивалась отработочная и продуктовая рента. Денежная рента хотя и была известна населению, играла незначительную роль.

После присоединения Дагестана к России социальные отношения в регионе стали претерпевать определенные изменения. Однако и в начале ХХ в. (до 1913 г.) почти в полной неприкосновенности сохранились феодальное землевладение и феодальная рента. В то же время значительные изменения происходили в политико-административном устройстве края. Были ликвидированы ханства и введено новое административное деление: Дагестан был разделен на округа, которые, в свою очередь, делились на административные участки. Азербайджанцы Дагестана (за исключением Дербента) вошли в состав Кайтаго-Табасаранского округа. Ликвидация ханств и переход к системе окружного управления содействовали в определенной степени социально-экономическому развитию Дагестана, усилению связей между его отдельными частями.

Азербайджанцы Дагестана обладали богатым культурным наследием, богатыми бытовыми традициями, многообразием фольклорных жанров, литературы, музыки. Большую роль в духовной жизни играли мектебы и медресе. Широкое распространение получила литература на персидском, арабском и азербайджанском языках на основе арабской графики. Особое значение в культурной жизни народа играл Дербент, представлявший собой крупный центр культуры и просвещения на Кавказе, давший ряд известных ученых, просветителей, художников, снискавший себе славу далеко за пределами Кавказа. Начиная с 30-х годов XIX в. здесь открываются и русские общеобразовательные школы. Накануне установления советской власти в Дербенте насчитывались одно реальное училище и десять русских начальных школ. В сельской же местности во всем районе функционировали лишь две светские школы.

В советский период в жизни азербайджанцев, как и всех других народов Дагестана, произошли значительные изменения, охватившие все сферы жизни и деятельности народа: эконо-

мику, материальную и духовную культуру, уклад семейной и общественной жизни. Известное развитие получили промышленность и сельское хозяйство.

Большие перемены произошли в облике городских и сельских поселений азербайджанцев. Значительный размах приняло жилищное строительство и благоустройство имеющегося жилого фонда. Ныне азербайджанцы имеют добротные, благоустроенные дома с водоснабжением, газом и другими бытовыми удобствами. За счет разуплотненных кварталов стали расширяться и благоустраиваться дворы ранее построенных домов, а также старые улицы и площади.

Несколько селений возникло и на новых местах (на равнине). По ошибочному, непродуманному плану переселения горцев на равнину совершенно или частично разрушены Кемах, Гимейди, Зидиан и некоторые другие поселения, располагавшиеся вовсе не в горах, а в живописных местах предгорья. За счет новых участков (в основном бывших садовых) несколько расширился Дербент, куда были переселены сотни семей из предгорных и горных селений Южного Дагестана.

Изменения коснулись и жилища. При строительстве домов население стало широко пользоваться такими строительными материалами, которые прежде были малодоступны или вообще не доступны рядовому крестьянину (пиленый камень, железо, шифер, цемент и т.д.).

Традиция строить дома с глухими стенами, обращенными на улицу, с глинобитной крышей, ограждение двора высокой изгородью и колючим кустарником уступили место новой традиции — строительству домов и усадеб открытого городского типа, имеющих светлые галереи, веранды, озелененные дворы. Благоустроенные сельские дома мало чем отличаются теперь от городского жилиша.

Новый дом состоит из двух-четырех жилых комнат. Трудно теперь встретить семью, которая удовлетворяется одной жилой комнатой. Утратила особо парадный, «представительный» характер так называемая убранная комната, предназначенная для гостей. Каждая комната современного дома может использоваться в зависимости от ее функционального назначения (спальня, детская, столовая и т.д.). В хозяйственных помещениях размещаются инвентарь, необходимый для обработки приусадебного участка и содержания скота.

Из всех сторон материальной культуры наиболее устойчиво сохраняет традиционные черты пища. Однако с развитием ряда отраслей сельского хозяйства (овощеводства, садоводства, виноградарства и т.д.) пища азербайджанцев стала более разнообразной.

Все сельские и часть городских семей имеют приусадебные земельные участки. Почти все сельские жители содержат молочный и мелкорогатый скот для удовлетворения потребностей в

свежем молоке и мясе. Излишки фруктов, винограда, овощей жители реализуют на рынке.

Самые значительные преобразования, пожалуй, произошли в культурной жизни народа. Сейчас почти во всех селениях азербайджанцев имеются средние общеобразовательные школы, кинотеатры, дома культуры, амбулатории, а в наиболее крупных — больницы. Выросли собственные кадры учителей, врачей, агрономов, зоотехников, строителей, юристов, экономистов, подготовленные в высших и средних специальных учебных заведениях республики и за ее пределами. В конце 80-х годов в школах того же Дербентского района трудились 1370 учителей, из которых высшее образование имели 828, среднее педагогическое — 542 человека. В числе учителей насчитывалось 660 женщин, 309 из них имели высшее образование.

Огромные успехи достигнуты в здравоохранении. В результате осуществления широких мер в 30—40-х годах полностью ликвидирована свирепствовавшая в районе малярия.

В начале 90-х годов только в Дербентском районе, например, имелись 4 больницы, 8 поликлиник, 32 фельдшерско-акушерских пунктов. В них работали 72 врача и 212 человек, принадлежавших к среднему медицинскому персоналу. Еще более заметны достижения в здравоохранении в Дербенте. Там функционируют 7 больниц, 11 поликлиник. В них трудятся 1592 медицинских работника, из них 476 с высшим образованием.

Из числа азербайджанцев Дагестана вышло немало ученых, поэтов, писателей. Более 70 докторов и кандидатов наук, выходцев из азербайджанцев района, трудятся в различных научно-исследовательских учреждениях, в высших учебных заведениях Махачкалы, Баку и других городов страны. Это и медики, и лингвисты, и историки, и физики, и геологи, и химики и т.д.

Множество азербайджанцев отдали жизнь за свободу и независимость Родины в годы Великой Отечественной войны. Народы Дагестана глубоко чтят мужество генералов Саидова, Расулбекова и Насирова, Героя Советского Союза Ш.Ф.Алиева и многих других. Не раз отмечены были и подвиги азербайджанцев, в том числе женщин, в снабжении хлебом фронта и тыла.

В последнее время в социально-экономической, политической и духовной жизни дагестанских азербайджанцев происходят радикальные изменения. Рассмотрение этих процессов, как и процессов историко-культурного их развития в целом, в послеоктябрьский период не входило в задачу данного исследования. Тема эта заслуживает специального изучения.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

А зГНИИ	Азербайджанский государственный
	научно-исследовательский институт
AKAK	 Акты, собранные Кавказской археографической комиссией
ЗКОИРГО	— Записки Кавказского отдела Имп.Русского
JKOM 10	географического общества. Тифлис
ИГЭД	 История, география и этнография Дагестана
МЭД	
	XVIII—XIX вв. Архивные материалы. Под ред.
	М.О.Косвена и ХМ.Хашаева. М., 1958
КСИНА	 Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР. М.
РФИИЯЛ	— Рукописный фонд Института истории, языка и
	литературы им.Гамзата Цадасы, Махачкала
CA	— Советская археология. М.
СМОМПК	- Сборник материалов для описания местностей и племен
O. C.	Кавказа. Тифлис
ССКГ	 Сборник сведений о кавказских горах. Тифлис
C3	
	— Советская этнография. М.—Л., М.
ТИВАН	— Труды Института востоковедения АН СССР. М.—Л., М.
УЗИВАН	 Ученые записки Института востоковедения АН СССР.
	М.—Л., М.
ЦГА	 Центральный государственный архив Республики
Дагестана	Дагестан. Махачкала
ЦГИА	 Центральный государственный исторический архив
Грузии	Грузии. Тифлис
ЦГВИА	 Центральный государственный исторический архив. М.
ПГА	— Центральный государственный архив Северной Осетии.
Северной Осетии	Орджоникидзе.
ссверной осетии	орджиникидзе.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СПИСОК ИНФОРМАТОРОВ

г. Дербент и Дербентский район

Абасова Мукаме, 1905 г.р., г. Дербент Абдуллаева Зулейха Абдуллаевна, 1910 г.р., сел.Сабнава Абдурагимов Кафар, 1900 г.р., сел. Кемах Абилова Анагиз, 1904 г.р., г. Дербент Агаев Бейбала, 1910 г.р., сел. Белиджи Агамирзаев Кази, 1894 г.р., сел.Кемах Агарагимова Пара, 1902 г.р., сел. Берикей Азизов Ираджаб. 1870 г.р., сел. Углу Терекели Алиева Саят Ганиевна, 1914 г.р., г. Дербент Алиханов Салман, 1928 г.р., сел. Мугарты Амиров Агамирза, 1904 г.р., сел.Бильгади Арсланбекова Гурият, 1898 г.р., сел.Берикей Арсланов Камиль, 1906 г.р., сел.Гимейди Аскерова Сафият Аскеровна, 1910 г.р., сел. Мугарты Аскеров Байрам, 1906 г.р., сел. Мугарты Аскеров Шабан, 1906 г.р., сел.Гимейди

Бабаева Гурия, 1915 г.р., г. Дербент Бабаев Гули, 1914 г.р., сел.Селик Балабеков Шахмардан, 1903 г.р., сел. Дели-Чобан Велиев Арсланбек, 1900 г.р., сел. Джемикент Галжиева Шекер, 1907 г.р., сел. Лжемикент Галжиев Магомедвали, 1906 г.р., сел. Уллу-Терекеме Галжиев Хабибулла, 1908 г.р., сел. Лжемикент Гаджиев Шарафутдин, 1914 г.р., сел. Джемикент Гамзатов Джангир, 1903 г.р., г. Дербент Гасанбеков Абдулгафар, 1874 г.р., сел.Падар Гасратов Саадулла, 1912 г.р., сел. Митаги Джавадов Абсалам, 1903 г.р., сел. Великент Заманов Сади, 1924 г.р., г. Дербент Ибрагимов Саид, 1928 г.р., сел. Берикей Казамфаров Алекбер, 1919 г.р., г. Дербент Караева Бачиханум, 1882 г.р., сел.Великент Керимов Рагим, 1893 г.р., сел. Дели-Чобан Керимов Шихрагим, 1895 г.р., сел. Дели-Чобан Киласов Гидаят, 1870 г.р., сел.Великент Курбанов Абдулкадыр, 1900 г.р. Курбанов Джамал, 1879 г.р., сел.Салик Курбанова Субгани, 1913 г.р., сел. Мугарты Мамирзаева Мелек, 1907 г.р., сел.Рукель Меликов Гаджиага, 1911 г.р., сел. Мугарты Минатуллаев Абдусемет, 1898 г.р., сел. Карадаглы Мирзалиев Хаджимурад, 1914 г.р., сел. Великент Наврузбеков Тагир, 1892 г.р., сел.Падар Пулатханов Алимерден, 1887 г.р., сел.Великент Пашабеков Керим, 1914 г.р., г. Дербент Рзаева Кистаман, 1900 г.р., г. Лербент Рустамов Муталим, 1915 г.р., сел. Джалган Садыков Гамид, 1902 г.р., г. Дербент Саидов Гаджи-Магомед, 1923 г.р., сел. Рукель Сеидов Шихлар, 1924 г.р., г. Дербент Сулейманов Шамсутдин, 1898 г.р., сел. Дели-Чобан Султанов Клим Тагиетдинович, 1949 г.р. Талыбов Давуд, 1927 г.р., г. Дербент Товекалова Гюльханум, 1902 г.р., сел. Папар Умарханова Ниса, 1905 г.р., сел.Бильгади Фаталиев Уружбек, 1923 г.р., сел. Джалган Ферзиев Магомед-Расул, 1916 г.р., сел.Гимейди Ходжаев Ходжабек, 1906 г.р., сел.Гимейди Хаджаева Сефия, 1903 г.р., сел.Гимейли

Табасаранский район

Айдемиров Гасанбек, 1917 г.р., сел.Хучни Алиев Абдулжалил, 1907 г.р., сел.Марага Алиева Зайдат, 1907 г.р., сел.Хучни Аскендеров Абдулманап, 1912 г.р., сел.Ерси Асланов Минатулла, 1900 г.р., сел.Аркит Ахмедов Гаджимахмуд, 1900 г.р., сел.Ерси Ахмедова Гюльшан, 1910 г.р., сел.Ерси Бабаев Крым, 1906 г.р., сел.Марага Байрамбекова Магият, 1914 г.р., сел.Зиль Гаджибалаев Гюльбала, 1916 г.р., сел.Хили-Пенджик

Гаджиев Нухбала, 1887 г.р., сел.Ерси Гаджимурадова Тейханум, 1907 г.р., сел. Аркит Джабраилов Зубаир, 1910 г.р., сел.Ерси Лжабраилов Мугутдин, 1924 г.р., сел.Зиль Магарамов Зульфикар, 1907 г.р., сел. Дарваг Магомедов Казимагомед, 1885 г.р., сел. Арак Магомедова Эсбет, 1888 г.р., сел.Ерси Махмудова Сейбат, 1908 г.р., сел.Ерси Мелжилова Кезбар, 1901 г.р., сел.Ерси Муслимов Ферс, 1914 г.р., сел. Хили-Пенджик Насиров Джамал, 1909 г.р., сел. Дарваг Рашидов Эфенди, 1927 г.р., сел. Зедбян Тагиров Гамид, 1880 г.р., сел.Зиль Турабова Салминаз, 1879 г.р., сел. Марага Шихлеров Алимурад, 1914 г.р., сел. Хучни Шихмагомедов Эдгем, 1927 г.р., сел. Марага Эфендиев Нуритдин, 1901 г.р., сел.Ерси

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3 5
Глава І. Обзор источников и литературы	10
Глава II. К этнической характеристике дагестанских азербайджанцев	26
• ''	
Глава III. Хозяйственная деятельность	42
Земледелие	42
Мареноводство боягчылыг	55
Шелководство	59
Хлопководство памбыгчылыг	60
Скотоводство малдарчылыг	60
Птицеводство гушчулуг	63
Охота овчулуг	64
Пчеловодство арычылыг	64
Рыболовство балыгчылыг	64
Добыча соли	65 66
Нефтедобыча	
Извозный промысел кире	67 68
Домашние промыслы и ремесла	70
Транспортные средства	72
Торговля	75
Система мер и весов	77
Народный календарь	′′
	00
	100
	112
7-F	119
- Managhan and Parameter Managhan and a second a second and a second a	130
injininan oponique e e e e e e e e e e e e e e e e e e	131
opjimio ii jipamoiiii v v v v v v v v v v v v v v v v v	37
	137
Пища и напитки	44
Глава V. Социально-политическая структура	63
Феодальные правители	165
	187
	191
•	219
Сельская община. Тухум	219
	236
	238
TOTOTIPETED IN UTINIZACIED	

Глава VII. Семья и семейный быт	
Семья	24
Семейные обычаи и обряды	25
и воспитанием детей	28
Похоронные обычаи, обряды и причитания	28
Глава VIII. Духовная культура	29
Народное образование	29
Наука и литература	
Устное народное творчество	30
Народная медицина и здравоохранение	
Религиозные представления и культы	
Заключение	
Список сокращений	
Приложение. Список информаторов	

Научное издание

Гаджиева Сакинат Шихамедовна

ДАГЕСТАНСКИЕ АЗЕРБАЙДЖАНЦЫ XIX – начало XX в.

Историко-этнографическое исследование

Утверждено к печати

Институтом истории, археологии и этнографии
Дагестанского научного центра РАН

Редактор Н.В.Баринова
Младший редактор Н.Л.Скачко
Художник Л.Л.Михалевский
Художественный редактор Э.Л.Эрман
Технический редактор Г.А.Никитина

Изд. лиц. 020297 от 23.06.97. Подписано к печати 07.09.99 Формат 60×90¹/₁₆. Печать офсетная Усл. п.л. 22,5. Усл. кр.-отт. 22,5. Уч.-изд. л. 25,7 Тираж 950 экз. Изд. № 7521. Зак. № 1102

Издательская фирма «Восточная литература» РАН 103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

ППП "Типография "Наука" 121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6

